

4

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

162²⁰²⁵

* политика терапии
и терапия политики
* foederatio idealis:
Африка в поисках
модерного государства

неприкосновенный запас 4 [162] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОЛИТИКА ТЕРАПИИ И ТЕРАПИЯ ПОЛИТИКИ	003	СЕРГЕЙ ФИНОГИН. Терапия и жизненный мир
	020	ДМИТРИЙ ФРОЛОВ. От философии к терапии и обратно: роль терапии на Западе и в России
	037	ЕВГЕНИЯ ПАНОВА. Жизнь и государство в работах Якоба фон Икссюля и Ганса Дриша: два способа мыслить политический порядок
КУЛЬТУРА МОДЕРНОСТИ REVISITED	057	ИГОРЬ СМЕРНОВ. Чужой ресурс: тоталитаризм – производственный роман 1930-х – имитация
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	078	ЯНА ЯНПОЛЬСКАЯ. IF и органические интеллектуалы
	085	ФРАНСУА ДОСС. Идеологические битвы коммунистов
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	112	МАРИЯ РАХМАНИНОВА. Демиургия близких миров: апология поэтического как политического
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	121	Путин-Сталин Страницы АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
FOEDERATIO IDEALIS: АФРИКА В ПОИСКАХ МОДЕРНОГО ГОСУДАРСТВА	126	АНДРЕЙ ЗАХАРОВ. «Дурная кровь», или Об удивительной генеалогии федерализма в Южной Африке
	163	НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ, ДЖОШУА ОЛУСЕГУН БОЛАРИНВА, ГОДВИН ИЧИМИ. Конфликт скотоводов и земледельцев в Северо-Центральной Нигерии: поможет ли федерализм справиться с кризисом?
	184	МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ, МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ. Самоуправление в эфиопской федерации: динамика и проблемы
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	207	Хосе «Пепе» Мухика: «Я посвятил себя изменению мира, ни черта не изменил, но мне было весело» Страницы ТАТЬЯНЫ ВОРОЖЕЙКИНОЙ
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	215	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	228	СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА. Искусственного интеллек- та не существует?

239	НИКОЛАЙ НАХШУНОВ. Вперед к самой политике: феноменология в условиях нового кризиса
247	Рецензии

SUMMARY**262**

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2025

В последние несколько лет в России происходит то, что в западной социологии получило название «терапевтический поворот». Это ситуация, при которой общество становится все более пронизанным языком психологии и ее представлениями об отношениях человека с самим собой, с близкими, с широким социальным пространством. Академическая, консультативная психология и различные изводы поп-психологии присутствуют в России не одно десятилетие, но терапевтический способ мыслить, «терапевтический эмоциональный стиль» (Эва Иллуз), стал доминировать недавно¹. Он распространяется через соцсети и медиаконтент, о нем свидетельствует рост обращения к психологам, терапевтам и психоаналитикам. Кроме того, все больше людей изучают психологию, чтобы разобраться в себе или самим начать консультировать. И даже те, кто не погружен в нее настолько основательно, невольно перенимают терапевтический способ мышления, для которого характерны повышенное внимание к своим эмоциям и внутренней жизни, квалификация самого этого внимания в качестве добродетели.

Сергей Сергеевич
Финогин (р. 1990) –
философ, независимый
исследователь, куратор
школы «Горизонт
событий».

¹ См.: Иллуз Э., КАБАНАС Э. *Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь*. М.: АСТ, 2023; Аронсон П. *Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств*. М.: Инди-видуум Принт, 2020; Симонова О. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 10–13.

ПОЛИТИКА
ТЕРАПИИ
И ТЕРАПИЯ
ПОЛИТИКИ

Весь этот комплекс явлений мы – вслед за западными социологами – называем «терапевтическая культура». Терапия – это не просто способ работы с индивидуальными трудностями, она трансформирует базовый уровень отношений между людьми. Мы покажем, как это происходит, через понятие «жизненного мира», предложенного Юргеном Хабермасом. В его труде «Теория коммуникативной деятельности» (1981) жизненный мир – это неосознаваемая основа, на которой строятся коммуникации между людьми. Ниже я попробую показать, как терапия меняет этот фундамент и почему это имеет далеко идущие последствия.

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЕННЫЙ МИР?

Вслед за Шютцом и Лукманом Хабермас понимает жизненный мир так:

«[Это та область действительности], которую бодрствующий и нормальный взрослый преднаходит в установке здравого человеческого рассудка как просто данную. Выражением “просто данный” мы обозначаем все то, что мы переживаем как несомненное, всякое положение вещей, которое для нас до поры до времени не вызывает никаких проблем»².

Это что-то очень простое, из чего мы исходим в коммуникациях и без чего невозможна жизнь людей друг с другом. Мы не замечаем его, потому что всегда находимся внутри:

«Говорящие не могут занять по отношению к нему какой-либо позиции вне мира. [...] Жизненный мир, отфильтрованный из сферы релевантности некой поведенческой ситуации, предстоит нам в качестве одновременно бесспорной и “затененной” реальности»³.

Понятие жизненный мир (*Lebenswelt*) Хабермас заимствует из феноменологии Эдмунда Гуссерля, но развивает его в своем социологическом ключе. Жизненный мир – это структурное условие самой возможности взаимопонимания между людьми. Это интуитивная и предрефлексивная область, в которой мы всегда уже находимся, прежде чем вступить в любое взаимодействие. Это совокупность базовых представлений, а также языковых и поведенческих ожиданий, которые не подлежат постоянной проверке и сомнению, потому что они создают горизонт доверия, взаимопонимания и очевидности, без которых невозможна никакая коммуникация между людьми.

2 SCHÜTZ A., LUCKMANN T. *Strukturen der Lebenswelt I*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979; цит. по: ХАБЕРМАС Ю. *Теория коммуникативной деятельности: В 2 т.* М.: Весь мир, 2022. С. 551–552.

3 ХАБЕРМАС Ю. *Указ. соч.* С. 545, 554.

Хабермас подчеркивает: жизненный мир не является объектом сознания – мы не можем выйти из него, чтобы посмотреть на него «со стороны». Он всегда уже дан как очевидное и неоспариваемое, и это обеспечивает согласованность и понятность мира. Он описывает жизненный мир как фоновое знание, поддерживающее коммуникацию, как репертуар общих смыслов, разделяемых участниками взаимодействия.

Интуитивная уверенность – это ключевое понятие для описания навигации в жизненном мире. Хабермас подчеркивает «парадоксальный характер знания жизненного мира, дающего нам чувство абсолютной уверенности лишь потому, что мы не знаем о нем»⁴. Ниже мы еще проясним это на примерах.

Поскольку человек – существо социальное, его природа реализуется только в общении и взаимодействии. В этом смысле жизненный мир можно понимать как объективированное пространство человеческой общественной природы: нечто внешнее по отношению к индивиду, но без чего его существование и самосознание невозможны, поэтому для Хабермаса жизненный мир – это объект пристального интереса. Изначально он создает основу для связи между людьми, но на него влияют внешние силы. Хабермас называет это влияние «колонизацией жизненного мира».

**Жизненный мир не является объектом сознания –
мы не можем выйти из него, чтобы посмотреть
на него «со стороны».**

КОЛОНИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Это понятие имеет политический смысл и заменяет старые марксистские понятия эксплуатации и отчуждения, обновляя их для постиндустриального общества. У Маркса рабочий отдает только свой труд, а у Хабермаса системные логики вмешиваются во все сферы его жизни вплоть до интимной. Это и есть колонизация.

Речь идет о процессе проникновения административных и экономических стратегий в жизненный мир. По умолчанию, люди стремятся взаимодействовать и жить вместе исходя из логики их общей жизни, но в этот процесс стали вмешиваться логики капитализма (жизненный мир никогда не был свободен от внешних влияний, но с XIX века они стали особенно угрожающими).

⁴ Там же. С. 556.

Капитализм навязывает утилитаристский подход к жизни и порождает автономного и изолированного субъекта как исходную и само собой разумеющуюся установку. Поведение этого субъекта разрушает жизненный мир, ибо преследует личную выгоду, понятую как максимизацию признания и материальных благ. В работу сложных интуитивных этических смыслов жизненного мира вторгаются осознанные стратегии, ориентированные на ясные личные цели.

Хабермас ничего не пишет про терапевтическую культуру, но мы увидим, что она оперирует тем же самым субъектом и похожими стратегиями. Все терапевтические школы сходятся в ряде базовых установок. Прочитую здесь социолога Франка Фуреди:

«Прежде всего терапевтический подход утверждает, что индивид является первичной реальностью, через которую мы понимаем мир. Повторяя печально известную максиму Маргарет Тэтчер о том, что нет такой вещи, как общество, терапия подразумевает, что общество – это просто совокупность индивидов»⁵.

Если так, то каждый действует от своего лица, как бы выдвигаясь из своей индивидуальности к другим и возвращаясь обратно. Состоящая из таких индивидов совокупность противоположна структуре жизненного мира, в которой люди действуют не от своего лица, а из интуитивно разделяемого общего чувства. Личные качества только привносят в него своеобразие.

Асоциальное Я и истоки терапии

Итак, терапия превращает рыночного субъекта, ищущего выгоду, в субъекта эмоционального, сосредоточенного на самопознании и психологическом комфорте. Структурно это один и тот же субъект. Посмотрим, как он соотносится с жизненным миром.

По Хабермасу, в рыночной экономике нет ничего плохого – она приносит пользу, когда пребывает в своих пределах и находится под контролем общества. Проблемой она становится, когда гипертрофируется и захватывает собой социальную сферу. Нечто похожее происходит с терапией: нет ничего плохого, когда терапия используется как средство лечения, позволяющее выздороветь и вернуться к жизни с людьми; когда есть четкое отличие жизненного от терапевтического – подобно тому, как здоровье отличается от болезни. Но мы находимся в ситуации, когда терапия вышла из области, очерченной

5 FUREDY F. *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London; New York: Routledge, 2004. P. 154.

функциональными задачами медицины, и перекинулась на все общество. Тем самым асоциальные структуры и предубеждения, характерные для мира болезни, проецируются на жизнь и разрушают жизненный мир. Рассмотрим это детально.

Исток терапевтической культуры – это психоанализ. Фрейд его придумал для тех, кто настолько психически болен, что не может нормально социально функционировать – неврозы, истерии, тяжелые искажения восприятия. Ходить на психоанализ – это как амбулаторно лечиться в больнице, чтобы потом нормально жить с людьми. То есть изначально сцена терапии – это глубоко асоциальное пространство, как асоциальна болезнь вообще. Социолог Филлида Салмон пишет:

«Исторически психотерапия была чем-то вроде заповедника, отделенного от социального мира. В худшем случае она сводила социальные структуры к внутренним чувствам, психологизируя – часто патологизируя – материальные, политические или культурные реалии»⁶.

На это указывает то, что все сказанное в рамках терапевтического сеанса, даже про политику или историю, понимается как симптом анализанта. Ключевой момент – изначально эта логика распространялась только на психически больных, а теперь с ее помощью описываются все. Тем самым субъекту внушается ощущение, что пространство общих смыслов и забот находится где-то вовне, а его личное психическое своеобразие – главная ценность жизни (лакановский психоанализ несколько выбивается из этой логики).

Мы находимся в ситуации, когда терапия вышла из области, очерченной функциональными задачами медицины, и перекинулась на все общество. Тем самым асоциальные структуры и предубеждения, характерные для мира болезни, проецируются на жизнь и разрушают жизненный мир.

Говорят, что психоанализ стоит особняком от терапевтической культуры и даже ему противостоит. Но посмотрите: самые популярные формы терапии внушают человеку идею, что причина его состояний – устройство его психики, и не обсуждают социальных, экономических, политических причин этого. Разве тут они не наследуют идее психоанализа, что все, ска-

СЕРГЕЙ ФИНОГИН

ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

6 SALMON PH. *Psychology in the Classroom: Reconstructing Teachers and Learners*. London: Cassell, 1995. P. 14.

занное анализантом, на самом деле относится к его личному симптому, даже когда он говорит об общих вещах? Кроме того, терапия, по умолчанию, занимается психологическим редукционизмом – сведением всех страданий к психике. Социолог Дэвид Смейл пишет:

«Терапевтические подходы исключают все переменные, кроме тех, которые считаются “психологическими”. Эти сомнительные позиции, как правило, подтверждаются посредством наивных призывов к индивидуальной ответственности и выбору, который возвышает индивида – ты берешь свою жизнь в свои руки, а не перекладываешь ответственность на систему. И одновременно лишает права социальной критики»⁷.

СРАЩИВАНИЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО

В здоровой ситуации субъект использует методы и язык терапии только во время лечения и затем возвращается в общество с социальными идеалами, направленными на интеграцию жизненного мира и связанными с общим благом. Раньше их задавали гуманизм, социализм и христианство. Теперь терапевтические идеи проникли во все сферы жизни – покидая клиническую область, мы встречаем их в повседневности.

У распространения терапевтической идеологии две стороны. Первая – психологический язык и такие понятия, как личные границы, осознанность, созависимость, токсичность, ресурсность, выгорание и так далее. Вторая – поведенческие установки, «терапевтический эмоциональный стиль», когнитивный и эмоциональный вектор, направленный прежде всего на себя, культивация представления о том, что внутренняя жизнь субъекта – центральная ценность жизни. И если первую легко отследить, то вторую сложнее, ибо она часто становится само собой разумеющейся формой жизни.

Обе стороны проявляются, например, когда люди делают диагноз частью своей идентичности. В целом терапевтическая культура замалчивает идею, что болезнь – это временное состояние, напротив, она стремится сделать диагноз постоянным качеством. Индивид с «болезненной» идентичностью живет в состоянии чрезвычайного положения по отношению к жизненному миру, он выпадает из общего чувства, он пребывает в частично асоциальном состоянии. Терапевтическая культура это нормализует и поощряет. Что этому поспособствовало? Канадский психолог Тана Дайнин пишет:

7 SMAIL D. *Power, Interest and Psychology: Elements of a Social Materialist Understanding of Distress*. Monmouth: PCCS Books, 2005. P. 22.

«В 1920-е, когда терапия стала частью массовой культуры, психологи пытались вычислить нормальность, делали это прежде всего через тестирование. Когда терапия стала частью рыночной экономики, выяснилось, что на нормальности не заработаешь, поэтому началась волна гипердиагностики. Через нее терапия предельно расширила рынок сбыта, сделав почти каждого потенциальным клиентом»⁸.

Мы рассмотрели, как терапевтическая культура порождает асоциальное Я. Теперь посмотрим, как это влияет на жизненный мир, меняя модели поведения людей в повседневной жизни.

СЕРГЕЙ ФИНОГИН

ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

Терапевтическая культура замалчивает идею, что болезнь – это временное состояние, напротив, она стремится сделать диагноз постоянным качеством. Индивид с «болезненной» идентичностью живет в состоянии чрезвычайного положения по отношению к жизненному миру.

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ

Важно уточнить, что значит жизненный мир в положительном смысле. Тут два условия: мы действуем не задумываясь, и это приносит общее благо. Например, прохожий просит дать прикурить – и мы ищем зажигалку. Мы спускаемся по лестнице в переходе, человек рядом споткнулся – мы рефлекторно выставляем руку. Соседка спрашивает, не видели ли мы ее кота, мы пытаемся вспомнить и заводим разговор.

Во всех этих случаях мы не действуем как индивиды, не рефлексируем, не спрашиваем себя, в ресурсе ли мы, есть ли у нас фобии, диагнозы и насколько мы осознанны. Мы это делаем просто потому, что делаем. Действуем – исходя из самой собой разумеющихся правил, которые слишком очевидны, чтобы о них думать и говорить. То, что все эти модели поведения продолжают работать даже в очень индивидуалистическом обществе, указывает на исключительную живучесть жизненного мира. Но он может скукожиться до микроуровня, а может включать более объемный набор ситуаций. Например, если мы не задумываясь отвечаем на просьбу о помощи или спорим с человеком, воспринимая его как равного. Это уже далеко не такие само собой разумеющиеся реакции, как в перечисленных примерах, но могли бы ими быть.

8 DINEEN T. *Manufacturing Victims: What the Psychology Industry Is Doing to People*. Montreal; Toronto; Paris: Robert Davies Multimedia Publishing, 2001. P. 154.

Итак, Хабермас пишет, что главный враг жизненного мира – это стратегическое поведение, и оно может быть как рефлексивным, так и практикуемым машинально. В первом случае человек, например, думает: «Нет, я не буду с ним разговаривать, это мне ничего не дает», во втором случае он прекращает общение, бессознательно руководствуясь этой логикой. По Хабермасу, основной источник такого поведения – расчет, направленный на личную выгоду (капитализм).

Распространение подобного отношения создает в обществе дефицит бесплатной поддержки: люди находятся в стрессе из-за денег и личных проблем, у них часто нет сил уделять время другим. Это проблема, и терапия стремится ее исправить, компенсировать разрушение жизненного мира, но одновременно и усугубляет это разрушение. Ниже мы покажем, как это происходит.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ЭГОИЗМА

Ни одна терапевтическая школа не скажет вам, что надо быть эгоистом и думать только о своих интересах. Однако все школы сходятся в одном: забота о себе – это обязательно, благо по отношению к другим – опционально, и только если у вас есть желание и силы. Такая логика подталкивает к эгоизму в большей степени, чем к альтруизму.

Мы живем в капиталистическом обществе, в котором постоянный расчет личной выгоды является двигателем экономики. Эгоизм распространяется по всем сферам жизни, если ему специально не противопоставлять идей солидарности и бескорыстия. Терапия не только ничего не противопоставляет эгоизму – она, напротив, нормализует корысть в сфере чувств и эмоций. В долгосрочной перспективе это вредит психике и разрушает связи между людьми.

К тому же индивидуализм рыночного общества способствует заикленности на себе и затрудняет долгое, внимательное, эмпатичное слушание другого. Терапевты предлагают эти усилия за деньги, превращая в товар наиболее экзистенциально ценный опыт общения. Тем самым они приучают общество к тому, что эти базовые вещи являются платными, усиливая дефицит бесплатной поддержки.

СВОИ ИНТЕРЕСЫ И ЧУЖИЕ ПОТРЕБНОСТИ

Гипотетически первая часть идеи о том, что человек должен отстаивать прежде всего свои интересы и не обязан обслуживать чужие потребности, полезна, если речь идет об отношении

ях подчиненных с начальником. Тут терапия дает аргументы и мотивацию не перерабатывать, сопротивляться несправедливому давлению руководства, возможно, даже требовать повышения оплаты.

СЕРГЕЙ ФИНОГИН
ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

Но что в остальное время? Действительно, существуют девушки, которым в детстве говорили что-то вроде: «Будь удобной, подстраивайся под мужчину»; есть люди, которым внушали: «Не высовывайся, слушай, что тебе говорят». И, казалось бы, терапия учит перехватывать у этих голосов управление своей жизнью – но разве это проблема номер один сегодня?

Рыночная культура и так прекрасно справляется с культивацией самости, а терапия, вместо того чтобы балансировать общество, усугубляет индивидуалистический культурный стиль.

**Терапия не только ничего не противопоставляет
эгоизму – она, напротив, нормализует корысть
в сфере чувств и эмоций.**

Принцип осознанности

Изначально он появился в когнитивно-поведенческой терапии, но быстро стал одной из ключевых идей терапевтической культуры. Осознанность означает дистанцирование от переживаний и наблюдение без оценки. Человек принимает все происходящее и «просто позволяет этому быть».

В состоянии депрессии осознанность действительно может помочь: человек учится не отождествлять себя с печалью или дурными мыслями. Но, когда осознанность из временного лекарства превращается в постоянный метод, она становится культивацией психопатии. Психопат находится в состоянии осознанности постоянно – у него так устроена физиология головного мозга: он не ныряет в эмоции, сохраняя внутреннюю невозмутимость и способность трезвого расчета.

Осознанный человек приучается к идее, что находиться в точке принятия и невозмутимости означает быть развитой, рефлексивной личностью, а впадать в аффективность, в том числе разделяемую с другими, – это провал осознанности. Между тем исследования показывают, что практики осознанности могут снижать аффективную эмпатию. Люди становятся менее эмоционально вовлеченными в чужие страдания и учатся дистанцироваться от негативных эмоций (а это и есть психопатия). Ведь идея осознанности приучает к тому, что спонтанные, рефлексивные действия – это что-то незрелое, а рефлексивные – наоборот.

Как мы писали выше, жизненный мир работает как раз спонтанно, поэтому идея осознанности способствует его разрушению. У человека возникла рефлекторная реакция эмпатии, но он тут же себя останавливает: «А мое ли это дело? Не нарушу ли я личные границы? В ресурсе ли я?» – и отстраняется. К тому же в коммуникации осознанность блокирует непосредственность и ощущение доверия. Терапевтическая культура в целом оптимизирует человека для жизни в рыночной среде, а не в жизненном мире непосредственных коммуникаций: минимум стресса, максимум продуктивности, осознанность вместо срывов, отказ от токсичных эмоций, которые мешают работать.

Холодная близость

Некоторые говорят: «Вы заявляете, что терапевтическая культура разрушает связи между людьми, но вообще-то наоборот – терапия учит видеть другого, помогает перестать обижаться, чего-то требовать, начать, наконец, нормально общаться». Все это звучит прекрасно. Но что за этим стоит? Терапия говорит: «Вы не должны проецировать на человека свои представления о нем, свои ожидания, вы должны принять, что он такой, какой есть». Это ее центральный посыл про отношения с другим.

Что в этом не так? Речь идет об охлаждении эмоциональной вовлеченности в отношениях с этим человеком. Психолог формирует параллельное сосуществование анализанта с ним. Анализант «берет себя в руки, становится взрослым» и принимает, что его ожидания – его проблемы и лучше бы их поумерить. Он учится принимать ситуацию «как есть» и исходя из этого разочарования находит возможность заново общаться. Возможно, доброжелательно, но это общение уже опосредованное и отчужденное. Поэтому тут тоже происходит разрушение связей, «холодная близость», – как писала Эва Иллуз⁹. В центре этой модели – идея о том, что никто никому ничего не должен, ибо в обществе, в котором доминируют рыночные представления об отношениях, за просто так ничего не бывает.

В других мировоззренческих системах люди друг другу должны по гроб жизни по факту рождения (как в философии Эммануэля Левинаса, в которой взгляд Другого порождает бесконечное обязательство) или же взгляд другого меняет меня, а мой взгляд меняет его. Словом, на контрасте, представив альтернативу, становится многое видно.

9 ИЛЛУЗ Э. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 53.

НАШЕ ПОДЛИННОЕ Я НАХОДИТСЯ ВНУТРИ НАС

СЕРГЕЙ ФИНОГИН
ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

Это стало естественным представлением, но оно очень сомнительно. Для ощущения себя первостепенны поступки, внешние проявления, поведение в коммуникации и реакции на это других людей. По внешним проявлениям мы запоминаемся другим людям и формируем нашу социальную идентичность.

Если считать, что мое Я находится внутри, постоянно с ним сверяться и считать его главным арбитром, то это грозит ограничением интеллектуального и эмоционального опыта и, главное, приведет к дереализации. Пока мы не столкнулись с собственной реакцией на других и с мнением других о нас, мы не имеем доступа к себе, мы как бы «завалены» своим Я. Терапия предлагает самость, независимую от внешних проявлений, тем самым культивируя солипсизм и асоциальность.

Когда осознанность из временного лекарства превращается в постоянный метод, она становится культивацией психопатии. Психопат находится в состоянии осознанности постоянно: он не ныряет в эмоции, сохраняя внутреннюю невозмутимость и способность трезвого расчета.

ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИЯ И АВТОФИКШН

В книге Артемия Магуна «От триггера к трикстеру» есть глава, в которой обсуждается акцент в современном обществе на личные эмоции. Там есть такие строчки: «эмоционализация [...] – это навязывание опыту *субъективной* позиции»¹⁰. Эмоционализация тут означает, что субъективные переживания начинают восприниматься как единственная форма опыта. Дальше эта мысль не получает развития, однако, как представляется, автору удалось кратко сформулировать суть проблемы. Сегодня, даже когда люди говорят о чем-то отвлеченном, будь то искусство или политика, они все чаще используют оборот «я чувствую, что это устроено так».

Историями о личной эмоциональной жизни заполнены телеграм-каналы, внимание к этой сфере отражает широкий тренд, включающий и литературу: акцент на психическом Я становится в ней доминирующим. Если десять лет назад в литературной

¹⁰ Магун А. *От триггера к трикстеру. Энциклопедия диалектических наук. Т. 2: Негативность в этике*. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 279.

среде говорили, что в поэзии необходимо преодоление субъективной позиции, то сегодня поэзия все больше возвращается к речи от имени лирического героя. В прозаических текстах, как онлайн, так и офлайн, доминирует автофикшн – жанр, в котором текст крутится вокруг психологического Я автора. В нем нередко фиксируется не просто психическая жизнь и ее реакции на происходящее, но также ее дискретность, прихотливость и подвижность. Как будто это придает текстам то, что в начале «нулевых» называли живостью и подлинностью. То, что пятнадцать лет назад в литературе считалось отсталым и консервативным, сегодня становится доминирующим в соцсетях.

Кристофер Лэш в книге «Культура нарциссизма» так описывал феномен автофикшна в США, и его слова можно смело отнести и к нашему времени:

«Популярность исповедального режима свидетельствует о новом нарциссизме, который проходит через всю американскую культуру, причем мало кто пытается через самораскрытие достичь критической дистанции от себя и получить представление об исторических силах, воспроизведенных в психологической форме. Растущая популярность автобиографии указывает на то, что многим писателям все труднее достигать отстраненности, необходимой для искусства. Вместо того, чтобы беллетризовать личный материал или иным образом его переупорядочивать, они стали представлять его непереваренным, оставляя читателю приходиться к собственным интерпретациям. Многие писатели теперь полагаются на простое самораскрытие, чтобы поддерживать интерес читателя, вызывая не к его пониманию, а к его сладострастному любопытству относительно частной жизни. Форма исповеди позволяет ленивому писателю предаваться непристойному самооткровению, которое, в конечном счете, скрывает больше, чем признает»¹¹.

Очень важный момент: человек – существо общественное, поэтому его частная психическая жизнь является результатом исторических сил, то есть феноменов, далеких от него физически, но имеющих к нему прямое отношение. Это история поколений, экономические кризисы, культурные трансформации, гендерные идеологии. Для исследования этих областей (помогающего в том числе понять себя и повышающего, в конечном счете, ценность автобиографического текста) нужно дистанцироваться от своей индивидуальной психики, посмотреть на вещи в более широкой перспективе, но современная эмоционализация ограничивает возможность такого осмысления, утверждая, что чувства и психические реакции являются самодостаточными и не требуют анализа за их пределами, что некуда двигаться дальше субъективных переживаний. Кроме

11 LASCH C. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York: W.W. Norton & Company, 1979. С. 74.

прочего, это подразумевает разговор о других, а ты не имеешь права о них говорить – каждый говорит за себя. (Это вообще одна из самых страшных и отчуждающих догм современной буржуазной культуры.)

Что, как ни литература, понятая в широком смысле как прозаическая речь, описывающая происходящее с людьми, способно выразить современность? Но жанр автофикшена говорит: опиши, как тебе страшно и тревожно, добавь что-нибудь откровенное и стыдное о себе – и этого достаточно. Ты не имеешь права претендовать на большее, это и не нужно. Тем более не нужно искать новую форму, новые способы согласованности текста, следуй органике своей психики.

Чтобы контрастней отразить проблему, можно задаться вопросом: что такое письмо? При первом приближении это мир очень маленьких вещей: это пальцы, клавиши, буквы, слова и предложения, это мир сантиметров и миллиметров, но через них могут актуализоваться целые миры, находящиеся далеко за пределами того времени и территории, в которых находится пишущий. Современная эмоционализация вкрадчиво, ненавязчиво, но не ослабляя напора, внушает: ты должен пользоваться языком, «заземляя» любое содержание в индивидуальной психике. И это касается не только литературы и письма, а субъективности как таковой. Она говорит: забудь и думать о существовании какой-то объективной позиции, забудь думать, что кто-то на заре Просвещения говорил об *ego cogito*, говорил о разуме, способном отстраниться от всего, что не является актом мышления. Твое мышление всегда погружено в личное, в чувственное, в субъективное – это твоя судьба, никакой отстраненности, никакой претензии на истину и объективность. Тексты, написанные в этой парадигме, выбрасываются в публичное поле и эпидемически распространяют такую позицию. Не явно, не говоря напрямую, а своим содержанием устанавливая норму такого здравого смысла. И публичное поле утрачивает свое качество публичного, то есть вместительности того, что может относиться ко всем. Эмоционализация и нарциссизм подрывают смысл публичности как таковой. Кажется, это самая тонкая в истории человечества форма контроля за обществом.

У эмоционализации есть аура демократичности, ибо каждый может высказаться публично, рассказать о своей эмоциональной жизни, тем самым легитимировав существование ее в общественном пространстве – можно подумать, что это демократично, это хорошо. На самом деле – нет: демократично, это когда человек высказывается о каких-то своих проблемах, потом находятся люди с такими же проблемами, возникает общественное движение, чтобы их решить. Когда же человек высказывается самореферентно о частном, то из этого ничего не

СЕРГЕЙ ФИНОГИН

ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

следует, тут нет измерения общего, это наследует культуре таблоидов, расцветшей в 1990-е с пришествием неолиберализма и отчуждения общества от политической жизни. Это поглощение публичной сферы частной жизнью. Только в ту эпоху люди читали про знаменитостей, а теперь читают друг про друга.

Современная эмоционализация вкрадчиво, ненавязчиво, но не ослабляя напора, внушает: ты должен пользоваться языком, «заземляя» любое содержание в индивидуальной психике. И это касается не только литературы и письма, а субъективности как таковой.

Личные границы

Прекрасно, когда человек не позволяет собой психологически или физически понукать. Но расширение идеи личных границ до неопределенных пределов ведет к разрушению связей между людьми. Рассмотрим это подробно. Гештальт-терапевт Серж Гингер ввел концепт «личных границ», основанный на идее, что психическая деятельность – это осознание гештальтов, а целостность психики формируется аналогично восприятию тела. То есть эта идея предполагает, что внутри границ существует нечто целостное и автономное – личность и она должна оберегаться. Однако эта идея крайне сомнительна.

Обратимся к Мелани Кляйн и ее статье «Любовь, вина и репарации»¹². Она описывает амбивалентность любви и ненависти, формирующуюся у младенца по отношению к матери, а затем к отцу в эдипальном периоде. Разочарование в реализации фантазий о слиянии с родителями приводит – от обиды – к фантазии об их уничтожении, но эта фантазия вступает в конфликт с любовью и зависимостью от них. Так возникает невротическая структура бессознательного, в котором «разрушенные» родители разрушают личность изнутри. Поэтому человек изначально не целостный.

И тут Кляйн вводит концепт «репарации» – восстановление психики во взрослом возрасте через доброе отношение к другим. Человек, проявляя заботу, фантазмически «исправляет» родителей, уменьшая тревогу и обретая уверенность. В этой модели личные границы теряют ценность: внутри них нет це-

¹² См.: KLEIN M. *Love, Guilt and Reparation* // ИДЕМ. *Love, Hate and Reparation*. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis, 1937. P. 53.

лостности, а психика нуждается в другом для восстановления. Это хорошо обосновывает альтруизм как путь к психическому благополучию, который можно аргументированно противопоставить терапевтической идеологии границ.

СЕРГЕЙ ФИНОГИН
ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

АПОЛОГИЯ КОМФОРТА

Это одна из самых странных идей терапии. По своему опыту каждый знает, что многие вещи, которые в данный момент дискомфортны, в более отдаленной перспективе ведут к благу. Занятия спортом, просмотр авангардного кино, ухаживание за детьми и так далее. То, что комфорт понимается как нечто самоочевидно ценное, на что надо делать ставку, лишает значения массу вещей, делающих жизнь осмысленной и интересной.

ЧТО СО ВСЕМ ЭТИМ ДЕЛАТЬ?

Необходима реставрация жизненного мира – и исследования терапии дают путеводную нить, как это делать. Есть масса работ, показывающих, что ключевые элементы успеха терапии не зависят от конкретных техник или теоретических подходов. Например, именно такие выводы представлены в книге «Сердце и душа перемен»¹³. Авторы провели анализ исследований по когнитивно-поведенческой терапии, психоаналитической терапии, гуманистической терапии и другим подходам. Вывод: различия в эффективности между направлениями терапии минимальны – гораздо важнее индивидуальный стиль терапевта и терапевтический альянс.

В целом это то, что называется «общими факторами терапии». Социолог Майк Хоббл пишет, что клиенты склонны рассматривать терапевтический процесс как состоящий из трех «движений», или последовательностей: «Примите меня. Поймите меня. Поговорите со мной»¹⁴. Основным фактором, к которому клиенты возвращаются снова и снова при оценке терапевтической эффективности и который, по-видимому, является основополагающим во всех оценках, является «теплота и дружелюбие терапевта».

Что касается психоанализа. Многие его выбирают, предполагая, что к работе с их психикой будут привлечены богатейшие интеллектуальные ресурсы, сияющие имена «Фрейд», «Лакан», «Кляйн» и так далее. Они ожидают иметь дело с теоретически

13 DUNCAN B.L., MILLER S.D., WAMPOLD B.E., HUBBLE M.A. *The Heart and Soul of Change: Delivering What Works in Therapy*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2010. P. 16.

14 Ibid. P. 90.

очень подготовленным специалистом. Однако главный секрет психоанализа заключается в том, что для проведения эффективной терапии аналитику достаточно знать теорию на очень базовом уровне – или даже не знать вовсе, а самому ходить на анализ и научиться разговаривать с анализантами. То есть овладеть «общими факторами терапии». Если же он еще обладает сильной личной харизмой, то успех психоаналитику гарантирован. Есть два подробных исследования, подтверждающих это. В них одна группа получала психоанализ, другая – общие факторы (то есть плацебо). Людям в обеих группах стало лучше, но без значительных различий¹⁵.

А между тем когнитивно-поведенческая терапия, имеющая репутация поп-психологии, показала положительную динамику на 15% выше, чем в группе, получавшей психоаналитическую терапию. Это не обесценивает теорию психоанализа и другие школы. Эти книги содержат глубокие знания о человеке и обществе, их стоит серьезно изучать, однако это богатство непередаваемо в прямую полезность для частной жизни. Между тем психоанализ – во многом невольно – делает вид, что переводимо, чем привлекает клиентов.

{ Оказывается, терапия помогает не потому, что у нее есть особые методики, а потому, что она дает то, что может дать другому практически любой человек бесплатно.

Словом, оказывается, терапия помогает не потому, что у нее есть особые методики, а потому, что она дает то, что может дать другому практически любой человек бесплатно. Психолог Эрнесто Спинелли писал:

«Терапия – один из немногих способов, которые мы нашли, чтобы противостоять определенным формам человеческих страданий и боли. Да, в идеале наши семьи, или друзья, или даже мы сами должны быть более чем достаточной заменой терапевтам. Но в мире, в котором мы живем, это не всегда так, и в некоторых случаях, к сожалению, эти же самые люди могут быть основным образом вовлечены в боль и страдания, которые мы испытываем. Как говорил комик Ленни Брюс: людей надо ориентировать на то, что есть, а не на то, что должно быть»¹⁶.

15 См.: WAMPOLD B.E., MONDIN G.W., MOODY M., STICH F., BENSON K., HYUN-NIE A. *A Meta-Analysis of Outcome Studies Comparing Bona Fide Psychotherapies: Empirically, "All Must Have Prizes"* // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 122. № 3. P. 203–215; LUBORSKY L., ROSENTHAL R., DIGUER L., ANDRUSYNA T.P., BERMAN J.S., LEVITT J.T., SELIGMAN D.A., KRAUSE E.D. *The Dodo Bird Verdict Is Alive and Well – Mostly* // Clinical Psychology: Science and Practice. 2002. Vol. 9. № 1. P. 2–12.

16 SPINELLI E. *Demystifying Therapy*. London: SAGE Publications, 2021. P. 120.

С последним не хочется соглашаться. Все-таки сознание, озабоченное общественной жизнью, имеет в виду прежде всего то, что должно быть. Пусть оно всегда размыто и дискуссионно. Но вряд ли многие будут спорить с тем, что реставрация жизненного мира – важная и реалистичная задача, особенно в нашу эпоху, когда поддержка и взаимопомощь критически важны. Поэтому, когда люди предоставляют друг другу «общие факторы терапии» бесплатно, они возвращают из сферы рынка то, что стало платным – внимание, эмпатию, фокус на другом. Тем самым они действуют не просто в рамках частных отношений, а становятся общественными активистами, культивирующими жизненный мир.

СЕРГЕЙ ФИНОГИН

ТЕРАПИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ
МИР

От философии к терапии и обратно: роль терапии на Западе и в России

Дмитрий Фролов
(р. 1985) – психиатр,
когнитивно-поведен-
ческий и рационально-
эмотивно-поведенчес-
кий терапевт.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ ЗАПАДНЫХ ТЕРАПИЙ

В чем суть терапии

Принципиальной особенностью любой психотерапии является допущение, что психика – это более или менее автономный объект, подчиняющийся причинно-следственным связям¹, которые, как предполагается, можно изучать и на которые можно влиять. Различия между психотерапевтическими подходами определяются тем, какие именно процессы выделяются, какие методы их изменения используются, а также теми философскими допущениями, на которые опираются эти подходы. Сам терапевтический процесс представляет собой обсуждение социальной жизни клиента с акцентом на разборе его внутренних переживаний и дополняется телесными практиками². Такое обсуждение должно приводить к определенным изменениям в способах восприятия клиентом (или пациентом) самого себя, других и мира в целом. Соответственно, каждая терапия – это комбинация философских допущений (как правило, прямо неозвучиваемых) и связанных с ними культурно-языковых и телесных практик, причем последние чаще всего заимствуются из религиозных или философских учений³.

Безусловно оригинальными являются сами эти комбинации и их квалификация в качестве психологических терапий, направленных на исправление дисфункциональных психических механизмов, а также теоретические обоснования такой возможности. Практически бесконечное число подобных комбинаций создает предпосылки для постоянного появления новых терапий, которые должны сосуществовать и конкурировать с более старыми подходами. Выбор конкретных компонентов комбинаций связан с мировоззрением самих создателей терапий, которое в свою очередь опосредовано культурой их сооб-

1 См.: <https://npcassoc.org/philosophical-practice/>.

2 ТЕРЕШИНА Д. «Быть собой» или «радовать себя»? Терапевтические технологии, эмоции и неравенство в современной России // The Journal of Social Policy Studies. 2024. Vol. 22. № 1. С. 30–31.

3 MARKS S. *Psychotherapy in Historical Perspective* // History of the Human Sciences. 2017. Vol. 30. № 2. P. 3–16.

ществ и веяниями эпохи. Оценка психологических процессов как нормальных или патологических при этом отталкивается от социокультурного контекста терапевта, клиента и ценностей общества, которому они принадлежат, и опирается на медицинскую или дефицитарную квазимедицинскую модель⁴.

Терапия направлена на исправление дефицита или патологии – даже в том случае, если делает это через развитие сильных сторон личности клиента, как в последних обновлениях когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). Это касается и экзистенциально-гуманистических, феминистских и нарративных терапий, которые подвергли критике медицинскую модель, но полностью отказаться от нее так и не смогли, что закономерно в силу концептуальных черт терапии как явления. Пытаясь выйти за рамки медицинской модели, терапия теряет свою специфику и сливается с коучингом и философским консультированием. Поэтому она вынуждена в той или иной степени оставаться в медицинских рамках. На это также влияют историческая традиция, поддержание социального статуса профессии и требования ее правовой и этической регуляции.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

**Пытаясь выйти за рамки медицинской модели,
терапия теряет свою специфику и сливается
с коучингом и философским консультированием.**

Терапия и западная культура

Поскольку терапии возникли в западном контексте, они являются частью западной культуры, исторические корни которой лежат в греко-римской античности и иудео-христианском наследии (в его римско-католическом и протестантском изводах). Ренессанс, Реформация и Контрреформация на фоне экономических изменений (развития капитализма) и секуляризации привели к политическим процессам формирования национальных государств, в идеологии которых важную роль играл либерализм (изначально тесно связанный с гражданским революционным национализмом). Социализм и консерватизм противостояли либерализму, но, несмотря на критическое к нему отношение, во многом переняли его культурные и философские основания так же, как и либерализм, действуя в рамках модерной логики. Параллельно с этим развиваются новая наука, буржуазное право и этика. Терапия выступает как агент этой культуры, помогающий индивиду западного общества, выпавшему

⁴ PADEN R. *Defining Philosophical Counseling* // COHEN E.D., ZINACH S. JR. (Eds.). *Philosophy, Counseling, and Psychotherapy*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 18–19.

из нее, вернуться, используя близкий и понятный ему дискурс⁵. При этом терапия сама влияет на эту культуру и тем самым создает потребность в себе самой, поскольку все больше людей описывают происходящее с ними ее языком.

Вероятно, разные этапы развития капитализма порождают свою терапию. КПТ неслучайно стала популярной именно во времена становления неолиберализма. Сегодня она считается наиболее фундированной и эффективной, своего рода «золотым стандартом» современной терапевтической культуры, в том числе и потому, что ей близки идеи менеджеризма, личной ответственности и гедонизма, являющиеся неолиберальными ценностями. Иллюстрацией может служить описание работы КПТ-терапевта с депрессивным клиентом, который не хочет работать и много времени проводит онлайн, так как считает большинство работ скучными и бессмысленными, способствующими обогащению небольшой группы людей и оставляющими работникам мало свободного времени. Терапевт понимает эти переживания, но рассматривает их как избегание поиска работы и предлагает клиенту сосредоточиться на контроле над депрессивными мыслями и на попытках заполнить свой день тем, что приносит больше удовлетворения⁶.

Не отрицая важности замены бесплодных размышлений на более конструктивные действия, нельзя не заметить, что КПТ сфокусирована на возвращении чувств успешности и удовольствия. Возвратить их помогает процедура так называемой поведенческой активации (включающей анализ и последующее планирование времяпровождения), целью которой является интенсификация деятельности, ощущаемой как успешная и приятная. Это могут быть, конечно, волонтерство или духовная практика, но даже они обычно подчинены цели достижения ощущения личного успеха и удовольствия⁷. (Хотя существует и тенденция включать в поведенческую активацию не только приятные и лично полезные занятия, но и те, что придают жизни смысл и выражают ценности клиента. Здесь мы, по всей видимости, имеем дело с реакцией на ошибочное допущение универсальности поиска бесконечной продуктивности и удовольствия от личного успеха⁸.) Рационально-эмотивно-поведенческая терапия (РЭПТ) прямо озвучивает ответственный гедонизм и прагматическое отношение к этике как часть своей философии⁹.

5 MARKS S. *Op. cit.* P. 10.

6 БЕК Дж. *Когнитивная терапия для сложных случаев. Что делать, когда простые решения не работают.* М.: Диалектика, 2020. С. 212–214.

7 Она же. *Когнитивно-поведенческая терапия: от основ к направлениям.* СПб.: Питер, 2018. С. 105.

8 *What is Behavioral Activation? A Review of the Empirical Literature* // *Clinical Psychology Review*. 2010. Vol. 30. P. 611–612.

9 Диджуэппе Р., Дойл К., Драйден У., Бакс У. *Рационально-эмотивно-поведенческая терапия.* СПб.: Питер, 2021. С. 36–38, 42–43.

Неолиберальная идеология оказывает влияние не только на КПТ, но и на другие терапии. Например, «молитва гештальт-терапии» Фрица Перлза – основателя, пожалуй, одной из самых популярных в России терапии – отражает характерный для нее индивидуализм:

«Я делаю свое, а ты свое.

Я в этом мире не для того, чтобы исполнить твои ожидания,

А ты в этом мире не для того, чтобы исполнить мои.

Ты – это ты, а я – это я.

Если случайно нам доведется встретиться – отлично,

А если нет, то ничего не попишешь»¹⁰.

Любопытно, что для выражения этой идеи выбрана именно форма молитвы, что хорошо иллюстрирует роль терапии как неолиберальной религии. При этом внутри самих терапий можно заметить и переосмысление неолиберального дискурса. Например, экзистенциально-гуманистические подходы часто поднимают проблематику личной ответственности за происходящее в мире. Нарративные и феминистские терапевты не только не рассматривают социально-политическое и экономическое устройство как неизменную данность, но и критически описывают влияние этого устройства на психику, поведение и саму терапию.

Другим примером преодоления этой неолиберальной тенденции является так называемая «третья волна» КПТ, включающая, например, терапию принятия и ответственности, диалектико-поведенческую терапию и другие подходы, использующие концепцию осознанности или майндфулнес (от англ. *mindfulness* – внимательность). «Третья волна» вдохновлялась восточной философией и буддизмом, с акцентом на принятии переживаний, а не их изменении. От классической КПТ она отличается тем, что больше учитывает ценности, социальный контекст, духовные и этические вопросы, включает работу над развитием философских добродетелей (например сострадания, любви и мудрости). Это бросало вызов более рационалистическому стилю классической КПТ, который критиковался как в значительной степени репрессивный – ориентированный на чисто механистическое исправление искаженных мыслей пациента, будто бы являющихся основной причиной его проблем. Интересно, что впоследствии классическая КПТ тоже стала включать работу над ценностями и практики майндфулнес, заимствуя многие идеи «третьей волны».

Однако и «третью волну» в итоге начали критиковать за конформизм. Здесь наблюдается определенная диалектика:

10 ДУРИН Н. Фриц Перлз и гештальт-терапия // Трансперсональная психология: практическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. С. 51.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

терапия, выступая в качестве компенсаторной реакции на издержки неолиберализма, при этом в целом его поддерживая, затем растворяется в нем, упрощается и искажается в поправках, а затем порождает новые подходы, которые лучше выполняют функцию поддержания индивида в неолиберальном обществе, помогая ему сохранять дистанцию, но оставаться внутри «системы».

Неизбежный фокус терапии на внутреннем мире так или иначе приводит к поддержке индивидуализма, а ее базовой моделью всегда будет поиск того, «что со мной не так и как мне это исправить», несмотря на то, что внутри терапевтического дискурса постоянно возникают критикующие друг друга волны. Терапия всегда содержит в себе противоречивые тенденции освобождения и контроля, которые сложно переплетаются¹¹. Учитывая, что гибкая адаптация к неолиберализму сегодня объективно необходима для выживания, а также по ряду других причин (удобство медицинской модели в работе с тем, что относят к психическим расстройствам), терапия может быть полезной, если только не пытаться превращать ее в мировоззрение, так как эту функцию она выполнить не в состоянии.

Терапия, выступая в качестве компенсаторной реакции на издержки неолиберализма, растворяется в нем, упрощается и искажается в поправках, а затем порождает новые подходы, которые лучше выполняют функцию поддержания индивида в неолиберальном обществе, помогая ему сохранять дистанцию, но оставаться внутри «системы».

Терапия как культурная практика

Терапия является практикой, эффективность которой обусловлена в первую очередь культурными факторами: доверительными отношениями с квалифицированным экспертом, социально уместным контекстом беседы, понятными объяснениями и культурно приемлемыми вмешательствами¹². Содержание беседы может отличаться в зависимости от терапевтического подхода, но обычно остается в рамках одного и того же «про-

¹¹ Симонова О. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идеальные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 10–13.

¹² HAVENAAR J. M. *Psychotherapy: Healing by Culture* // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 1990. Vol. 53. № 1–4. P. 8–13.

свещенческого» дискурса. При этом вариации такого дискурса не просто возможны, но и неизбежны: терапии непрерывно развиваются и меняются в соответствии с политическими, социальными и культурными процессами¹³. Они помогают сбалансировать западное общество, обучая его членов саморегуляции, снижая нагрузку на психиатрическую и пенитенциарную системы, а также восполняя дефицит полицейского контроля, семейного воспитания и образовательной системы¹⁴.

Для многих терапевтов и их клиентов на Западе эти моменты более-менее очевидны или хотя бы интуитивно понятны. Язык терапии, концептуальные инструменты, которые она использует, не являются для западного клиента чем-то принципиально новым. Это то, что уже содержится в разделяемой им культуре, но что он, возможно, подзабыл или не осмыслил и с чем его заново знакомят. Терапия формирует из клиента полноценного гражданина буржуазно-демократического государства, обучая поиску баланса между индивидуальными и общественными интересами, стимулируя независимость и активность в рамках правовых и этических норм. Если же клиент сознательно отрицает эти ценности, работа становится затруднительной¹⁵. Например, религиозный фундаменталист, ультралевый или ультраправый активист вряд ли обратятся за терапией, поскольку она противоречит их мировоззрению. Если же обратятся, то скорее всего либо быстро прекратят ее, либо не получают ожидаемого результата, либо будут вынуждены смягчить свои взгляды. Эффективность терапии во многом обусловлена тем, что ее получают те, кому она культурно близка.

Терапия как инструмент трансформации западного общества

Выше уже отмечалось, что в рамках терапий не только допускается критика перегибов современной капиталистической системы, но и приветствуется определенное разногласие с ней и даже активность, направленная на ее улучшение. Однако ни одна мейнстримная терапия не может радикально отвергать эту систему, поскольку тем самым подрывает собственные основания. В этом смысле терапия не только адаптирует человека к западному обществу, но и помогает самому обществу развиваться. Она сглаживает злоупотребления либерализма,

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

13 HAVENAAR J.M., MEIJLER-ILJINA L., BOUT J. VAN DEN, MELNIKOV A.V. *Psychotherapy in Russia: Historical Backgrounds and Current Practice* // American Journal of Psychotherapy. 1998. Vol. 52. № 4. P. 501–513.

14 Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 451–452.

15 BREGGIN P.R. *Psychiatry and Psychotherapy as Political Processes* // American Journal of Psychotherapy. 1975. Vol. 29. № 3. P. 369–382.

апеллируя к его же этике и философии, она может служить источником критики и трансформации либерализма – не отрицая его ценностных оснований, но выявляя внутренние противоречия, проявляющиеся в психическом¹⁶. То есть речь идет скорее о динамической, а не механической адаптации: не о слепом соглашательстве, а о более сложном способе жить в данном обществе – критически к нему относясь, но не избегая его.

Разрешение конфликта психологически, конечно, не обязательно приводит к социальным изменениям, но может открыть для них возможность или даже подтолкнуть к ним. Вероятно, поэтому в последнее время ранее популярная категоричная критика терапевтической культуры как преимущественно способа общественного контроля и воспитания аполитичного индивида сменилась на более взвешенный анализ, учитывающий и позитивные аспекты терапии. Среди последних можно назвать накопление эмпирических данных о человеческом поведении и переживаниях, определенные успехи в облегчении клинических расстройств и распространение навыков эмоциональной и поведенческой саморегуляции. К тому же терапевтические практики можно рассматривать в качестве продолжения античной «заботы о себе» в новом историческом контексте, а ее индивидуализм, хотя и отличается от античной «культуры себя», но с ней перекликается.

В любом случае для западного общества терапия – это ценный инструмент его собственного укрепления. Терапевтическая экспансия – попытка выйти за пределы медицинского дискурса и претендовать на мировоззренческий статус – сразу сталкивается с критикой, а необходимость конкурировать с другими социально-культурными практиками (религиозными, духовными и так далее) ограничивает ее нишу преимущественно клиническими расстройствами, дополняя или заменяя психофармакотерапию.

Ограниченность терапии и возможности практической философии

Терапия, в конечном счете, сталкивается с ограниченностью своей модели. Ложное ощущение всемогущества возникает потому, что терапия редко критически рефлексировывает собственные основания: каузальная медицинская модель, сосредоточенная на индивидуальной психике, по определению, не может решить

16 LAMARRE A., SMOLIAK O., COOL C., KINAVEY H., HARDT L. *The Normal, Improving, and Productive Self: Unpacking Neoliberal Governmentality in Therapeutic Interactions* // Journal of Constructivist Psychology. 2018. Vol. 32. № 3. P. 236–253.

духовные, философские, социально-политические и религиозные проблемы, с которыми люди обращаются к психологам. Вопросы, которые сегодня считаются психологическими, ранее рассматривались философией и религией, в том числе и в практическом аспекте. Психология работает с этими же темами, но переводит их на язык медицинской или квазимедицинской каузальности. При этом она редко артикулирует эту трансформацию, представляя свои интерпретации как научные открытия, а философские допущения – как само собой разумеющиеся, напоминая тем самым либеральную идеологию, скрывающую собственную идеологичность и позиционирующую себя просто в качестве нейтрального здравого смысла. В некотором смысле психотерапию и можно назвать либеральной теологией.

При этом философы по-прежнему рассматривают свою деятельность как сугубо академическую и, как правило, не готовы использовать профессиональные навыки для практической работы с клиентами, несмотря на то, что в античности философия воспринималась и как инструмент управления собой. Тем не менее начиная с 1980-х появляется философское консультирование, которое применяет философию на практике. Это направление включает разные подходы, сформировавшиеся независимо друг от друга. Одни рассматривают философское консультирование как полностью автономное от психологического, другие, хотя и различают их, стремятся к сближению философии и психологии. В целом, среди широкой аудитории растет интерес к использованию философии как альтернативы или дополнения к терапии либо как самостоятельной практики улучшения жизни. В то же время среди психологов усиливается интерес к философским корням психотерапии¹⁷ и применению философии в терапии¹⁸, поскольку все больше клиентов обращаются с этическими и философскими вопросами, с которыми традиционная терапия справляется хуже.

Формализованность терапий и ограниченность каждой из них несколькими философскими предпосылками могут быть удобны при работе с клиническими расстройствами. Однако в случае жизненных трудностей (развод, кризис среднего возраста) такие подходы оказываются слишком узкими, а медицинская модель в целом – не слишком эффективной, особенно при обсуждении мировоззренческих и ценностных вопросов. Эту нишу может занять философское консультирование, которое используется и в терапии. Существует перспектива рассматривать психологические расстройства как частный случай

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

17 HOFMANN S.G. *The Third Wave of Cognitive Behavioral Therapy and the Rise of Process-based Care* // World Psychiatry. 2017. Vol. 16. № 3. P. 245–246.

18 MARTIN S. *Using Values in Cognitive and Behavioral Therapy: A Bridge Back to Philosophy* // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2023. Vol. 29. № 7. P. 1189–1195.

нарушения *философского здоровья*¹⁹. Понятие «философское здоровье» не претендует на буквальность и является более гибким (и более универсальным), чем понятие «психологическое здоровье», позволяя использовать широкий спектр различных, даже противоположных друг другу философий, способных привести к «философскому выздоровлению».

В отличие от психологического здоровья, часто воспринимаемого как статичное состояние (которого никто полностью и не достигает), философское здоровье обозначает непрерывающийся процесс «философского выздоровления», опирающийся на развитие философских добродетелей. Такой подход в философском консультировании может быть направлен на преодоление конкретных жизненных трудностей и улучшение качества жизни, но практическая философия также может выступать как способ исследования и формирования индивидуального мировоззрения, не имеющий прямой практической направленности.

В конце концов, терапия может стать более философской, а философия – более терапевтической.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Роль терапии в России

Учитывая укорененность терапии в западной культуре, возникает вопрос, насколько она эффективна в незападном контексте? Не зависит ли это от степени проникновения западной культуры в западное общество?²⁰ Действительно, наблюдаемой особенностью, например, российской терапевтической культуры является ее поверхностный и явно подражательный характер. Этот сложный вопрос стоит рассмотреть подробнее.

С одной стороны, судя по социологическим данным, терапевтические нарративы играют в России отчасти положительную роль, помогая людям замечать и осознавать свои эмоции, конструктивно проявлять их, брать под контроль свое поведение, вполне осознавая при этом влияние неблагоприятного окружения на их переживания. Они также помогают преодолеть гендерные предрассудки – запрет на эмоции для мужчин или, напротив, инфантилизацию женщин из-за излишней эмоциональности. Но, с другой стороны, эти же – позитивные – идеи

¹⁹ MIRANDA L. DE (Ed.). *Philosophical Health: Thinking as a Way of Healing*. London: Bloomsbury Academic, 2023. P. 296.

²⁰ ANN J.Y., BEDI R.P., CHOUBISA R., RUPAREL N. *Assessing Psychotherapy as a Western Healing Practice Through Prediction of Help-Seeking Attitudes* // *Counselling Psychology Quarterly*. 2023. Vol. 37. № 1. P. 47–68.

терапевтической культуры часто воспринимаются искаженно. Идея личной ответственности за свое поведение превращается в груз полной ответственности за все происходящее в жизни. Или, наоборот, психологическая проблема или диагноз становятся способом снять с себя или других ответственность вообще. Упрощенная психологизация чрезмерно педалирует идею успешности и эффективности²¹.

Особенности восприятия терапевтической культуры в России связаны не столько с географией, сколько с возрастом и гендером. Для двадцатилетних она является вполне привычной и самоочевидной, а сорокалетние относятся к ней скорее скептически. Женщины используют ее язык для рефлексии, осмысления травмы, границ и безопасности, а мужчины – для достижения успеха в жизни²². В больших городах проводниками терапевтической культуры являются преимущественно терапевты и их клиенты, но в регионах ими могут быть и компании многоуровневого маркетинга (например «Mary Kay») с их идеями личностного роста и соответствующими тренингами²³.

Российско-израильский антрополог Юлия Лернер изучает и описывает, как психологический язык становится здесь частью коллективного морального порицания. Это хорошо заметно при анализе российских телевизионных шоу. В типичных западных телешоу, являющихся одним из основных средств распространения терапевтической культуры, герой ищет проблему в себе и пытается это исправить, чтобы стать более счастливым и здоровым. В российских реалиях эти шоу и соответствующая терапевтическая культура претерпевают показательную метаморфозу. Терапевтический язык используется в них как инструмент моральной оценки, а общая интенция направлена на поддержание коллективности и выживания, а не на поиск индивидуального счастья. Терапевтические нарративы, играющие в этих шоу отнюдь не основную роль и даже часто критикуемые участниками и экспертами, сложно переплетаются с другими нарративами – псевдонаучным и псевдорелигиозным, советским романтическим и эмоционально-нравственным, навеянными русской литературой. В итоге герои, пытаясь выпутаться из хаоса накладывающихся друг на друга и противоречащих друг другу дискурсов, приходят к житейскому практическому решению²⁴.

Эти тенденции Юлия Лернер связывает с распространенным в России «эмоциональным социализмом», где страдание явля-

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

21 Андреева А. *Взросление в терапевтической культуре: самоконтроль и самопознание как основа новой культурной модели* // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 59–78.

22 Там же. С. 72.

23 Терешина Д. *Указ. соч.* С. 25–42.

24 Лернер Ю. *Теле-терапия без психологии, или Как адаптируют Self на постсоветском телеэкране* // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2011. № 1. С. 129–133.

ется нормативным и необходимым (равно как нормативным является и отсутствие контроля эмоций), а личность рассматривается как часть коллектива. Источниками «эмоционального социализма», по ее мнению, служат русское православие и классическая литература, а также советская идеология – так что этот «социализм» оказывается палимпсестом плохо стыкующихся посланий²⁵. Западную же терапевтическую культуру можно охарактеризовать как «эмоциональный капитализм», в котором страдание осуждается и квалифицируется как личная проблема, нуждающаяся в быстром решении, а эмоциональная регуляция рассматривается как важное качество для достижения успеха. Лернер приходит к выводу, что в России терапевтическая культура не имеет под собой основы – собственно развитой терапии – и формируется «без психологии и, главное, не является ее продуктом и функцией»²⁶. Соответственно, западная критика терапевтической культуры здесь практически нерелевантна. Все это связано с отставанием российского капитализма, меньшей востребованностью (а значит, и меньшей продвинутостью) профессиональных терапевтических институтов и, как следствие, – с неразвитостью терапевтического *self* и его идентичностей, которые являются базой для терапии на Западе. В русском языке даже отсутствует точный эквивалент слова *self*, которое акцентирует субъектность, самоопределение и самоуправление индивида, а понятие «идентичность», которое описывает преломление в этом самом *self* принадлежности к разным социальным группам, ценностям и мировоззрениям, не получило широкого распространения²⁷.

При анализе биографических интервью преподавателей и студентов Европейского университета в Санкт-Петербурге Юлия Лернер отмечает отсутствие *self* и идентичностей в описании ими своей жизни. Жизнь там предстает как случайное стечение обстоятельств, как часть коллективной судьбы, не связанной с личными ценностями, мировоззрением и выбором. Другим интересным наблюдением является зазор между академическим дискурсом, который используют студенты и преподаватели в своих работах, и их повседневным описанием своей жизни. Используемый ими академический дискурс (гендер, идентичность и так далее) никак с их реальным повседневным опытом как будто не пересекается²⁸.

В общем, согласно Лернер, российская терапевтическая культура сильно отличается от описываемой исследовательницей

25 Она же. *Психологизация русской любви? Размышления о терапевтическом повороте и эмоциональном социализме* // СоциоДиггер. 2022. Т. 3. № 1-2(16). С. 36–45.

26 Она же. *Теле-терапия без психологии...* С. 124.

27 Там же. С. 124–127.

28 Там же. С. 127–128.

израильской, где институциональная психотерапия встроена в государственную и общественную жизнь, став одним из органических компонентов современной национальной идеологии и идентичности. Лернер ссылается на опыт израильских психологов, которые как раз отмечают отсутствие терапевтического *self* у русскоязычных эмигрантов. Терапия в их случае начинается с формирования *self* и способности описывать свои переживания, что помогает усвоению новой израильской идентичности²⁹.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

В российских шоу терапевтический язык используется как инструмент моральной оценки, а общая интенция направлена на поддержание коллективности и выживания, а не на поиск индивидуального счастья.

Наблюдения Лернер можно сравнить с обзором исследований, сделанным канадскими психологами: здесь описываются характерная для русскоязычных пациентов противоречивость гендерных ролей (женщину нужно добиваться, но она должна быть активна в карьере) и детско-родительских норм (ребенок должен быть послушен, но независим), переплетенность индивидуалистических и коллективистских ценностей («блат» как коллективистская практика достижения индивидуальных целей), положительное отношение к непрошеным советам, склонность к негативным эмоциям, которые выражаются телесно, а также подозрительность. Эту отличающую русскоязычных клиентов специфику авторы объясняют формированием русской культуры в условиях авторитарной евразийской империи, включающей в себя различные этносы, религии и культуры, каждая из которых в той или иной степени подвергалась дискриминации (включая даже православных – в СССР) и проходила испытания неблагоприятными климатическими и природными условиями и перипетиями модернизации³⁰.

Само понятие идентичности было разработано психологом Эриком Эриксоном, который описывал формирование *self* у ребенка как процесс индивидуального овладения групповой

29 PLOTKIN-AMRAMI G. *From Russianness to Israeliness through the Landscape of the Soul: Therapeutic Discourse in Practices of Immigrant Absorption of «Russian» Adolescents* // *Social Identities*. 2008. Vol. 14. № 6. P. 739–763. О принципиальной важности понятия идентичности пишет и Фрэнсис Фукуяма: с его точки зрения сама современная терапевтическая модель родилась из поисков скрытой идентичности. Последовавший далее «терапевтический поворот» во многом определил и политику в западном мире: само государство становится «терапевтическим», отвечая теперь за поддержание самооценки своих граждан через посредство уважения их самоидентификаций (Фукуяма Ф. *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 129–137).

30 JURCIK T., CHENTSOVA-DUTTON Y., SOLOPTEIEVA-JURCIKOVA L., RYDER A. *Russians in Treatment: The Evidence Base Supporting Cultural Adaptations* // *Journal of Clinical Psychology*. 2013. № 7. P. 774–791.

идентичностью. Он связывает это формирование в том числе и с усвоением национальной идентичности. Национальности воспринимаются современным западным сознанием как само собой разумеющаяся культурная система координат³¹. Ссылаясь на Вебера, Эриксон пишет, что американская, английская и французская идентичности сформировались благодаря демократическим революциям и строятся на сплаве идеи аристократических привилегий для каждого представителя нации, ценности свободы и самодисциплины ради защиты прав и свобод. Именно в этих обществах можно увидеть наиболее выраженное *self*. По Эриксону, аналогичные революционные исторические процессы не были пройдены в Германии и России. В последней незавершенный процесс индивидуации он связывает с революционным движением начала XX века³².

Работая как КПТ- и РЭПТ-терапевт, я тоже заметил, что многие русскоязычные клиенты не воспринимают себя как самоуправляемых субъектов, ответственных за собственные изменения. Они с трудом описывают эмоции, часто погружаясь в абстрактные и бесплодные рассуждения, которые я, шутя, называю «достоевщиной». Иногда я показываю клиентам отрывки из фильма «Любовь и смерть» Вуди Аллена, чтобы продемонстрировать абсурдность таких размышлений. Довольно часто мне приходится прямо объяснять, в чем заключается цель и философия терапии: обретение автономии при уважении социальных, правовых и этических норм. Однако часто оказывается, что нормы окружающего социального мира противоречивы и абсурдны, а развитие *self* может привести к разрыву социальных связей и повредить клиенту, что заводит терапию в тупик.

Вопреки стандартным западным рекомендациям во время работы с русскоязычными клиентами часто приходится использовать прямые объяснения, а не сократический диалог, что сходно с практикой китайских и турецких терапевтов. Интеллектуальный анализ также нередко приходится заменять на метафорические объяснения, а терапевтическую терминологию переводить на язык философских добродетелей («любовь» вместо «принятия» например). Эти же особенности описаны в литературе как характерные для клиентов из многих других незападных культур. Но в случае установления доверительных отношений, объяснения сути терапии на понятном клиенту языке и честного обсуждения ее возможностей и издержек терапия становится более продуктивной. В ситуации отсутствия давней психотерапевтической традиции и слабос-

31 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон+; Реабилитация, 2001. С. 35–36.

32 См.: Эриксон Э.Г. *Детство и общество*. СПб.: Ленато; АСТ; Университетская книга, 1996.

ти *self* может помочь и философское консультирование: язык философии (конечно, в упрощенном варианте) часто понятнее и ближе клиентам, чем психологический язык, и может быть использован даже в клинической практике³³.

Работая с русскоязычными коллегами, я замечаю, что и им порой трудно уловить конститутивную диалектику терапии как баланса между личным и общественным. Они часто игнорируют философию и ценности терапии, рассматривая ее исключительно технологически – как инструмент изменений. Такая технологичность накладывается на дефицит качественного базового психологического образования и международных программ обучения в определенной модели, на трудности перевода литературы и освоения терапевтической терминологии, а также на незнание иностранных языков. Терапия часто изучается на примерах из чужого культурного контекста (обычно американского) и выражается абстрактным языком, чуждым повседневности. При этом нельзя не отметить стремление русскоязычных психологов к знаниям и их профессиональный потенциал, который не находит реализации по указанным причинам.

Мой опыт ведения групп взаимопомощи при аддикциях по программе «SMART Recovery» и подготовка ведущих этих групп также показывает, что участники, а порой и ведущие с трудом понимают саму идею работы в таких группах: вместо ограниченной правилами совместной дискуссии о практических инструментах управления собой они практикуют более привычную форму, когда ведущий, выступая в роли эксперта, обучает участников правильному использованию техник и инструментов. Как и в случае с терапией, подробное объяснение сути этих встреч помогает ведущим и участникам с ними освоиться. Преимуществом здесь является то, что работа групп не является терапевтической и ведется на повседневном языке, что делает ее максимально понятной и демократичной – напоминая что-то вроде коллективной практики «заботы о себе». В итоге участники чувствуют себя достаточно свободно и уверенно, чтобы делиться своими способами преодоления аддикций.

Осмыслить этот опыт мне помогло изучение исторических путей российской модернизации и формирования русской (российской) идентичности, которые подробно описаны в исторической, социологической и философской литературе, но плохо известны большинству российских психологов, рассматривающих российскую культуру как идентичную западной. Подобная ошибка приводит к разочарованию при использовании копий

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

33 Деменчук П., Карпов М. *В поиске новых смыслов: почему на фоне мирового кризиса философия становится «модной»* // Forbes Life. 2023. 18 апреля (www.forbes.ru/forbestlife/519603-v-poiske-novyh-smyslov-pocemu-na-fone-mirovogo-krizisa-filosofia-stanovitsa-modnoj).

западных терапий с русскоязычными клиентами, к непониманию терапевтических моделей и к трудностям их адаптации в российских условиях.

Во многих других незападных обществах еще сохранилась традиционная культура, продолжающая выполнять терапевтическую функцию для невестернизированного населения. Клиенты и терапевты, находящиеся на стыке культур, рефлексировать это и адаптируют западные терапевтические подходы к традиционной культуре³⁴. Однако в России говорить о живой традиции после советского модернизационного проекта и постсоветского «дикого» капитализма едва ли возможно. В 1990-е, в отсутствие правовой и этической регуляции профессии возникла так называемая «дикая» терапия³⁵, которая проводилась (иногда и до сих пор проводится) специалистами, пусть даже имеющими психологическое или медицинское образование, но не прошедшими (и не стремящимися пройти) международную сертификацию в том подходе, в котором они работают, – ситуация, крайне распространенная в России.

Ценности терапии (автономия личности, партнерство и так далее) не являются органичными для русской (российской) культуры с ее иерархичностью и патернализмом. Если они и заимствуются, то воспринимаются как радикально новое учение. В результате клиенты и терапевты отчуждаются от близких и окружающего социального мира, начинают говорить на новом, непонятном большинству сограждан языке – психологическом жаргоне. Терапия превращается в субкультуру, религиозную секту и образ жизни. Возникает отдельный мир сообщества, где люди обретают новую идентичность терапевта/клиента и чувство сплоченности. Они приобщаются к устойчивой традиции (хотя и выросшей на иной исторической почве), получают ответы на жизненные вопросы и действительно лучше себя чувствуют. Часто это неспецифический эффект, аналогичный присоединению к церковной общине, спортивному клубу или субкультуре.

Западные терапевтические подходы обычно акцентируют внимание на поддержке самооценки, любви к себе и заботе о себе³⁶. Но если западные общества в основе своей предполагают рациональных индивидов, преследующих личные интересы в рамках буржуазной этики и права, то в незападных культурах социальное поведение регулируется традиционными нормами, идеями добродетели и нравственного долга. В России из-за

34 VAN DYK G.A.J., NEFALE M.C. *The Split-Ego Experience of Africans: Ubuntu Therapy as a Healing Alternative* // *Journal of Psychotherapy Integration*. 2005. Vol. 15. № 1. P. 48–66.

35 ФРЕЙД З. *О «диком» психоанализе* // Он же. *Собрание сочинений. Дополнительный том*. М.: СТД, 2008. С. 133–141.

36 Фукуяма Ф. *Указ. соч.* С. 131.

особенностей модернизации традиционные регуляторы были быстро разрушены, а западные институциональные модели так и не сформировались, что привело к духовному и философскому вакууму, а также к этическому и правовому нигилизму³⁷. Этот нигилизм не означает полного отказа от социальных норм и морали, но социальные нормы и моральные требования в России противоречивы, неопределенны и запутанны, как спутана и сама российская идентичность.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

Если западные общества в основе своей предполагают рациональных индивидов, преследующих личные интересы в рамках буржуазной этики и права, то в незападных культурах социальное поведение регулируется традиционными нормами, идеями добродетели и нравственного долга.

Перенос через терапию западного гедонизма и индивидуализма в упрощенной форме («никто никому ничего не должен – делай то, что тебе нравится») на российскую почву без учета местных особенностей приводит к формированию индивида, хорошо адаптированного к «дикому» капитализму, но этически, философски и духовно «поврежденного». Хотя после такой «дикой» терапии человек и может почувствовать облегчение, освободившись от тяжести непоследовательных моральных и социальных норм, но это ни в коем случае не означает обретения им философского или психологического здоровья, как бы мы эти понятия ни трактовали. При этом качественная терапия способна вызвать духовный и философский кризис, поскольку ее ценности будут конфликтовать с патерналистскими нормами российского общества. Таким образом, терапия в России зачастую становится каналом трансляции западных либеральных ценностей как в грубой, так и в более утонченной форме, фактически выполняя функцию модернизации и вестернизации (как и в ряде других незападных стран)³⁸.

Терапевтический бум в России можно рассматривать как своего рода Реформацию: он приносит близкие ей ценности, но уже в неолиберальной интерпретации, где протестантская трудовая этика уступила место терапевтической. Неудивитель-

37 МАРТОВ И. «Некоторые ретивые патриоты даже историка Соловьева величают “русофобом”». Интервью с Сергеем Сергеевым, автором книги «Русское самовластие» (<https://gorky.media/context/nekotorye-retivye-patrioty-dazhe-istorika-soloveva-velichayut-rusofobom/>).

38 SCHULTHESS P. *Political Implications of Gestalt Therapy* // International Journal of Psychotherapy. 2020. Vol. 24. № 3. P. 33–42.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕРАПИИ
И ОБРАТНО: РОЛЬ ТЕРАПИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

но, что массовое сознание в России зачастую воспринимает терапию не как метод лечения или саморазвития, а как идеологическое вмешательство, чуждое патерналистской и имперской культуре, – и это представление близко к реальности. В условиях спутанной идентичности и противоречивости мировоззрения приоритетной кажется не слепое копирование западных терапий (особенно в самодеятельной форме), а глубокая рефлексия, в том числе через философскую практику, при этом не исключая различных видов терапии. Терапевтам и клиентам в России важно осознавать политические, философские и культурные основания терапевтических подходов, что позволит лучше понимать их, адаптировать к местным реалиям без утраты сути и увидеть ограничения терапии. Терапия не должна претендовать на универсальное решение всех жизненных вопросов. Должно существовать разнообразие подходов и помогающих практик без претензий каких-либо из них на исключительность.

Жизнь и государство в работах Якоба фон Икскуля и Ганса Дриша: два способа мыслить политический порядок¹

ЕВГЕНИЯ
ПАНОВА

Обретающие сегодня все большую популярность правые политические концепции во многом возводят свою генеалогию к натурализму, обращаясь в поисках подтверждения своих идей к наукам о жизни. Так, например, для оправдания расовой и гендерной иерархий правые, особенно в США, биологизируют их, используя идеи генетического эссенциализма². Однако всегда ли логика наук о жизни предрасполагает к ультраправой идеологии? Для того, чтобы попытаться ответить на этот и другие вопросы, мы предлагаем обратиться к историческому кейсу более чем столетней давности, то есть к тому времени, когда понятие «жизнь» еще не принадлежало строгому научному дискурсу, но уже начало оказывать влияние на формирование политического мышления.

Со второй половины XIX века науки о жизни вошли в период впечатляющих открытий, во многом определивших мировоззрение целой эпохи. Биология изменила образ человека, который раньше формировался философией и религией, вписав историю человечества в историю развития жизни в целом и поставив человека в один ряд с другими живыми существами. Центром новаторских биоисследований стала Германия, где не только открывались первые в мире биологические лаборатории и институты, но возникла *философия жизни* (*Lebensphilosophie*)³ – интеллектуальное течение, охватившее примерно

Евгения Панова (р. 1980) – историк медицины, философ, выпускница программы «Политическая философия» 2023/2024 учебного года Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка).

- 1 Автор выражает глубокую признательность участникам междисциплинарного семинара «ФИЛАПС: сообщество критических друзей» за ценные замечания и комментарии.
- 2 См.: SAWYER K., NAM H. *The Genetic Essentialism of the Alt-right* // Research and Politics. 2024. April–June. P. 1–8; PANOFKY A., DASGUPTA K., ITURRIAGA N., KOCH B. *Confronting the “Weaponization” of Genetics by Racists Online and Elsewhere* // JOHNSTON J., DOLAN D., PACIA D., LEE S., CHO M. (Eds.). *Envisioning a More Just Genomics. Special Report*. Hastings Center, 2024. Report № 54. P. 14–21; KAHN J. *The Legal Weaponization of Racialized DNA* // Georgetown Journal of Law & Modern Critical Race Perspectives. 2021. Vol. 13. № 2. P. 187–229.
- 3 Вслед за Лебович и Бьянко мы будем использовать понятия «витализм» и «философия жизни» как синонимы: LEBOVIC N. *The Philosophy of Life and Death. Ludwig Klages and the Rise of the Nazi Biopolitics*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 3; BIANCO G. *Philosophies of Life* // GORDON P.E., BRECKMAN W. (Eds.). *Cambridge History of Modern European Thought. Vol. 2. The Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 153.

пять десятилетий с 1880-х по 1930-е⁴, ключевыми понятиями которого стали «жизненная сила», «целостность», «жизненный опыт», «энтелехия», «жизненный поток» и другие. Несмотря на то, что яркими представителями философии жизни были Анри Бергсон, Хосе Ортега-и-Гассет и некоторые другие мыслители, исторический и культурный контекст этого течения был почти полностью немецким.

Биология изменила образ человека, который раньше формировался философией и религией, вписав историю человечества в историю развития жизни в целом и поставив человека в один ряд с другими живыми существами.

С самого начала своего появления философия жизни находилась под влиянием дарвинизма, благодаря успеху которого она и смогла сосредоточить свое внимание на жизни как таковой, отвлекаясь от размышлений о том, что может быть за ее пределами⁵. Но и в рамках нового альянса – на протяжении десятилетий – сохранялась граница, разделяющая естественнонаучный дискурс о жизни и философский. Первыми эту негласную договоренность нарушили биологи, предложив объяснение социально-политических феноменов в терминах своей науки, что в свою очередь вызвало мутацию и внутри философии жизни: появилась ее особенная, биологизированная, разновидность, в целом опиравшаяся на естественные науки, но *жизнь* – центральное свое понятие – трактовавшая в метафизическом духе.

Существует длительная историко-философская традиция, связывающая (а порой отождествляющая) немецкую философию жизни с нацизмом, расизмом и антисемитизмом. Философия жизни оценивалась как продукт немецкого империализма, воинствующий враг разума и индивидуализма. На важную роль философии жизни во влиянии на идеологию национал-социализма указывали Артур Онкен Лавджой, Томас Рокремер, Роберто Эспозито, Карл Мюллер Фроланд и многие другие⁶. Исследователи отмечают, что если немецкую философию жиз-

⁴ Такую датировку философии жизни предложил Шнадельбах: SCHNADELBACH H. *Philosophy in Germany 1831–1933*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 139. Байзер ограничил этот период 1920 годом, чтобы пресечь возможные ассоциации этого течения с фашизмом: BEISER F.C. *Philosophy of Life. German Lebensphilosophie 1870–1920*. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 2.

⁵ Ibid. P. 7.

⁶ См.: DONOHUE CH., WOLFE CH.T. *Vitalism and Its Legacies in Twentieth Century* // DONOHUE CH., WOLFE CH.T. (Eds.). *Life Sciences and Philosophy. History, Philosophy and Theory of the Life Sciences*. Cham: Springer, 2022. P. 1; LEBOVIC N. *Op. cit.* P. 4; LUKACS G. *The Distraction of Reason*. London: Merlin Press, 1962; POLANYI K. *The Essence of Fascism in Economy and Society*. Cambridge: Polity Press, 2018. P. 99; LOVEJOY A.O. *The Meaning of Romanticism for the Historian of Ideas* // *Journal of the History of Ideas*. 1941. Vol. 2. № 3. P. 257–278; RONKRÄMER T. *A Single Communal Faith? The German Right from Conservatism to National Socialism*. New York:

ни сегодня вообще вспоминают, то в основном из-за ее при-
скорбной связи с нацизмом⁷.

Однако обращение к наследию двух выдающихся предста-
вителей биологизированной ветви философии жизни – Якоба
фон Иксюля (1864–1944) и Ганса Дриша (1867–1941)⁸ – по-
зволяет существенно скорректировать такое представление:
сравнительный анализ показывает, что опора на науки о жизни
отноудь не всегда приводит к созданию крайне правой полити-
ческой доктрины и даже «биологизаторская» установка может
выступать основанием для продумывания демократически-
республиканского политического проекта. Ниже будет пред-
ставлена первая в русскоязычной исследовательской литера-
туре попытка рецепции политических идей Иксюля и Дриша.
Предметом рассмотрения станут их работы по политической
биологии, этике и онтологии. Как представляется, различие
в методологических подходах двух этих биологов определяет
и различие двух вариантов холизма: у Иксюля государство-
организм с неизменной монархической формой правления и
базовой функцией поддержания экономического благополу-
чия и безопасности репрезентирует тоталитарный холизм; ва-
риант, разработанный Дришем – социально-демократическое
государство как средство достижения общего блага, – можно
назвать плюралистическим холизмом.

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
ЮЛЯ И ГАНСА ДРИША...

Вольнодумцы от биологии

В биографиях обоих наших героев много общего: они были
сверстниками и друзьями, родились в богатых семьях, что дало
им возможность заниматься длительное время тем, что они
считали для себя наиболее важным и интересным. Начав на-

Berghahn Press, 2007; ESPOSITO R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; FRØLAND C.M. *Understanding Nazi Ideology. The Genesis and Impact of a Political Faith*. Jefferson: McFarland & Company, 2020.

7 SCHNADELBACH H. *Op. cit.* P. 140; BEISER F.C. *Op. cit.* P. 2.

8 Хотя оба этих мыслителя жили в одно время и добились широкого профессионального признания, в современной гуманитарной мысли имя Иксюля гораздо более известно – его работы существенно повлияли и на философию (прежде всего на Хайдеггера, Мерло-Понти и Делёза/Гваттари), и на семиотическую теорию. См.: КНЯЗЕВА Е. *Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии* // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30; TØNNESSEN M. *Introduction: The Relevance of Uexküll's Umwelt Theory Today* // BRENTARI C. *Jakob von Uexküll. The Discovery of the Umwelt between Biosemiotics and Theoretical Biology*. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. P. 3. Виталий Куренной предполагает, что семиотические идеи Иксюля могли быть восприняты московско-тартуской семиотической школой: КУРЕННОЙ В. *Герменевтика живых существ Якоба фон Иксюля* // Иксюль Я. фон. *Путешествия в окружающие миры животных и людей. Теория значения*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. С. 8. Из всего внушительного интеллектуального наследия Дриша сейчас вспоминают только его теорию неовитализма, предлагавшую оригинальное объяснение развития эмбрионов морских звезд. Работы Дриша по этике, метафизике и теории познания оказались забытыми. В истории идей Дриш как политический философ практически не рассматривается.

учную карьеру с увлечения механицизмом и теорией эволюцией Дарвина, Икскуль и Дриш быстро отошли и от того и от другого. Подружившись на основе непринятия доминирующих в биологии того времени доктрин, каждый из них разработал собственную оригинальную холистическую и виталистическую концепцию. Сознательное идейное противостояние дарвинизму и материализму⁹ имело для них высокую цену: непонимание со стороны коллег, нестабильное финансирование исследований и шаткое профессиональное положение. Однако еще до Первой мировой войны интеллектуальные пути обоих мыслителей начали расходиться, в том числе из-за разного понимания государства как явления жизни.

Якоб фон Икскуль принадлежал к древнему немецко-балтийскому дворянскому роду. Родившийся в семейном поместье в Эстонии, Икскуль юность провел в Ревеле (ныне Таллин), где его отец был мэром¹⁰. В 1884 году он поступил на факультет естественных наук Дерптского университета (ныне Тарту), выбрав зоологию в качестве основной дисциплины. Годы, проведенные в университете, стали решающими для его интеллектуального развития: помимо интереса к зоологии, Якоб увлекся философией Канта, оказавшей на него серьезное интеллектуальное воздействие. Отталкиваясь от кантовского тезиса о том, что опыт не является прямым отражением реальности, но активно создается каждым субъектом, Икскуль очень рано определил свой главный интерес как биолога – изучение восприятия окружающей среды животными¹¹.

Ганс Дриш родился в буржуазной семье, владевшей бизнесом по торговле золотыми и серебряными изделиями. Получив прекрасное образование в одной из лучших гамбургских школ, Дриш изучал зоологию во Фрайбурге у известного биолога Августа Вейсмана, а затем перешел к тогда еще более знаменитому Эрнсту Геккелю в университет Йены¹². У Геккеля Дриш защитил диссертацию по гидроидным полипам, однако позднее поссорился с ним из-за критики в адрес теории эволюции¹³.

Дриш и Икскуль познакомились в 1891 году, проводя исследования на зоологической станции в Неаполе; между ними мгновенно возникла интеллектуальная дружба. Вместе с физиологом Рудольфом Магнусом они образовали группу, которая

9 Важно отметить, что внутри биологической ветви философии жизни далеко не все отрицали материализм и дарвинизм. Материалистом и дарвинистом был, например, влиятельный немецкий биолог, учитель Дриша, Эрнст Геккель.

10 HARRINGTON A. *Reenchanted Science. Holism in German Culture from Wilhelm II to Hitler*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 35.

11 BRENTARI C. *Op. cit.* P. 22–23.

12 KRALL S. *Hans Driesch, der Vitalist Zwischen Biologie, Philosophie und Parapsychologie // Zeitschrift für Anomalistik*. 2015. № 15. S. 111.

13 DRIESCH H. *Lebenserinnerungen: Aufzeichnungen eines Forschers und Denkers in entscheidender Zeit*. München; Basel: Reinhardt, 1951. P. 73.

активно сотрудничала на научных встречах, выступая против механистических принципов в науках о жизни. Несколько лет работы на зоологической станции стали важнейшими в профессиональной карьере обоих биологов. За экспериментальное исследование, выявлявшее принципы, которые лежат в основе мышечных и нервных процессов у беспозвоночных морских животных, в 1907 году Икскуль был удостоен почетной степени доктора медицины Гейдельбергского университета¹⁴. В Неаполе Дриш проводил с личинками морских звезд эксперименты, которые заставили сомневаться в механистическом объяснении жизни и ее развития.

С тех пор оба исследователя поддерживали хорошие отношения, но их профессиональные пути начали расходиться: Икскуль решил полностью посвятить себя физиологии животных, а Дриш, отказавшись от постоянной карьеры экспериментатора, поселился в Гейдельберге (практически по соседству с семьей Икскулей) и занялся всесторонней проработкой философского обоснования своей виталистической концепции¹⁵. Под руководством неокантианца Вильгельма Виндельбанда и экспериментального психолога Освальда Кульпе он прошел процедуру хабилизации в Гейдельбергском университете и в 1911 году получил там кафедру натурфилософии. Теория неовитализма Дриша обсуждалась в работах философов Генриха Риккерта и Эдуарда фон Гартмана. Однако ожидания неокантианцев, что Дриш окажется на их – философской – стороне, не оправдались: бывший биолог заявлял, что интерпретация жизни должна основываться на естественных науках в не меньшей степени, чем на философии¹⁶. Это автоматически выводило его и из рядов «метафизиков», и из рядов «механицистов-позитивистов», одинаково претендовавших на монополизацию понятия «жизнь»: философы не могли принять естественнонаучного направления рассуждений Дриша, биологи категорически не соглашались с его телеологическими и метафизическими объяснениями жизни. Впрочем, в 1921 году он получил приглашение заведовать кафедрой Лейпцигского университета, обойдя при этом Эдмунда Гуссерля¹⁷. Однако вскоре Дриш снова столкнулся с отчуждением со стороны академических кругов¹⁸. Причиной послужило его увлечение парапсихологией, изучение оккультных явлений – таких, как телекинез, ясновидение и телепатия¹⁹.

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КУЛЯ И ГАНСА ДРИША...

¹⁴ HARRINGTON A. *Op. cit.* P. 39.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ BIANCO G. *Op. cit.* P. 163–164.

¹⁷ KRALL S. *Op. cit.* P. 112.

¹⁸ Ibid. P. 120–121.

¹⁹ В 1926-м и 1927 годах Дриш даже избирался президентом Лондонского общества психических исследований (Psychical Research of London): PARETI G. *Hans Driesch's Interest in the Psychical Research. A Historical Study* // *Medicina Historica*. 2017. Vol. 1. № 3. P. 157.

Будучи пацифистом и членом Лиги за права человека, Дриш выступал против фашизма, а также обеих мировых войн, преизирал расизм и антисемитизм, поддерживал коллег-евреев. В 1933 году, после того как нацисты пришли к власти, Дриш был вынужден покинуть пост профессора философии в университете Лейпцига. Официальной причиной его преждевременного выдворения на пенсию стало подписание им обращений в поддержку Теодора Лессинга и Эмиля Юлиуса Гумбеля во второй половине 1920-х²⁰.

Трудности, выпавшие на долю эстонского биолога, были иного характера. Волнения и восстания в России, последовавшие за русско-японской войной 1905 года, охватили Прибалтику, где «немецкие бароны» стали объектами особой ненависти и негодования. Родительский дом Икскуль был сожжен дотла²¹. Октябрьская революция отняла у его семьи оставшиеся поместья в Эстонии, а экономический кризис, сопровождавший первые месяцы революции, обесценил российские государственные облигации, из которых состояла большая часть финансовых активов Икскуля²². Хотя через десять лет правительство Эстонии выплатило ему частичную компенсацию, ценность возвращенных средств не соответствовала потерям²³. Все эти события вместе с поражением Германии в Первой мировой войне стали для Икскуля серьезным ударом, что, по мнению биографов, значительно повлияло на содержание его труда «Государственная биология», вышедшего двумя изданиями в 1920-м и 1933 годах, а также на то, что Икскуль приветствовал назначение Гитлера канцлером²⁴.

Российскому читателю оба мыслителя знакомы мало. Единственный русскоязычный перевод труда Дриша «Витализм. Его история и система» (1905) был опубликован еще в 1915 году²⁵. Первые переводы на русский язык книг балтийского биолога: «Путешествие в окружающие миры животных и людей» (1934) «Теория значения» (1940) – появились совсем недавно. Кроме того, если описанию и анализу идей Икскуля посвящено несколько работ современных российских авторов, то наследие Дриша до сих пор не было удостоено их внимания. Наша статья стремится восполнить этот пробел, опираясь в первую очередь на англоязычный перевод малоизвестных трудов Дриша, в которых изложены его воззрения на онтологию, этику и политическую философию.

20 DRIESCH H. *Op. cit.* P. 271–272.

21 HARRINGTON A. *Op. cit.* P. 39.

22 BRENTARI C. *Op. cit.* P. 31.

23 Ibid. P. 37.

24 HARRINGTON A. *Op. cit.* P. 59; BRENTARI C. *Op. cit.* P. 38.

25 Дриш Г. *Витализм. Его история и система*. М.: Наука, 1915. В 2007 году вышло репринтное издание этой работы (М.: Издательство ЛКИ, 2007).

Якоб фон Икскуль: государство как организм

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КУЛЯ И ГАНСА ДРИША...

Переосмысляя философию Канта в терминах физиологии и споря с механицистами и дарвинистами, Икскуль утверждал, что каждый живой организм не является пассивным продуктом внешнего мира, а взаимодействует с ним и в этом взаимодействии создает собственную субъективную окружающую реальность (*Umwelt*)²⁶. Таким образом, каждое живое существо – человек, клещ, морской еж – существует в уникальном окружающем мире в собственном «мыльном пузыре», доступном только ему самому.

Окружающий мир живого существа рассматривается Икскулем в двух аспектах. Сенсорные сигналы, используемые животным для управления своим поведением, являются его миром восприятия, а все, что организм делает, – его миром действия²⁷. Выбор элементов внешнего мира, которые должны попасть в «мыльный пузырь», определяется «интересом» того или иного живого существа, и – в соответствии с «интересом» – эти элементы наделяются определенным значением²⁸.

Процедура наделения значением строго детерминирована функциональным кругом, через посредство которого субъект связывается с объектом во внешней среде и который удерживает окружающие миры от движения в бесконечное многообразие; обладая индивидуализированными чертами, эти миры видоспецифичны. С помощью этого механизма окружающие миры встраиваются в общий план природы или планомерность (*Planmäßigkeit*) – еще один концепт Икскуля, являющийся равноценной составляющей его витализма. Планомерность – это метафизический принцип, который определяет для животного его место в природе, удерживая множество субъективных окружающих миров на предназначенных для них местах. Природа, таким образом, оказывается гармоничным целым, являющимся чем-то большим, чем сумма ее частей, и в то же время раскрывающей себя в каждой из них.

Все эти концепты Икскуль использует в своем труде «Государственная биология. Анатомия. Физиология. Патология государства» (1920). Согласно Икскулю, государство представляет собой живой организм, состоящий из нескольких внутренних систем производящих органов, которые преобразуют природные материалы в полезные предметы, а также «органов регулирования», которые управляют деятельностью «человеческих

26 Понятие *Umwelt* здесь мы будем обозначать как «окружающий мир», «субъективный окружающий мир», «жизненная среда».

27 Икскуль Я. фон. Путешествия в окружающие миры животных и людей... С. 18.

28 Он же. Теория значения // Икскуль Я. фон. Путешествия в окружающие миры животных и людей... С. 109.

цепочек», входящих в органы производства. Деятельность всех систем органов подчиняется принципу строгой плановости (*Planmäßigkeit*), субъективный фактор здесь предельно минимизирован²⁹. Цепочки производящих органов являются соединением жизненных сред обитания индивидов, выполняющих одну и ту же профессиональную функцию. Государственный организм связан с «материнской землей», откуда участники производственной цепочки извлекают «мертвые и живые продукты, чтобы придать им форму, которая служит на пользу людям»³⁰. Органы государства соединяются друг с другом с помощью системы кровеносных сосудов, где циркулирует деньги – «кровь» государственного организма. Банки выполняют функцию пунктов сбора денег, обеспечивая их бесперебойное распределение по органам государства³¹.

Так как структура *Umwelt* каждого живого существа состоит из мира восприятия, в котором содержатся раздражающие признаки, и мира действия, в котором индивид совершает свои движения, «упорядоченное продолжение работы внутри человеческой цепочки основывается на том, что действия одного индивидуума становятся признаками для следующего, и так далее»³². Икскуль представляет цепочку производящих органов как бесперебойный механизм, состоящий из множества субъективных окружающих миров, которые последовательно вставлены друг в друга, как шип вставляется в паз³³. При этом невозможно без ущерба для целого менять местами участников этой цепи, поскольку «индивиды, настроенные на совершенно определенные признаки и обученные совершенно определенным манипуляциям, не могут без труда вжиться в чужие условия существования»³⁴.

Однако в самом этом механистически организованном порядке таится угроза: поскольку каждый человек занимает только определенную область процесса производства, может сложиться ситуация, когда «на границах двух зон регулярное выполнение государственных функций будет прервано»³⁵. Функцию контроля над тем, чтобы окружающие миры индивидов последовательно совпадали друг с другом без возникновения разрывов, берут на себя органы регулирования. Последние соединяются в узлы на местных уровнях, подчиняясь высшей центральной инстанции, выступающей координатором как центров различных регулирующих органов, так и несовпадающих

29 UeXKÜLL J. VON. *Staatsbiologie: Anatomie – Physiologie – Pathologie des Staates*. Berlin: Paetel, 1920. S. 7.

30 Ibid. S. 24.

31 Ibid. S. 21.

32 Ibid. S. 20.

33 Ibid. S. 22.

34 Ibid.

35 Ibid. S. 17.

жизненных сред индивидов. Продолжая это рассуждение, Икскуль приходит к выводу, что необходимой организационной формой, которую должен принять всякий государственный организм, является монархия³⁶.

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КУЛЯ И ГАНСА ДРИША...

«Всякое государство, как бы оно ни называлось, в конечном счете, сводится к высшему чиновнику, который распоряжается общим ритмом государственных санкций. Какое название будет дано этому монарху и как долго его оставят на посту – это второстепенно. Главное, чтобы такой пост существовал»³⁷.

Важный момент, который необходимо подчеркнуть: монарх появляется в государстве в силу необходимости контроля над цепочками людей, занимающихся хозяйственной деятельностью. Монаршая среда находится в центре государственного организма, объединяя жизненные среды индивидов в единое целое: «она излучает свой ритм в высшие центры различных органов порядка, которые передают его дальше в низшие центры, пока местные центры не передадут этот ритм производственным органам»³⁸.

При этом власть монарха не обладает трансцендентной природой. Икскуль верит, что систематическое нарушение порядка по вине государя может в итоге привести к его свержению. Если монарх недостаточно хорошо выполняет свои функции, в перечень которых входит и формирование армии для защиты от других государств, то его можно лишить власти через парламент или попытаться принудить исполнять навязанные правила³⁹. Икскуль не оговаривает, каким образом в представленной им иерархической системе возникнет структура, обладающая достаточной политической легитимностью для свержения верховной власти. Также остается непонятным, откуда в замкнутом и планомерном государственном организме берутся условия для формирования у монарха необходимых для выполнения его обязанностей уникальных качеств, а это, по Икскуль, чувство ответственности, сильный характер, способность к принятию решений и патриотизм. В часто цитируемом фрагменте издания «Государственной биологии» 1933 года в качестве примера такого лидера (фюрера) Икскуль приводит Адольфа Гитлера⁴⁰.

Икскуль считает, что государство не является продуктом договора произвольного количества людей, пункты которого можно свободно изменять в соответствии с пожеланиями большинства. Что именно в отсутствие договора будет объ-

36 Ibid. S. 18.

37 Ibid.

38 Ibid. S. 24.

39 Ibid. S. 18.

40 ИДЕМ. *Staatsbiologie: Anatomie – Physiologie – Pathologie des Staates*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1933. S. 71.

единять народ в одно государство, учитывая, что следование закону иногда противоречит личным интересам индивида? Ответ на этот вопрос является ключевым моментом биополитики Икслюля: человек обладает совестью как биологическим регулятором и внутренним императивом, побуждающим индивида отложить свои личные желания и подчиниться надличностному правилу. Совесть, по Икслюлю, «это средство, которое природа использует, чтобы те живые существа, которые не руководствуются инстинктами, тем не менее побуждались к действиям, соответствующим общей плановместности природы»⁴¹. Совесть требует от индивида, чтобы он действовал как член более крупного целого и подчинял свои личные интересы высшему единству. Такими высшими единствами являются семья и государство.

Что именно в отсутствие договора будет объединять народ в одно государство, учитывая, что следование закону иногда противоречит личным интересам индивида?

Семья – основополагающий орган, составная единица каждого народа, ибо в семье государство не только берет свое начало, но и достигает своей вершины. Из каждой семьи исходит одна или несколько человеческих цепочек, поэтому семья является «как основателем, так и бенефициаром государства; здесь следует искать альфу и омегу государства»⁴². Для создания и поддержания семьи Икслюль выделяет предназначенную только для женщин отдельную семейную сферу, которая включает в себя уход за детьми и ведение домашнего хозяйства. В других профессиональных сферах женщины не заняты. По мнению Икслюля, «все женщины, которые отвергают семейную среду как слишком тесную, тем самым лишь доказывают скудость и убогость собственной жизненной среды»⁴³.

Для того, чтобы государство могло состояться, оно должно предъявить народу определенные требования, самое главное из которых заключается в «готовности защищать государство в случае войны до последней крайности»⁴⁴. Каждый народ обязан отстаивать независимость своих государств, поэтому самопожертвование и стремление к свободе от завоевателей должно являться главными качествами его представителей. Говоря о нарушителях этого правила, биолог проявляет несвойствен-

⁴¹ Ibid. S. 30–31.

⁴² Ibid. S. 39.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. S. 37.

ный его работам, посвященной живой природе, радикализм: «Тот, кто во время войны по какой-либо причине ослабляет ударную силу собственного государства, не что иное, как пятно грязи на лице человечества, которое должно быть удалено»⁴⁵.

Также, в отличие от предыдущих работ Иксюля, в его политической биологии возникает тема болезней и паразитов государственного организма. К внутренним врагам государства Иксюль относит свободную прессу из-за ее враждебности государству, рабочее движение и парламентскую демократию. Политическую деятельность рабочих он обозначает как патологическое сращение государственных тканей, так как солидарное движение рабочих ведет к отделению индивидов от своих профессиональных, в первую очередь производительных, цепочек. Вызванный рабочим движением распад государственной ткани, по мнению Иксюля, уже уничтожил восточного соседа⁴⁶ и серьезно угрожает Германии. Политическая активность рабочих является нарушением природного порядка, поскольку индивиды в человеческой цепи являются лишь средством для обеспечения метаболизма государства.

«Теперь же человеческая цепь стала самоцелью, а метаболизм с его функциональным правилом полностью исчез из поля зрения. Это пагубно повлияло на положение индивида по отношению к государству. Государство низвелось до равноправного партнера отдельного рабочего, который мог в любой момент разорвать свои трудовые отношения и прекратить свою работу»⁴⁷.

Парламентская демократия приводит к тому, что государственный организм, выстроенный в соответствии с железной необходимостью метаболизма, перестраивается по усмотрению большинства его жителей, ни один из которых не обладает способностью предвидеть последствия своих действий. В результате в теле государства наступает такое состояние, как «если бы вместо клеток больших полушарий большинство клеток тела должны были решать, какие импульсы передавать нервам; такое состояние называется “идиотизм”»⁴⁸. Государство, таким образом, оказывается в безвыходном положении между требованиями народной воли и требованиями природы. Последние, подчеркивает Иксюль, не допускают компромиссов⁴⁹.

Нарушающих природный порядок представителей собственного народа, по мнению Иксюля, еще нельзя назвать настоящими паразитами. Таковые возникают из числа живущих в го-

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КЮЛЯ И ГАНСА ДРИША...

45 Ibid.

46 Вероятно, ученый имел в виду октябрьскую революцию в России.

47 Ibid. S. 43.

48 Ibid. S. 46.

49 Ibid. S. 47.

сударстве представителей чужой расы, связанных сильным расовым чувством и не желающих защищать это государство от нападения внешних врагов. Завершает свой труд Икскуль описанием внешних паразитов, к которым он относит Англию. По мнению ученого, паразитизм Англии заключается в том, что она нарушает человеческие цепочки по изготовлению продуктов в находящихся в зависимости от нее колониальных странах. Судьба стать сырьевыми и продуктовыми придатками Англии грозит многим странам, включая Германию.

Политическая активность рабочих является нарушением природного порядка, поскольку индивиды в человеческой цепи являются лишь средством для обеспечения метаболизма государства.

Итак, в «Государственной биологии» Икскуль изображает государство как замкнутый организм, сохранение жизнеспособности которого требует подчинения граждан тотальному природному порядку. Необходимость поддержания метаболизма и непроницаемости внешних границ государства наделяют особой значимостью функции ведения хозяйства и обеспечения безопасности, а также неизменность политического строя.

Важно, что принципы организации живого в политической биологии Икскуля существенно отличаются от выраженных им идей в трудах о природе. Это связано с изначальной проблематичностью сочетания понятий субъективного окружающего мира (*Umwelt*) и плановости (*Planmäßigkeit*), в которых сталкиваются и обостряются две крайности: *Umwelt* делает жизнь радикально субъективистской, а *Planmäßigkeit* – полностью predetermined⁵⁰. Если в своих работах о природе Икскуль в центр рассмотрения ставит окружающий мир живого существа, то в «Государственной биологии» он делает акцент на установлении условий поддержания природного порядка в живом целом – государственном организме, – используя при этом элементы механицизма.

Так же, как и Якоб фон Икскуль, связывая идею государства с биологизированным пониманием жизни, Ганс Дриш предлагает совсем иную систему политических воззрений.

50 SCHNÖDL G., SPRENGER F. *Uexküll's Surroundings: Umwelt Theory and Right-Wing Thought*. Lüneburg: Meson Press, 2021. P. 33.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГАНСА ДРИША: СОВЕСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КЮЛЯ И ГАНСА ДРИША...

Хотя он начал свой путь в науке как сторонник «машинной теории жизни»⁵¹, Дриш уже на ранних этапах своей карьеры заинтересовался причинами появления и способами организации окончательной формы, которую принимает индивидуальный организм⁵². Поворотным моментом на его профессиональном пути стало создание антимеханистической концепции развития эмбриона как «гармоничной эквипотенциальной системы». Наблюдая в ходе эксперимента за пластичной структурой роста поврежденных личинок морского ежа, Дриш пришел к выводу, что, в отличие от неорганической природы и машин, живой организм с поразительной точностью способен восстанавливать себя в соответствии со сложнейшим планом своего строения.

Но что при условии множества равных возможностей развития системы определяет выбор одной из них? На это Дриш дает следующий ответ: помимо двух механистических факторов, пространственного положения клетки бластомера (зародыша морского ежа) и абсолютной величины системы, в органическом целом существует еще фактор виталистический – энтелехия. Энтелехия только мыслима, она лишена локализации в пространстве и времени, но обладает интенсивным многообразием сценариев развития живой системы⁵³. Энтелехия – это «как бы план целого, определяющий и регулирующий развитие организма... органический смысл конструкции, которая оказывается вследствие этого планомерной»⁵⁴.

Энтелехию нельзя назвать уникальной душой, так как она не меняется от организма к организму и от человека к человеку. Это скорее проникающая в живые тела имманентная жизненная сила, которая не должна трактоваться ни как «эфирная душа», ни как механическое устройство⁵⁵. Она координирует части от имени целого в ответ на внешние воздействия, не следуя жесткому плану; энтелехия реагирует на события творчески и дальновидно, принимая решение моментально в режиме реального времени. Джейн Беннет предполагает, что Дриш интерпретирует энтелехию как мыслимую творческую силу, потому что, на его взгляд, материальность была слишком связана с представлением о механистической, детерминированной машине, лишенной свободы и спонтанности, необхо-

51 BOLDUC GH. *On the Heuristic Value of Hans Driesch's Vitalism* // DONOHUE CH., WOLFE CH.T. (Eds.). *Op. cit.* P. 27.

52 INNES SH.A. *Hans Driesch and Vitalism: A Reinterpretation*. MA Thesis. Simon Fraser University, 1973. P. 29–30.

53 ДРИШ Г. Указ. соч. С. 255.

54 БАХТИН М.М. (Волошинов В.Н.) *Современный витализм* // Он же. *Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка*. М.: Лабиринт, 2000. С. 58.

55 БЕННЕТ ДЖ. *Пульсирующая материя: политическая экология вещей*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 100.

димых, чтобы выполнять сложную работу по организации и поддержанию трансформирующихся целостностей⁵⁶.

Первые и наиболее знаменитые работы Дриша посвящены объяснению живой природы в целом. В гораздо менее известных трудах – «Человек и мир»⁵⁷ (1928) и «Этические принципы в теории и практике»⁵⁸ (1927) – немецкий мыслитель включает в свою концепцию неовитализма человека, пытаясь представить социальные отношения и мир политики как составляющие единого космического порядка. Дриш пишет: «Человек представляет собой чрезвычайно сложную структуру, в которой одна часть (душа, дух, жизнь) вступает в контакт с другой (материальной) частью»⁵⁹. Жизненный фактор пронизывает два этих разнородных начала. На уровне тела он влияет на пищеварительные и секреторные функции, заживление ран и так далее, то есть отвечает за все процессы, которые происходят независимо от знания и воли человека⁶⁰. На уровне души жизненный фактор формирует ее функции и сложную структуру. Функции души включают в себя память, понимание смысла, мышление и переживания как представления, увиденные изнутри. Душа имеет большую динамическую бессознательную сторону и малую статическую сторону, которую Дриш называет «Эго» или «Я» – в целом ее можно назвать самосознанием⁶¹.

В ходе развития природы сфера сознания расширяется и, что более важно, становится все более ясной, в какой-то момент трансформируясь в самосознание, которым обладает только человек. Дриш представляет это как действие великой надличностной силы, «которая лежит в основе органической истории и, так сказать, порождает ее (способ этого рождения нам совершенно неизвестен) и, по-видимому, преследует одну определенную цель, а именно – привести сознание во все возрастающую ясность»⁶². Помимо формирования самосознания, этот процесс включает в себя развитие воли и действия, проявляясь в человеке через этическое чувство, или совесть. Немецкий мыслитель представляет ее как оригинальный и инстинктивный дар, который, подобно таланту к математике или музыке, дается разным людям в большей или меньшей степени. Каждый нормальный человек в той или иной форме обладает этическим чувством, поскольку оно является самым реальным свойством человеческой натуры⁶³. У этого нравственного

56 Там же. С. 105.

57 DRIESCH H. *Man and the Universe*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1929.

58 IDEM. *Ethical Principles in Theory and Practice. An Essay in Moral Philosophy*. London: G. Allen & Unwin, 1930.

59 IDEM. *Man and the Universe*. P. 7.

60 Ibid. P. 111.

61 IDEM. *Entelechie und Seele // Synthese*. 1939. Vol. 4. № 1. S. 271.

62 IDEM. *Man and the Universe*. P. 146–147.

63 Ibid.

чувства есть одна особенность, которая связана с осознанием должного: «наша этическая интуиция ведет нас к тому, чего *не должно быть*»⁶⁴, а не наоборот. При этом содержание долга воспринимается индивидом как сугубо личное, и каждый человек обязан выполнять его в меру своей совести. Другими словами, этическое чувство работает как механизм самоограничения, способность сказать «нет» тому, что личность считает не соответствующим ее долгу. Однако проблема заключается в том, что люди привязаны к царству материи, то есть к царству несовершенства, поэтому следование долгу является преодолением внутреннего сопротивления и никогда не может осуществиться в полной мере. Человек вынужден не прекращать попыток воплотить моральное совершенство, осознавая окончательную невозможность этого.

Нравственное сознание, или совесть, объединяет человечество в общность надличностного характера, которую Дриш называет «духом» и которая не носит трансцендентного характера, а мыслится как часть присущего природе космического порядка:

«Мы не находим никаких следов какого-либо замысла (если говорить с человеческой точки зрения), управляющего временными изменениями человеческого общества, замысла, позволяющего нам сделать вывод о существовании надличностного существа, эволюция которого лежит в основе так называемой истории»⁶⁵.

Реализуясь в самосознании через всеобщие правила долга, этот имманентный природный порядок соотносится с накопленным индивидуальным опытом человека. То, насколько эти универсальные правила выражены в каждом отдельном человеке и насколько он способен своим волевым усилием соответствовать им в своем поведении, отражает величину его жизненной силы. Дриш демонстрирует это, отмечая, что законы, входящие в уголовный кодекс, «существуют для ненормально “слабых” людей»⁶⁶. «Сильному» человеку эти законы не нужны, поскольку для добродетельного поведения ему достаточно внутреннего регуляторного механизма – совести.

Вторя Аристотелю, Дриш заявляет, что наиболее гармоничный порядок объединения людей с точки зрения добродетели воплощается в государстве⁶⁷, а человек представляет собой «существо политическое, которое по своей природе обладает способностью формировать государства»⁶⁸. Однако Дриш неоднократно повторяет, что государство – это случайный продукт

⁶⁴ Ibid. P. 156. Курсив автора.

⁶⁵ Ibid. P. 81.

⁶⁶ ИДЕМ. *Ethical Principles in Theory and Practice...* P. 128.

⁶⁷ ИДЕМ. *Man and the Universe*. P. 136.

⁶⁸ ИДЕМ. *Ethical Principles in Theory and Practice...* P. 165.

истории⁶⁹, который служит инструментом достижения главной цели – максимального блага людей; государство никогда не является самоцелью⁷⁰. Поскольку, согласно Дришу, жизненный принцип помещен в каждую отдельную личность, а не в какую-либо коллективную сущность, государство вторично по отношению к индивиду, оно «существует для индивидов и для их этического благополучия: мы можем образно сказать, что индивиды создали его для себя»⁷¹. Но и само государство как таковое также является благом, поскольку «даже самое худшее из государств предполагает хотя бы определенный минимум порядка... и хотя бы потому... каждый человек должен уважать государство»⁷².

Люди привязаны к царству материи, то есть к царству несовершенства, поэтому следование долгу является преодолением внутреннего сопротивления и никогда не может осуществиться в полной мере. Человек вынужден не прекращать попыток воплотить моральное совершенство, осознавая окончательную невозможность этого.

Правильно организованное государство должно состоять из людей, разделяющих один язык и опыт длительного проживания на одной территории, объединенных любовью, а не эгоизмом в сообщества – небольшие естественные группы, в которых люди знают друг друга или по крайней мере знают что-то о других участниках сообщества⁷³. Эта любовь направлена «не столько на государство как таковое, сколько на идеал, к которому оно стремится, и на сообщество людей, которые сделали этот идеал своим»⁷⁴. Солидарность людей в государстве формируется чувством патриотизма, который выражается не в убеждении, что государство, к которому я принадлежу, превыше всех остальных; те, кто говорит от имени ложного патриотизма и шовинизма, с точки зрения Дриша, «роют могилу культуре и этике». Истинный патриотизм проявляется только в том случае, когда государство стремится воплотить совершенную этическую идею и в достаточной мере преуспевает в этом. Различия между группами людей, входящими в государство, имеют «мало

69 Ibid. P. 148.

70 Ibid. P. 126.

71 Ibid. P. 148.

72 Ibid. P. 167.

73 Ibid. P. 187.

74 Ibid. P. 167.

общего с элементом национальности и вообще никак не связаны с расой; [...] эти различия не являются логически значимыми, ибо все, что существенно, – это Дух, который един»⁷⁵.

Отталкиваясь от идеи, что человечество едино, немецкий биолог и философ настаивает на необходимости устранения отдельных государств и их объединения в одно. Причем субъектами объединения государств должны стать граждане, так как в этом состоит их долг, который имеет обязательную силу⁷⁶. Человек несет ответственность за собственное государство: если оно является плохим, гражданин должен пытаться сделать его благим. Точно так же гражданину не следует подчиняться тем законам, которые нарушают элементарные правила этики – воровство, обман, убийство. Дриш не согласен с позицией Иксюля, по которой высший долг гражданина – это участие в войне, которую его государство считает необходимой. Закон, требующий воинской повинности, с моральной точки зрения не имеет обязательной силы, как не имел бы ее закон, обязывающий все население вступать в брак, чтобы произвести на свет как можно большее число солдат.

«Здесь совершенная пропасть моральных отклонений; ребенок деградирует до уровня простой единицы в массе, а мать превращается в машину для производства материала, который будет использоваться для того, чтобы убивать и быть убитым»⁷⁷.

Приоритет личной этики над государственной у Дриша закономерно вытекает из его теории космического порядка: в связи с тем, что всеобщий дух воплощается не в государстве или социальных институтах, а в требованиях совести индивида, онтологический статус моральных императивов значительно превышает статус общественных договоренностей, лежащих в основе безличных социальных структур.

Поскольку государство основано на силе и принуждении, оно должно минимально вмешиваться в жизнь граждан⁷⁸. Свободная договоренность людей друг с другом предпочтительнее государственного регулирования. Однако государство может пойти на ограничения свободы личности в некоторых случаях: например, требовать от граждан получения определенного уровня образования. Но в таком случае обязанностью государства является предоставление гражданам бесплатного образования на разных уровнях, что способствует не только благу государства, но и раскрытию сокровенной природы личности⁷⁹.

⁷⁵ Ibid. P. 182.

⁷⁶ Ibid. P. 126.

⁷⁷ Ibid. P. 161.

⁷⁸ Ibid. P. 129.

⁷⁹ Ibid. P. 130–131.

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КЮЛЯ И ГАНСА ДРИША...

Примечательно, что политическое участие граждан в жизни государства Дриш видит в большей степени как обязанность, нежели как право. Каждый психически нормальный человек, который достиг определенного возраста и получил необходимый уровень образования, должен издавать законы в государстве и следить за их соблюдением. Немецкий мыслитель связывает право голоса гражданина с обязанностью соблюдения законов: отсутствие избирательного права одновременно влечет за собой лишение моральной обязанности следовать даже самым хорошим законам. Всеобщее голосование, однако, само по себе не подразумевает равенства голосов. Люди обладают неравными способностями и возможностями, что определяет различия в политических правах граждан. Те, кто имеет особые таланты, в том числе сильное нравственное чувство, высокий уровень образования или продемонстрировал особую пригодность, должны иметь дополнительные голоса. При этом богатство и происхождение не должны иметь никакого значения.

Дриш заявляет, что власть в государстве должна находиться в руках «лучших людей, аристократов в буквальном смысле этого слова». Для того, чтобы считаться таковым, недостаточно одного желания причислять себя к ним или иметь аристократическое происхождение. Необычно, что для достижения аристократического устройства, согласно Дришу, наиболее надежным средством является демократия, позволяющая каждому высказывать свое мнение, что увеличивает вероятность нахождения наиболее верных решений⁸⁰.

Для немецкого мыслителя диктатура, установленная с помощью силы, не может быть этически приемлемой политической формой – независимо от того, является ли она левой или правой. При этом Дриш считает морально терпимым правление диктатора, избранного народом. В случае, если диктатор или группа могущественных правителей, чье господство, по мнению большинства, наносит ущерб, граждане будут вынуждены прибегнуть к революции. Однако развязывание революции может оправдать только грубое нарушение правил управления государством. По мнению Дриша, в ходе революции «следует избегать уничтожения внутреннего врага до тех пор, пока он сам воздерживается от убийств»⁸¹. Только если враг преступает эту черту, возникает необходимость в применении насилия.

Таким образом, политические идеи Дриша являются результатом развития его теории неовитализма и составляют оригинальную концепцию политической философии, в которой этика получает онтологическое основание. В отличие от подхода Иксюля, в котором биологические и метафизические компо-

⁸⁰ Ibid. P. 137–138.

⁸¹ Ibid. P. 141, 142.

ненты по-разному применяются по отношению к природе и к государству, виталистическая концепция Дриша выглядит более последовательной. К еще одной важной особенности его теории можно отнести непознаваемость жизненного принципа и непредсказуемость его проявления на всех уровнях живой природы, к которой Дриш относит и человечество, чья политическая жизнь представляется им как единый и непрерывающийся акт самотворения вселенского духа.

ЕВГЕНИЯ ПАНОВА

ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВО
В РАБОТАХ ЯКОБА ФОН ИКС-
КЮЛЯ И ГАНСА ДРИША...

ДВЕ РАЗНОВИДНОСТИ ХОЛИЗМА

Не претендуя на всестороннее и полное осмысление политических идей Якоба фон Икскуль и Ганса Дриша, прежде всего мы хотим отметить, что внутри биологической ветви немецкой философии жизни существовало два течения, по-разному осмыслявших онтологические основания государства, способы достижения политического единства, принципы, формы устройства и цели государственной власти. Если разработанная Икскулем концепция государства как организма в целом подтверждает устоявшуюся традицию, связывающую философию жизни с крайне правыми идеями, то политическая онтология Дриша, напротив, обосновывает республиканизм и социал-демократическое устройство. Это показывает, что науки о жизни могут лежать в основе не только ультраправой идеологии, но и конкурирующей с ней политической мысли.

Сравнение представленных доктрин, построенных на принципе холизма, позволяет прийти к выводу, что их различие заключается в следовании двум разным его линиям – тоталитарной и плюралистической. Если для тоталитарного холизма целое – это то, что важнее всех его отдельных частей, то для плюралистического – это способ сделать целью каждую его часть⁸². Применение обоих подходов в работах Икскуля и Дриша формирует особый порядок осуществления власти.

Тоталитарная версия холизма представлена в политической биологии Икскуля через идею о государстве как организме. Икскуль мыслит индивидов, их хозяйственные и социально-политические объединения как структурные (анатомические) единицы государства (целого), а взаимодействие между ними – как физиологические функции государственного организма. Преимущество одной функции над другой, одного органа над другим предполагает определенный иерархически организованный план, который определяет порядок распределения и соотношения существенных и менее важных функций и органов⁸³.

⁸² Куренной В. *Указ. соч.* С. 15.

⁸³ Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* СПб.: А-сэд, 1994. С. 290–292.

Однако это единство дается ценой потери «если не индивидуальности, то по крайней мере независимости»⁸⁴ органа или элемента. Индивидуальное получает свою значимость только как часть целого. Поддержание метаболизма – важнейшее назначение живого организма, определяющее его жизнеспособность, на которую должна быть направлена деятельность всех его клеток и органов, поэтому в замкнутом государстве Икскуль взаимодействие индивидов подчинено экономической целесообразности и сохранению безопасности народа от внутренних и внешних врагов, «паразитов».

Интересно, что Дриш и Икскуль в своих работах прибегали к обеим версиям холизма, однако по-разному используя их по отношению к природе и к государству. Опыты с препарированием личинок морских звезд вели Дриша к тоталитарной форме холизма, в котором энтелехия как фактор целостности определяет деятельность остальных частей. Позже Кангилем увидел за этим прямые политические коннотации тоталитарного свойства⁸⁵. В более поздних работах по онтологии и этике плюралистический порядок распределения власти формируется через выделение Дришем нескольких уровней иерархии космического духа. Тем самым на подчиненные и взаимосвязанные части дробится не государственный организм, как у Икскуля, а определяющий целостность природы жизненный принцип, воплощающийся в каждом отдельном человеке.

Эпилог

Последние годы жизни наших героев оказались омраченными приходом к власти нацистов. Икскуль был обвинен в том, что его теория организма и окружающей среды вдохновлена идеями марксизма. В апреле 1936 года его уволили по возрасту с очень маленькой пенсией. В 1940-м, испытывая серьезные проблемы с сердцем, Икскуль переехал на Капри, где умер через четыре года⁸⁶.

После вынужденной отставки Дриш все больше оказывался в изоляции. Это не только оборвало академическую карьеру немецкого мыслителя, но и оставило глубокий след в его душе. Дриш был разочарован в Германии и в европейской культуре, погруженной в варварство и нетерпимость. Его гуманистические и интернационалистские убеждения оказались в резком противоречии с духом времени. Глубоко уязвленный, Дриш все больше уходил в себя и умер в 1941 году от последствий инсульта⁸⁷.

⁸⁴ Там же. С. 289.

⁸⁵ CANGUILHEM G. *Knowledge of Life*. New York: Fordham University Press, 2008. P. 72.

⁸⁶ BRENTARI C. *Op. cit.* P. 42.

⁸⁷ KRALL S. *Op. cit.* P. 112.

Чужой ресурс: тоталитаризм – производственный роман 1930-х – имитация

ИГОРЬ
СМИРНОВ

Преобразования, случившиеся в социокультуре, которая двинулась от авангарда 1910–1920-х к тоталитаризму, были в первую очередь обусловлены вхождением этой жизнестроительной и эстетической системы в финальную стадию. Авангард и тоталитаризм – единосистемные и вместе с тем разительно расходящиеся явления. Если начало больших исторических периодов знаменуется их отмежеванием от уже бывшего, утверждением их особенности, которое Грегори Бэйтсон назвал «схизмогенезом»¹, то, завершаясь, они стремятся вписать себя в традицию, делают упор на своем родстве с достопамятным. Такой переход от дивергентности к признанию преимущественного значения за *longue durée* представляет собой превентивную защиту эпохи от упадка и отступления в прошлое. Диахронический ансамбль пытается на излете спасти себя, восполняя угрожающее ему истощение внутренних возможностей развития за счет реактуализации тех ресурсов, которые находились в распоряжении прежних веков.

Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля; основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

¹ BATESON G. *Cultural Contact and Schismogenesis* // *Man*. 1935. № 35. P. 178–183.

КУЛЬТУРА
МОДЕРНОСТИ
REVISITED

Специфика авангардистской дивергентности состояла в том, что она требовала от возникающего способа смыслообразования, чтобы тот отличался не только от непосредственно предшествующего ему, но и от всей дотоле известной социокультуры. Коротко говоря, авангард хотел заново начать человеческую историю². Наследуя и одновременно контрапозиционируя этот максимализм, тоталитарное сознание мнило себя подводящим окончательный итог исторической изменчивости, ставящим нас на порог существования, безупречного в своей устойчивости (будь то коммунистическое будущее или тысячелетний рейх). Мышление такого рода выступило в качестве предохранения себя от сдачи в архив, не поддающегося превышению. Тотально (под диахроническим углом зрения) то, что есть как сразу и бывшее, и чреватое будущим. Суммирование истории приняло в тоталитарном исполнении вид неуклонного нарастания в ней одного и того же, увенчиваемого текущей современностью. Настоящее оказывается способным с размахом обобщить прошлый опыт, потому что тот лишь подготавливает данный момент. История, таким образом, являет собой усиление подобия самой себе в приближении к дням сиим. Поскольку этот внутрикультурный режим понимается как непреложно долженствующий, постольку он натурализуется: мир текстов, к какому бы темпоральному отрезку он ни был приурочен, обязуется быть миметичным, он должен отображать в себе некий естественный порядок, ход вещей³. Эстетическая история рассматривается под знаком прогрессирующего в ней «реализма». Один из тех, кто апологетизировал в 1930-е «реализм» – Георг (Дьёрдь) Лукач, – писал на склоне лет, резюмируя свои теоретические разыскания, что искусство мимесиса, коль скоро оно покоряет внеположную ему среду, целостно и поэтому есть продукт мышления с конца⁴. Поздний Лукач вольно или невольно выдал секрет тоталитарной социокультуры, конфронтировавшей с окончанием породившей ее эпохи.

1

Производственный роман 1930-х стал тем литературным жанром, в котором, как нигде еще, выразилась имитационная природа сталинизма. Консервативная революция, инициированная Сталиным, была вторичной относительно большевистского пе-

² См. подробно: Смирнов И. *Архетипы и история*. СПб.: Academic Studies Press, 2025. С. 139–170.

³ Под мимесисом здесь и далее подразумевается эстетически отмеченная имитация, вызывающая *effet de réel*, то есть ее частный случай; об истории обоих понятий от античности до романтизма см.: PETERSEN J.H. *Mimesis – Imitatio – Nachahmung. Eine Geschichte der europäischen Poetik*. München: Fink, 2000.

⁴ Lukács G. *Ästhetik. Erster Teil* [1963]. Norwied: Luchterhand, 1972. S. 198.

реворота, совершенного в 1917 году. Она дублировала произошедшую тогда смену власти, придавая тем самым режиму правления характер цели в себе. Революция как повтор направляла свое преимущественное внимание на устройство власти. Распространенный на социореальность этот интерес к инструментам господства преломлялся в проведение технического перевооружения общества. Разумеется, модернизация хозяйства имела прагматическую задачу (увеличить оборонный потенциал государства), но ею лишь одной не исчерпывалась. Романы об индустриализации страны – при всей конкретности их привязки к пространству-времени – затрагивали самую сердцевину репродуктивной революционности, показывая промышленное строительство в виде деятельности, так или иначе подражающей некоему образцу. Они были автодеконструкцией порождающего тоталитарную социокультуру принципа. Хотя производственный роман сложился в конце XIX – начале XX века в Западной Европе⁵, он превратился в массовый художественный продукт в Советской России, отвечая существовавшему случившемуся в ней повороту от авангардистского мировоззрения к тоталитарному, который совпал с форсированным подъемом промышленности.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
ЧУЖОЙ РЕСУРС...

Романы об индустриализации страны – при всей конкретности их привязки к пространству-времени – затрагивали самую сердцевину репродуктивной революционности, показывая промышленное строительство в виде деятельности, так или иначе подражающей некоему образцу.

В простейшем случае налаживание технологического процесса на индустриальных новостройках изображалось соцреалистической литературой как непритязательное усвоение чужеземных методов организации труда. В романе рано умершего (1932) Якова Ильина «Большой конвейер», посвященном сооружению Волжского тракторного завода, инженер Бобровников сообщает своему спутнику в поезде, везущем их к месту службы: «Когда я был в Америке, я относился ко всему тому, что накоплено буржуазией в технике, [...] как [...] к своей будущей собственности»⁶. Инженеру вторит в дальнейшем повествовании начальник строительства – бывший чекист Игна-

⁵ См. подробно: Григорьева Н. *Anima laborans. Писатель и труд в России 1920–1930-х годов*. СПб.: Алетейя, 2005. С. 161 след. (здесь же – обсуждение литературы по вопросу).

⁶ Ильин Я. *Большой конвейер*. М.: Молодая гвардия, 1934. С. 15.

тов, – замечая о проекте нового города: «здесь будет советский Чикаго»⁷.

Непрерывность в сборке тракторов нарушается в романе по той причине, что в распоряжении рабочих нет запаса инструментов и деталей машин. Как нельзя возвести заводской гигант без внешнего ресурса, без американского опыта, так невозможно и отрегулировать бесперебойный труд по выпуску тракторов без внутренних резервов производства. Роль обязательного в советских технарративах замаскированного врага отведена в «Большом конвейере» инженеру Косту, плетущему заговор против американских специалистов и требующему передать власть над стройкой их русским коллегам.

В романе Василия Ильенкова «Ведущая ось» (1931) к следованию западному примеру («Производительность труда на машиностроительных немецких заводах почти вдвое больше, чем у нас. Нас губят высокий брак, мелкие неполадки в цеху»; «Догнать и перегнать Америку. Этого хотят люди, [...] которые должны еще стоять в очереди за хлебом»⁸) прибавляется равенство рабочих на инженеров. Платов – один из главных персонажей текста, выходец из пролетарской среды, закончивший в Москве высшее учебное заведение, – во всеуслышание признает нехватку своих знаний, не сомневаясь, что восполнит ее, дабы покорить своенравную технику: «Мы овладеем этой силой. Мы подчиним ее себе моральным весом победившего класса»⁹. В параллель к саморазвитию Платова рабочий Зайцев придумывает для станка, за которым трудится на паровозостроительном комбинате, особое приспособление – «фартук», – защищающее механизм от засорения металлической стружкой. Идея Зайцева аналоговая по происхождению: она приходит ему на ум, когда рационализатор вспоминает о фартуке, прикрывавшем платье его жены. Зайцев передает на проверку чертежи своего устройства старому инженеру Крайскому – тот крадет у самоучки его изобретение. По логике сюжетосложения в романе Ильенкова, у действий по образцу, возвышающих субъекта, нет иной альтернативы, кроме ценностной – такой, в которой они снижаются, обращаясь в плагиат.

Оба романа откликаются на процесс Промпартии (1930), шельмовавший техническую интеллигенцию, делая из этой реакции диаметрально противоположные выводы. Ильин выводит на сцену своего рассказа авторитетную фигуру Серго Орджоникидзе, который выказывает доверие некогда осужденному за саботаж инженеру Ставровскому. В «Большом конвейере» реабилитируется и бывший троцкист Саламатин: ему воз-

7 Там же. С. 76.

8 Ильенков В. *Ведущая ось*. М.: Советская литература, 1933. С. 85, 327.

9 Там же. С. 324.

вращают членство в большевистской партии, из рядов которой он был исключен. И напротив: в романе Ильенкова присвоивший себе чужой замысел Крайский изобличается по мере развертывания сюжета также во вредительстве, приведшем к крушению поезда, и попадает под арест вместе с другими старыми инженерами. Собрание рабочих требует «тысячами голосов: «Расстрелять гадов!»»¹⁰.

Каким бы политическим настроением ни был проникнут производственный роман (либеральным или репрессивным), он берет для своих коллизий реальность в уже театрализованной форме судебного разбирательства (оно было фальсифицированным, но не о том пока речь). Имитации как предмету изображения сопутствует в этом жанре опора на реальность, воспроизводящую (в судебном зале) саму себя, ставшую миметичной и без художественного в нее вмешательства. Ильин присовокупляет к такого рода двойному мимесису программу по реинтеграции в партийно-хозяйственном аппарате подвергнутых расправе оппозиционеров. «Большой конвейер» планирует будущее в расчете на то, что фактические обстоятельства отразят в себе пожелание литературы. Раз жизнь миметична сама по себе, ничто не препятствует тому, чтобы она подражала литературе, претендующей быть соразмерной ей.

Эта логика и легла в основу той инсценировки, какой явилось вымышленное дело Промпартии. Ильин дает (сфабрикованному) судилищу обратный ход, прощая Ставровского, и заодно усматривает программирующую функцию художественного текста в том, чтобы умиротворять политическое противоборство. В последнем случае мимесис превращается у Ильина в антиципирующий – в предвосхищение того, чему надлежит произойти¹¹. Рекомендации по планированию высокой политики станут затем обычными в соцреалистических произведениях: в романе «Дорога на Океан» (1933–1935) Леонид Леонов призовет государство не отказываться от услуг пошедшей ему навстречу исконной интеллигенции, а Петр Павленко набросает в «Счастье» (1948) прямоком адресованный Сталину проект по ротации управленческих кадров, которые периодически должны перебрасываться из центров власти в глубинку – на периферию страны.

Будучи литературой социального заказа, производственный роман нередко стремился компенсировать свою несuverенность – если и не так декларативно, как в «Большом конвейере», то все же ощутимым при пристальном прочтении образом. В ро-

¹⁰ Там же. С. 370.

¹¹ К будущему бывает, таким образом, обращена не только метафора, как полагают Адам Селигмен и Роберт Уэллер, но и имитация, которой они отводят только репрезентативную роль (SELIGMAN A.B., WELLER R.P. *How Things Count as the Same. Memory, Mimesis, and Metaphor*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 26).

мане Валентина Катаева «Время, вперед!» (1931–1932) о Кузнецкстрое постановка рекорда по замесам на бетономешалке грозит вывести из строя машину, рассчитанную на десятилетнее функционирование, уже через пять лет ее эксплуатации. Тем не менее «насилие над механизмом» совершается с тем резонансом, что его износ придется на время, когда задания пятилетки уже будут выполнены. По существу, Катаев оправдывает акт вредительства, которое регулярно подвергает в производственном романе риску желаемое исполнение хозяйственных целей. Порча устройства переиначивается в успех строителей коксохимкомбината («Эпоха требует авантюризма»¹², – размышляет инженер-большевик Налбандов). Как присвоение чужого имитация допускает диалектическую перестановку ценностей с места на место – превращение и (инженерного) созидания в разрушение, и ломки – в зиждительный акт.

Роман Катаева тематизирует имитацию многократно, открывая нам то один то другой ее ценностно-смысловой аспект в том толковании, которое она претерпела на закате авангарда. Она сразу и снимает границу между внешним и внутренним, и составляет предпосылку самосовершенствования. Достижению рекорда предшествует оптимизация условий замешивания бетона: замена неудобных узких досок, по которым на тачках к бетономешалке подвозится цемент, на широкий настил. На это нововведение бетонщиков наводит смекалка американского инженера по прозвищу Фома Егорович, рационализировавшего разгрузку огнеупорного кирпича. Сам американец впадает в финале романа в тяжелую депрессию, узнав, что потерял свои сбережения из-за разразившегося на его родине банковского краха.

Подражание в тоталитарном контексте отпадает от платоновско-христианской традиции, согласно которой, образ обязан сохранять в себе прообраз. Замещаемое вытесняется из игры замещающим, которое захватывает место оригинала, уничтожает свой ресурс. Соцреализм префигурирует представление о копиях без подлинников, симулякрах, которому будет суждено сделаться предметом анализа и критики в раннем постмодернизме 1960–1970-х. Вторая (сталинская) революция истребила в Большом терроре строителей первой, которую она передразнивала, редуцируя (всякая имитация схематизирует свой прообраз) изначально задуманный мировой размах большевистского переворота до «построения социализма в одной отдельно взятой стране»¹³.

¹² КАТАЕВ В. *Время, вперед!* М.: Советская литература, 1933. С. 273.

¹³ Аналогично Холокост во многом объясняется, по Ханне Арендт, репрессивным подражанием еврейскому мессианизму, составившему подоплеку нацистской идеологии (ARENDR H. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft*. Frankfurt am Main: Europäische Verl.-Anst., 1955. S. 392–394).

Возвращаясь к имитации в романе Катаева, нужно сказать, что к ускорению замесов до небывалого максимума трудящихся на Кузнецкстрое побуждают бетонщики из Харькова, превзошедшие в своей работе мировую норму. Для абсолютизированного подражание тоталитарного мышления *imitatio* и есть *aemulatio* – соревновательный порыв к доминированию над первоисточником, который в свою очередь уже является собой результат выигранного состязания. Походиться на что-либо значит готовиться к возвышению над самим собой (ведь герои Катаева поначалу отстают от харьковских конкурентов). Без опоры на прецедент, с этой точки зрения, не может сформироваться трансцендентальный (саморазвивающийся) субъект.

Бригадир Ищенко побивает рекорд харьковчан в тот момент, когда рождает его жена. Перед нами не что иное, как параллель к куваде – обрядовому воспроизведению мужем родовых схваток супруги. Соответствуя возвращающемуся ритуальному времени, кувада устанавливает эквивалентность между имитацией и плодотворением. В развязке исторического этапа сходящая на нет смысловая система заново актуализировала эту равнозначность, дабы подчеркнуть свою продуктивность, еще не издержанную, несмотря на склонность к консерватизму. Начальник участка Маргулиес советует бригаде, идущей на чемпионство по замесам, разумно расходовать энергию, дабы довести начатое до завершения: «Самое главное – не выдохнуться к концу. Вся сила – в конце»¹⁴.

Катаев кладет в основу своего романа философию Валерия Муравьева, писавшего в трактате «Овладение временем» (1924): «В деторождении мы имеем непосредственную победу над временем. Каждый сын есть частично воскрешенный отец»¹⁵. Убыстрение темпа промышленной деятельности преследует у Катаева ту же цель, какой задавался в размышлениях о времени Муравьев, – обретение бессмертия. Налбандов заявляет: «Мы достигли скорости света и станем бессмертными»¹⁶. Совмещение скоростного рекорда на бетономешалке с приходом в мир ребенка отправляет нас не только к архаике, но и к «Овладению временем». Одно не противоречит другому, поскольку и для Муравьева покорение времени предусматривает «круговорот совпадения конца и начала» (с. 211), возрождение «старых культур» (с. 216). Оставляя в стороне множество соприкосновений романа «Время, вперед!» с «Овладением време-

¹⁴ КАТАЕВ В. Указ. соч. С. 204.

¹⁵ МУРАВЬЕВ В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 160. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с обозначением страницы.

¹⁶ КАТАЕВ В. Указ. соч. С. 147.

нем»¹⁷, замечу лишь, что Муравьев предвозвестил выдвижение на передний план сталинистской социокультуры имитаций (которым он придал сотериологическое значение). Проводя различие между «подобным и тождественным» (с. 213), этот последователь философии «общего дела» Николая Федорова утверждал (ревизуя своего учителя), что «копирования» достаточно для восстановления жизни «старого организма» по его «внутренней формуле» (там же), для привнесения вечного в преходящее: «Если я по какому-нибудь вопросу мыслю совершенно так же, как Гегель, это и есть частичное воскрешение умершего Гегеля» (с. 214).

Завоевание преимущества над уже выбившимся за предел упрочившегося стандарта – повторяющийся в производственном романе способ сюжетосложения. В романе Юрия Крымова «Танкер “Дербент”» (1938) команда судна, перевозящего на Каспийском море мазут, вызывает на соревнование танкер «Агамали», который сократил положенное время в пути на четыре часа. Морякам с «Дербента» удастся превзойти достижение соперников на «Агамали» за счет выбора при возвращении без груза в родную гавань кратчайшего маршрута в обход острова Жилого по мелкому фарватеру. Этот маневр небезопасен («Риск есть...» – говорит капитан «Дербента»¹⁸): Крымову, как и Катаеву, хотелось бы извлечь из возможного катастрофического убытка реальную выгоду и тем самым наделить имитационное действие, страдающее в своей зависимости от образца несамостоятельностью, имманентным ценностным содержанием. На трассе же к месту назначения команда «Дербента» берет на борт дополнительно 300 тонн мазута, избавляясь от запасного топлива, которого хватает теперь только на один рейс. Сознание, возвеличивающее имитацию, понимает в парадоксальной манере отказ от своего, от владения собственным материальным составом как самоутверждение, потерю внутреннего резерва – как условие суверенитета относительно внешнего мира. Идея сжатия времени (у Катаева и Крымова¹⁹, но явившаяся не в одной лишь литературе, а также в сталинском требовании выполнить пятилетку в четыре года) могла возникнуть только при имитационном взгляде на действительность, устраняющем интервал перехода от одного момента к другому, коль скоро выводное уподоблялось исходному.

17 Быть может, к числу интертекстуальных сигналов, оповещающих об ориентации романа Катаева на сочинение Муравьева, относится среди прочего именование вдохновителя ударного труда Маргулиеса – Давидом Львовичем, – представляющее собой перестановку имени и отчества Льва Давидовича Троцкого, покровительствовавшего автору «Овладения временем».

18 Крымов Ю. *Танкер «Дербент»*. М.: Художественная литература, 1950. С. 118.

19 У Катаева ускорение времени отпечатывается в мотивной структуре и композиции романа, см. подробно: LENZ G. *Der andere Sozialismus. Narrative Modelle der sowjetischen Literatur zwischen 1928–1953*. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 2022. S. 194–122.

Завышая оценивание себя, подражание вместе с тем и само-разоблачительно, невзначай обнажает ущербность той инвентарии, какую оно несет в себе. Ведь заимствование становится насущным тогда, когда мы признаем (пусть зачастую и не вполне отдавая себе в этом отчет) наше несовершенство. В романе Крымова шторм выводит из строя радиосвязь на «Дербенте». Заменить поврежденные изоляторы нечем, но один из матросов предлагает использовать вместо них бутылки из-под нарзана, после чего прерванная связь с землей снова налаживается. Имитат, дающий выход из затруднения, одновременно с этим выказывает себя как ненадежный, провизорный, со-стряпанный из первых оказавшихся под рукой предметов. Нас не должно удивлять, что у матроса с «Дербента», восхищающегося стахановским движением, «умное, немного обезьянье лицо»²⁰. Крымов не замечает уничижающего человеческий интеллект комизма этого портрета, потому что там, где царит принцип имитации, анималистическая способность к подражанию, особенно продвинутая у приматов, вовсе не противоречит неутолимой устремленности к новому знанию, которую в своей самобытности обрел *homo sapiens*.

Изготовление имитационных устройств из недолговечного подручного материала (бриколаж, в терминах Клода Леви-Стросса) – мотив, кочующий из одного производственного романа в другой. Например, в «Дне втором» (1932–1933) Ильи Эренбурга, рассказывающего, как и Катаев, о возведении Кузнецкого металлургического комбината, Колька Ржанов мастерит подъемный кран из бревен взамен отсутствующего металлического²¹. В обратном порядке: ложным решением производственный роман считает создание конструкций, предназначенных к длительному употреблению (к которому так настойчиво зовет теперь нас экологическое здравомыслие, старающееся за-

20 Там же. С. 108.

21 Бриколаж – частый мотив и в очерковой литературе 1930-х. Пионер звукового кино в Советской России Александр Шорин так вспоминал о первых опытах по созданию аудиовизуального медиума: «Нет необходимой аппаратуры. Нет юпитеров. За неимением юпитера ставим на съемку тот же проекционный киноаппарат. [...] Сидит наш механик с “гармошкой”, освещаем фонарем перед ним макет съемочного аппарата, [...] все недостаточно устойчиво, но части на своих местах» (Шорин А.Ф. *Несколько эпизодов из творческой практики // Год шестнадцатый. Альманах второй* / Под ред. М. Горького и др. М.: Советская литература, 1933. С. 357). Повысив миметическую способность фильма, звуковое кино стало одной из важнейших составляющих совпавшей с ним по времени возникновения социокультуры с уклоном в имитационность. В эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) Вальтер Беньямин взял именно кино в качестве аргумента при обосновании своего тезиса о конце ауратической художественной продукции, положенном ей индустрией репродуцирования. В отличие от Беньямина, Чарли Чаплин в том же году критически отреагировал на торжество подражательности, одним из очагов которой было звуковое кино. В «Новых временах» повторение на конвейере одних и тех же операций по строго заданному шаблону загоняет героя фильма в сумасшедший дом. Как имитатор Чарли, до того молчавший, все же добивается успеха, исполняя песню, текст которой он забыл, заменив его звукоподражаниями, напоминающими французские слова. Звуковое кино и имитация, по Чаплину, легитимны тогда, когда они возвращают нас к трансрациональной поэзии дадаистов – к раннему авангарду.

медлить промышленный экспансионизм). В «Гидроцентрали» (1930–1931) Мариэтты Шагинян отрицательный персонаж, начальник участка на стройплощадке, занят тем, что сооружает вместо временного моста «монументальный»²². Словно исправляя выданное у Шагинян за промах, Алексей Толстой в повести «Хлеб» (1937) примется уже за пределом производственного романа живописать импровизационный ремонт разрушенного моста, восстановленный пролет которого («первое советское чудо») держится на деревянных устоях, трещащих под нагрузкой²³.

2

Чтобы глубже вникнуть в ситуацию, сложившуюся на пути от авангардистского дебюта к тоталитарному эндишпилю, следует задаться вопросом о том, как вообще в отношении между первообразом и репродукцией закрадывается некая разница между ними. Было бы оправданно думать, что она возникает в силу наличия у подражателя мотивировки, побуждающей его перенимать сторонний опыт и руководствоваться некоей меркой. Дублирование может обладать собственной интенцией, модифицирующей и своевольно концептуализирующей первоначало. Источник то подвергается снижению в разного рода пародиях, то, напротив, возвышается до уровня непрекаемой инстанции, когда имитатору хотелось бы добиться власти за чужой счет, то рассматривается как безальтернативный и потому обязывающий всех и каждого одолжаться у этого всеобщего кредитора (*imitatio naturae* – пример такой категоричности применительно к эталонным прецедентам в художественном творчестве) и тому подобное. Мотивировка в следовании образцу бывает, однако, и отсутствующей. Нулевое обоснование имитации имеет место там, где она солидаризует коллектив, которому индивид приносит в жертву свою волю, отказываясь тем самым вкладывать ее в подступ к значимым для него ориентирам поведения. Интенция подражания обращается в подражание как интенцию.

Почин в исследовании репликаций в качестве социогенного фактора был положен Габриэлем Тардом («Законы подража-

22 Шагинян М. *Гидроцентраль*. М.: Советский писатель, 1956. С. 168. С явным кивком на опального Троцкого Шагинян называет своего негативного героя Леоном Давыдовичем. В этом контексте имя и отчество Маргулиеса у Катаева могут быть поняты не только как намек на судьбу Муравьева, но и как полемика с «Гидроцентральной». Остается еще заметить, что автономия Троцкого (Бронштейн) и фамилия Маргулиес близки этимологически (восходя, соответственно, к названиям янтаря, драгоценного камня, жемчуга).

23 Толстой А. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Художественная литература, 1959. Т. 6. С. 659; см. также: Смирнов И. *Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней*. М.: Новое литературное обозрение, 1994. С. 264.

ния», 1890) и подхвачен в «Психологии масс и анализе человеческого “я”» (1921) Зигмундом Фрейдом, который объяснил обезличивание, происходящее в групповой жизни, предпринимаемой индивидами подстановкой единого для них всех «объекта» взамен «“я”-идеала», что влечет за собой их идентификацию друг с другом²⁴. Экспланаторная схема Фрейда не учитывает того обстоятельства, что социальная однородность генерируется не обязательно равнением участников коллектива на фаворита (на фигуру «отца»), но и их самовластной тягой быть взаимоподобными (чтобы спонтанно выстроиться в очередь к кассе, не нужно практиковать культ предков). Раз так, сходство членов общества должно быть истолковано в примирении обеих этих тенденций. Вбирание в себя иной самости (дающее в сумме отдельных актов «генерализованного Другого», как определил социальность Джордж Герберт Мид), как бы оно ни случилось – непосредственно или благодаря релевантности для многих некоего посредника, – внушает индивиду иллюзию безопасности его существования, прибавляет к его плоти еще и еще одну, удваивает и умножает его жизнь, обещает ее возобновление до того, как она и впрямь оборвется. Социальность покоится на страхе смерти. *Ното социалис* делает ставку на исполнимость в текущем времени повторения, которое, согласно одноименному трактату (1843) Сёрена Кьеркегора, возможно в чистом виде только в вечности.

Тоталитарная социокультура перевела обороняющую нас от Танатоса функцию имитации из сферы психоавтоматизма на уровень ключевой целеустановки придвигающейся к своему пределу эпохи, осознав вслед за Муравьевым связь репродукции с надеждой на бессмертие и возведя в ранг постоянной темы пренебрежение опасностью в процессе воссоздания/превосхождения оригиналов. Невольная имитация перешла, таким образом, в разряд подражаний по расчету. Потеря дифференцированности в этом поле, ставшем сплошным, была восполнена за счет отмежевания от спасительных имитаций их губительного извода. Поскольку все подражания преднамеренны, они различны по той причине, что их направляет либо добрая, либо злая воля. Последнюю воплощают враги социализма.

В «Дне втором» рабочий Толя Кузьмин портит оборудование, заразившись идеями студента Володи Сафонова, который в противовес повальному трудовому энтузиазму отстаивает право на неповторимость – на личную свободу и самобытное творчество (не найдя выхода из своей обособленности, он кончает самоубийством). О подражании как вредительстве Эренбург повествует, подчеркнуто воспроизводя пейоративно

ИГОРЬ СМЕРНОВ

ЧУЖОЙ РЕСУРС...

²⁴ FREUD S. *Massenpsychologie und Ich-Analyse. Die Zukunft einer Illusion*. Frankfurt am Main: Fisher, 1967. S. 55.

оцененный им претекст: история Сафонова и Кузьмина отправляет нас к компрометации героя-идеолога Ивана его низким аналогом Смердяковым в «Братьях Карамазовых». Эренбург предостерегает *expressis verbis* своих читателей от увлечения Достоевским, устанавливая тем самым соответствие между изображаемой им и изображающей имитациями – одинаково негативными. Имитации злоумышленников варьировались искусством соцреализма в широком диапазоне. В фильме Ивана Пырьева «Партийный билет» (1936) пособник шпионов Павел Куганов (в его роли был занят Андрей Абрикосов) добивается доверия трудового коллектива на оборонном заводе, устраивая аварию, которую сам же и ликвидирует в готовности пожертвовать собой (он обгорает); он идет на муку – предпринимает *imitatio Christi*. Если взять проблему в более общем плане, то в глаза бросится обилие в производственном романе закамуфлированных противников индустриализации, притворных подобий честных советских тружеников.

Тоталитарная социокультура перевела функцию имитации из сферы психоавтоматизма на уровень ключевой целеустановки придвигающейся к своему пределу эпохи, осознав связь репродуцирования с надеждой на бессмертие и возведя в ранг постоянной темы пренебрежение опасностью в процессе воссоздания/превосхождения оригиналов.

Ведущая и к благу, и к ущербу, имитация делается амбивалентной²⁵. Она содержит в себе возможность подстановки одного своего полюса на место другого, опрокидывания в противоположное. Она созидательна, но сопровождается катастрофой, чем бы та ни вызывалась, будь то спровоцированное вредителями крушение паровоза в «Ведущей оси»; буран, разыгравшийся в момент постановки рекорда, в романе Катаева; пожар на корабле «Узбекистан» в «Танкере “Дербент”» и тому подобное. Ввиду своей обратимости подражание допускает обучение у неприятеля, перенимание вражеского опыта (прежде всего капиталистической организации труда) и в то же самое время не исключает адаптацию чужака в среде ревнителей социализма (в «Большом конвейере» американец Сте-

25 В биофилософии предвоенной Европы амбивалентность в подражаниях привлекла к себе внимание Роже Кайуа. См. его статью «Мимикрия и легендарная психастения» (1936), в которой защитная маскировка организмов была интерпретирована как сразу и избавляющая их от опасности, и уводящая их от сознания и жизни, раз они сливаются со средой.

венсон восхищается Россией, в «Дне втором» кулацкого сына Ваську Морозова уберегает от изгнания со стройки старый большевик Шор).

ИГОРЬ СМЕРНОВ

ЧУЖОЙ РЕСУРС...

Не в литературных текстах, а на деле подражание врагу было обычной стратегией Сталина, одним из первых проявлений которой стало заимствование плана индустриализации у Троцкого (изложенного им в статье «К социализму или капитализму», 1925). Показательные процессы 1936–1938 годов (а до того ставшее их генеральной репетицией дело Промпартии) спроецировали стратегию, пущенную в ход Сталиным, на тех, кого он карал, вынужденных признаваться в несовершенных преступлениях против ими же созданных государства и его хозяйственных учреждений, выступать в роли негативных двойников самих себя. Театральность этих судилищ была одним из слагаемых той зрелищности, в какой положившийся на имитации тоталитарный режим жаждал – в поисках прочности – дублировать себя в репрезентациях (в наглядной пропаганде, парадах, праздничных декорациях, документальных фильмах, выставочных павильонах, монументальной архитектуре, не столько функциональной, сколько идеологизированной).

Аннулирование привативных (контрадикторных) оппозиций, осуществлявшееся в подражании врагу, влекло за собой в порядке обратной связи конструирование такого общества, которое усматривало (на контрарный манер) инаковость в имманентном ему, добивалось сплоченности, направляя агрессию вовнутрь, переживая, по провозглашенному Сталиным в 1928 году принципу, ужесточение «классовой борьбы». Логика Большого террора, выплеснувшегося из рамок уничтожения старых партийных кадров, была такова, что репрессиям мог быть подвергнут любой гражданин Советской страны. Изнаночной стороной присваивания себе достояния антагонистов была интернализация розни.

Переходящая в противоположное в собственных недрах имитация опустошала контрастирующее с ней извне, замыкалась на себе, лишь повторялась, когда могла бы выйти за свои границы. Исчезновение Другого в тоталитаризме было следствием того, что эта культурно-политическая система была захвачена утверждением подобий, обязывая всякую часть делаться фрактальным отображением целого. Организация социума оказывалась плеонастической, что выражалось среди прочего в удвоении государственной власти партийным аппаратом, которое Ханна Арендт диагностировала применительно как к германской, так и к советской политической действительности 1930-х²⁶ (в дальней ретроспективе эта избыточность руко-

26 ARENDT H. *Op. cit.* S. 628 ff.

водства восходила к Ветхому Завету, где народ Израилев ведут в землю обетованную вождь Моисей и первосвященник Аарон). Неукоснительный параллелизм администратора и облеченного властными полномочиями идеолога обеспечивался тем, что тот и другой проводили в жизнь волю уникального авторитета – главы общества, задающего ему одно и то же повсюду признаковое содержание.

В художественных текстах об индустриализации зацикливающаяся имитация во многих случаях (например в романах Шагинян, Катаева, Эренбурга) олицетворял включенный в число протагонистов писатель, выполняющий журналистское задание, наблюдатель и регистратор происходящих в повествовании событий (в «Гидроцентрали» к писателю прибавляется еще один соглядатай излагаемого действия – архивариус, несущий службу на строительстве электростанции). Производственный роман озеркаливал мимесис, надстраивал над изображением внетекстовой реальности ее внутритекстовое запечатление в литераторском сознании. Своеобразие соцреалистической метафикциональности заключалось в том, что она не намечала никакого выхода из мимесиса, налагала запрет на поїезис и – шире – на самоценность повествовательного искусства²⁷. Тем самым литература внушала читателям убеждение в том, что нет иной реальности, кроме той, которая ему преподносилась. Художественный нарратив требовал безусловной веры в себя, как если бы он был сакральным (далеко неспроста Эренбург адресуется в названии своего романа «День второй» к ветхозаветному миротворению).

В романе Александра Малышкина «Люди из захолустья» (1937–1938) журналист из периферийной в текстах о «великом переломе» фигуры превращается в центральную. Малышкин рассказывает историю происходящих из провинциально глухого Мшанска братьев Соустиных, один из которых Николай – сотрудник промышленного отдела «Производственной газеты» в Москве, работающий под началом становящегося ее ответственным секретарем Калабуха (в этом философски образованном персонаже угадывается его прототип – Бухарин, бывший в 1934–1937 годах главным редактором «Известий»). Тайный противник сталинской политики, Калабух наставляет Николая Соустина, посланного писать репортажи о коллективизации, советуя, чтобы тот учился отличать явленное от скрытого под его поверхностью смысла, постулируемое как «долженствующее» от подлинной «реальности»: «Видимость не заменяет сущего, а противоречит ему, извращает его»²⁸. Попав в глубинку, на свою родину, Николай убеждается в том, что

²⁷ О метафикциональности в производственном романе см. подробно: ГРИГОРЬЕВА Н. Указ. соч. С. 184 след.

²⁸ Малышкин Ал. *Люди из захолустья*. М.: Советский писатель, 1953. С. 213.

в стране идет жестокая война между старым и новым укладами жизни. Дело, стало быть, не в отграничении наружного от сокровенного, а в размежевании действительности на уходящую и наступающую. Мир устроен не по Платону, а сообразно исторической диалектике Гегеля.

В романе Малышкина о мимесисе текст лишается права на открытие другого мира, нежели тот, какой дан нам в восприятии (ведь имитация не что иное, как «мост между перцепцией и производством»²⁹). Абсолютизация мимесиса изымает из литературы ее интерпретативную составляющую, без которой та более не может претендовать на автономность. Брат Николая Соустина, Петр, бежит из Мшанска, опасаясь раскулачивания, на Урал, на стройку коксохимического комбината, где вместо того, чтобы участвовать в общем труде, налаживает частную торговлю первым необходимым, мечтая о «каменном лабазе с красным товаром»³⁰. Петр пытается восстановить свободный рынок там, где его упраздняет полное огосударствление экономики. Литературному мимесису, обнаруживающему, что прошлое вытаскивается из настоящего будущим, противостоят у Малышкина (модифицирующего романтическую антитезу художник vs обыватель) житейские потуги имитировать былое, которому предстоит отмирание.

«Люди из захолустья» – редкий среди производственных романов случай традиционного повествования, планомерно прочерчивающего биографические линии двух своих главных героев. По преимуществу же наррация в этом жанре децентрирована, скомпонована из множества микроисторий, в которых так или иначе отображается магистральная тема рассказа о трудовой и технической созидательности, компенсирующего тем самым свою дробность. Переключение авторского внимания с одного персонажа на другого скачкообразно, что, однако, не низводит повествование до набора фрагментов, поскольку все входящие сюда микроистории изосемантичны (хотя бы ценностно и не совпадали друг с другом).

В производственном романе индивидуальности не растворяются без остатка в коллективном теле (как это бывало в авангардистском искусстве³¹), но и не вполне самостоятельны, будучи взаимоподобными (а если своевольны, то обречены на гибель). Имитатор не то же самое, что его образчик – и вместе с тем старается уравниваться с ним. Самобытность и стандартность едва ли поддаются разъятию в повествованиях о больших стройках.

29 MELTZOFF A.N. *Elements of a Developmental Theory of Imitation* // MELTZOFF A.N., PRINZ W. (Eds.). *The Imitative Mind. Development, Evolution, and Brain Bases*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 34.

30 Ibid. P. 159.

31 О мифологии массы в авангарде см. подробно: БОБРИНСКАЯ Е. *Душа толпы. Искусство и социальная мифология*. М.: Кучково поле, 2018.

Рыжий архивариус в «Гидроцентрали» поучает художника Аршака Гнуни: «Ни в чем нет столько подражательности, сколько в оригинальности»³², то есть в индивидуальном. Намеренно или неумышленно производственный роман выполнял в своем строе программу, намеченную в «Овладении временем». Время, по Муравьеву, нельзя покорить без сбалансирования единого и множественного. «Действие, – пишет он, – [...] творит время» (с. 197), чтобы подчинить его разуму. Только если разные акции будут согласованы между собой во всеобъемлющей системе, время их проведения подвергнется интеграции с тем, чтобы как таковое поступить в распоряжение человека: «Я делаю свое дело в общем деле. Я мыслю свое мироотношение в общем мироотношении» (с. 196).

В производственном романе индивидуальности не растворяются без остатка в коллективном теле, но и не вполне самостоятельны, будучи взаимоподобными. Имитатор не то же самое, что его образчик – и вместе с тем старается уравниваться с ним.

Разбросанно-резонансная организация производственного романа заметна уже в таком раннем явлении этого жанра на литературной сцене, каким была «Соть» (1928–1929) Леонида Леонова. В этом тексте еще фигурирует центральный герой – дорастающий до начальника Сотьстроя Увадьев, но фокус повествования то и дело смещается с него на прочих, в изобилии населяющих романное пространство, персонажей: монахов из скита, рядом с которым возникает бумагоделательная фабрика; крестьян из соседних деревень, рабочих, инженеров, управленческую верхушку строительства, изгоев (таков бывший поручик Виссарион, не приемлющий вслед за Шпенглером оскудение духовной культуры в подавляющей ее технической цивилизации). «Соть» как будто оспаривает финалистское мирозерцание тех, у кого отбирает будущее: монашеской братии, отрезавшей себя от светских превратностей; Виссариона, восклицającego: «Мир гибнет»³³.

В то же время комбинат по изготовлению целлюлозы воспроизводит в приданном ему культовом значении ту сакральную институцию, место которой он захватывает, – пустынь. В своей преданности делу Увадьев имитирует иноческое труженичество, он аскетичен: бросает курить, не поддается соблазну, когда машинистка Зоя раздевается перед ним догола. Предпо-

32 Шагинян М. Указ. соч. С. 18.

33 Леонов Л. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Художественная литература, 1953. Т. 2. С. 191.

читающий воздержание, Увадьев неспроста печется о беглом схимнике Геласии, чем вызывает возмущение токаря из ремонтной мастерской: «И ты тоже хочешь монахом советскую власть подпираться!»³⁴. Старт производственному роману 1930-х дает сочинение, явно отвергающее конечность, но имплицитно подтачивающее свой пафос и рассекречивающее в этой двойственности сущность подражания, как сразу и предвидящего завершаемость, присущую всему индивидуальному, и не желающего мириться с ней. Стройка на берегу реки Соть наследует не только скиту, но и стоявшему там с давних пор «небольшому бумажному предприятию» Фаворовых.

Текст Леонова сохраняет в себе след авангардистского производственного романа «Цемент» (1924–1925), где предметом было восстановление завода, остановившегося в гражданскую войну. В унисон с общей установкой авангардистской художественной культуры, заново начинавшей совершившуюся до того историю, Федор Гладков положил в тематическую основу «Цемент» идею второго рождения. В соцреалистическом романе регенерация уступает свою позицию новообразованию, лишь соизмеримому с тем, что было, и при этом снимающему в прошлом его дифференцированность, ориентированному на него без разбора, о чем в «Соти» свидетельствует намеченный Леоновым проект расширившейся фабрики, вбирающей в себя также черты монастыря.

3

Имитационность определяла собой самые разные секторы социореальности, конституированной в период сталинизма, будь то подражательная демократия, позволяющая избирателям отдавать голоса только одному кандидату, или владение собственностью (жильем, земельными участками) в модусе «как если бы», поскольку *de jure* она принадлежала государству, или возрождение некоторых дореволюционных установлений (вроде раздельного по половому признаку школьного обучения). Эти факты помогают понять тот размах, с которым принцип имитации был внедрен в насаждавшийся Сталиным символический и фактический порядок, подчинивший себе общество. Советская атомная бомба была создана по образу и подобию американской после того, как секрет конструирования этого оружия был похищен в результате успешной шпионской операции. Борьба за русский приоритет в исследовательских открытиях и технических изобретениях мистифицировала отечественную научную

34 Там же. С. 249.

историю и сделала ее параллельной к западной. Продвижение сталинской империи после Второй мировой войны в Восточную Европу повлекло за собой примеривание советской модели к странам-сателлитам³⁵ (вплоть до воспроизведения в них московских показательных процессов 1930-х – самым громким в ряду этих новых инсценировок стало дело Рудольфа Сланского, генерального секретаря чехословацкой компартии; принужденные к имитации колонии должны были пройти в кратчайшее время тот же исторический путь, что и метрополия).

Пронизывающая всю тоталитарную социокультуру подгонка под прототип раскрывает в производственном романе с особой внятностью свою самодовлеющую сущность. Эстетическая автотеличность переносится в текстах этого сорта на их предмет. Цивилизационная созидательность в них (отвечая фактическому положению дел) обслуживает не столько своих потребителей, сколько в первую очередь саму себя, будучи производством производительных средств либо подспорьем такового³⁶. Конечный продукт имитации – всегда она же (в только что разобранным романе Леонова такой характер ее креативности передан в мифологеме уробороса: книга описывает выпуск материала, из которого она изготовлена, – бумаги; мимесис в «Соти» отображается в собственном его медийном орудии).

Как творение, проваливающееся в себя, подражание – неизбежный этап в выработке ребенком «я»-образа и укреплении самости³⁷. Соцреализм адресуется поэтому в равной мере как к взрослым, так и к подрастающему поколению, плодя в небывалых ранее размерах литературу и искусство (например театральное), предназначенные для детей. Закоротив креативность на себе, имитатор жидкителен затем в той мере, в какой расходует себя в самоотдаче, в трудовом экстазе. Полученное имитатором в порядке апроприации возвращается им обществу в виде дара. Под этим углом зрения нет ничего неожиданного в том, что зрелый тоталитаризм увенчал себя музеем подарков Сталину (1949–1953) и обязывал граждан покупать облигации государственного займа, превращая добровольные взносы в казну в долженствующие³⁸ и извращая тем самым мо-

35 Трансфер такого рода был веянием эпохи – на свой лад его осуществляли и западные демократии на доставшейся им территории Германии; см. подробно: ЯСОВУ W. *Imitation and Politics. Redesigning Modern Germany*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2000. Грянувшая после победы союзников над гитлеризмом «холодная война» была имитационным продолжением войны «горячей».

36 Ср.: ДОБРЕНКО Е. *Политэкономия соцреализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 364 след.

37 См. подробно: РОСНАТ Р. *Ego Function of Early Imitation* // MELTZOFF A.N., PRINZ W. (Eds.). *Op. cit.* P. 85–97.

38 К мотиву подарка в соцреалистической литературе ср.: КУЛЯПИН А.И., СКУБАЧ О.А. *Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920–1950-х гг.* Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. С. 109–117. Стоит вспомнить, что Жорж Батай опубликовал в 1933 году статью «Понятие траты», где охарактеризовал человека как существо прежде всего непроизводительно расточительное.

дель филантропического социализма, выдвинутую Анри Сен-Симоном.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

ЧУЖОЙ РЕСУРС...

Критика имитационного сознания, предпринимаемая в его же границах, не занятая поиском альтернатив к нему, квалифицировала творческую способность, которой то располагало, как недостаточную. В «Котловане» (1930) Андрея Платонова возведение «общепролетарского дома»³⁹ не выходит из нулевого цикла. Руина в этом скептически осмысливающим самом себя производственном романе не подытоживает существование во времени цивилизационной ценности, а совпадает с ее рождением. Подражание, недовольное собой, трактует копию как развалину оригинала, как возникновение упадка⁴⁰. Парадоксальным образом тоталитарная социокультура увековечивала себя в руинах (в разрушенном, но все-таки выжившем) так же, как она обеспечивала себе жизнестойкость в опоре на неувядаемые традиции⁴¹. Роман Платонова при всем своем еретичестве вовсе не отрицает социалистические идеалы. Внутри мышления *in toto* не может сформироваться воистину отпадающая от него контравариативность.

**Подражание, недовольное собой, трактует копию
как развалину оригинала, как возникновение
упадка. Парадоксальным образом тоталитарная
социокультура увековечивала себя в руинах так же,
как она обеспечивала себе жизнестойкость в опоре
на неувядаемые традиции.**

За пределом же огосударственного искусства, в складывавшемся в ту же пору, что и оно, авангарде второй волны руиной становится сам художественный текст, как это было изображено в «Отчаянии» (1932) Владимира Набокова – повествовании о крахе романа о нераскрываемом преступлении – или практиковалось в театре абсурда Даниила Хармса и Александра Введенского, расстраивавших логико-семантическую связность драматического действия. Авангардным в годы засилья тоталитарной эстетики было самоотрицание художественного текста, признающего тем самым неизбежность скорого исхода текущего социокультурного цикла, не оттягивавшего, а торо-

39 Платонов А. *Котлован. Текст, материалы творческой истории*. СПб.: Наука, 2000. С. 32.

40 Та же направленность определяла сопутствующий становлению и развитию тоталитаризма взлет политического анекдота, который был не чем иным, как комическим рассказом о неудачном подражании.

41 Ср. слияние того и другого – исследованный Джулией Хелл культ руин, сопровождавший с самого начала имитацию Римской империи в «третьем рейхе»: HELL J. *The Conquest of Ruins. The Third Reich and the Fall of Rome*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. P. 4 ff.

пящего развязку эпохи. После того как старания тоталитарной социокультуры сохранить себя в историческом времени не выдержали конкуренции с его изменчивостью, производственный роман был шаржирован в «Низшем пилотаже» (2001) Баяна Ширянова: на повествования о трудовом самозабвении во благо индустриализации страны пала тень наркотического делириума, соцреализм воскрес в облики помраченного сознания.

Консервативная ориентация на опыт, почерпнутый из истории, типична, как говорилось во вступлении к статье, для разных клонящихся к закату диахронических ансамблей (так, в русском романтизме эта тенденция нашла выражение в апологетизировавшем допетровскую старину сочинении Ивана Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852) и в прочих выступлениях славянофилов, а на исходе следующей – реалистической – эпохи изъясилась в преклонении Константина Леонтьева перед «византизмом» (1875)). Такая эволюция свойственна не только большим мировоззренческим системам, но и их идиолектам: Пушкин подвел итог своему творчеству в реплике (1836) на «*Exegi monumentum*» Горация, учтя также целый ряд пастишей, вызванных к жизни этим авторитетным источником⁴².

Последние фазы разных эпох отличаются, однако, друг от друга тем, как идеотворчество, противясь угасанию, заглядывает в будущее. Просвещенческое защитное визионерство породило теорию прогресса, подразумевавшую в XVIII веке совершенствование в дальнейшем ходе времени того состояния, в каком оно уже пребывает. Поздний романтизм обнаруживал в будущем свое зеркальное отражение, дополнение себя в обращенном виде: согласно «Сущности христианства» (1841) Людвиг Фейербаха, эмпирическое (человек) станет трансцендентным (богом) и *vice versa* (вещи потеряют символическое значение, замещенное их практическим назначением); заключающее историю у Гегеля торжество авторефлексии абсолютизировало саму зеркальность. Одним из последних философских изобретений реализма 1840–1880-х сделалось учение (1883) Фридриха Ницше о «вечном возвращении подобного». В канун становления авангарда предшествовавшая ему эстетическая культура рубежа XIX–XX веков пророчествовала в лице Вячеслава Иванова («О веселом ремесле и умном веселии», 1907), что завтрашний день принесет восполнение утраченных в настоящем ценностей, которые были когда-то добыты историей духа: будущее за средневековым художником-ремесленником, отзывающимся на заказ общины.

⁴² Ср. подробный анализ имитационной техники в этом пушкинском стихотворении: LACHMANN R. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 303–353.

Сдерживание времени, грозящего катастрофой (*katechon* апостола Павла и Тертуллиана⁴³), имеет, как видно, две стороны, будучи повернутым одной из них к прошлому, а другой – к предстоящему сбыться. То, что маячило на горизонте тоталитарной социокультуры сталинского пошиба, являло собой безоговорочную небывалость – коммунизм, в котором вся случившаяся до того история прекращала свое существование. Сталинизм спасал себя в грядущих веках самым радикальным из всех возможных способов, подхватывая Марксову утопию, выданную ее автором за научное предвидение. Но тем самым советский режим принижал собственное всего лишь историческое, транзитное содержание. Чем совершеннее футурологическое ожидание, тем более современность теряет самоценность. Вот почему так называемый «реальный социализм» стал в советской империи подражанием, вышедшим из берегов. Сталинская консервативная революция была самой консервативной из всех, предварявших ее. В своей несравнимости с чаемым отмиранием истории текущая современность была сама по себе, помимо разыгрывания протосцен, пустой. Настоящее должно было уничтожить себя в беспримерном автотерроре, поименованном «усилением классовой борьбы» при приближении к социализму. Заградительные мероприятия, предупреждавшие вырождение диахронической системы, которая стилизованно питалась чужой жизнью, подтачивались изнутри этого импловизного образования⁴⁴. *Katechon* из обуздания катастрофы сделался ею. Производственный роман проникновенно впитал в себя противоречивость своего времени, возведя аварии и стихийные бедствия в ранг неперенных слагаемых рассказа о трудовых подвигах.

ИГОРЬ СМЕРНОВ

ЧУЖОЙ РЕСУРС...

43 См. подробно об этом раннехристианском понятии, ставшем актуальным в момент перехода от ветхозаветного к новозаветному обществу: HELL J. *Op. cit.* P. 99–107. См. также глубокий анализ темпоральных представлений апостола Павла: АГАМБЕН ДЖ. *Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Идея сдерживания была выдвинута той современностью, которая перспективировала свою сразу деструктивную и конструктивную энергию так, что будущее выступило в контрастных обличьях – как царство антихриста, которое упразднится вторым пришествием Христа.

44 В наши дни ступившая на свой край посттоталитарная социокультура сделала имитируемым в свое оставшееся время самого субъекта подражания – человека мыслящего, которого ей хотелось бы подменить искусственным интеллектом, а заодно принялась реставрировать в множатся авторитарных режимах то, что когда-то преодолевала, – тоталитаризм.

IF и органические интеллектуалы

Яна Янпольская
(р. 1977) – историк
философии, переводчик,
специалист по социаль-
ной философии, доцент
кафедры современных
проблем философии Рос-
сийского государствен-
ного гуманитарного
университета.

Духотомная «Сага французских интеллектуалов» (далее – «Сага»)¹ Франсуа Досса вышла в свет в сентябре 2018 года в издательстве «Gallimard», а уже в 2024-м была переиздана в популярной карманной серии того же издательства – «Folio». На книгу Досса критики отреагировали и сочувственно, и многословно: с сентября по ноябрь 2018-го о ней писали «Libération», «Figaro», «Figaro littéraire», «Marianne», журналы «Philosophie», «Nouveau Magazine littéraire» и многие другие. Книга была номинирована на премии «Femina» и «Revue des Deux Mondes», став одним из ключевых издательских событий накануне политического кризиса во Франции, а потом и пандемии COVID-19. Эти события еще более подогрели общественный интерес к фигуре французского интеллектуала и его истории: в марте 2019-го президент Макрон даже предпринял попытку реанимировать «брак власти и интеллектуала», призвав нынешних представителей вида IF (*intellectuel français*) на Большие национальные дебаты, посвященные поиску «нового будущего для страны» и выхода из локального и глобального кризисов.

До выхода «Саги» Франсуа Досс был известен во Франции исследованием «Истории структурализма»², а российскому чита-

1 DOSSE F. *La Saga des intellectuels français*. Paris: Gallimard, 2018.

2 IDEM. *Histoire du structuralisme. Tome I: Le champ du signe, 1945–1966*. Paris: La Découverte, 1991; IDEM. *Histoire du structuralisme. Tome II: Le chant du cygne, 1967 à nos jours*. Paris: La Découverte, 1992.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

телю он знаком интеллектуальной биографией Делёза и Гваттари³, вышедшей в 2021 на русском языке. Интеллектуальная биография самого Досса выглядит связующим звеном между эпохой «большого стиля» и нынешним кризисом: он последователь Поля Рикёра и научный наставник Эммануэля Макрона. Многостраничной «Сага», объединившей его публикации многих лет, предшествовала книга «Философ и Президент. Рикёр и Макрон»⁴.

«Сага французских интеллектуалов» насчитывает более 1300 страниц, разделена на два тома в соответствии с охватываемыми периодами: 1944–1968 и 1968–1989. Каждый из томов в свою очередь содержит части с говорящими заголовками: историк в деталях прослеживает все критические плоскости 45-летней жизни уникального явления IF – от послевоенной новой надежды на смысл истории через противостояние «холодной войны» к Золотому веку критической эпохи с ее кратким обретением нейтралитета, и далее: к неоднозначному поражению 1968-го, падению Берлинской стены и вплоть до распавшегося на фрагменты будущего, осколки которого мы с интересом собираем сегодня. При этом Досс – еще и бдительный эпистемолог: концептуальные и методологические повороты истории интеллектуала прописываются им доступно, но пунктуально и почти без компромисса с «неспециалистом». Тем самым автору «Саги» удалось пройти между Сциллой и Харибдой интеллектуальной истории: истории идей обыкновенно скучно и с трудом читаются и не похожи на истории порождающих их людей, в то время как истории людей часто банализируют и психологизируют процессы, источники их знания и процессы понимания. Опыт работы над биографиями философов и интеллектуалов Поля Рикёра, Мишеля де Серто, Корнелиуса Касториадиса, Жилья Делёза и Феликса Гваттари научил автора сложному синтезу. «Сага» легко и с интересом читается, несмотря на объем, и при этом не скатывается к объяснению жизненных приключений идейными обоснованиями, а жизни идей – конкретными «биографическими обстоятельствами».

Кто-то из критиков воспринял название книги «Сага» всерьез. «И вот они все перед нами – настоящие герои саги – Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Раймон Арон, Франсуа Мориак, Клод Леви-Стросс и многие другие», – пишет обозреватель журнала «Télérama»⁵. Другие справедливо отмечают, что о *saga* здесь не стоит говорить: Досс не прослеживает связь поколений, а сами интеллектуалы все же не образуют ни семейства, ни субэтнуса,

3 Досс Ф. Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография. М.: Дело, 2021; Dosse F. Gilles Deleuze, Félix Guattari: biographie croisée. Paris: La Découverte, 2009.

4 ИДЕМ. Le Philosophe et le Président. Ricouer & Macron. Paris: Stock, 2017.

5 HEURÉ G. La Saga des intellectuels français 1944–1989. François Dosse // Télérama. 2018. 8–14 septembre.

их даже с трудом удается определить как отдельную социальную группу или сообщество. Есть ощущение, что «сага» в названии звучит и ностальгически, и иронически: век IF одно временно и длинен, и короток, а его границы ясно обозначены: 1944–1989, пусть даже исторически понятие «интеллектуал» во Франции восходит к делу Дрейфуса (1894), а его угасание начинается в точке наивысшего расцвета – недолгом, но гиперпродуктивном периоде «структурализма» (1952–1975).

Досс не пускается в терминологические и типологические уточнения относительно истории понятия или методологии интеллектуальной историографии. Три типа IF – «профетический / универсальный / послевоенный», «специализированный» и «медиатический», – равно как и «смерть французского интеллектуала», о которой уже более сорока лет рассуждают сами интеллектуалы, все эти теоретические несущие конструкции уточняются и обкатываются по живому: в спорах, петициях, увлечениях, поражениях, безумствах и осознаниях. Подход к описанию этих точек бурления на протяжении всей книги Досса (иногда лоскутной, склеенной, полной повторений и оправданных наложений) узнаваем: он дает развернуться заблуждению, представляет театр ложной убежденности, часто вырастающий из лучших, строгих и критических, побуждений. Выражаясь словами Ролана Барта, Доссу присуща деликатность по отношению к чужому фантазму: он дает распусться всякому порыву своих протагонистов, до последнего стараясь блюсти принцип Андре Жида «Не судите!». Впрочем, и авторских вполне линейных суждений по итогам этого возделывания фантазмов, конечно же, в книге немало, и они вполне категоричны.

Одна из реакций на выход этой книги Досса принадлежит перу одного из героев «Саги» Жаку Жюльяру (1933–2023), она была опубликована в его авторской колонке в газете «Figaro». Реакция поддерживающая и критическая одновременно. Жюльяр – теоретик и общественный деятель – близко знаком с большинством силовых линий «Саги», в том числе в их современном продолжении. На момент выхода книги он был одним из все еще живых IF и уже с начала 1980-х жил своего рода «посмертной жизнью», неустанно осмысливая символический и исторический «конец интеллектуалов». Ключевой фигурой в этих спорах вплоть до недавнего своего ухода оставался Пьер Нора (1931–2025). Уже мифические и легендарные IF – Эдгар Морен (р. 1921) и Режи Дебре (р. 1940) – все еще в строю и реагируют как на повестку дня, так и на разговоры о «могиле интеллектуалов». IF сегодня по-прежнему существует в трех ипостасях: это участники описываемых событий, герои (персонажи) «Саги» и ее читатели, выносящие из верности своему статусу интеллек-

туала суждения о прожитом и прочитанном. Это и в самом деле некое «критическое randevu» (назначенное IF себе самому), как верно характеризует «Сагу» заголовок соответствующей рубрики в той же «Télérama».

ЯНА ЯНПОЛЬСКАЯ
IF И ОРГАНИЧЕСКИЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Жак Жюльяр делится по прочтении «Саги» своими размышлениями, которые вкратце можно резюмировать в трех тезисах. Первое: то, что нас восхищает с истории IF – слияние писательства и учености с активной политической и гражданской позицией, – скорее признак недуга; в нормальной ситуации, вторит Жюльяр Токвиллю, на месте «интеллектуала»-писателя стоит лидер политической партии. Второе: у интеллектуала есть свои приемчики, тропы, и их можно выявить и перечислить, в том числе и присматриваясь к персонажам Досса. Прежде всего это создание иллюзии полиса, народа, к которым интеллектуал имеет преимущественный доступ в противовес каким-либо механизмам представительной демократии. В этом смысле функция интеллектуала в просвещенной Франции, замечает Жюльяр, ничем не лучше миссии интеллигенции в царской России. Кроме того, интеллектуал всегда паразитирует на провозглашаемой «уникальности момента», возгоняемой им искусственно. Это своеобразный популистский «гапакс»: мы должны действовать именно сейчас, уж завтра будет поздно. Безудержный эвентментализм делает интеллектуалов жертвами «демона активизма» (как говорил Корнелиус Касториадис): они объединяются в банды и «идут на охоту сообща». Отсюда третий тезис Жюльяра: интеллектуал должен быть одиноким. «Охота сообща» подменяет критический разум мракобесием и коллективным помутнением. (Эта позиция отчетливо напоминает призыв Жюльена Бенды в его «Предательстве интеллектуалов» (1927), чей антиактивизм стремительно теряет свою старомодность.) Общий диагноз Жюльяра звучит неутешительно: французские интеллектуалы никогда не были демократами. За некоторыми исключениями – Альбер Камю, Раймон Арон, Рене Шар, – они впадали в левый или в правый «бандитизм». Либеральная линия ущербна и не столь ярка, как линия заблуждений.

**Интеллектуал должен быть одиноким.
«Охота сообща» подменяет критический разум
мракобесием и коллективным помутнением.**

И все же даже перечисленных примеров «неподдавшихся» или же «вовремя спохватившихся» немало как в референсах Жюльяра, так и в книге Досса. Ключевой акцент автора «Саги» вовсе не в том, чтобы выстроить перед чистой историей в ряд

всех ИФ и устроить им смотр на предмет морального соответствия (еще один излюбленный интеллектуальный приемчик, замечает Жюльяр). Исходная интуиция Досса: сколько бы ни было скандалов, расколов, разбирательств и соблазнов в жизни ИФ, это не делает интеллектуалами нынешних «развлекателей», драчунов и провокаторов, пусть они и кажутся нам чем-то вроде «французских интеллектуалов». К числу последних автор относит как «новых философов», так и Мишеля Онфрея, к примеру. Будущность просрочена, будущее разломано, общества более не намечается – можно обобщить вслед за Доссом. Но и с осколками большого зеркала в руках можно заметить, что не только аниматоры и провокаторы способны «иметь влияние»: нечто, что можно назвать *автономией интеллектуала*, не вполне растворяется в приключениях его «ложных путей».

В предлагаемом далее фрагменте пятой главы первой части первого тома «Саги» рассматривается период с 1947-го по 1953 год, который стал эпохой предельной активизации Французской коммунистической партии (ФКП), мобилизующей ученых, художников, писателей и философов, для выравнивания своего курса и подтверждения верности на деле, которую французские коммунисты пытались соблюсти по отношению к Москве, указаниям и линии ЦК КПСС. Верность давалась им ценой здравого смысла, отказа от научности, эстетических интуиций и личных убеждений, о чем свидетельствуют многие трагикомические эпизоды, щедро и бодро описываемые Доссом. Публикуемая часть главы «Идеологические битвы коммунистов» повествует о двух сложно исполнимых линиях партии: развитии соцреалистического канона и построении антибуржуазной науки. Французские коммунистические интеллектуалы – их автор «Саги» иронично называет «органическими» в том смысле, что своим статусом интеллектуалов они чаще всего были обязаны целиком и полностью партийным органам (хотя у Антонио Грамши, введшего понятие «органический интеллектуал», подразумевалось несколько иное значение), – становятся боевыми машинами «холодной войны», вдохновляясь и непосредственно руководствуясь эпизодами типа уроков коммунистической музыки, преподанных Ждановым Прокофьеву и Шостаковичу.

Мы видим, как ждановизация и лысенковщина становятся символами веры ФКП. Она иницирует теоретические чистки в физике и химии: в буржуазности обвиняются идеалистическая интерпретация второго закона термодинамики, индетерминизм квантовой теории, теория резонанса и мезомерии. В сфере эстетики – также непаханое поле работы. О глубоко неочевидной сути соцреалистического канона можно судить по анекдотическому эпизоду с портретом Сталина, сделанным Пикассо по просьбе Арагона и едва не доведшим последнего до

самоубийства. Что касается насильственной рецепции методов «блестящего академика Лысенко», то она и вовсе обернулась в высшей степени трогательным «подвигом веры»: не в силах признать, что советская наука может столь сильно заблуждаться, биолог и верный коммунист Марсель Пренан (1893–1983) едет в Москву, надеясь при личной встрече развеять ненаучные теории великого Лысенко и тем самым помочь советским исследованиям. Вполне кафкианское путешествие дарит биологу гротескный прием у шарлатана, свысока наставляющего его в азах зерноводства, а по возвращении на родину – преследования со стороны однопартийцев за подрыв «вернализации».

ЯНА ЯНПОЛЬСКАЯ
IF И ОРГАНИЧЕСКИЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Сколько бы ни было скандалов, расколов, разбирательств и соблазнов в жизни IF, это не делает интеллектуалами нынешних «развлекателей», драчунов и провокаторов, пусть они и кажутся нам чем-то вроде «французских интеллектуалов».

И Жданов, и Сталин после своего ухода еще очень долго остаются для «органических» и сочувствующих им интеллектуалов светилами без пятен: Луи Арагон произносит пламенную речь «у могилы» Жданова и чуть не уходит из жизни, когда осознает, что не вполне «соцреалистично» попрощался на страницах вверенного ему издания со Сталиным. Даже решения XX съезда партии вкупе с разоблачением культа личности Сталина будут восприняты рядами верных как дезинформация и результат эффективности американской пропаганды: сигналы ЦК КПСС о конце сталинской эпохи еще долго будут игнорироваться во Франции (в то время как в Германии, напротив, они были более чем хорошо услышаны и сразу стали поворотным моментом). И лишь после подавления восстания в Будапеште в 1956 году очень медленно и постепенно фигуранты этой главы решаются начать «обретать новое зрение». Часто вместе с их партбилетами, как можно узнать из дальнейшего повествования Досса, в мусорку полетят и ростки, которые многие из них годами возвращали по лысенковскому методу, веря в его действенность и научность.

Интеллектуалы, особенно так называемая «творческая интеллигенция», в глазах ФКП всегда сохраняли статус подозрительных, руководство не доверяли даже преданным партийцам типа Арагона. Одними из первых из партии будут исключены Эдгар Морен и Маргерит Дюрас: недоумение по поводу доктрины Жданова стоило им места в «коммунистической семье». Чуть позже с громким скандалом выйдет из идеологической

борьбы и Анри Лефевр. Спустя годы как Луи Арагон, так и Жан-Поль Сартр будут дистанцированно описывать в биографической и мемуарной прозе периоды своей вовлеченности в «безумные кампании “холодной войны”». Активные фигуранты описываемых событий – весьма яркие фигуры – Лоран Казанова, Жан Канапа, Виктор Ледюк, Анни Кригель, классические «органические интеллектуалы» Пьер Декс и Андре Стиль. К концу 1956 года именно Ледюк, исполнитель чисток в рядах научных теорий, возглавит в рамках ФКП фронду несогласных. 1960-е, как покажет дальнейшее развитие «Саги» Франсуа Досса, ознаменуются кратким отдыхом от идеологических схваток «холодной войны»: нейтралитет и ангажированность сойдутся в новом «парадоксе Политического».

На русском языке издание «Саги французских интеллектуалов» готовится к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение».

Идеологические битвы коммунистов¹

ФРАНСУА
ДОСС

На съезде Коминформа в 1947 году Французская коммунистическая партия (ФКП) оказывается в положении обвиняемого. Ее отклонение от курса заключается в том, что она ударилась в национализм в ущерб интересам международного коммунистического движения. Ей было предложено скорректировать свои позиции в схватке с американским империализмом и поставить в приоритет защиту интересов советского Большого брата, то есть вписаться в стратегическую линию, которой придерживались все коммунистические партии в других странах. В рамках советского блока, равно как и в братских партиях, на повестке дня – чистки рядов и установление сервильных промосковских руководств, якобы представляющих интересы мирового пролетариата. Прошло то время, когда Мориак мог восседать рядом с Элюаром и Арагоном, воздавая им хвалу. Вступает в силу план Маршалла, который ставит целью консолидировать зоны влияния Соединенных Штатов в Западной Европе, и в этой ситуации СССР стремится защитить свои интересы, используя братские партии в качестве машин войны против американского империализма.

НА СЛУЖБЕ ПАРТИИ

Необходимость отстаивать коммунистические идеалы, противостоять американскому империализму, а также наличие предателей, переметнувшихся в его лагерь, вынуждают французскую компартию мобилизовать своих интеллектуалов. В ходе этих идеологических схваток французские коммунисты опираются на партийные ячейки различных профессиональных сообществ. Медицинские науки находятся под контролем комиссии, которая вскоре вынесет свой приговор психоанализу, а остальные интеллектуалы ограничены лишь своими дисциплинарными рамками. Формируются специальные «кружки» среди

Франсуа Досс (р. 1950) – французский философ и историк, работающий в жанре интеллектуальной истории. Автор «Истории структурализма» (1991–1992), интеллектуальных биографий Поля Рикёра, Мишеля де Серто, Жюль Дёлеза и Феликса Гваттари, Пьера Нора.

¹ Фрагмент из пятой главы книги «Сага французских интеллектуалов» печатается по изданию: Dosse F. *La Saga des intellectuels français*. Paris: Gallimard, 2018. Т. I. Р. 155–183. Полный текст «Саги» готовится к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение». «НЗ» благодарит редакторов серии «Интеллектуальная история» Михаила Велижева и Тимура Атнашева за предоставленную возможность опубликовать препринт. Отрывок печатается в редакции переводчицы Яны Янпольской.

биологов, физиков, медиков, историков, лингвистов, географов и так далее. Задачей каждого из этих «кружков» является перевод линии партии на внутренний язык сообщества. Интеллектуалам-коммунистам приходится вновь противостоять имперским тенденциям, моральному разложению, американскому империализму, прибежищу всех «похотливых гадин». Иными словами, как пишет репортер «Humanité» Элен Пармелен (под псевдонимом Леопольд Дюран):

«Смесь нигилизма с порнографией, глупой сентиментальности с бесчувственностью, пуританства с непристойностью, христианского милосердия с узаконенной жестокостью – вот признаки этого общества, где фашизм, расизм, гангстерство, респектабельный алкоголизм и скрытая проституция в порядке вещей»².

Воплощением имморализма выступает американская литература; руководство ФКП бок о бок с правыми моралистами разносит произведения Генри Миллера, чей «талант можно объяснить не иначе как побочным эффектом ядерных испытаний», как пишет Лоран Казанова, член Центрального комитета, отвечающий за взаимодействие с интеллектуалами³. Жан Канапа на страницах основанного им в 1948 году журнала «La Nouvelle Critique» клеймит «порочность» и «мерзость», «мусорщиков культуры», «услужливых писак», «откровенно отталкивающих литературных мошенников» и прочих «могильщиков»⁴.

Необходимость отстаивать коммунистические идеалы, противостоять американскому империализму, а также наличие предателей, переметнувшихся в его лагерь, вынуждают французскую компартию мобилизовать своих интеллектуалов.

Война между западным и восточным блоками в эти годы кажется более чем вероятной. Пражский кризис 1948-го, последовавшие за ним мгновенные реакции коммунистических партий – все это вызывает опасения, что подобные эксцессы возможны и на Западе, особенно в тех странах, где сильны компартии – в Италии и Франции. Андре Мальро убежден в неотвратимости угрозы и сообщает Жоржу Бернаносу, что Советы собираются атаковать Францию самое позднее весной 1947-го. Накануне начала войны в Корее, в 1950-м, Сартр и Камю принимают участие в обсуждении ситуации, сложившейся в Баль-

2 PARMELIN H. (DURAND L.) *L'Amérique dégrade aussi l'esprit* // L'Humanité. 1947. 24 octobre.

3 CASANOVA L. *Le Parti communiste, les intellectuels et la nation*. Paris: Éditions sociales, 1949.

4 Цит. по: LEDUC V. *Les Tribulations d'un ideologue*. Paris: Syros, 1985. P. 112.

заре. На вопрос: «Думали ли вы о том, что делать, если сюда войдут русские?» – Камю (если верить американскому журналисту Герберту Лоттману) ответил: «Не оставаться!», а Сартр – что ни при каких условиях он не будет выступать против пролетариата⁵. В ноябре 1948 года еженедельник «Carrefour» даже провел опрос среди лидеров различных политических партий на тему «Что вы будете делать, если Красная армия оккупирует Францию?» и опубликовал его результаты.

Следуя радикальным тезисам, которые Андрей Жданов и Трофим Лысенко отстаивают в Москве, руководство ФКП инициирует новую кампанию с участием интеллектуалов, нацеленную на дискредитацию «буржуазной» науки в противовес «пролетарской». Эти задачи требуют новых кадров и средств. Учреждаются журналы, в частности «La Nouvelle Critique»: перед ними поставлена задача занять передовые позиции в этих вопросах. Первый же номер открывается материалом, в котором утверждается следующее:

«[Потерять Сталина – значит] лишить жизненной силы учение о передовой роли пролетариата, тем самым обезглавить саму пролетарскую борьбу. [...] В конечном счете, настоящий марксист может считаться таковым только с того момента, когда он сам сочтет себя достойным вдохновляющего эпитета “сталинист”»⁶.

Жан Канапа, главный редактор, несет ответственность за генеральную идеологическую линию, обрекая себя даже вмешательством в тексты соавторов. Он собирает редакционную команду, куда входят Виктор Йоханнес (член Центрального комитета), Анни Бесс (урожденная Беккер, в замужестве Бесс, позже Кригель), Пьер Декс, Жан Фревилль (псевдоним Ежена Шкаффа), Жан-Туссен Дезанти, Виктор Ледюк и Анри Лефевр. Историк Жан Брюа, до этого сотрудничавший с «La Pensée», также публикует в этом журнале несколько статей. Именно он не оставил камня на камне от диссертации Фернана Броделя⁷ в статье, написанной в соавторстве с Франсуа Фюре и Дени Рише. В своих «Воспоминаниях» Брюа напишет об этом: «Это был предельно жесткий текст, о котором я не могу вспоминать без содрогания»⁸. Идеологическая бойня не пощадила никого. Сартр, Мальро, Мориак и Руссе – все они в равной мере признаны прислужниками интересов представителей американской индустрии: «Они лгут. И прекрасно знают, что лгут»⁹. Редак-

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

5 LOTTMAN H.R. *La Rive Gauche. Du Front populaire à la guerre froide*. Paris: Seuil, 1981. P. 347.

6 *La Nouvelle Critique*. 1948. № 1. P. 11.

7 Диссертация «La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II», защищенная в 1947 году и опубликованная в 1949-м в издательстве «Armand Colin» (Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч.* М.: Языки славянской культуры, 2002–2004).

8 BRUNAT J. *Il n'est jamais trop tard. Souvenirs*. Paris: Albin Michel, 1983. P. 164.

9 *La Nouvelle Critique*. 1948. № 1. P. 1.

торский долг заставляет Жана Канапа жестко нападать на Сартра и «Les Temps modernes». «В небольшой книжке, – пишет британский историк-марксист Ян Бирчелл, – он громит Сартра и “Les Temps modernes” с их “маленькими троцкизирующими радостями”: Канапа палит не глядя по всему, что движется». Кроме того, он не упускает возможности упомянуть о «неофашизме “Combat”»¹⁰. Альбер Камю также стал мишенью беспощадных диатриб: Канапа называет его фашистом и прислужником буржуазии¹¹.

Идеологическая борьба

По всей территории, где развернулась идеологическая борьба, интеллектуалы и творческая интеллигенция попадают под контроль органов партийного руководства. В 1951-м Анни Кригель была избрана постоянным членом руководства партийного органа в округе Сена и ответственным секретарем по вопросам воспитания и идеологической борьбы: ее непреклонная линия пропаганды сталинизма в студенческой среде была оценена по заслугам. Будущая издатель Франсуаза Верни, в тот период убежденная преданная коммунистка (и католичка), кооптируется в комитет по идеологической борьбе, которым руководит Анни Кригель. Кригель поручает Франсуазе ряд задач: противодействовать выходу «излишне идеалистической» книги Анри Лефевра, а также добиться исключения из партии за гомосексуализм Марка Сориано – специалиста по научной интерпретации сказок Перро. Не имея внутренних склонностей к инквизиторским процедурам, Верни мгновенно отказывается от этой должности в новоявленном комитете по чисткам.

Кригель действует в тандеме с Лораном Казановой, который весьма близко связан с четой Торезов. Казанова – член Международного совета по вопросам мира, где он имеет возможность общаться во время заседаний с приближенными Сталина – в частности, с Александром Фадеевым, обязанным плясать под дудку Москвы. В начале 1950-х ее линия носит вполне параноидальный характер и напоминает политику осажденной крепости. Казанова родился в Северной Африке, в семье железнодорожника в 1907 году, обладал блестящими ораторскими способностями, а также, как свидетельствуют знавшие его, особым обаянием. Вот как об этом вспоминает Пьер Декс:

«Этот корсиканец, родившийся во французском Алжире, был мощной политической фигурой. Он был адвокатом, и каждый его жест,

10 BIRCHALL I. H. *Sartre et l'extrême gauche français. Cinquante ans de relations tumultueuses*. Paris: La Fabrique, 2011. P. 92.

11 KANAPA J. *L'existentialisme n'est pas un humanisme*. Paris: Nagel, 1947.

даже малейший, вся его импозантность, средиземноморские оттенки тембра голоса были нацелены на то, чтобы убедить своего слушателя, очаровать его и навязать ему все, что возможно. Чтобы разрядить обстановку, он начинал притворно насмехаться над своим романским происхождением, притворяясь то античным трибуном, то церковнослужителем, смотря по ситуации. И Канапа, и я, да и все наши коллеги называли его исключительно Кардинал»¹².

Анни Кригель была загружена сверх меры: она была обязана вычитывать с карандашом в руке всю коммунистическую прессу – брошюры, публикации, многочисленные бюллетени и циркуляры различных объединений, находящихся под контролем партии. По окончании этого ежедневного титанического труда она, как постоянный член партаппарата, должна была еще находить в себе силы писать отчеты, статьи, предложения, резолюции, речи в честь открытия и в честь закрытия, коммунике и прочую макулатуру. Это все укладывалось в утренние часы, а после 14:00 ее время было посвящено многочисленным собраниям, встречам и переговорам. Вся эта лихорадочная деятельность была посвящена лишь одной цели – идеологической борьбе, рассматриваемой партийным руководством как важный фронт классовой борьбы.

Наряду с университетскими интеллектуалами были и те, кого было сложнее контролировать – так называемая «творческая интеллигенция»: скульпторы, писатели, архитекторы, музыканты, разного рода кинематографисты. Их пытаются объединить в профессиональные союзы под руководством центрального идеологического отдела, в составе которого троица – Франсуа Бийу, Жорж Коньо и Лоран Казанова. Ответственным за текущую деятельность секций назначен Виктор Ледюк. Он вступил в ряды Коммунистической молодежи еще в 1929-м, едва закончил колледж, а в годы войны был бойцом Сопротивления в отряде Жан-Пьера Вернана. Ледюк преподавал философию в различных лицеях, сразу после войны возглавлял издание «Action»; в 1947-м он был рекомендован Морисом Торезом в идеологический отдел Центрального комитета как постоянный член партии. В этом качестве он присутствует на всех собраниях интеллектуальной комиссии под руководством Лорана Казановы. Также там бывают Жан Канапа, Пьер Декс, Андре Воге, Луи Байо и кто-нибудь из приглашенных по случаю. Там не было обсуждений в собственном смысле слова, вспоминает Виктор Ледюк, «скорее были два монолога – Лорана Казановы и Луи Арагона, которые стремились перебивать друг друга»¹³. Эти два монолога звучали в двух разных регистрах. Как вспоминает Ледюк, у Казановы был стиль великого инквизитора:

12 DAIX P. *J'ai cru au matin*. Paris: Robert Laffont, 1976. P. 198.

13 LEDUC V. *Op. cit.* P. 115.

его взрывы негодования были направлены против злобы, бездействия, разномыслия. Арагон же переходил на личности и принимался перечислять особо вредоносных с его точки зрения персоналий из литературного мира, проклиная их весьма поэтично, хотя и довольно злобно.

По окончании собрания Ледюк обязан был передавать рекомендации в каждое профессиональное объединение. Он должен был донести до критиков идеологические предписания, соответствующие различным областям (литература, кино, искусство, театр): писать апологию социалистического реализма и подчеркивать вклад Советов. Они должны бороться за партийную литературу против формалистов, нахваливать Арагона, Андре Стиля, Эльзу Триоле, Андре Фужрона, Луи Дакена: «Что же касается философов (в широком смысле слова), то их я призываю воспевать вклад Сталина в развитие марксизма-ленинизма и пролетарскую науку»¹⁴. В 1950-м Арагон входит в Центральный комитет, что узаконивает его власть в лоне коммунистического семейства. При этом ФКП, вечно держащая интеллектуалов на крючке подозрения, приписывает ему статус всего лишь «кандидата в члены».

Наряду с университетскими интеллектуалами были и те, кого было сложнее контролировать – так называемая «творческая интеллигенция»: скульпторы, писатели, архитекторы, музыканты, разного рода кинематографисты. Их пытаются объединить в профессиональные союзы под руководством центрального идеологического отдела.

Историки в свою очередь также обязаны были превозносить труды своих советских братьев и подчеркивать роль СССР во Второй мировой войне. В 1945 году Жан Брюа выпустил в серии «Что я знаю?» («Que sais-je?») книгу об СССР, а в 1952-м – «Историю рабочего движения во Франции». После войны во круг дуайена Эмиля Терсена складывается кружок историков-коммунистов, куда входят Жан Брюа, Клод и Жермен Виллар, Жан Гасон, Жан Бувье и другие. Точные науки были не менее подконтрольны: Виктор Ледюк не упускает случая обратиться к физикам с поручением опровергнуть, скажем, идеалистическую интерпретацию второго закона термодинамики. В 1985-м в воспоминаниях он уточняет: «Сам я не смог бы предложить вообще никакой интерпретации этого закона, не смог бы даже

14 Ibid. P. 128.

внятно изложить его, впрочем, меня никто об этом и не просил»¹⁵. Что не мешало ему обрушиться с критикой на индетерминизм квантовой теории. А вот на химиков он возлагает задачу перевести и распространить «советскую теорию химической структуры», а также опровергнуть теорию резонанса и мезомерии.

На дворе была «холодная война», и партийное руководство стремилось, чтобы вся издательская и публикационная активность находилась в руках подконтрольных людей, легко заглатывающих любую наживку. Вот почему главным редактором «Lettres françaises» назначается Пьер Декс, идеально соответствующий задачам времени; Клоду Моргану его настоятельно рекомендовал Лоран Казанова: Декс должен был сменить на посту Лойса Масона – коммуниста и христианина, который становился все более подозрительным, неуправляемым и политизированным. Декс вспоминает этот момент в книге «Мысли про утро»: «Лойс передал мне свои полномочия с привычной любезностью. Подробности его отстранения я узнал лишь спустя несколько месяцев. Морган все выставил так, словно я уже был в курсе и добровольно решил выступить таким партийным цербером»¹⁶.

Все публикации интеллектуального характера распределялись по трем фронтам: «политический полюс, полюс культуры в целом, а также весьма эфемерный и плохо разработанный полюс специализированных изданий»¹⁷. На политическом полюсе партия, естественно, день и ночь ведет непрерывный огонь. Так, «Humanité», число читателей которой к концу 1945-го составляло 520 тысяч, стала жертвой целенаправленных ударов коммунистов: в итоге сталинистского закручивания гаек к 1950 году тираж газеты упал до 169 тысяч экземпляров. В том же году главный редактор Жорж Коньо уступает место Андре Стилю. На том же политическом фронте ежедневное издание «Ce soir», возобновленное в октябре 1944-го, переходит под руководство Арагона, который перепоручает его Жан-Ришару Блоку. В марте 1947-го Блок умирает, Арагон возвращается на пост и руководит газетой единолично вплоть до упразднения издания в марте 1953 года. Литературный успех и высокий статус Арагона периодически вызывает раздражение простых тружеников, которые переходят к публичным оскорблениям в его адрес. В рапорте Центрального бюро разведки от декабря 1948 зафиксирован инцидент: двое бойцов ФКП «решили заявиться в кабинет писателя и выразить свое презрение, нагадив

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

¹⁵ Ibid. P. 129.

¹⁶ DAIX P. *J'ai cru au matin*. P. 197–198.

¹⁷ VERDÈS-LEROUX J. *Au service du Parti. Le parti communiste, les intellectuels et la culture (1944–1956)*. Paris: Fayard; Minuit, 1983. P. 192.

в его корзину для бумаг»¹⁸, тем самым они хотели намекнуть Арагону, что тот держит в своих руках слишком много нитей, особенно финансовых. В ряду изданий, отстаивающих сталинизм, также заметен еженедельник «France nouvelle». Помимо перечисленных многотиражных изданий, стоит упомянуть «Cahiers du communisme», «Démocratie nouvelle», «Action», а также журнал «Еuroре», изначально не принадлежавший ФКП, но прибранный ею к рукам еще до войны. Высокий читательский спрос изданиям ФКП обеспечивает Ассоциация социальных изданий, в состав которой в 1947-м входит Объединение французских издателей.

С 1947-го ФКП отдает в ведомство коммунистической студенческой молодежи журнал «Clarté», который выходит раз в два месяца под руководством Артура Кригеля, Анни Кригель и Жака Хартманна. Студенты из разных партийных ячеек соревнуются в количестве проданных экземпляров журнала. К выходу номеров приурочены разного рода мероприятия, способствующие укреплению связей в студенческом движении. Это могли быть как организации встреч с советскими писателями в культурном центре «Франция–СССР», так и тематические публичные выступления типа лекции Пьера Куртада «Кто толкает к войне?», которая состоялась 5 февраля 1948 года в Национальной федерации взаимного страхования («Mutualité Française»). Случаются и более торжественные праздничные ритуальные действия – например, большой бал Карнавального вторника, ежегодно организуемый в здании мэрии V округа. Перед «Clarté» была поставлена задача: захватить Латинский квартал и властвовать в парижском университетском мире, установив в нем гегемонию; открывать партийные ячейки и занять влиятельные позиции во всех значительных организациях, в том числе в UNEF (Национальный союз французских студентов).

Материалы, публикуемые «Clarté», представляли собой квинт-эссенцию идеологической борьбы сталинистов. Номер от 11 марта 1948-го так отреагировал на февральские события в Праге, когда компартия Чехословакии расправилась с демократией и политическим плюрализмом в своей стране: «Установлением народной демократии рабочие Праги отметили столетие революции 1848 года». Историк Жан Брюа, находившийся в Праге летом 1947-го в качестве корреспондента журнала «Démocratie nouvelle», сообщал о вполне достойном уровне жизни в стране: французских делегатов откармливали пирожными с шоколадом и кремом, а в мае 1946-го компартия набрала 38% голосов избирателей. В воспоминаниях 1983 года он напишет об этих событиях: «Пражский февраль 1948-го меня никоим образом

18 FOREST P. Aragon. Paris: Gallimard, 2015. P. 560.

не шокировал. [...] В конце концов, и у нас были дни народного правления в 1793-м и 1794-м»¹⁹. В Чехословакии Брюа всячески ублажали, на уикенд он был приглашен в Добри: там в распоряжение писателей предоставлялся целый дворец в барочном стиле. В глазах Брюа это лишь подтверждало то, в чем он и так не сомневался: «Я прихожу к выводу и буду на нем настаивать, [...] что одна единая партия представляет собой более демократичную систему, чем западная многопартийность»²⁰.

ФКП располагала многочисленными организациями, что позволяло ей инициировать самые безумные кампании «холодной войны» в полной уверенности, что они получают широкий резонанс и искреннюю поддержку: осуждение преступлений Тито, отстаивание соцреализма как единственно верной формы искусства, лоббирование тезисов Лысенко и Жданова, нападки на психоанализ, огульное охаивание всех возможных проявлений американского влияния, поддержка образовательных процессов в странах Востока. После неприятных минут, пережитых представителями ФКП на первом съезде Коминформа, когда им были высказаны претензии в поддержке буржуазных националистических тенденций и требование вернуться в строй, компартия не теряет боевого духа и старательно следует политике, продиктованной Москвой, а партийные интеллектуалы сохраняют готовность броситься в бой.

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Андрей Жданов

Идеологический тон задает Андрей Жданов – активный участник чисток 1930-х. Тезисы Жданова во многом определили послевоенную сталинскую политику, его влияние сохранится и после смерти в 1948-м. Волнующую эпитафию Жданову посвятил Арагон:

«Возможно, сейчас, стоя у этой открытой могилы, многие французские интеллектуалы, которые, по правде сказать, не поняли и не услышали тезисов Жданова, устремленных в далекое будущее, смогут, наконец, воспринять его тексты, посвященные музыке, искусству и философии, какими бы радикальными они ни казались им (одновременно судьям и участникам единого процесса), смогут увидеть в них протянутую руку помощи, рецепт от бесконечных противоречий»²¹.

Арагон имеет в виду ждановскую борьбу с «западным декадентством» и пропаганду социалистического реализма, кос-

19 BRUNAT J. *Il n'est jamais trop tard. Souvenirs*. P. 150.

20 Ibid. P. 151; см. также: IDEM. *Élections et démocratie en URSS // Démocratie nouvelle*. 1947. Mars.

21 ARAGON L. *Jdanov et nous // Les Lettres françaises*. 1948. 9 septembre.

нувшуюся в первую очередь писателей. Все без исключения выразительные средства оцениваются по степени их ценности для коммунизма. В Москве с 1946-го начинается охота на ведьм. По инициативе Жданова из Союза писателей исключены Анна Ахматова и Михаил Зощенко. Историк и политолог Ариан Шебель д'Апполония вспоминает:

«Жданов принуждает Фадеева переписать свои романы, приблизив их к линии партии, после чего ополчается против Эйзенштейна – тот обвиняется в недостаточно высокой оценке значения великого Ивана Грозного. Летом 1946-го, в один прекрасный день Жданов призывает Прокофьева и Шостаковича, чтобы преподать им урок коммунистической музыки»²².

В январе 1948 года Жданов председательствует на съезде, где собрались более семидесяти музыкантов, композиторов, певцов, музыковедов, дирижеров и критиков. Он задался целью осудить «ядро Союза советских композиторов, которое поддерживает “формализм в музыке” и блокирует его критическую работу»²³. Помимо того, Жданов предаёт анафеме композиторов и исполнителей атональной музыки, столь же «невыносимой для слуха, как звук бормашины дантиста».

ФКП начинает продвигать ждановизацию во Франции, объявив её официальной доктриной коммунистов. В ноябре 1946-го на среду коммунистов набегают тень сомнения. За интеллектуальную линию в тот момент отвечает Роже Гароди, который публикует в «Art de France» статью, озаглавленную «Художники без униформы»²⁴. В ней Гароди замечает, что ФКП вовсе не насаждает никакой эстетики. Редакция «Action» отзывается на близкую ей позицию, подхватывая устами Пьера Эрве: «Коммунистической эстетики не существует». Однако Арагону удастся быстро все вернуть на свои места: партийцы должны стройными рядами следовать за ждановской теорией: «Если вы спросите меня лично, то я полагаю, что коммунистическая партия имеет собственную эстетику, имя которой – соцреализм»²⁵. В этот период именно Арагон выражает линию партии при поддержке Тореза. Вот как Клод Рой будет описывать тонкое балансирование Арагона на фоне «холодной войны»:

«Сюрреалисты его гнобят, сартрианцы презирают, антикоммунисты просто ненавидят, а пролетарии подозрительно принимают: что это за принцесса на горошине в их ряды затесалась? Из коммунистов те, что более критичны или оппозиционны, видят

22 CHEBEL D'APOLLONIA A. *Histoire politique des intellectuels en France, 1944–1954*. Bruxelles: Complexe, 1999. P. 24.

23 KRIEDEL A. *Ce que j'ai cru comprendre*. Paris: Robert Laffont, 1991. P. 583.

24 GARAUDY R. *Artistes sans uniformes* // Arts de France. 1946. № 9.

25 Цит. по: DESANTI D. *Les Clés d'Elsa*. Paris: Ramsay, 1983. P. 332.

в нем одиозную фигуру. Троцкистов от него воротит: их мучеников он не почитил. Вот такую милую эгретку в виде девятихвостой кошки он преподносит Эльзе: что ни хвост, то ненависть – веер пестрый, но суть одна»²⁶.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Близкий друг Арагона, Лоран Казанова, и Жан Канапа становятся певцами, защитниками и рупорами ждановской линии. На них возложена миссия пропагандировать ждановскую доктрину в творческой и интеллектуальной среде: «На самом деле, – пишет Казанова в 1949 году, – когда народные массы приходят в движение, народная борьба сама вырабатывает ключевые культурные ценности»²⁷. Пропаганда ждановщины позволяла партийным бюрократам у руля навести порядок в рядах – избавиться от наиболее независимых интеллектуалов и заменить их на всех постах лояльными «интеллектуалами-от-партии»: враждебные к буржуазной культуре, они должны были воспевать прелести социалистического реализма.

**Пропаганда ждановщины позволяла партийным
бюрократам избавиться от наиболее независимых
интеллектуалов и заменить их на всех постах
лояльными «интеллектуалами-от-партии»:
враждебные к буржуазной культуре, они должны
были воспевать прелести социалистического реализма.**

ФКП назначает главным официальным живописцем Андре Фужерона: тот изображает на своих полотнах страдания рабочего класса. Арагон поддерживает этот выбор и в 1947-м пишет предисловие к одному из альбомов художника. И вот уже Фужерон призван в ряды борцов с абстракционизмом, отстаивающих соцреализм в искусстве. Арагон доходит до того, что воспекает его как главного артиллериста партии: «В каждом из ваших рисунков, Андре Фужерон, решается судьба фигуративного искусства – ну и вы будете смеяться, но в них же решается судьба всего мира»²⁸. В 1950-м по инициативе Огюста Лекёра партия решает превратить живопись в орудие народного просвещения и заказывает Фужерону серию картин, которые станут основой большой выставки, посвященной «стране рудников». Даже Эдуард Пиньон – художник-коммунист и бывший шахтер – оттеснен на второй план: он также черпает свое вдохновение в рабочем классе, однако его выразительные средства несвободны

26 Roy C. *Nous. Essai autobiographique*. Paris: Gallimard, 1972. P. 449.

27 CASANOVA L. *Le Parti communiste, les intellectuels et la nation*. P. 39.

28 ARAGON L. *Dessins de Fougeron* // IDEM. *Écrits sur l'art moderne*. Paris: Flammarion, 2011. P. 137.

от формализма, их мобилизационный потенциал не вдохновляет партийный аппарат. Большое полотно Пиньона «Рабочие», представленное на майском Салоне 1952 года, изображает рабочего, погибшего от взрыва рудничного газа, в окружении его соратников, сохраняющих невозмутимость при виде покойного. Комментарий Франсиса Коэна в «Humanité»:

«Мы видим серьезное, искреннее, глубоко продуманное стремление коммунистического художника, направленное на выражение новых и вместе с тем традиционных ценностей, носителем которых выступает рабочий класс. К этим ценностям художников направила компартия: в них чистый исток вдохновения, жизни, силы и молодости их искусства. [...] Творчество Пиньона вызывает к продолжению, его поиск должен двигаться дальше»²⁹.

На самом деле Жданов не дал каких-то ясных установок по поводу пластических искусств и не выдвинул для них какой-либо специальной теории, поэтому ФКП сочла себя обязанной выработать ее самостоятельно. Виктору Ледюку поручено созвать ассамблею представителей пластических искусств, и он приглашает несколько грандов из числа интеллектуалов, в том числе Поля Элюара. Позже Ледюк будет вспоминать об этом с живой иронией:

«Передо мной стояла задача бескомпромиссно критиковать эстетических еретиков, одним махом обходя сразу три подводных камня, грозящих сбить с верной дороги художника-коммуниста: формализм, натурализм, мизерабилизм. [...] По ходу я еще должен не забывать пнуть и абстракционистов»³⁰.

Пикассо рисует Сталина

В итоге эта полная внутренних противоречий эстетическая доктрина захватит сознание воинствующих коммунистов. Характерным эпизодом стал внутрипартийный скандал, случившийся, когда в 1953-м в возрасте 74 лет умер Сталин и Арагон попросил Пикассо нарисовать для «Lettres françaises» «небольшой портрет “доброго отца народов”». Горе коммунистов в эти дни было безмерным, все оплакивали уход вождя. Арагон с большим нетерпением ждал портрета Сталина от Пикассо, однако тот медлил с завершением работы. Наконец Арагон получил от Пикассо портрет и обнаружил на нем молоджавого, бодрого Сталина, лучащегося вечной молодостью. Какое-то время он колебался – настолько портрет не соответствовал его ожиданиям, – но номер был уже в верстке, и отсутствие портре-

29 COHEN F. *L'ouvrier mort* // L'Humanité. 1952. 5 juillet.

30 LEDUC V. *Op. cit.* P. 147.

та задерживало набор. К большому удивлению Пикассо, выход номера обернулся скандалом. Поднялась волна возмущения: образу Сталина нанесен удар. Образ Сталина на рисунке Пикассо и в самом деле не слишком соответствовал канонической модели, сложившейся на международном уровне. Редакторы «Humanité», «Les lettres françaises» и «France nouvelle», потрясая газетой в воздухе, заявляют о недопустимой наглости. Доминик Дезанти в «Ключах Эльзы» рассказывает об этом юмористически:

«12 марта 1953-го Декс позвонил на улицу Сурдьер, ответила Эльза: “Ну, да, конечно. Мне уже звонили с кучей оскорблений. [...] Но вы и вправду спятили – Луи и вы, – раз публикуете такое”. – “Послушай, Эльза, но Сталин же не Господь Бог!” – “Он самый!”»³¹

Когда к телефону, наконец, подошел Арагон, Декс понял, что Луи находится в состоянии шока: «Дружище, я все возьму на себя – слышишь? Тебе я запрещаю выступать с какой-либо самокритикой. Мы с тобой подумали и о Пикассо, о Сталине. Но мы забыли подумать о коммунистах»³². Художник Фужерон, усмотревший в этом рисунке профанацию, также принимал участие во фронде и даже прислал в секретариат партии свое обращение: «Цель моего письма – донести до вас, насколько я оскорблен и огорчен публикацией этого рисунка нашего товарища, Пикассо»³³.

Письма оскорбленных коммунистов во множестве поступали к Огюсту Лекёру, уполномоченному представителю партии, а также к Франсуа Бийу, который отвечал за работу с интеллектуалами. Волнения достигли такой степени, что секретариат решил опубликовать 17 марта специальную декларацию, посвященную этому делу. В ней заявлялось, что публикация портрета дезавуирована – при том, что партия не ставит под сомнения чувства такого великого художника, как Пикассо, чья преданность интересам рабочего класса широко известна. В конечном счете, секретариат «высказывает сожаление, что товарищ Арагон, будучи членом Центрального комитета и главным редактором “Les lettres françaises”, храбро сражающимся за реализм в искусстве, допустил подобную публикацию»³⁴. Лекёр тайно теснит Арагона, воспользовавшись сложившейся ситуацией и отсутствием Тореза – его главного защитника (тот проводит отпуск в Москве). Несмотря на образцовую сервильность, проявленную Арагоном, руководство партии его отчаянно ругает.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

31 DESANTI D. *Op. cit.* P. 363.

32 Чит. по: Ibid. P. 364.

33 Письмо Андре Фужерона цит. по: JUQUIN P. *Aragon. Un destin français, 1939–1982*. Paris: La Martinière, 2013. P. 439.

34 Декларация секретариата ФКП от 17 марта 1953 года цит. по: Ibid. P. 443.

Эта публичная порка так сильно ранит Арагона, что Эльза Триоле отправляется к Бийу, чтобы просить, если это возможно, вступить за ее мужа, который близок к самоубийству. Попытки суицида уже были, сообщает Эльза. Только вмешательство Жака Дюкло остановило Арагона, полного решимости положить конец своей жизни: Бийу незамедлительно вызвал Арагона на встречу. В конце концов, скандальное дело сойдет на нет, а Арагон выступит в защиту Пикассо с умеренной самокритикой, которая и будет опубликована в «Humanité» 29 апреля 1953 года. При этом Доминик Дезанти иначе объясняет быстрое сворачивание дела. Со слов Лорана Казановы, отправленного навестить Арагона в его имение Мулен де Вильнев, в Сен-Арну, следовало следующее:

«Он рассказал мне то, о чем другие умолчали. Морис Торез, который должен был вернуться лишь в следующем месяце, выслал в секретариат ФКП телеграмму с осуждением – но не рисунка, а всей этой травли. И тем, кто требовал публичных покаяний, об этой телеграмме было отлично известно»³⁵.

СОЦРЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

Арагон оставил в далекой молодости сюрреалистические опыты, отошел и от слишком буржуазных романов типа «Аврелиан», а между 1949-м и 1951-м публикует роман «Коммунисты». Это масштабная фреска, написанная во славу партии и ее бойцов, которую биограф Арагона, Пьер Жюкан, представит следующим образом:

«Арагон задается целью представить иную версию романа “национальной мощи” взамен той, которая досталась нам от Барреса. Но где ее черпать сегодня, эту мощь? Буржуазия в упадке. “Коммунисты” ратуют за бесклассовое общество: рабочий класс становится единственным источником французской мощи. А вокруг него сплотятся интеллектуалы и народ»³⁶.

В 1952-м Андре Вурмсер превозносит достоинства и богатства мира, который Арагон описал в своем романе. Последний, по его мнению, превосходит романы Пруста с присущей им «гнильцой» и обращенностью к «миру мертвых»³⁷. Впрочем, несмотря на то, что первый том будет распродан тиражом 80 тысяч экземпляров, сама фреска останется незавершенной.

Андре Стил, которому Арагон доверил руководство еженедельником «Ce Soir», продолжает свой антиамериканский крес-

35 DESANTI D. *Op. cit.* P. 367.

36 JUQUIN P. *Op. cit.* P. 389.

37 WURMSER A. *Proust ou les sortilèges évanescents* // Les Lettres françaises. 1952. 11–18 juillet; 18–25 juillet.

товый поход в трех томах романа «Первый рывок»; в 1952-м в Москве он получит за этот роман Сталинскую премию. В следующем году он публикует «К социалистическому реализму», и с этого момента Стиль занимает положение, не имеющее аналогов, настолько он соответствует идеалу партийного руководства: северянин, происходит из среды очень скромного достатка, в прошлом протестант, а сегодня – тот, кто всем обязан партии; ФКП доверит ему пост главного редактора «Humanité». В ответ Арагон устраивает театральную сцену, описываемую его биографом Филиппом Форестом, и пытается отговорить Стиля от предлагаемого поста: «Шантажируя самоубийством, как всегда в подобных случаях, он заявил, что выбросится из окна своего кабинета, если Стиль не поддастся на уговоры и не откажется от высокой чести, оказанной ему партией»³⁸. Аргумент Арагона выглядит альтруистичным: он объясняет Стилю, что новые обязанности сильно навредят его литературному таланту, однако переубедить последнего ему не удается.

На конгрессе 1950-го Морис Торез обратился к писателям и художникам с советом вдохновляться соцреализмом. А уже к концу этого года линия партии еще более ужесточилась. ФКП и до этого была достаточно скована позицией Советов, однако благодаря дуэту Тореза-Арагона она была в огромной степени привязана и к французской национальной традиции. В октябре 1950 года паралич временно ограничил движение и речь Тореза, не поразив при этом умственной активности. Его перевезли на лечение в СССР, и вскоре поврежденные функции были восстановлены. Тем временем статус авторитета номер один в партии перешел к Огюсту Лекёру, который не имел никаких идей относительно искусства и слепо подчинялся указаниям советского руководства.

«Книжные битвы»

Во славу новейшей эстетической доктрины ФКП запускает так называемые «книжные битвы», стремясь лишний раз напомнить, что воевать можно разными способами. Первые «сражения» состоялись в марте–апреле 1950-го в Марселе и его окрестностях. Для этого ФКП арендовала самый большой марсельский кинозал. Как вспоминает Доминик Дезанти, «его украсили, завесили плакатами, создав образ столицы народной демократии; зал был полон»³⁹. Следующая «схватка» должна была состояться в парижском регионе. Его организацию поручили Эльзе Триоле, которая предложила противопоставить буржуазного одиноч-

³⁸ FOREST P. *Op. cit.* P. 564.

³⁹ DESANTI D. *Op. cit.* P. 348.

ного писателя и так называемого «публичного» писателя: последний обращен к читателям и вступает с ними в диалог, даже когда остается авангардистом. «Авангардный художник, – пишет она, – это тот, кому посчастливилось быть в каком-то смысле публичным писателем. Публичный писатель дает голос тем, кто не владеет письмом. Подобно древним магам, он заклинает толпу»⁴⁰. В обстановке идеологической войны эти книжные диспуты были своего рода контрударом по все возрастающему влиянию американской культуры.

С 1950-го по 1952 год были проведены шестнадцать баталий по единому отработанному сценарию; они напоминали одновременно выставки, конференции, вечера памяти, «круглые столы» и торговые палатки на рынке или возле заводов. Писатели-партийцы стали выступать как писатели-борцы. Эти встречи контролировались самым тщательным образом; партийный аппарат сам выдвигал «добровольцев», которые обязаны были прочесть романы приглашенного автора и задать ему вопросы. Участницей подобных книжных битв бывала и Доминик Дезанти:

«Помню, мы с приятелями из нашего сектора вставали у выхода из шахты, на площадке прямо возле ограды и выкрикивали названия наших книг на северофранцузском диалекте, словно мы раздавали листовки. Люди, перепачканные углем, изнуренные после восьмичасовой смены под землей, проходя мимо нас, все же останавливались, смотрели и пожимали нам руки своими ладонями, на которых “угль” [“l’karbon”] прочертил линии сердца, ума, удачи, жизни»⁴¹.

В рамках этой пропаганды ФКП продвигает французских писателей, а также, пользуясь случаем, распространяет издания великого советского собрата, точнее, произведения лидеров соцреализма – Николая Островского, Александра Фадеева, Ильи Эренбурга и так далее. Впрочем, незатмеваемой звездой все равно остается «Сын народа» Мориса Тореза, впервые вышедший в 1937-м. Изданию 1949 года уже сопутствует сложившийся культ личности генерального секретаря ФКП, вполне повторяющий модель культа Сталина. За год будут проданы более 304 800 экземпляров этой книги. Наряду с точечными ударами действуют и более долгоиграющие проекты – в частности, «Библиотека книжных битв» (*Bibliothèques des Batailles du livre*) – серия малобюджетных изданий из списка, утвержденного партией.

Театр тоже пострадал от идеологических схваток эпохи «холодной войны». Пьесе «Полковник Форстер признает себя виновным» (1952), прославившуюся многочисленными запре-

⁴⁰ TRIOT E. *L'Écrivain et le livre, ou La suite dans les idées*. Paris: Éditions sociales, 1948. P. 53.

⁴¹ Цит. по: CHEBEL D'APOLLONIA A. *Op. cit.* P. 187.

тами, без конца показывают в коммунистических кругах. Жан Вилар, глава Национального народного театра (Théâtre national populaire), которого обычно упрекают в симпатиях к коммунистам, на сей раз осыпан упреками со стороны ФКП только лишь за то, что в феврале 1953 года он поставил во Дворце Шайо пьесу Бюхнера «Смерть Дантона». «Его обвинили в робеспьеризме, – поясняет историк Эмануэль Луайе, – однако еще больше упреков Вилар заработал из-за той легкости, с которой он изобразил народные недуги – грубоватость, оборотистость и витание в облаках»⁴².

Интеллектуалы всегда под подозрением, их в любой момент могут обвинить в предательстве дела пролетариата, поэтому нередко они вступают на путь мучеников, блестяще описанный Анри Лефевром, отдавшим бюрократической машине ФКП немало сил. Вот как он характеризует партийное отношение к интеллектуалам в 1959 году, когда его исключают из партии после тридцати лет верной службы:

«Их нужно непрерывно бить по пальцам – не сильно, но достаточно жестко и артистично, так, чтобы их ложное сознание этим подпитывалось, нужно неустанно попрекать первородным грехом, а также их образом жизни – словом, давить на чувство вины»⁴³.

В партийном аппарате Лефевр играл двойственную роль: с одной стороны, он оправдывал процессы сталинизации, с другой – сохранял определенную независимость. В 1949-м на волне самой активной пропаганды ждановщины он пишет работу «Дополнение к эстетике», в которой, как отмечает его биограф Реми Хесс, Лефевр «вводит ряд важных для него идей»:

«Страницы, где он сравнивает тело обнаженной женщины с Венерой Милосской и пишет, что первое воплощает конечную красоту, а второе – обращенность к бесконечному, весьма вдохновенны»⁴⁴.

При этом Лефевр крайне осторожен и подкрепляет свое изложение цитатами из Маркса и Энгельса, однако в идеологическом отделе партии рукопись его книги становится яблоком раздора. «Каждая страница без единого исключения была проверена-перепроверена, обнюхана, обсосана, прошупана таможенниками, приставленными к интеллигенции»⁴⁵. Видя, что книга имеет все шансы не пройти цензуру, Лефевр делает ход конем и форсирует процесс: он вставляет в эпиграф две цитаты. Первая принадлежит лично Жданову и не содержит ничего, кроме абсолютно плоского утверждения, коррелирующего

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

⁴² LOYER E. *Le Théâtre citoyen de Jean Vilar. Une utopie d'après-guerre*. Paris: PUF, 1997. P. 198.

⁴³ LEFEBVRE H. *La Somme et le Reste*. Paris: La Nef de Paris éditions, 1959. T. I. P. 63.

⁴⁴ HESS R. *Henri Lefebvre et l'aventure du siècle*. Paris: A.-M. Métailié, 1988. P. 127.

⁴⁵ LEFEBVRE H. *La Somme et le Reste*. Paris: Béliaste, 1973. P. 196.

разве что с фамилией самого цензора, в роли которого выступал некто *Plat*⁴⁶: «Музыка доставляет удовольствие лишь тогда, когда все ее элементы – мелодия, песенный строй, ритм – пребывают в гармоническом единстве»⁴⁷. Другая цитата была подписана Марксом, но на самом деле ее сочинил сам Лефевр: «Искусство – наивысшая радость, которую человек доставляет себе самому». Появление этих двух цитат расценивается цензорами как добрый знак и те снимают эмбарго, так что в 1953-м книга смогла, наконец, увидеть свет. Она быстро станет культовой и, в конечном счете, будет переведена на двадцать языков. Однако подложная цитата вызывает нездоровый интерес читателей, которые просят Лефевра указать точный источник и ссылку на произведение Маркса. Автор идет на попятную, что и дает основание партаппарату в течение года исключить реального автора цитаты из партии на основании «фальсификации». Двойственность Лефевра прекрасно описывает Эдгар Морен:

«Лефевр избежал оболванивания по типу Канапа, Кавенга и Дезанти, [но] все-таки за свою маленькую диалектическую вольницу он отплатил сполна долгой политической сервильностью. В свое время он не отказался поучаствовать в посмертной травле Низана, а также активно разоблачал “полицейскую социологию” Жоржа Фридмана. Долго же эта бабочка пребывала в стадии гусеницы, неустанно пресмыкаясь!»⁴⁸

{ Интеллектуалы всегда под подозрением, их в любой момент могут обвинить в предательстве дела пролетариата, поэтому нередко они вступают на путь мучеников.

Дело №: Тито, Лысенко, Кравченко, Райк

Иосип Тито

Первой горькой пилюлей, которую французским коммунистам было очень не просто проглотить, стало бесчестное обвинение, выдвинутое советским руководством в адрес Тито. Югославия имела неосторожность освободиться от фашистов самостоятельно, без помощи Красной армии, и уже в силу этого она представляла собой потенциальную угрозу для Советов, которые требовали демонстрации единства социалистического

⁴⁶ Plat – фамилия цензора, по-французски означает «плоский». – *Примеч. перев.*

⁴⁷ JДАНОВ А. *Sur la littérature, la philosophie et la musique*. Paris: Nouvelle Critique, 1950. P. 86.

⁴⁸ MORIN E. *Autocritique*. Paris: Seuil, 2012. P. 140.

лагеря перед лицом их главного противника – США. После выговора, полученного французской компартией от Коминформа и заставившего ее быстро скорректировать свою линию, последовал второй съезд Коминформа летом 1948 года в Бухаресте, на котором жесткой оценке подверглось состояние коммунистической партии Югославии. Коммунистическая часть мира впала в недоумение. Как пишет Клод Рой, «на самом деле ничего не предвещало, что югославские партизаны вдруг окажутся агентами Гиммлера и шпионами Черчилля, а Тито, лидер национальной борьбы, станет всего лишь “маршалом предателей”»⁴⁹.

На следующем собрании Коминформа (1949) было объявлено, что компартия Югославии наводнена «убийцами и шпионами», в связи с чем все компартии должны были принять участие в порицании последней вкупе с ее главой. Тито демонизирован, его образ символически и симметрически противопоставляют божественному образу Сталина, а титоизм объявлен опасной заразой, которая угрожает любому чистосердечному коммунисту. 9 июня 1950 года Анни Кригель, известная как безупречный борец, заявляется вместе с товарищами на открытое собрание, посвященное Югославии, которое проходило в Отеле научных обществ, в Латинском квартале. Итог – 35 раненых и четырнадцать арестованных – был подведен на следующий день Пьером Куртадом на страницах «Humanité»:

«Когда мы говорим, что Тито и его банда – фашисты, гитлеровцы в прямом смысле слова, то речь не идет всего лишь о сравнении. [...] Мы хотим тем самым ясно сказать, что режим Белграда обладает всеми признаками фашистского режима именно в научном, историческом смысле слова»⁵⁰.

Жан Канапа заявляет, что Тито стоит за шпионской цепью, опутавшей народные демократии. Пьер Куртад утверждает, что Тито находится на службе у Уолл-Стрит и социалиста в нем не более, чем в Муссолини. Партийный аппарат распространяет брошюры, осуждающие режим титоизма, например, «Югославия под террором Тито»; она была продана тиражом 48 тысяч экземпляров. Брат Анни Кригель, историк Жан-Жак Беккер, который вступил в ФКП из конформизма и на волне очарованности СССР, также ничуть не усомнился в справедливости внешне развернувшейся кампании по осуждению прегрешений титоизма. Он невозмутимо поглощает всю эту клевету и даже вносит собственный посильный вклад в чистки:

«Помню, в нашу ячейку вступила одна молоденькая симпатичная студентка. Ее убежденность, свежесть и новизна нас всех немало

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

49 Roy C. *Op. cit.* P. 413.

50 COURTADE P. *L'entreprise Tito* // L'Humanité. 1950. 10 juin.

вдохновляли. [...] Однако, как только мы узнали, что она влюблена в “титоиста”, [...] то исключили ее сразу, невзирая на слезы и уговоры»⁵¹.

Жан Кассу – один из тех, по кому ударила эта резкая смена курса коммунистического Интернационала. В 1947-м он был всего лишь руководителем журнала «Европа», а также главным хранителем национального музея Современного искусства, ветераном Сопротивления, писателем и постоянным спутником ФКП. Вместе с Клодом Авлином, Андре Шамсоном, Жоржем Фридманом и Луи Мартен-Шофье он публикует «Время выбирать» – сборник, демонстрирующий расположение к коммунистам. Июньская резолюция 1948 года, осуждающая Тито, была воспринята Кассу с недоумением. Спустя год он принял приглашение посла Марко Ристича провести летние каникулы в Югославии. Убедившись на месте, что никаким фашистским режимом там и не пахнет, он возвращается во Францию в полном убеждении, что антититоистские инсинуации несостоятельны: «Как только я вернулся из Югославии, ко мне заглянул Арагон: “В какую же передрыгу вы нас втянули!” – сказал мне он»⁵². Арагон настоятельно рекомендует Кассу не делать никаких публичных заявлений до ознакомления с обвинительным досье, которое тот готовит. Таким образом, Кассу предстал перед своего рода трибуналом, собранным «Движением борцов за свободу и мир», из которого его в итоге и исключили⁵³. Он делится этими злоключениями с редакцией журнала «Esprit». Главный редактор Эммануэль Мунье собирает сообщество Белых стен в Шатене-Малабри. Среди участников самые разнообразные личности – Жан-Поль Сартр, Франсуа Фейто и Клод Бурде. Кассу поделился своими впечатлениями о Югославии и представил собравшимся собственный анализ того, что – по его мнению, несправедливо, – именуется «титоизмом». По мотивам этого выступления в декабре 1949 года он публикует в «Esprit» статью. Ему отвечает Андре Вурмсер, а «Humanité» печатает карикатуру, на которой Жан-Мари Доменак и Жан Кассу «гребут на суденышке в хвосте огромного американского дредноута, выживая сыплющиеся из него в воду доллары»⁵⁴.

Кампания против Тито заронила сомнения в умы многих интеллектуалов-коммунистов, однако они не решились спорить с генеральной линией партии. Позже об этой двойственной ситуации будет вспоминать Жан Брюа: «Когда 28 июня 1948 года Коминформ осудил Коммунистическую партию Югославии,

51 BECKER J.-J. *Un soir de l'été 1942... Souvenirs d'un historien*. Paris: Larousse, 2009. P. 187.

52 CASSOU J. *Une vie pour la liberté*. Paris: Robert Laffont, 1981. P. 250.

53 Сцена приведена в: DOMENACH J.-M. *Notre affaire Tillon* // *Esprit*. 1971. Juin.

54 CASSOU J. *Op. cit.* P. 256.

объявив о начале процесса разрыва с “предателем” Тито, я был немало удивлен. Однако в тот период я был во власти заблуждения и просто одобрял любое решение, не требуя уточнений и объяснений»⁵⁵.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Трофим Лысенко

Еще один фронт, который развернули коммунисты, – так называемая «борьба двух наук»: прогрессивной пролетарской науки, идущей в ногу с историей, и ретроградной, буржуазной. Эти два полюса обозначились в конце лета 1948 года, когда развернулось «дело Лысенко». Трофим Лысенко был земледельческим технологом, выдвинувшимся после чисток в этой области и ставшим научным советником Сталина. В 1926–1927 годах в Азербайджане он опробовал технологию превращения озимой пшеницы в яровые сорта. Впоследствии он попытался распространить эксперимент на всю территорию СССР, однако результаты оказались катастрофическими. Эта неудача вдвойне уязвила волюнтаристов сталинского режима: программа насильственной коллективизации была в разгаре, а тут еще и американцы открыли метод гибридизации семян пшеницы, увеличивающий ее урожай в восемь раз. США, по определению, не могли быть источником чего-либо прогрессивного: этот метод отвергли как «антидиалектический», а неудачи лысенковского подхода были списаны на происки предателей и «злонамеренных кулаков». Заручившись поддержкой Сталина, вчерашний технолог принимается за чистки в рядах биологов, специалистов в этой области, агроинженеров и генетиков, работающих в русле теоретических законов, выявленных Менделем и Морганом; Лысенко отправляет их на перевоспитание в ГУЛАГ. Генетические теории, подчеркивающие наследственный характер хромосом, Лысенко осуждает, а в 1935 году он начинает выпускать журнал для поддержки и распространения своих тезисов о «вернализации». Он нападает на неоменделистов, обвиняя их в троцкизме и космополитизме, а в основу своего учения кладет идеи русского агронома Ивана Мичурина. Ариан Шебель д’Аполлония пишет об этом:

«Внеочередная июльская сессия Ленинской академии агрономических наук в 1948 году ознаменовалась триумфом Лысенко. Его изобретательность граничила с пронырливостью, что и позволило ему сыграть на ждановском противопоставлении буржуазной и пролетарской наук»⁵⁶.

55 BRUHAT J. *Op. cit.* P. 151.

56 CHEBEL D'APOLLONIA A. *Op. cit.* P. 26.

Во Франции идеи Лысенко были представлены в громкой статье Жана Шампенуа, опубликованной на первой полосе «Lettres françaises» 26 августа 1948 года: «Великое научное открытие: наследственность больше не зависит от неких таинственных факторов». Он возвещает рождение в лице Лысенко новой биологии из СССР, бросающей вызов «буржуазной и метафизической генетике», опровергающей теории Менделя о трансформации приобретенных наследственных качеств. В то время как узкие специалисты оценивают положения Лысенко как полнейшую нелепицу по сравнению с достижениями генетиков, биологи, а с ними и широкий круг интеллектуалов вынуждены поддержать его теорию под страхом быть записанными в лагерь американского империализма, предателей рабочего класса и наследников нацизма. Коммунист Марсель Пренан – всемирно известный биолог и автор книги «Биология и марксизм» – буквально разрывается между своими научными убеждениями и активной партийной позицией⁵⁷. Ему удается уйти от этого выбора, столкнув между собой не слишком информированных популяризаторов науки и тех, для кого заведомо неприемлема любая критика тезисов Лысенко. Тем самым Пренан стремится определить срединную позицию, способную примирить генетику и лысенковщину. Этой позиции, расцененной как попытка сдерживания ФКП, не суждено было быть услышанной. В 1949 году Пренан приехал в Россию, чтобы объяснить и попытаться добиться встречи с Лысенко, портретами которого были увешаны московские улицы. Когда Пренан уже отчаялся получить аудиенцию, ему внезапно поступило приглашение на встречу, которую он ошибочно воспринял как частный визит:

«Я был более чем удивлен, когда оказался в огромной квадратной пустой комнате с возвышающимся в центре помостом и длинным столом, за которым восседал мэтр. [...] Кроме нас двоих, [...] сидящих на подиуме, важным дополнением мизансцены служила сотня безмолвных статистов, сидящих на стульях вдоль стен»⁵⁸.

Обмен мнениями носил поистине гротескный характер. Дело дошло до того, что Лысенко менторским тоном представил собеседнику два небольших конверта с зернами, чтобы тот ощутил разницу между зерном пшеницы и зерном ржи.

«Мне страшно захотелось дать ему пощечину, так как он явно устроил всю эту постановку, чтобы представить меня своим коллегам как невежду, которому приходится наглядно демонстрировать отличие ржи от пшеницы. Но так как я не говорил по-русски, то не имел возможности открыто указать ему на хамство»⁵⁹.

⁵⁷ PRENANT M. *Toute une vie à gauche*. Paris: Encre, 1980. P. 308.

⁵⁸ Ibid. P. 301.

⁵⁹ Ibid. P. 302.

Пренан возвратился во Францию еще более убежденным, что он имел дело с шарлатаном, и доложил о своих сомнениях партийному руководству, пообещав при этом не делать никаких заявлений, идущих вразрез с политикой партии. Тем не менее за Пренаном начали пристально следить – более того, он подвергся преследованиям. Арагон, отвечающий за защиту идей Лысенко, был готов наброситься с оскорблениями на любого, кто оспаривает его теорию, будь то Жак Моно, Жан Ростан или американский лауреат Нобелевской премии Герман Мюллер. Не забывая при этом сказать, что сам не биолог и потому не может судить о существовании вопроса, но добавляя следующее:

«Даже если не поддерживать ни одной из сторон в этом споре, любой профан может судить о том, что первая из них признает человека бессильным влиять на видообразование и управлять миром живой природы, в то время как вторая стремится обосновать его способность управлять видообразованием и наследственностью»⁶⁰.

При этом если Арагон всего лишь играет на волюнтаризме и власти человека над законами природы, то партийные интеллектуалы предпочитают напирать на идею «двух наук». Разработка этой идеи нашла воплощение в коллективном труде, где Жан-Туссен Дезанти выявлял фундаментальное противоречие, разделяющее «буржуазную науку» и «науку пролетарскую», следующим образом: «Это означает прежде всего, что наука также выступает *полем классовой борьбы, делом партии*»⁶¹. Ежедневный партийный орган «Humanité», конечно же, бьет на передовой, выступая в защиту Лысенко; среди тех, кто поддерживает его теорию в своих статьях – Франсис Коэн, Эрнест Каане, Роже Гароди; все эти тексты с восторгом одобряет к публикации лично Морис Торез. Выступая с речью в Вельд'Ив в 1948 году, генеральный секретарь партии приветствует «победу, при поддержке всего народа и большевистской партии, принципов великого ученого Мичурина, сформулированных и развитых блестящим академиком Лысенко»⁶².

Теория Лысенко претендует на рекордные показатели урожая даже в отдаленных, заброшенных регионах. По его мнению, пролетарская биология позволяет ускорять процесс изменения как животных, так и растительных форм по доброй воле человека или по указанию партии. Этот безумный тезис, ставший официальной доктриной международного коммунистического движения, опирающегося на рационализм, в итоге был поддержан даже теми специалистами, которые изначально

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

60 ARAGON L. *De la libre discussion des idées* // Europe. 1948. Octobre.

61 DESANTI J.-T. *La science, idéologie historiquement relative* // COHEN F., DESANTI J.-T., GUYOT R., VASSAILS G. (Eds.). *Science bourgeoise et science prolétarienne*. Paris: Nouvelle critique, 1950. P. 10.

62 THOREZ M. *Pourquoi Lyssenko a-t-il révolutionné la biologie?* // L'Humanité. 1948. 15 novembre.

сигнализировали о его несостоятельности. На страницах «Les lettres françaises» Пьер Декс возвещал, что Лысенко отменил истину «человек человеку – волк», замечая при этом: «Ничего удивительного в том, что это вовсе не всем оказалось по нраву»⁶³. Марсель Пренан предпочел бы промолчать, но руководство партии настаивало, чтобы он легитимировал теорию Лысенко. Ему остается лишь проклинать обстоятельства, в силу которых он как специалист оказался в центре этих дискуссий: «Меня осыпали оскорблениями, которые все сводились к следующему выводу: вы единственный биолог в ЦК, так что вы и должны вести Францию к победе лысенковских тезисов»⁶⁴. За стенами партии специалисты так же спорят до хрипоты, а Жак Моно, заведующий лабораторией Института Пастера, призывает разоблачить обман. Пренан решается встать на защиту Лысенко на страницах журнала «La Pensée», но его тону явно недостает энтузиазма, в связи с чем Лоран Казанова ставит ему на вид необходимость исполнять обязанности интеллигент-коммуниста. Тогда Пренан делает еще одну попытку и пробует примирить менделизм и лысенковщину, но это не получает одобрения партийных лидеров, которые ищут не примирения, но безусловного противопоставления наук двух типов.

В 1950 году Пренан был окончательно исключен из состава ЦК партии за недостаточно усердное служение ей. Лишь в 1966-м ФКП официально осудит тезисы Лысенко – гораздо позже, чем это будет сделано в самом Советском Союзе. А тогда, в 1950-е, идея борьбы двух наук затронула не только биологию – она просочилась во все научные дисциплины. В феврале 1949 года, во время собрания в зале «Ваграм» Лоран Казанова при полном аншлаге продвигал партийную идеологию:

«Да! Фундаментальное противоречие между пролетарской наукой и наукой буржуазной, способной удовлетвориться даже самыми грубыми приблизительными соответствиями, действительно существует. [...] Да! Существует пролетарская наука, и она в корне противоположна науке буржуазной, которая затыкает рот ученым, [...] а значит, даже на человеческом уровне колхозника, читающего “Правду”, и М. Моно, строчащего в “Combat”, разделяет пропасть»⁶⁵.

Как следует из анализа Жанин Верде-Леру, партия назначила ответственных лиц, которые разделили между собой задачи, чтобы играть в разных, но дополняющих друг друга регистрах. На Жан-Туссена Дезанти была возложена миссия придать эпистемологическое измерение положению о «двух науках», а Жан

63 DAIX P. *Une discussion au service de la paix* // Les Lettres françaises. 1948. 4 novembre.

64 PRENANT M. *Op. cit.* P. 293.

65 CASANOVA L. *Responsabilités de l'intellectuel communiste*. Paris: PCF, 1949. P. 15.

Канапа должен был положить его на музыку⁶⁶. Что касается Луи Арагона, для него идея разделения «двух наук» стала воплощением эсхатологических чаяний. 6 декабря 1950 года, выступая в зале «Mutualité» на вечере франко-советской дружбы, он провозглашает Россию «не местом возрождения, но местом рождения нового человека»⁶⁷.

ФРАНСУА ДОСС
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Пролетарская биология позволяет ускорять процесс изменения как животных, так и растительных форм по доброй воле человека или по указанию партии. Этот безумный тезис, ставший официальной доктриной международного коммунистического движения, был поддержан даже теми специалистами, которые изначально сигнализировали о его несостоятельности.

Идеологическая борьба предписывает не стоять на месте, занимаясь разбором полетов одних лишь биологов, но постоянно открывать новые линии фронта. Наступает время пригласить на сцену химиков: в ноябре 1952 года Жорж Коньо знакомит общественность с советским открытием, опровергающим теорию резонанса, квалифицируемую как реакционная псевдо-теория. У физиков на повестке дня осуждение сторонников индетерминизма в квантовой теории типа Бора и Гейзенберга. Узко специальный характер этих дискуссий, конечно, ограничивал доступ к ним широких масс трудящихся, однако сам факт открытия новых фронтов играл важную роль в условиях развернувшейся идеологической войны. Выступая на «Днях национальной учебы коммунистической интеллигенции» в марте 1953 года, Коньо поздравляет себя с тем, что партийные физики, наконец, «свели счеты с индетерминизмом»⁶⁸. Так была отмечена первая большая победа диалектического материализма в физике!

Не обошли вниманием и гуманитарные науки – тем более, что они доступны гораздо более широкой аудитории. Историческая наука в этот период разрывалась между классическим «эвентуализмом» и все более влиятельной школой Анналов, которая перезапустила метод исторического исследования, открыв историку выход к экономической истории. Этому новому методу, воплощенному Фернаном Бродемом, решительно противостоят интеллектуалы ФКП, которые усмат-

⁶⁶ VERDÈS-LEROUX J. *Op. cit.* P. 236.

⁶⁷ Цит. по: JUQUIN P. *Op. cit.* P. 327.

⁶⁸ Цит. по: VERDÈS-LEROUX J. *Op. cit.* P. 250.

ривают в нем буржуазный тип исследования и оправдание Атлантического пакта. Жак Шамбаз, пишущий под псевдонимом Жак Бло, объявляет войну «Анналам» на страницах «La Nouvelle Critique». Даже Эрнест Лабрусс – великий специалист по Французской революции и социально-экономической истории – обвиняется в возвращении к «наиболее реакционным и мракобесным темам». Анни Кригель со своей стороны обвиняет его в «предательстве марксизма, который был извращен так называемым “марксистом” Лабруссом»⁶⁹. Советская историческая наука, основанная на диалектическом материализме, также противостоит этой буржуазнообразной декадентской тенденции с назидательным пафосом: будущее имеет смысл уже сегодня и должно шаг за шагом вести к коммунизму.

Жан-Жак Беккер, тогда еще студент, изо всех сил старается разнести в пух и прах диссертацию Броделя о Средиземноморье на страницах журнала, который выпускают студенты-историки из его партийной ячейки: «Сложность моей миссии заключалась в том, что я тогда еще не прочел этого весьма объемного исследования и был совершенно не в состоянии написать то, что мне поручили»⁷⁰. Впрочем, эти моральные угрызения его не остановили, и он призвал на помощь Мориса Агулона, предложив написать на пару хотя бы просто острую статью – разумеется, анонимную, так как Бродель является председателем комиссии по присуждению звания агреже историкам. Статья за подписью Г.О. была перепечатана в «Clarté» в 1950 году и, таким образом, получила более широкое хождение.

Социология для ФКП и вовсе не имеет собственного места, так как марксизм не предполагает разделения на социальное и экономическое. Анри Лефевр, действующий еще менее осмотрительно, чем в истории с цитатами из Жданова, бьет во все барабаны, стремясь опровергнуть само понятие социологии, которая весьма далека от статуса настоящей науки, на который при этом она претендует, и представляет собой лишь тонкую идеологическую надстройку, суперструктуру способа капиталистического производства. Необходимо бросить вызов этой буржуазной науке, скрестить шпаги с ее ведущими представителями и основателями – Эмилем Дюркгеймом, Жоржем Гурвичем и Жоржем Фридманом. Что же касается психоанализа, то он выступает еще более взрывоопасным предметом дискуссий: в рядах ФКП немало психиатров. Партия решает и этот вопрос, вынося приговор психоаналитической практике. В декабре 1948 года партийное руководство созвало коммунистическое медицинское сообщество и устами Жана Канапа объявило о решительном осуждении психоанализа. Кроме того, две про-

69 KRIEDEL A. (BESSE A.). *L'action contre la décrépitude de l'enseignement officiel* // L'Humanité. 1949. 10 mars.

70 BECKER J.-J. *Op. cit.* P. 200.

тиворечащие друг другу статьи вышли в декабрьском номере журнала «La Pensée»: текст Виктора Лафита с радикальным осуждением фрейдизма и более взвешенная работа Сержа Лебовичи, который предлагает отделить «ценную составляющую терапии» от мистификаторских злоупотреблений. «Humanité» от 27 января 1949 года безапелляционным тоном осуждает эту практику под красноречивым заголовком «Психоанализ, мерзкая шпионская и полицейская идеология». Все, включая врачей-психиатров, призваны усматривать в нем отчуждающее изобретение капитализма и буржуазную лженауку. Партийные психоаналитики должны были в едином порыве написать покаянную самокритику, которая и будет опубликована в «La Nouvelle Critique» под заголовком «Психоанализ, реакционная идеология»⁷¹. Дело о психоанализе будет возобновлено лишь в середине 1960-х, когда появится текст Луи Альтюссера «Фрейд и Лакан».

ФРАНСУА ДОСС

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БИТВЫ
КОММУНИСТОВ

Перевод с французского и примечания Яны Янпольской

71 BONNAFÉ A., FOLLIN S., KESTEMBERG É., LÉBOVICI S., LE GUILLANT L., MONNEROT J., SHENTOUB S. *La psychanalyse, une idéologie réactionnaire* // La Nouvelle Critique. 1949. № 7.

МАРИЯ
РАХМАНИНОВА

Демииургия близких миров: апология поэтического как политического

Мария Рахманинова
(р. 1985) – философ,
независимая исследо-
вательница, соосно-
вательница журнала
«Akrateia».

Именование – один из решающих элементов сохранения/утраты аутентичности внутри динамического хронотопа: имена, располагаясь в диапазоне от просто поэтической метафоры до инструмента властного переозначивания, сообщают своим референтам степени истинностной плотности в реальности. Не только люди или события, но также слова и категории обретают в своем пути по-настоящему богатые биографии. Одно из них – чудо/волшебство.

Так, тема волшебства философского камня возникает из восторга перед чудом постижения (тающего, однако, в водах нововременного этактистского забвения), а ведьмы и колдуны – лишь наиболее отталкивающий для своего времени образ вечников-крамольников¹ – защитников самоуправления, свободы и индивидуальной автономии (которых так долго не могли до конца сломить европейские Левиафаны).

По мере технократического расколдовывания мира волшебство как феномен заметно отступает в тень, утрачивая свою

1 Вечниками-крамольниками называли противников становящейся государственности, разрушающей вечевой общественный уклад. См.: СКИРДА А. *Вольная Русь. От веча до Советов 1917 года*. Париж: Громада, 2003. С. 20.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

методологическую необходимость: отныне философия переосмысляет свои задачи в духе прогрессизма, а для расправ над вечниками-крамольниками создаются все более секулярные и *real*-политические формулировки. На уровне мейнстримных семиотических рядов фигура волшебника/чудотворца необратимо утрачивает свою значимость: разошедшаяся, как старая мебель, она отправляется пылиться на чердак истории. И, хотя сегодня запрос на чудо с очевидностью сохраняется, по-прежнему находя повсеместное выражение в магическом мышлении во всех без исключения сферах жизни (прямо посреди технократических потоков современности), теперь любая фигура, через которую чудесное может приходить в мир, предельно инфантилизирована и как бы преломлена фильтром мультипликационной карикатуризации (неважно, идет речь о волшебниках прошлого или о чудаковатых демиургах мира науки и искусства). Декларативно этой фигурой по-прежнему иногда занимают детей, но даже и те не принимают ее всерьез, ведь для них волшебные языки сплюснулись в занятные, но бессмысленные поверхности, а чудеса свелись к выученной пресной радости обладания вещами. Предсказуемая техническая понятность быстро убавкивает всех вновь прибывающих в мир, завлакивая их изнутри невыносимой и апатичной скукой. Из ее кокона не выйти ни мысли, ни чувству, ни вопрошанию: все вокруг кажется очевидным и исчерпывающе рассказанным на языке технической инструкции. Однако есть одно «но»: из этого непреклонного и патерналистского образа мира совершенно не ясно, на что в нем смотреть и зачем вообще в нем быть. Особенно после смерти Бога, переместившей ответственность за смыслополагание на каждого человека в отдельности.

В начале–середине XX века именно в этом зияющем разломе между изначальной модальностью чуда и преломленной властью междисциплинарный союз философии и поэзии вдруг инициирует перезагрузку и фигуры *волшебника*, и *волшебства* как такового: Сигизмунд Кржижановский, Борис Пастернак, Гастон Башляр, Джордж Вудкок, Мераб Мамардашвили, Юрий Норштейн и многие другие становятся проводниками новой субъектности волшебника – того, кто делает надрезы на гомогенной понятности мира, проявляя те его живые потоки, которые не служат никаким из господствующих систем власти и потому обречены на незримость и бесславность в их гегемонных репрезентациях.

Кто же этот новый – секулярный – *волшебник*? Прежде всего – любой художник, знающий окольные тропы через утилитарные поверхности мира, за пределы его дозволенных сторон, претендующих исчерпывать в нем возможное и действительное. Одна из таких троп проходит через имена и именование –

МАРИЯ РАХМАНИНОВА

ДЕМИУРГИЯ БЛИЗКИХ
МИРОВ...

пожалуй, самое главное поэтическое действие всех времен. Осмысляя его в своих «Берлинских лекциях» по философии литературы, Фридрих Киттлер обращается к размышлениям Фомы Аквинского о сотнесенности в мире слов и вещей:

«То, что я в согласии с Лютером перевел словом *Gleichnisse* [уподобления], на латинском называется *similitudo*; то, что переведено мной как *Darstellungen* [представления], называется *repraesentatio* и является косвенной цитатой из “Поэтики” Аристотеля. *Repraesentatio* буквально означает “делание здесь присутствующим”, и у святого Фомы оно поставлено точно в том месте, где должно стоять греческое слово *mimesis*. [...] *Repraesentare* означает у святого Фомы то, как можно доказать, что некто (поэт) изображает нечто (к примеру, метафору) для кого-то (слушателя или читателя). Точно так же объясняется использование поэтических образов и метафор в Библии. [...] Тем самым становится ясным смысл той короткой и упрямой фразы, в которой Фома определяет отличие могущества Бога от могущества бранных писателей. Бог может сделать так, чтобы вещи, как, например, дерево в раю, означали другое, не то, чем они сами являются; людям же доступно лишь то, что произносимые ими звуки могут обозначать другие вещи, нежели те, что обозначают эти слова. [...] Поэты делают это, когда цветущий луг называют смеющимся лугом, но лишь Бог есть тот уникальный и единственный поэт, который может свободно обходиться с вещами как с метафорами. [...] Это *creation ex nihilo* приносит в упомянутый мир (лат. *mundus*) и метафоры, которые не остаются просто на бумаге, но даны как сущие столь же в ощущениях, как и “исторически” – Фома Аквинский использует именно это слово. Бог христиан, как вы слышали, тем самым предстает как поэт, поэт непревзойденный и величайший»².

Действительно, в классическом смысле чудо и волшебство всегда связаны с творением и трансформациями. В этом смысле волшебником оказывается именно поэт – тот, кто способен преломить мыслимый и ощущаемый образ реальности, не трансформируя при этом ее саму: за это в религиозной картине мира отвечает Бог (а позднее его заместители на земле – суверены).

Но что, если эта ненарочитая связка *демиургического* и *поэтического* и составляет один из главных узлов *политического* как такового? Хотя бы потому, что именно ее (онтолого-)эстетическая перспектива позволяет сформулировать некоторые предельно существенные, но неочевидные и часто упускаемые из внимания критерии *свободы/несвободы*. Обратимся здесь к одному из эпизодов истории литературы XX века.

В своих монографиях «Осип Мандельштам: фрагменты литературной биографии» и «Поэт и царь» Глеб Морев осмысляет

2 КИТТЛЕР Ф. *Философия литературы: берлинские лекции 2002*. М.: Московский международный университет; Московская школа нового кино; Des Esseintes Press, 2023. С. 90–91.

парадоксальную зачарованность диктатурой даже самых свободолюбивых поэтов – на фоне возрастающих репрессий экзистенциальное оцепенение не обходит стороной ни Мандельштама, ни Пастернака. Сталкиваясь с непроглядной логикой Замка, и тот и другой поддаются искушению интерпретировать случайное и поверхностное как символическое, знаковое и сообщающее новые степени бытия:

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ДЕМИУРГИЯ БЛИЗКИХ
МИРОВ...

«Для Мандельштама было очевидно, что его “помилование” вождем непосредственно связано с официальной идеологией заботы о “мастерах”. Возникновение этой отдающей дань “мастерам культуры” и оказавшейся спасительной для него идейной тенденции он склонен был объяснять имманентной “настоящим” стихам иррациональной силой, в существовании которой был убежден: “Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся... Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся” – заявляет он С.Б. Рудакову 23 июня 1935 года в разговоре, имеющем в виду, по нашему мнению, сравнительно незадолго до этого полученное известие об участии Сталина в его деле. [...] По логике поэта, как она видится нам, если вождь прочитал его оскорбительное стихотворение и оценил его, то новые вещи, написанные после идеологического переворота, тем более заслуживают его внимания. Основной задачей Мандельштама становится установление “необходимой прямой литературной связи с Москвой”. [...] Обращение к сталинской и военной теме происходит на фоне тяжелого душевного состояния Мандельштама – советский социум, к интеграции в который (прежде всего в лице структур ССП) он так стремится, отторгает его. [...] “Мором стала мне мера моя”, – говорит он в стихах, отчуждающих его собственную поэзию (“И свои-то мне губы не любы”). [...] Для Мандельштама “знание” Сталина о нем, о его стихах было своего рода приводным ремнем, запускающим не только психологический механизм “нравственного плена”, но и работу по созданию новых стихов, “искупающих” “нелепую затею” с антисталинской инвективой»³.

Та же участь постигает и Пастернака:

«Упоминание о “таинственности”, которой Пастернак объясняет в письме свою “любовь и преданность” Сталину, возвращает нас к той “тайной” связи между поэтом и вождем, на которую Пастернак ссылался, утверждая свое право писать Сталину “по-своему”. Потерпев неудачу при попытке выстроить прямую коммуникацию “о жизни и смерти” в личном разговоре, Пастернак отстаивает теперь существование некоей частной, чтобы не сказать интимной, линии, связывающей его со Сталиным и способной придавать персональное измерение, казалось бы, внешне не связанным событиям. [...] Поэтическую легитимацию эта модель получит в написанных одновременно с письмом Сталину и опубликованных

3 МОРЕВ Г. *Осип Мандельштам: фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)*. М.: Новое издательство, 2022. С. 143, 146, 160, 171.

Бухариным в новогоднем номере “Известий” 1936 года стихах “Мне по душе строптивый норов”. Жертвуя здесь традиционной идеей равенства, Пастернак сосредотачивается на образе Сталина как “гения поступка” – им всецело занято внимание поэта, верящего, несмотря на осознаваемую им несопоставимость с вождем, в его знание и память о нем:

И этим гением поступка
Так поглощен другой, поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.
Как в этой двухголосой фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знание друг о друге
Предельно крайних двух начал»⁴.

Морев пристально и пронизательно вглядывается в генезис этого обморока субъектности, в его сложную каузальность и фактические предпосылки. Для нас же здесь не столь важно, происходит эта захваченность Левиафаном и непосредственно фигурой диктатора из этического малодушия, политический близорукости или срабатывания защитных психологических механизмов при адаптации к катастрофическому. Куда симптоматичнее в ней неизменность компонента *поэтического* как прежде всего *демиургического*. Восторг перед ним был известен поэтам всех времен. Пастернак среди них не исключение:

Пошло слово любовь, ты права!
Я придумаю кличку иную!
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую⁵.

Спустя годы Пастернак продолжает размышлять о *поэтическом* как *номинативном* (в гораздо более невинных контекстах), и, хотя при этом он далек от сколько-нибудь артикулированной трактовки номинативного именно как *политического*, интуитивно он, как никто другой, приближается к разгадке теологических оснований власти, на которые обращает внимание Киттлер в приведенном фрагменте о Фоме Аквинском: демиургическое свершается и через фигуру Бога, и через фигуру поэта, но Бог творит и видоизменяет сами именуемые вещи, поэт – лишь ткань имен (последнее отчетливо отражено в приведенной строфе любовного стихотворения Пастернака, первое – в его продолжительном безотчетном теологическом суждении после звонка Сталина). Таким образом, смутное чутье подводит здесь Пастернака, с одной стороны, к интуитивному

⁴ Он же. *Поэт и царь*. М.: Новое издательство, 2020. С. 36–37.

⁵ ПАСТЕРНАК Б. *Без названия (1956)* // Он же. *Стихотворения и поэмы*. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 449.

(в духе Штирнера⁶) схватыванию именно теологической природы любой секулярной диктатуры, с другой – к открытию парадоксальной демиургической синхронности между *поэтическим* и *real-политическим* (что в некотором смысле выглядит вполне закономерным для поэта Западного мира – столь всерьез и критически⁷ воспринявшей тезис о Слове как начале всего).

Примечательно, что в этой захваченности Пастернака предстоянием перед великой демиургической фигурой явственно звучит мотив противопоставления – «предельно крайних двух начал». Для него самого речь здесь идет, по-видимому, именно о *real-политическом* масштабе фигур (осмысляемом им в мучительном смирении с иерархической космогонией советского мира). Однако *акратическая перспектива* позволяет разглядеть не менее значимое основание поляризации, ускользающее от внимания Пастернака, – *материю власти*.

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ДЕМИУРГИЯ БЛИЗКИХ
МИРОВ...

**В классическом смысле чудо и волшебство всегда
связаны с творением и трансформациями. В этом
смысле *волшебником* оказывается именно поэт – тот,
кто способен преломить мыслимый и ощущаемый
образ реальности, не трансформируя при этом ее саму.**

Именно она оказывается водоразделом между двумя потоками демиургического – между двумя *волшебниками*: поэтом и сувереном. Так, поименовывая мир, суверен захвачен теологическим: распределяясь между своими двумя телами⁸, он уподобляется Богу, стремясь лично преобразовать не только ткань имен и образ мира, но и сам порядок материи (в случае Сталина буквально: повернуть реки вспять, переселить/уничтожить целые народы и так далее). Напротив, поэт стоит на земле: он вслушивается в мир, как он есть (во всей полифонии его глубинных голосов), и плетет сеть, соединяя эту многомерную сложность с обыденностью профанного. В этом смысле чудо, которое поэт совершает как *волшебник* – раскрытие или высвобождение из незримости тех граней мира и его языков, которые ни для чего не служат утилитарно, но которые способны сделать повседневное переносимым, осмысленным и открытым к человеческой свободе мыслить и творить.

6 «Привидение облеклось в плоть, Бог сделался человеком, но сам человек стал ужасающим призраком, который он хочет понять, укротить, сделать действительным, говорящим. Человек – дух. Пусть засохнет тело, лишь бы дух был спасен: все дело в духе, только духовное, только “духовное блаженство” становится единственным предметом забот» (Штирнер М. *Единственный и Его собственность*. Харьков: Основа, 1994. С. 39).

7 Кратический (от греч. *kratos* – власть) – то есть сопряженный с запуском инфраструктуры власти или отдельных ее регистров. См.: РАХМАНИНОВА М. *Власть и тело*. М.: РТП, 2019.

8 Канторович Э. *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*. М., 2015.

Иначе говоря, поэт приносит дары (которых, кстати, вполне можно не принимать), суверен учреждает повсюду свою реальность, полную санкций, тюрем и запретов; поэт прокладывает маршрут глубинного включения в содержательные регистры мира, недоступные кратически опустошенной повседневности; суверен, напротив, как и любая фигура власти, слеп к миру и его порядкам: он увлечен противостоянием, навязывая миру собственные законы⁹ и стремясь все поверхности вокруг превратить в сияющие зеркала. Таким образом, если поэт создает связи *земных* с миром и друг другом – суверен, наоборот, толкает к утрате этих связей: его реальность пишется поверх мира живых и без соотнесенности с его внутренним порядком. Это знали *волшебники* всех времен: от поэтов и сказителей древности до Сергея Параджанова, Джима Джармуша или Урсулы ле Гуин (чего стоит здесь ее горько-ироничная повесть «Слова для леса и мира одно!»).

Итак, *поэтическое демиургично, а демиургическое поэтично*. И это по-своему роднит всех демиургов, делая их *волшебниками* – теми, кто неведомым образом преображает зримую реальность. Однако не менее важно, что при этом демиургическое разнонаправленно: *кратическая демиургия* (суверена) единолична и заряжена логикой смерти (не это ли роднит всех злых волшебников в истории сказок и не это ли обнажает оксюморон, лежащий в основе образа «доброго царя»?); *акратическая демиургия* (поэта) заряжена логикой (со)бытия и (со)участия (не это ли роднит «добрых волшебников» всех времен?).

Таким образом, эту разнонаправленность следует понимать именно как поляризацию, а ее полюса – как экстремумы исторического, философского и политического антагонизма. Там же, где поэтическое становится придворным, оно перестает быть собственно поэтическим. Поскольку основная задача суверена – монополия на образ мира, языки повествования о нем и имена его обитателей, поэт – его заклятый враг, а поэтическое (как система маршрутов акратических связей с миром за пределами теологии государства) – главная угроза его царству. Изгонять, вычищать, вымарывать, забывать поэтическое – такова работа слуг Левиафана, неважно, клерикального или секулярного. В диктатурах она находит выражение в репрессиях и цензуре; в латентно авторитарных системах «либеральных демократий» – в прогрессистском обесценивании и забвении языков, выходящих за пределы повседневности капитала и его бесхитростного быта (издалека эта логика захватывает и многие русскоязычные «независимые» медиа, равняющиеся на этот тренд и – под видом заботы о некоем воображаемом «народе» –

ревностно отстаивающие редукцию языка, образности и мысли до условного уровня В2 русского как иностранного). Однако общим для всех этих сюжетов остается одно: во всех них кратическое неизменно борется с поэтическим, оставляя после себя лишь выхолощенную и бесплодную материю пресного языка, способного только передавать информацию, но никак не будить мысль, воображение и страсть к участию в мире. Похоже, это одна из причин, по которым политически беспомощными оказываются не только узники артикулированных диктатур, но и декларативно свободолобивые сообщества за их пределами.

МАРИЯ РАХМАНИНОВА
ДЕМИУРГИЯ БЛИЗКИХ
МИРОВ...

Если поэт создает связи земных с миром и другим – суверен, наоборот, толкает к утрате этих связей: его реальность пишется поверх мира живых и без соотнесенности с его внутренним порядком.

Но как в таком случае возможны сценарии деятельного и солидарного участия в мире? И каковы в целом критерии *поэтического* как *политического* (в противовес пусть и мыслящему, но смиренному предстоянию перед кратической демиургией Левиафанов)? Ближе всего к ответу на этот вопрос подходит Паулу Фрейре в своей «Педагогике угнетенных»:

«Человеческое существование не может быть безмолвным, как и не может оно питаться ложными словами, а только лишь правдивыми – теми, с помощью которых люди трансформируют этот мир. *Существовать – по-человечески – значит называть мир, изменять его. Как только мир получает имя, он в свою очередь заново предстает перед назвавшими его как некая проблема и требует, чтобы они назвали его заново. Люди обретают свою человеческую сущность не через молчание, а через слово, работу и действие-размышление.* [...] Однако диалог не может существовать в отсутствии глубокой любви к миру и к людям. Процесс называния мира, который представляет собой акт созидания и воссоздания, невозможен, если он не основан на любви. В то же время любовь – это фундамент диалога и сам диалог. Таким образом, он неизбежно становится задачей ответственных Субъектов и не может существовать при отношениях доминирования. Доминирование разоблачает патологию любви – садизм доминирующего и мазохизм подчиненного. Поскольку любовь – это проявление отваги, а не страха, любовь означает преданность другим. Неважно, где находятся угнетенные, акт любви – это приверженность их делу, то есть делу освобождения. И эта приверженность, будучи проявлением любви, предполагает диалог. Как проявление храбрости любовь не может быть сентиментальной; как акт свободы она не должна служить предлогом манипулирования. Она должна порождать другие акты свободы – иначе это не любовь. Лишь ликвидировав ситуацию

угнетения, можно восстановить любовь, которую эта ситуация сделала невозможной. Если я не люблю мира, не люблю жизни, не люблю людей – я неспособен вступить в диалог. И вместе с тем диалог не может существовать без скромности»¹⁰.

Итак, Фрейре примиряет разделенные в кратическом взгляде евромодерности «называть» и «изменять», устанавливая между ними связь целеполагания: *называть, чтобы изменять*. Это воссоединение делает по-настоящему возможным разрешение проблемы разделенности волшебства на созерцательное и деятельное, где первое исторически достается доброму волшебнику, знающему мир, но не слишком могущественному, а второе – злему, хладнокровно преобразующему мир, но не знающему его. Пожалуй, было бы правомерно назвать этот шаг подлинной эмансипацией, во-первых, волшебства как такового, в которой его экзистенциальное и языковое измерения обретают, наконец, выход к практическому измерению; а во-вторых, главного основания волшебства – поэтического: как от редукций к плоско-утилитарным кодам псевдодемократических медиа, так и от храмового языка диктатур с их репрессиями и цензурой, а также от безмолвия в оцепеневшем предстоянии перед ними.

При этом такое поэтическое не должно быть достоянием лишь избранных волшебников Хогвартса¹¹ (читай: выдающихся поэтов и гениев) – слабо или никак не связанных с общей реальностью мира как такового. Лишь высвобождение *поэтического* для всех обитателей мира – как открытия общего доступа к *волшебствованию* – может послужить, наконец, основанием для создания сообществами подлинно собственных языков, служащих пониманию мира и вдумчивому присутствию в нем. Главная отличительная особенность таких языков – ускользание от систем власти, открывающее маршруты для коллективного *поэтического* (а потому *подлинно политического*) воображения, подобно тому, как это делают племена Зомии, решающиеся на флюидную языковую идентичность ради сохранения собственной автономии и свободы¹². Такая встреча в языке за пределами его обезмысленных информационных/идеологических суррогатов – важнейшая из подлинных гарантий по-настоящему альтернативного политического бытия; действенная прививка от вируса власти, составляющая одну из ценных сторон антагонизма *земных* – хищным Левиафанам.

10 ФРЕЙРЕ П. *Педагогика угнетенных*. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 55–56. Курсив мой. – М.Р.

11 Школа чародейства и волшебства Хогвартс – международное учебное заведение волшебников во вселенной «Гарри Поттера» Джоан Роулинг.

12 СКОТТ Дж. *Искусство быть неподвластным: анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. М.: Новое издательство, 2017. С. 353.

Рейтинг Владимира Путина на протяжении прошедшей четверти века испытывал колебания волнообразного характера, диапазон которых определился достаточно точно: не ниже 60%, не выше 90%; в большинстве случаев на два-три процентных пункта выше указанного минимума или ниже указанного максимума. Длина волны – долгота пребывания вблизи минимума или максимума – за эти годы росла. Так высокие значения одобрения держались с присоединения Крыма до 2018 года, а потом после начала СВО и до сих пор.

Для большинства стран/обществ, где проводятся подобные измерения (и где их результатам можно доверять), такое поведение показателей не характерно. Обычно если имеется высокий рейтинг в начале правления лидера, то он «расходуется» и сходит к минимуму к концу срока его полномочий или даже до его истечения (так было с рейтингами

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Горбачева и Ельцина). Случай с Путиным совсем не такой, но и не беспрецедентный – нечто похожее происходило до поры с рейтингом Александра Лукашенко.

И все же рейтинг Путина так высок и так устойчив, что одни отказываются этому верить, а другие утверждают, что в России установился культ личности вождя – как при Сталине. Связку двух имен обсуждают часто, и поэтому поговорим о взаимоотношении образов этих персон в массовом сознании.

Измерять отношение публики к высшему начальству можно разными способами. С давних пор «Левада-центр»¹ предлагает респондентам указать десять наиболее выдающихся людей всех времен и народов. Называют исторические имена, но среди них оказывается и имя действующего президента, причем в первой двадцатке только он – единственный живой персонаж. В итоговом зачете Путин оказывается на втором месте, на первом – Сталин, чьему восхождению к этой вершине, как поговаривают многие, способствовал если не сам Путин, то его правление.

Для порядка отметим, что в первой десятке списка наиболее великих (по мнению россиян) людей, есть еще два верховных правителя России – Петр I и Ленин, – которых, однако, с действующим российским президентом сегодня не связывают. Петра I, глядевшего на Запад, в пропаганде сейчас не поминуют (скорее уж Ивана Грозного), как, впрочем, и Ленина.

Историческое имя, релевантное разговору о Путине как фигуре общественного сознания, – это Брежнев. Как деятеля всех времен и народов его поминают гораздо реже, но на вопрос

«Какое время в 20 столетии было лучшим?» россияне определенно называют период брежневского застоя. В довидные годы люди постарше называли время Брежнева, а помоложе – Путина. Брежневское время помнится «стабильностью», ее и Путину когда-то ставили в заслугу.

Путин никогда не выставлял себя напрямую новым Сталиным и не велел пропаганде это делать. Но он, не называя имен, представил Горбачева как того, кто «развалил Союз» (созданный Сталиным), а ему, Путину, приходится теперь это исправлять. В этом смысле он «продолжатель дела Сталина» (применительно к себе Сталин предпочитал формулу «продолжатель дела Ленина»). Так читаются его месседжи массовым сознанием.

Итак, Путин и Сталин где-то рядом в истории, как ее видят современники. Есть нюансные различия: у молодых, выросших при Путине, он на первом месте, а Сталин на втором. Для них Путин – это настоящее, а Сталин – история. У пожилых – наоборот. Для них сталинское время, время СССР – «настоящее», а нынешнее – так, попытка повторить... Поскольку молодые в меньшинстве, то общую картину формируют те, кого нынче зовут «взрослыми».

В целом, как показывают наши опросы, те, кто почитают Сталина, одобряют Путина и поддерживают СВО. Таких большинство, а придерживающихся противоположных взглядов – меньшинство. Но не все, однако, поклонники Сталина благосклонны к Путину. И не все, кто поддерживают СВО, одобряют Путина. Сталинисты-антипутинцы – немногочисленный, но упорный и при случае активный контингент. Часть из них

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

осуждают Путина за начало СВО, но объясняют это тем, что тот, мол, недостаточно подготовился для того, чтобы мощным сталинским ударом взять Киев, а затем Варшаву, Берлин и... (про Париж почему-то говорят очень редко, чаще – про Лиссабон).

Среди тех, кто не одобряет Путина за начало СВО (и, соответственно, не принимает доводы пропаганды о том, зачем это надо было делать), есть те, кто тем не менее «за войну». Аргументация этих людей: «Раз начали, надо доводить до конца!». Это чрезвычайно сильная, если угодно, философия: в жизни все надо доводить до конца – обращаться к таким максимам с вопросом «Почему?» бессмысленно. Заметим только, что эта позиция используется для обоснования как продолжения СВО, так и желания, «чтобы уже заканчивали».

Судя по последним замерам, тех, кто предпочел бы перейти от продолжения боевых действий к мирным переговорам, набирается 64%. Но не стоит записывать их всех в пацифисты: большинство входит в те 74%, которые в том же опросе заявили, что «лично поддерживают действия ВС РФ в Украине». И четыре пятых тех, кто поддерживает (по разным причинам) переход к мирным переговорам, имеют в виду установление мира на российских условиях, главное из которых – сохранение за Россией четырех областей, которые объявлены ею своими. Зачем им эти земли?

Путин недавно объяснил, что у нас так принято: где ступил сапог русского солдата – то наше. К этой формуле тоже невозможно обратить вопрос «Почему?». За спиной Путина – тень Сталина и Ялтинских соглашений 1945 года, согласно которым, под власть Советского Союза (то есть Сталина, как тогда говорили на Западе) были переданы

очень многие земли, где прошли сапоги советских солдат.

«Ялту» часто поминают сейчас обозреватели и аналитики, которые полагают, что у Путина в рамках СВО две цели. Одна – сесть, как Сталин в Ялте, за стол на равных с лидерами «великих держав» (это президент США и еще кто-то), вторая – снова разделить с ними мир. По одной версии, которую излагают наши респонденты, это значит получить под свою гегемонию всю Европу, отдав прочее Соединенным Штатам. По другой – восстановить раздел Европы, реализованный в Ялте и упраздненный в результате политики Горбачева в 1989 году. Замах – в любом случае – сталинский.

Идея, что «наш» Сталин – самая великая историческая личность всех времен и народов, подразумевает, что, значит, и мы самые великие. Идея превосходства «нас» над остальными конститутивна для любого человеческого объединения, она всегда наготове в массовом сознании – любом, в том числе россиян (в той мере, в какой они объединены неким представлением о себе). Себя россияне, насколько позволяют судить наши исследования, мыслят не как общество (то есть как носитель чувства и воли), не как народ (то есть как множества людей, «человеков»), не как страну (то есть как земли, которую считают своей), но как государство – державу. Последнее понятие – самое сложное и самое сильное, поскольку включает представление о стране, народе и власти разом. Раньше эта держава звалась СССР, Союз, теперь – Россия. Именно ее они считают великой, превосходящей все прочие. Она если не больше, то уж точно главнее всех.

При таком мирозерцании Путин встроен в идею России, как Сталин встроен в идею СССР. Можно говорить,

что это монархическое сознание, а поскольку здесь присутствует идея заведомого превосходства над другими, то еще и имперское. Этим мы не скажем ничего нового. Некоторая новизна заключается в том, что в понятии «империя» стали находить нечто привлекательное и примеряют его на себя уже не отдельные идеологи и политики, но и рядовые граждане на наших фокус-группах.

Четвертый год СВО ознаменовался в России нашествием каменных, бетонных, гипсовых сталиных. Зачем понадобились эти идола? Вероятно, с их помощью надеются приблизить победу над Украиной. Победу, которая мнится, мерещится, но оказывается все время разочаровывающе далека. Заметим, что культ этих идолов распространяется в глубоких тылах и среди тех, кто в наименьшей степени может данную победу приблизить – старых, да малых. Не они идут на фронт, не они пашут в три смены на предприятиях оборонки. Но они самый благодатный материал для пропаганды, самая большая аудитория для телевидения. Старшая их часть составляет большинство при соцопросах. Это они обеспечивают Путину рейтинг в 86%, а Сталину – первое место в ряду великих людей всех времен и народов.

Как показывают архивы, нынешние волнения по поводу того, что надвигающимся культом Сталина будут пользоваться власти в своих интересах, не новость. Такое беспокойство наблюдалось

и двенадцать, и пятнадцать лет назад. Так, отвечая на вопрос «В последнее время руководители страны все чаще говорят о Сталине как выдающемся государственном деятеле. Как вы думаете, с чем это связано?», в феврале 2013 года респонденты полагали, что российские власти использовали культ Сталина, чтобы «оправдать собственную политику и злоупотребления властью» в 19% случаев (и в 16% случаев – в марте 2010-го), для «укрепления своего собственного авторитета как наследников славы побед» – в 21% случаев в 2013-м (и в 23% в 2010-м), для «постепенного восстановления советской системы» – в 6% случаев (и в 8% в 2010-м), от «безвыходности, как суррогат отсутствующей “национальной идеи”, поскольку в стране не осталось “ничего святого”», – в 19% случаев (и в 20% в 2010-м). Затруднились ответить соответственно 35% и 33%.

Главный результат тут – значительная, более трети, доля отказавшихся участвовать в предложенной дискуссии. Важным кажется также то, что примитивная идея – мол, этим путем власти восстанавливают советскую систему – не нашла поддержки среди россиян. Напротив, догадка, что власти употребят культ Сталина как автора Победы для того, чтобы и себя вписать в ее наследники, уже тогда пришла в голову как самая вероятная.

Задавался и прямой вопрос: «Существует ли в России культ личности Владимира Путина?».

Существует ли в России культ личности Владимира Путина? (%)	Март 2006 года	Апрель 2007 года	Октябрь 2007 года	Октябрь 2009 года	Июль 2010 года	Октябрь 2011 года	Сентябрь 2014 года	Сентябрь 2021 года
да, все его признаки уже налицо	10	15	22	23	27	25	19	26
еще нет, но предпосылки для него все больше и больше	21	25	27	26	28	30	31	21
нет, никаких признаков такого культа нет	57	49	38	38	33	33	40	41
затрудняюсь ответить	12	11	13	12	12	12	10	12

За все время с 2006-го по 2021 год примерно десятая часть респондентов отказывалась отвечать. От трети до 57% было тех, кто не видел никаких признаков культа. И в сумме примерно столько же (от 31% до 55%), кто был уверен, что признаки культа уже налицо, и кто пока фиксировал лишь предпосылки для

него. Первых всегда было меньше, чем вторых, и лишь в 2021 году, когда был произведен последний замер, мнение, что признаки культа уже налицо, стало в этой паре преобладающим. Как изменилось положение с тех пор, читателям придется решать на основе собственных наблюдений.

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ

«Дурная кровь», или Об удивительной генеалогии федерализма в Южной Африке¹

Появившись на свет, институты, имеют обыкновение сопротивляться попыткам их упразднить.

РОБЕРТ ГЕНРИ БРАНД, секретарь делегации Трансвааля на конституционном конвенте 1909 года²

Абстрактное утверждение, согласно которому федерализм всегда выступает гарантом свободы, является однозначно ложным.

Уильям РАЙКЕР, американский политолог³

В ряду федераций «черного континента», как прежних, так и нынешних, Южно-Африканская Республика (ЮАР) стоит особняком. Бесспорно, история каждого федеративного эксперимента, разворачивавшегося когда-либо на земле Африки, по-своему парадоксальна и удивительна, но ЮАР в интересующем нас аспекте не похожа ни на кого больше. Пережив в 1990-е не просто трансформацию политической системы, но ее переход в принципиально иной модус существования, страна сохранила тем не менее базовые признаки про-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

² BRAND R.H. *The Union of South Africa*. Oxford: Clarendon Press, 1909. P. 75.

³ RIKER W.H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Co, 1964. P. 145.

FOEDERATIO
IDEALIS:
АФРИКА
В ПОИСКАХ
МОДЕРНОГО
ГОСУДАРСТВА

тофедеративного устройства, каковыми она понемногу начала обзаводиться в предшествующие десятилетия – в долгую эпоху господства белого меньшинства. Унитарная в теории и децентрализованная на практике конструкция, в начале XX века выстроенная на юге Африки британскими колонизаторами, осторожно, но упорно экспериментировала с тем, что Кеннет Уэйр емко называл «федеральным принципом»⁴, – причем это происходило на всех этапах ее истории, включая и нынешний. Пределы децентрализации, допустимые для унитарного государства, последовательно тестировались сначала колониальным доминионом, потом расистским режимом, а затем демократическим строем, уничтожившим расовую дискриминацию. Вместе с тем, говоря о децентрализованном порядке в отношении Южной Африки, лучше использовать не единственное, а множественное число, поскольку исторически он представлял собой не совокупность несхожих вариаций *одной и той же* модели, но набор принципиально *разных* моделей. На первый взгляд может показаться, что в данном случае мы имеем дело с почти невероятной преемственностью политического инструментария, которая неожиданно сближает внешне несовместимые государственные системы. Такое впечатление, однако, не выдерживает рациональной проверки, без особых затруднений обнаруживающей, что вопреки схожести инструментов задачи, решавшиеся посредством децентрализации, на разных исторических этапах оставались принципиально различными.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

Одноцветный союз

В 1910 году в ходе создания Южно-Африканского Союза (ЮАС) в него были включены четыре британских владения, уже имевших к тому моменту самобытные конституционные истории. Если Капская колония и колония Наталь базировались на вестминстерской системе с присущим ей всемогуществом парламента и его безусловным приоритетом в отношении всех иных властей, то основанные голландскими поселенцами и позже покоренные англичанами Оранжевая республика и республика Трансвааль имели иные правовые основы, заимствованные скорее из североамериканской модели: там начиная с конституций 1850-х наличествовала сильная президентская власть, прерогативы парламента были ограничены, а суды пользовались широкой самостоятельностью⁵. Этот факт

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

⁴ См.: WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 1–15.

⁵ См.: CORDER H. *Constitutional Reform in South African History* // CORDER H., FEDERICO V., ORRÚ R. (Eds.). *The Quest for Constitutionalism: South Africa since 1994*. Farnham: Ashgate, 2014. P. 182. Проникновение американских конституционных идей в голландскую Южную Африку объяснялось не столько могучей при-

в значительной мере предопределял ключевые особенности будущего союза. Из-за ощутимой разнородности фрагментов, склеиваемых Лондоном в процессе создания нового доминиона, за которой стояла специфичность конституционного и политического опыта, центральному правительству ЮАС с самого начала предписывалось концентрировать наиболее важные полномочия и компетенции в своих руках. Иначе говоря, символизируя историческое примирение буров и англичан, новый составленный союз вставал на ноги как глубоко централизованное политическое образование, причем это вполне соответствовало замыслам его учредителей, которые видели в своем творении механизм не *рассредоточения*, но, напротив, *сосредоточения* власти. Выдающийся русский правовед Александр Яценко писал в свое время в этой связи:

«В истории Южно-Африканского Союза мы имеем пример того, как обособленно существовавшие области, которые могли быть организованы и федеративно, и унитарно, после некоторых колебаний сразу же приняли унитарную форму без перехода через федеративную»⁶.

Кстати, похожая логика напоминала о себе и при создании союзных государств в других поселенческих колониях – в частности, в Австралии и Канаде, – хотя там, в конечном счете, она реализовалась по-иному, вылившись в *централизованные*, но при этом *федеративные* формы⁷. В итоге появившееся в начале XX века на свет южноафриканское государство изначально тяготело не к классическим федерациям, а к децентрализованным унитарным системам – каковой, кстати, Южная Африка в значительной мере остается и сегодня, несмотря на то, что ЮАС давно канул в Лету, а ЮАР в 1996 году официально приняла формально федеративную Конституцию (не упоминающую, впрочем, слово «федерализм»).

В классическом труде «Федеральное правление» Уэйр специально останавливается на этой любопытной особенности интересующего нас предмета. По его словам, ЮАС иногда называют «федеративным государством», но такой подход безоснователен; подтверждается же это в первую очередь тем фактом, что «в Южной Африке региональные правительства подчинены

тягательностью опыта США, сколько простым курьезом: в процессе основания в 1854 году бурской Оранжевой республики у колониста, недавно прибывшего из Нидерландов, случайно оказалась с собой копия Конституции США.

6 Яценко А. *Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства*. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. С. 614.

7 На эту тему см. обстоятельный сравнительный анализ конституционных устоев ЮАС в сопоставлении с федерациями Австралии и Канады: WOOLSEY L.H. *A Comparative Study of the South African Constitution // The American Journal of International Law*. 1910. Vol. 4. № 1. P. 1–82; см. также: KENDLE J. *Federal Britain: A History*. London; New York: Routledge, 1997.

жение вещей ничуть не похоже на федеративный порядок, хотя для исследователя федерализма такие псевдоморфозы особенно любопытны, поскольку с их помощью гораздо легче разбираться, на что способен федерализм в том или ином контексте, а чего от него ждать не стоит.

В силу своей двоящейся конституционно-политической природы ЮАС на протяжении десятилетий демонстрировал любопытную динамику центростремительных и центробежных сил, которые, действуя одновременно, постоянно сталкивались друг с другом. (Правовед и политик Роберт Генри Бранд, написавший один из лучших обзоров, посвященных устройству только что образованного ЮАС, называл это сочетанием «законодательной централизации и административной децентрализации»⁹.) Включаясь в 1900-е в формирование единого государства, объединяющиеся партнеры вдохновлялись разными интересами и преследовали несовпадающие цели.

С одной стороны, для империалистической английской элиты план федерализации британских владений на юге Африки не был чем-то новым: еще в 1857 году губернатор Капской колонии писал в Лондон, что «только федеральный союз южноафриканских владений [Британии] позволит им стать достаточно сильными и сплоченными для того, чтобы противостоять местным племенам». С готовностью откликаясь на эти идеи, Народное собрание (*Volksraad*) Оранжевой республики через год приняло резолюцию, в которой говорилось о желательности «союза или альянса с Капской колонией, будь то на основах федеративных или каких-то иных». Развивая эту мысль, буры предлагали незамедлительно разработать примерные кондиции такого союза – с последующим вынесением их на рассмотрение двух правительств. Лондон, однако, в тот момент отнесся к инициативе прохладно, считая более предпочтительным установление прямого британского контроля над своенравными бурскими землями¹⁰. В результате в следующий раунд федералистской рефлексии южноафриканский политический класс вступил только через два десятилетия – примерно с середины 1870-х, когда сначала Сесил Родс, а потом Альфред Милнер в пылу «драки за Африку» выдвинули предложение сплотить владения британской короны от мыса Доброй Надежды до Замбези – а возможно, и еще шире – и тем самым увековечить присутствие Великобритании в регионе¹¹. Более того, когда

9 BRAND R.H. *Op. cit.* P. 82.

10 Оба вышеприведенных фрагмента цит. по: WOOLSEY L.H. *Op. cit.* P. 7–8.

11 Тот же тренд, кстати, проявлял себя и в интеграционных проектах, которые, затрагивая соседние Северную Родезию и Южную Родезию, обсуждались с 1920-х и обрели практическое воплощение в 1950-х, породив недолговечную Федерацию Родезии и Ньясаленда. Подробнее об этом см.: ЗАХАРОВ А.А. *Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 178–203.

Лондон в 1877 году первый раз отобрал у буров Трансвааль, это делалось «с надеждой на то, что аннексия создаст предпосылки для слияния всех южноафриканских территорий в федерацию, функционирующую в рамках Британской империи»¹². В свою очередь вестминстерский парламент, находясь, вероятно, под впечатлением от состоявшейся в 1867 году успешной федерализации Канады, в 1876-м принял специальный акт, которым южноафриканским колониям предоставлялось право объединиться в конфедерацию, когда они сочтут это уместным. Хотя колонии не воспользовались этим великодушным предложением и в 1882 году оно было отозвано¹³, белые элиты Кейптауна и Дурбана постепенно свыкались с мыслью о том, что рано или поздно объединяться придется – причем скорее всего не без пользы для всех, кто решит вступить в союз.

С другой стороны, многие видные африканеры тоже считали политическое единство Южной Африки важнейшей целью, но при этом их намерения были прямо противоположными: они надеялись, что консолидация белых южноафриканских общин, говорящих на разных языках, снимет былые разногласия между ними и пресечет «стороннее» имперское вмешательство в их «внутренние» дела¹⁴. Как бы то ни было, разная оптика участников переговорного процесса на финальном этапе не помешала объединению: и империалисты, и антиимпериалисты к началу XX века были готовы включиться в интеграционный торг, в ходе которого предстояло определить параметры будущей не-совсем-федерации. К тому моменту, как свидетельствует непосредственный участник событий, «ради заключения союза все стороны были готовы идти на большие уступки»¹⁵. Наилучшим обеспечительным залогом для успешной сделки стало предоставление самоуправления республикам африканеров, поверженным в ходе англо-бурской войны 1899–1902 годов; именно оно в 1907-м позволило политическим организациям буров вновь вернуться к власти – и начать на равных разговаривать с Лондоном и местным англоязычным истеблишментом.

Еще раньше, в январе того же 1907 года, лорд Селборн, долгое время занимавшийся Южной Африкой в профильном лондонском министерстве, подготовил обстоятельный «Меморандум о федерации южноафриканских колоний», послуживший «дорожной картой» для дальнейших инициатив¹⁶. Старт интегра-

12 THOMPSON L.P. *A History of South Africa*. New Haven; London: Yale University Press, 2001. P. 114.

13 См.: WOOLSEY L.H. *Op. cit.* P. 8.

14 THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 148–149.

15 BRAND R.H. *Op. cit.* P. 41.

16 См. полный текст: *The Selborne Memorandum on the Union of South Africa, 1908*. London: Humphrey Milford, 1925 (название документа и его дата в оглавлении книги не совпадают с теми, которые указаны на обложке. – А.З.).

ционному процессу дала межправительственная конференция, состоявшаяся в мае 1908 года: объединив железнодорожный транспорт и таможенные службы четырех колониальных владений – а эти аспекты экономической интеграции имели для региона колоссальную значимость, поскольку прежде провоцировали нескончаемые конфликты между колониями¹⁷, – она рекомендовала их парламентам приступить к подготовке проекта Основного закона для единой Южной Африки. Конституционный конвент с участием трех десятков делегатов был созван уже в октябре, причем если норма представительства для территориальных образований была неравной, что отражало их разный вес в будущем государстве (Капская колония имела двенадцать мандатов, Трансвааль – восемь, а колония Оранжевой реки и Наталь – по пять), то в межобщинном плане примерный паритет был соблюден: на четырнадцать африканцев приходилось шестнадцать британцев. Словно приободряя участников представительного собрания, Англия направила в гавань Дурбана отряд военных кораблей, призванный, видимо, убедить колонистов в том, что если от внешних угроз они надежно защищены, то от внутренних нападений им предстоит защититься самостоятельно.

Консенсус – или, используя формулировку американского юриста-международника Лестера Вулси, «тщательно продуманный компромисс»¹⁸ – был выработан довольно быстро: уже в феврале 1909 года делегаты подписали проект Конституции ЮАС, а в мае внесли в него поправки, рекомендованные четырьмя ассамблеями. После этого документ был одобрен депутатским корпусом в бывших бурских республиках и Капской колонии, а также референдумом в Натале. Уместно заметить, что последняя из упомянутых территорий – единственная, где англоговорящие белые преобладали над потомками голландцев, – традиционно претендовала на особое место в Южной Африке; как пишет современник, «народ Наталья, отрезанный от остальной южноафриканской территории грядой Драконовых гор, всегда вел обособленную жизнь. Местные жители считали себя почти чистокровными британцами и гордились приверженностью английскому образу жизни и английским идеалам»¹⁹. Неудивительно, что Наталь не испытывал особого восторга по поводу намечающегося союза, видя в нем провозвестие бурской гегемонии; именно поэтому вопрос о слиянии был передан здешней легислатурой на суд избирателей, которые, однако, не оправдали надежд своих депутатов.

17 Детальный анализ разногласий, возникавших из-за разных подходов к таможенной политике и железнодорожным тарифам и предшествовавших объединению, см. в работе: BRAND R.H. *Op. cit.* P. 14–31.

18 WOOLSEY L.H. *Op. cit.* P. 10.

19 BRAND R.H. *Op. cit.* P. 38.

Как уже говорилось, новорожденный британский доминион, в отличие, скажем, от Канады или Австралии, ни в коем случае не являлся классической федерацией: это было, по словам историка, «созданное по британской модели унитарное государство, основанное на суверенитете парламента»²⁰, а последний, как известно, абсолютен и неделим. Примерно в том же духе оценивали его и сто лет назад: «Именно принципом верховенства парламента обусловлены фундаментальные отличия федеральных конституций от унитарных конституций, к числу которых принадлежит и южноафриканский Основной закон»²¹. Вместе с тем, и это исключительно важно, по изначальному замыслу создателей ЮАС, их творение содержало существенные элементы децентрализации, вполне объяснимые и уместные в свете далеко не безоблачных отношений между двумя белыми общинами. В ходе конституционных дебатов колония Наталь активно пыталась внедрить в разрабатываемую схему толику федерализма, настаивая на большей самостоятельности будущих провинций, но ее предложения дружно игнорировались остальными колониями, поскольку «общественное мнение Южной Африки однозначно склонялось в пользу унитарного принципа в противовес федеральному»²².

Интересно, однако, что, отказавшись от федералистских установлений во внутренней политике, «отцы-основатели» нового доминиона негласно намекали на то, что последние могут – когда-нибудь – пригодиться в политике внешней. В одобренном британским парламентом законе «О Южной Африке» 1910 года (*South Africa Act*), учредившем новое государство, имелось специальное положение, в соответствии с которым британское правительство в неуточненном будущем резервировало за собой право инкорпорировать в состав ЮАС еще четыре близлежащих владения: Южную Родезию, Басутоленд (Лесото), Бечуаналенд (Ботсвану) и Свазиленд. И хотя эта норма так и осталась «спящей», не вызывает сомнений, что ее возможная активация никак не обошлась бы без федералистского инструментария – по крайней мере в отношении Южной Родезии, где имелаась мощная и своенравная поселенческая община. (До проверки этой гипотезы дело, однако, так и не дошло: в последующие годы сменявшие друг друга южноафриканские правительства не раз просили Лондон дать им право активировать соответствующие конституционные пункты и инкорпорировать три последних из перечисленных владений в состав Южной Африки, но регулярно получали отказ. Провозглашение же ЮАС республикой, состоявшееся в 1961 году, и вовсе

20 THOMPSON L. *Op. cit.* P. 150.

21 BRAND R.H. *Op. cit.* P. 43.

22 Ibid. P. 46.

сняло этот вопрос с повестки дня, поскольку после него страна ушла из-под юрисдикции британского парламента. В итоге в 1966–1968 годах и Лесото, и Ботсвана, и Свазиленд обрели государственную независимость.) В целом же нельзя отказать в правоте тем специалистам, которые характеризовали государственный строй, устанавливаемый законом «О Южной Африке», как «унитарный по своей природе, хотя очевидно федеральный в некоторых своих аспектах»²³.

Еще одним обстоятельством, какое-то время мешавшим крайней централизации, оказалась, как ни странно, расовая политика объединяющихся колоний. В разных местах она имела свою специфику: если в бывших бурских республиках обладателями активного и пассивного избирательного права изначально были только белые, то колонии, основанные английскими поселенцами, традиционно выказывали более гибкие подходы к расовым отношениям. Это вполне объяснимо, поскольку еще в 1828 году Палата общин приняла резолюцию, согласно которой колониальным властям в южноафриканских владениях Англии – и прежде всего в Капской колонии – предписывалось «обеспечить всем туземцам Южной Африки ту же свободу и ту же защиту, какой пользуются прочие свободные обыватели колонии, будь то англичане или голландцы»²⁴. Аналогичные декларации сопровождали в 1842 году и присоединение к Британской империи колонии Наталь; британский комиссионер, отвечавший за эту операцию, издал тогда специальный документ, в котором заявлялось, что «перед лицом закона не может быть никаких различий в цвете кожи, происхождении, расе или вероисповедании»²⁵. В итоге к концу XIX века действовавшие в Натале избирательные цензы допускали к голосованию ограниченное число черных, цветных и азиатов, а в Капской колонии с 1853 года, когда она получила самоуправление, избирательное право по форме своей вообще оставалось нерасовым и основывалось сугубо на имущественном и образовательном цензах. Несмотря на то, что к 1909 году 85% избирателей последней из упомянутых территорий составляли белые, а на долю цветных и черных приходились лишь 15% – 14 тысяч и 7 тысяч соответственно, – контраст с безоговорочно сегрегационными установлениями африканеров был очевидным²⁶. Это обстоятельство вызвало среди участников конституционного конвента бурные дискуссии, в ходе которых предложение Капской колонии распространить ее относительно мягкие электоральные

23 Ibid. P. 63.

24 Цит. по: THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 60.

25 Цит. по: Ibid. P. 93.

26 Ibid. P. 150; см. также: HOROWITZ D. *A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society*. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 105.

нормы на весь союз были сообща отвергнуты остальными партнерами как «неприемлемые»²⁷. Таким образом, подытоживает Вулси, в объединяющейся Южной Африке в сфере электоральной политики оформились две своеобразные «школы»: «одна считала, что туземцам следует предоставить равные [с белыми] возможности, а другая верила в необходимость их абсолютного подчинения»²⁸. В подобных условиях унифицировать государственные практики было не слишком легко, а это, пусть и ненамеренно, но поддерживало разнообразие.

В то же время, подготавливая объединение, колонисты решительно отвергали претензии Вестминстера на роль посредника между ними и чернокожим населением. Имперская власть постоянно и повсеместно покровительствовала коренным жителям колониальных владений, защищая их от эксцессов поселенческой политики; белые Южной Африки – как, впрочем, и их собратья на других континентах – не раз декларировали недовольство по этому поводу, указывая на неосведомленность заокеанской метрополии в местных делах. В 1909 году Бранд писал в этой связи, почти дословно воспроизводя рассуждения инициаторов американской революции:

«Свободный народ не может согласиться на полное подчинение парламенту, который заседает в шести тысячах миль от его родных мест и в котором он вообще не представлен. И бесполезно объяснять ему, что имперский парламент претендует на управление только черным, а не белым населением. [...] Тот, кто носит туфли, лучше знает, где они жмут. Ведь от того, насколько подходящими будут подходы южноафриканцев к проблеме туземцев, зависят их жизнь и смерть»²⁹.

Одним из естественных следствий подобной установки и оказывалась диверсификация расовой политики на местах – включая те относительно передовые ее варианты, какие к моменту объединения демонстрировала Капская колония, где, по словам Бранда, «авторитет немногочисленных просвещенных деятелей оказывал сильнейшее благотворное влияние на общественное мнение»³⁰. Но одновременно колонисты осознавали и необходимость последовательной координации действий на расовом поприще, в большинстве своем полагая, что образование союзного государства так или иначе заставит унифицировать ее. Более того, в некоторых первостепенных вопросах белые поселенцы изначально были единодушны; так, уместно напом-

27 На этом аспекте конституционных дебатов подробно останавливается историк Тула Симпсон: SIMPSON T. *History of South Africa: From 1902 to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 25–27.

28 WOOLSEY L.H. *Op. cit.* P. 75.

29 BRAND R.H. *Op. cit.* P. 101.

30 Ibid. P. 103.

нить, что англо-бурская война 1899–1902 годов завершилась подписанием договора, гарантировавшего, что чернокожие не получают доступа к парламентским выборам в новых – бурских – колониях после того, как последним будет возвращено самоуправление.

Итогом стал компромисс, расистский и унитаристский по сути, но федералистский и децентрализаторский по духу: делегаты решили, что каждая колония, вступив в ЮАС и сделавшись его провинцией, сохранит собственное электоральное законодательство, а права немногочисленных черных избирателей в стоящей особняком Капской колонии получают особую конституционную защиту – для их упразднения нужно будет заручиться поддержкой двух третей депутатов каждой из палат формируемого союзного парламента, что представлялось довольно-таки нелегким делом. Однако, забегаая вперед, можно сказать, что эта норма не смогла воспрепятствовать поэтапному урезанию, а потом и полному изъятию электоральных прав небелого населения Капской провинции посредством разнообразных юридических трюков. Если, скажем, в 1930–1931 годах право избирать и быть избранным в ЮАС было распространено на все взрослое белое население, включая женщин, то для черных и остальных сохранялись прежние цензы. Более того, с принятием в 1936 году Закона «О представительстве туземцев» (Native Representation Act) все африканцы, способные голосовать в регионе, были исключены из общего реестра избирателей и переведены в отдельный список, прерогативы которого ограничивались избранием лишь трех *белых* депутатов, представляющих голосующих чернокожих в национальном парламенте. Причем, в конечном счете, и эта норма не устояла; к 1959 году чернокожая страта избирателей в некогда либеральной Капской провинции была сведена к нулю³¹.

В свете сказанного не вызывает сомнения правота тех специалистов, согласно которым главной жертвой всех конституционных договоренностей, сопровождавших учреждение ЮАС, ожидаемо оказалось его чернокожее население³². Кроме того, электоральные манипуляции, которыми занимались южноафриканские расисты в начале XX века, служат хорошей иллюстрацией догадки, высказанной когда-то Уильямом Райкером: опираясь на опыт США, он отмечал, что бывают ситуации, когда наиболее рьяными поборниками федерализма вдруг оказываются самые отъявленные расисты³³. Иначе говоря, в только

31 О юридических ухищрениях, оформлявших этот процесс, а также о попытках воспрепятствовать ему правовыми средствами, см.: ROBERTSON H.M. *Coloured Disenfranchisement* // BROOKES E.H. *Apartheid: A Documentary Study of Modern South Africa* [1968]. London; New York: Routledge, 2023. P. 116–126.

32 SAUL J.S., BOYD P. *South Africa – The Present as History: From Mrs Ples to Mandela & Maricana*. Woodbridge: James Currey, 2014. P. 31.

33 См.: RIKER W. *Op. cit.* P. 142–145.

что образованном Южно-Африканском Союзе различные модусы расизма, отличавшие его составные части, препятствовали – по крайней мере на первых порах – унификации государственных практик, поддерживая тем самым минимальный градус децентрализации.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

**Бывают ситуации, когда наиболее рьяными
поборниками федерализма вдруг оказываются самые
отъявленные расисты.**

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕ АПАРТЕИДА

После завершения англо-бурских войн и учреждения нового государства африканеры чувствовали себя все более уверенно; нарратив «вымирающего и атакуемого меньшинства» постепенно сделался периферийным, поскольку квазифедеративные элементы, встроенные в унитарную систему ЮАС, позволяли бурам придерживаться тех политических порядков, к которым они издавна привыкли, – и это был весьма ощутимый бонус, учитывая предшествующее военное поражение. Англичане же, заключив сделку с бурами, тоже получили немало: умиротворение тех земель, где еще недавно полыхали сражения, обеспечило благоприятные условия для развития горнорудной и алмазодобывающей промышленности, в котором с 1870-х был жизненно заинтересован британский капитал.

Однако консенсус во взаимоотношениях двух белых сообществ, каким бы продуктивным он ни был, устоял лишь до конца 1940-х. Несмотря на то, что британское правительство ради поддержания стабильности на юге Африки шло едва ли не на любые уступки африканерам – в частности, как уже говорилось, зачатки нерасового избирательного законодательства, имевшиеся в Капской колонии, были искоренены при самом непосредственном содействии колониальных властей, – с началом послевоенной деколонизации прежний компромисс стал казаться бурским элитам недостаточным. Их больше не устраивало привычное присвоение англоговорящей элитой командных позиций в деловой жизни, государственном управлении, интеллектуальной сфере, а электоральный перевес (на долю африканеров приходилось 55% южноафриканских избирателей), подкрепляемый преобладанием сельских избирательных округов над городскими (соответствующие нормы, предусмотренные законом «О Южной Африке», стали в свое время еще одной привилегией, полученной бурами-проигравшими

от англичан-победителей, ибо большинство африканеров проживало в глубинке), позволял им на деле осуществить политические перемены. Дональд Горовиц пишет:

«Постепенно страхи остающегося социально “второсортным” сообщества африканеров взяли верх над резонами сплочения с более богатыми и более культурными англоговорящими жителями Южной Африки. В 1948 году пришедшая к власти Национальная партия приступила к энергичному укреплению позиций африканеров. Для африканерского национализма наступил момент триумфа»³⁴.

Попутно стоит отметить, что это была довольно удивительная победа: африканеры мирным путем получили контроль над страной, составляя в ней всего 12% населения³⁵.

Анализ системы апартеида не входит в цели настоящей работы. Тем не менее некоторые аспекты ее функционирования здесь нельзя не затронуть, поскольку они заметно и непосредственно повлияли на последующее восприятие федерализма и децентрализации в южноафриканском обществе. В частности – более чем сдержанного отношения к федерализму, реализуемого Африканским национальным конгрессом (АНК) после крушения режима «белого меньшинства», невозможно понять без обращения к тем квазифедералистским практикам, которые вовлекались в политический обиход расистами. Вероника Федерико констатирует:

«Используемые расистскими властями формы политики *divide et impera* оказали крайне негативное воздействие на последующие дискуссии, касающиеся децентрализации. Их совокупным результатом стало то, что вопреки рекомендациям международного сообщества, а также экспертных кругов, активно обсуждавших преимущества тех или иных форм федерализма для обновляющейся Южной Африки, первые демократические конституции ЮАР – как временная, так и окончательная – предпочли унитарную модель, дополненную, правда, элементами децентрализации»³⁶.

Прежде всего федерация как особая форма государственного бытия была дискредитирована прежней системой бантустанов, на что, в частности, указывает Горовиц:

«Именно так называемые черные хоумленды, созданные режимом апартеида, превратили для многих южноафриканцев слово “федерализм” в ругательство. [...] В предложениях федерализации АНК видел “маневры”, призванные увековечить бантустаны, придав им новый облик»³⁷.

34 HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 10.

35 THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 168.

36 FEDERICO V. *South African Quasi-Federalism* // CORDER H., FEDERICO V., ORRÙ R. (Eds.). *Op. cit.* P. 17.

37 HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 106.

Поскольку апологеты демонтируемого апартеида в разгар общественно-политических дебатов начала 1990-х обращались к «федералистской» аргументации постоянно, их оппоненты естественно склонялись к унитаристским альтернативам, видя в них способ добить разваливающуюся систему. Исходя из этого «члены АНК считали наличие сильных региональных правительств предпосылкой неоапартеида», которая призвана связать руки новому большинству и хотя бы частично сохранить привилегии старых меньшинств. По этой причине в ходе разработки новой конституции АНК не раз официально заявлял, что делегирование провинциям слишком большой власти будет ослаблять обновляемое государство³⁸. Таким образом, на теме бантустанов необходимо остановиться хотя бы мельком: она позволит перебросить мостик к нынешнему, довольно оригинальному, состоянию федерализма в Южной Африке.

Основой для появления хоумлендов стал так называемый «африканский резерв», появившийся в стране еще в 1913 году с принятием закона «О туземном землепользовании» (Natives Land Act) и выделивший под нужды африканского населения около 7% территории ЮАС (к 1939 году эта доля была увеличена до 11,7%)³⁹. Разумеется, африканцам не могло хватить этой земли ни для обеспечения своих семей, ни для выплаты всех муниципальных, провинциальных и центральных налогов, что превращало резервы в запасники дешевой и неквалифицированной рабочей силы, обслуживающей белых промышленников и фермеров. Как следствие, к 1936 году из 3 410 000 африканцев, «приписанных» к резервам, 447 000 временно отсутствовали на их территории⁴⁰. Такая же картина наблюдалась и позже, когда расистский режим преобразовал земли африканского резерва в «самостоятельные» бантустаны: и в том и в другом случае обособление «туземной» территории никак не означало ее автономии ни в политическом, ни в экономическом смысле. Носителями государственной власти в пределах африканского резерва оставались белые чиновники.

Непосредственная история бантустанов начинается в 1959 году, когда правительство Претории приняло закон «О самоуправлении банту» (Bantu Self-Government Act), в соответствии с которым на территории страны выделялись восемь (позже десять) так называемых «хоумлендов», призванных, по замыслу южноафриканских законодателей, со временем превратиться в независимые государства чернокожих. В преамбуле закона

38 NAIDOO V. *South Africa (Republic of South Africa). Reform, Reduce and Strengthen the Provinces: Or Not?* // GRIFFITHS A., CHATTOPADHYAY R., LIGHT J., STIEREN C. (Eds.). *The Forum of Federations Handbook of Federal Countries 2020*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 317.

39 См.: SIMPSON T. *Op. cit.* P. 40–42.

40 THOMPSON L. *Op. cit.* P. 164.

декларировалось: «Народы банту, проживающие в Южно-Африканском Союзе, не составляют гомогенного народа, а формируют обособленные национальные образования на базе самобытных языков и культур»; исходя из этого, как полагали законодатели, для их «процветания и прогресса» государству «целесообразно обеспечить признание различным национальным образованиям и позаботиться о постепенном развитии в их территориальных границах самоуправляющихся единиц, строящихся на традиционных системах организации власти банту»⁴¹.

Поскольку апологеты демонтируемого апартеида в разгар общественно-политических дебатов начала 1990-х обращались к «федералистской» аргументации постоянно, их оппоненты склонялись к унитаристским альтернативам, видя в них способ добить разваливающуюся систему.

При этом предполагалось, что все африканцы, проживающие в Южной Африке, будут приписаны к одному из таких образований, приобретут их гражданство – и, как следствие, превратятся для южноафриканского государства в *иностранцев*. (Важная оговорка: во внешних сношениях для них предусматривалось сохранение прежнего подданства.) Как и следовало ожидать, в африканских сообществах новый закон был встречен неоднозначно: если, скажем, зулусский король Киприан Бекузулу в 1960 году заявлял, что правительственная политика раздельного развития «предоставляет народу зулу шанс восстановить былое самоуважение и вернуть национальную гордость»⁴², то активисты АНК подобного оптимизма никак не разделяли. В последующие годы на основании упомянутого закона черных граждан – по мере их натурализации в бантустанах – «вычищали» из общенациональных списков избирателей, делая электорат страны все более и более белым. Интересно, что одна из целей, преследуемых режимом апартеида в ходе этих акций, заключалась в недопущении электоральных альянсов между англоговорящими избирателями и их потенциальными чернокожими союзниками, которые могли бы – по крайней мере теоретически – сообща одолеть на всеобщих выборах партию африканеров. Среди других целей, продвигаемых квазифедералистской политикой бантустанов –

⁴¹ *The Promotion of Bantu Self-Government Act No. 46 of 1959* // BROOKES E.H. *Op. cit.* P. 126.

⁴² См.: ТЕМКИН В. *Buthlezi: A Biography*. London; New York: Routledge, 2003. Ch. 6.

причем уже не столько тактических, сколько стратегических, – следует упомянуть еще как минимум три.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

Во-первых, подобное «территориальное самоопределение» нарочито и всесторонне акцентировало *разнородность* африканского населения, подчеркивая принципиальное несходство различных его сегментов и тем самым жестко – и, стоит заметить, необоснованно – противопоставляя одни этнические общности другим. Среди базовых идей апартеида было представление о том, что «белая расовая группа образует единую нацию, в то время как африканцы принадлежат к нескольким отличающимся друг от друга формирующимся или сформировавшимся нациям»⁴³. В перспективе расистской политической инженерии учреждение специального бантустана – скажем, для народа тсвана – мотивировалось тем, что он, не имея якобы почти ничего общего с этническими группами зулу, венда или ндебеле, обязан «самоопределиваться». Разумеется, проекты подобной суверенизации не могли не сталкиваться друг с другом, а это усугубляло взаимное недоверие местных этносов, многие из которых и без того веками несли груз взаимной неприязни, подогреваемой, как правило, белыми.

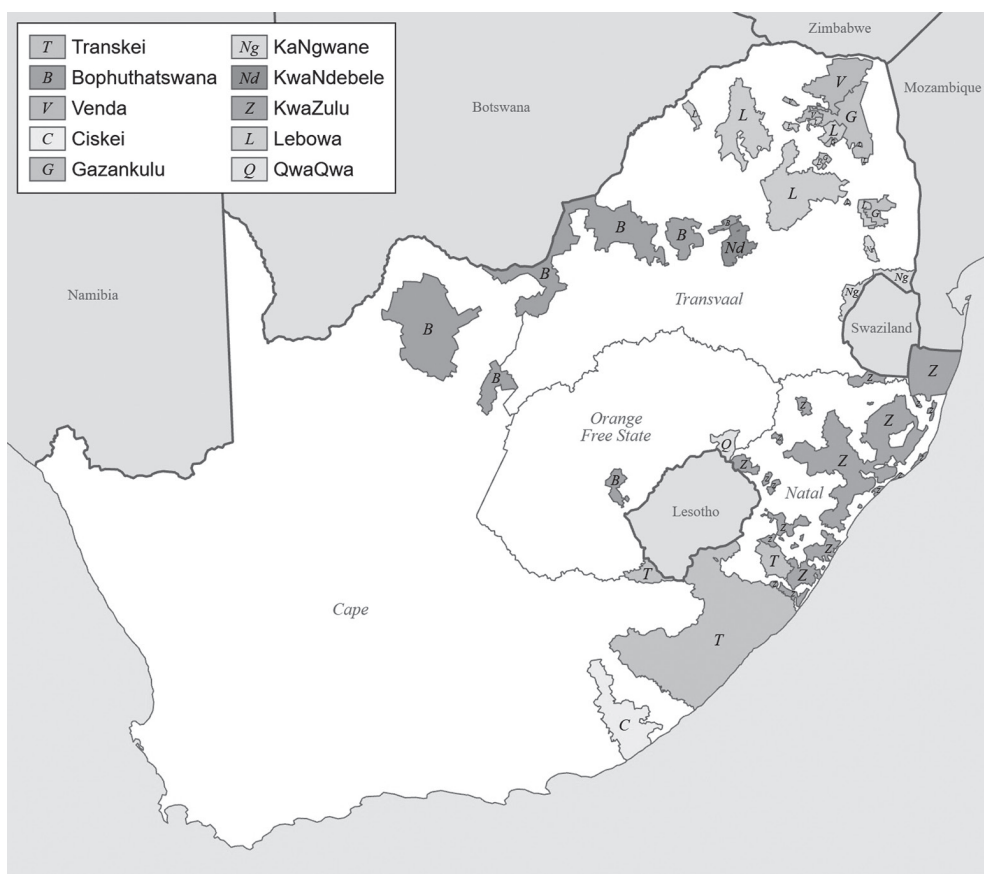
Показательно также, что политический суверенитет предлагалось реализовать общностям, за которыми не признавалось наличие прочной территориальной основы: все хоумленды, за исключением самых мелких, состояли из различного числа сегментов, перемежаемых земельными владениями белых. Особенно болезненно это сказывалось на наиболее крупных африканских этносах: так, бантустан Бопутатсвана состоял из девятнадцати фрагментов, зачастую находившихся в сотнях километрах друг от друга, а в составе бантустана Квазулу имелись 29 больших и 40 маленьких подобных кусочков⁴⁴. Несмотря на эту невероятную чересполосицу, чернокожим предлагалось строго соблюдать прочерченные расистскими властями «государственные» границы; как формулировал это в 1967 году Департамент по делам управления и развития банту, «политика правительства базируется на том, что в европейских частях республики всякий банту может быть лишь временным резидентом – сугубо на то время, пока он там работает»⁴⁵. Следствием такого курса становилось целенаправленное выдавливание «избыточной массы» чернокожих на их «историческую родину»: в течение 1970-х население бантустанов выросло на 69%, а к концу этого периода на их землях проживали более

⁴³ THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 190.

⁴⁴ Специалисты не раз обращали внимание на эти географические казусы. См., например: LIEBERMAN E. *Until We Have Won Our Liberty: South Africa After Apartheid*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022. P. 80–83. Здесь приводится лоскутная карта бантустана Бопутатсвана.

⁴⁵ Ibid. P. 193.

Илл. 2. Бантустаны ЮАР, 1973 год. Источник: Wikimedia Commons.

52% всех черных обитателей ЮАР. Официальная пропаганда внушала городским африканцам, что их реальной родиной остаются хоумленды, а подлинными политическими лидерами выступают племенные вожди⁴⁶.

Во-вторых, посредством «самоопределения» хоумлендов особо неблагонадежные этнические общности раскалывались внутренне. Прежде всего в такой ситуации оказался народ коса, в XIX веке горячо противившийся английской колонизации, а в XX веке непропорционально широко представленный среди руководителей и рядовых членов тех группировок, которые боролись с апартеидом насильственными методами – прежде всего АНК. В результате формами национально-территориального обособления для коса властями ЮАР были объявлены сразу два бантустана, Транскей и Сискей, что распыляло групповую политическую субъектность. Интересно, что ненормальность такого положения вещей осознавалась даже теми политиками-коллаборационистами, которые заседали во властных органах

46 Ibid. P. 195.

бантустанов; партии, представлявшие в упомянутых хоумлендах легальную черную оппозицию, регулярно выступали с законодательными предложениями о слиянии двух «автономных» территорий, населенных коса. По их логике, амальгама анклавов коса была бы уместна не только потому, что в них бытуют общий язык и единая культура, но и из-за того, что половина этой этнической общности проживает за пределами бантустанов – работая на «белой» территории ЮАР. (Действительно, в 1970 году 411 300 представителей коса, приписанных к бантустану Сискей, были временными резидентами «белых» районов страны, в то время как в самом хоумленде проживали 525 200 человек⁴⁷. И такая ситуация была типичной для всех бантустанов.)

Тем не менее унификаторские порывы всякий раз гасились непреодолимыми экономическими резонами, ибо бантустаны замышлялись южноафриканскими властями в качестве permanently бедных территорий – и всегда, до самого крушения апартеида, оставались таковыми. В 1976 году в ходе очередного обсуждения в легислатуре Сискей планов слияния с соседями-родственниками один из депутатов характерным образом указывал на это обстоятельство:

«Скажите, какую выгоду извлечет Сискей, став частью независимого Транскея, у которого в настоящий момент нет адекватных ресурсов для развития даже собственной территории? В чем смысл того, чтобы одна обнищавшая семья присоединялась за пустым столом к другой обнищавшей семье?»⁴⁸

Расистская схема, таким образом, работала именно так, как и рассчитывали ее изобретатели, словно подтверждая наблюдение британского историка Леонарда Томпсона, сделанное применительно к Южной Африке XIX века: «Белые использовали расколы в африканском обществе гораздо успешнее, чем черные использовали расколы в поселенческом обществе»⁴⁹.

Наконец, в-третьих, вопреки тому, что институциональная логика апартеида предполагала сосредоточение каждой более или менее крупной группы в собственном хоумленде, дисперсное проживание африканцев по всей территории ЮАР неминуемо выливалось в наличие в каждом из этих квазигосударственных образований крупных или мелких меньшинств. Так, народ педи, наделенный хоумлендом Лебова, одновременно составлял солидное меньшинство в Бопутатсване, считавшемся бантустаном группы тсвана, а представители народа свази –

⁴⁷ См.: CHARTON N. *The Legislature* // IDem (Ed.). *Ciskei: Economics and Politics of Dependence in a South African Homeland*. [1980]. London; New York: Routledge, 2023. P. 166.

⁴⁸ Ibid. P. 164.

⁴⁹ THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 71.

у которого, кстати, в отличие от остальных, с 1968 года имелось по-настоящему независимое, то есть признанное международным сообществом, королевство под названием Свазиленд, – оставались небольшим, но заметным меньшинством в Квазулу. (Гомогенность хоумлендов была вариативной: если, скажем, в Бопутатсване титульная группа составляла около 70%, то в Квазулу на нее приходились 98%⁵⁰.) Этот этнический хаос порождал межобщинные трения, которые делались особенно острыми там, где доминирующая группа в прежние исторические эпохи обладала развитой государственностью, отличалась повышенной пассионарностью или даже реализовала самобытные экспансионистские проекты. Как раз так, в частности, обстояло дело с народом зулу, в хоумленде которого иные этнические общности чувствовали себя неудобно⁵¹. Тенденция, впрочем, была повсеместной: «члены этнических групп, которые не принадлежали к той конкретной группе, для которой учреждался бантустан, зачастую подвергались дискриминации в плане доступа к рабочим местам и социальным услугам»⁵².

Полевые исследования, проводимые в период расцвета бантустанов, также подтверждали, что с их учреждением взаимоотношения этнических групп, в прежние времена по тем или иным причинам недолюбливавших друг друга, становились еще горше – как, например, в бантустане Сискей, получившем от Претории «самоуправление» в 1972 году. «Титульное» большинство здесь соседствовало с меньшинством мфенгу; последние появились на землях коса в 1820-х – в качестве беженцев, изгнанных с насиженных мест воинами стремительно расширявшейся зулусской монархии. Эти группы издавна не ладили между собой, имея на то вполне веские причины. В свое время вождества коса приняли пришельцев, но считали их людьми второго сорта, относясь к ним соответственно; как следствие, в захватнических войнах, которые англичане вели с народом коса в 1830-х, отряды мфенгу зачастую сражались на стороне белых⁵³. С внедрением же в XX веке институциональных форм политической конкуренции, специально стимулируемой властями ЮАР в бантустанах, обе группы, обзаведшись собственными миниатюрными партиями этнического толка, очень быстро преобразовали прежнюю глухую неприязнь в открытую враждебность, граничащую с насилием⁵⁴.

С формально-правовой точки зрения бантустаны были похожи на самые настоящие государства, функционирующие, прав-

50 FESSHA Y.T. *Ethnic Diversity and Federalism: Constitution Making in South Africa and Ethiopia*. Farnham: Ashgate, 2010. P. 66.

51 HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 28, 74.

52 FESSHA Y.T. *Op. cit.* P. 70.

53 См.: THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 75.

54 См.: MANONA C.V. *Ethnic Relations in the Ciskei* // CHARTON N. (Ed.). *Op. cit.* P. 97 ff.

да, в границах другого, более крупного государства-гегемона и по его правилам. (По-видимому, тут вполне правомерно употребить термин, заимствованный из арсенала российского феде­рализма: это было что-то вроде пресловутого «матрешечного принципа».) Согласно закону «О системе власти банту» (Bantu Authorities Act), принятому в 1951 году, на территории ЮАР упразднялась английская модель местного самоуправления, а вместо нее учреждалась трехчленная система местных административных органов, состоящая из племенных, региональных и территориальных подразделений. Интересно, что главным инструментом комплектования органов власти вместо прежних выборов объявлялись назначения, в том числе и с использованием традиционных племенных практик. Тем самым на территории хоумлендов стимулировалась конкуренция двух групп вождей, первая из которых опиралась на традиционную, а вторая на бюрократическую легитимацию; в тех случаях, когда власти Претории сталкивались с нелояльностью представителей старой правящей страты, им противопоставлялись новые вожди, за спиной которых стояли белые чиновники⁵⁵.

В 1970-е бантустаны, учрежденные десятилетием ранее, начали наделяться «самоуправлением». На основании закона «О конституционном развитии хоумлендов банту» 1971 года (Bantu Homelands Constitution Act), целью которого провозглашалось «обеспечение продвижения народов банту к самоуправлению и независимости», в них появлялись собственные конституции, парламенты и правительства, а также гимны и флаги⁵⁶. С определенного момента власти ЮАР начали настойчиво предлагать хоумлендам независимость, но большая часть из них всеми силами от нее отказывалась, ссылаясь на экономическую нежизнеспособность⁵⁷. Кроме того, от подобного шага отвращали примеры Транскея, Сискея, Венды и Бопутатсваны: на рубеже 1970-х и 1980-х эти территории были наделены Преторией «полным суверенитетом», который международное сообщество отказалось признавать – несмотря на наличие у этих искусственных государств собственных посольств в Претории, вооруженных сил, пограничных пунктов и таможенных постов⁵⁸.

Между тем режим апартеида придавал системе бантустанов фундаментальное значение, поскольку без этой формы терри-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

55 Детальный анализ того, как это работало в бантустане Транскей, см. в: GIBBS T. *Mandela's Kinsmen: Nationalist Elites & Apartheid's First Bantustan*. Woodbridge: James Currey, 2017. Ch. 2.

56 Цит. по: RICHINGS F.G. *The Ciskei Constitution* // SHARTON N. (Ed.). *Op. cit.* P. 75.

57 В частности, по состоянию на вторую половину 1970-х средний доход домохозяйств в бантустане Сискей составлял лишь 38% от «черты бедности» (*Poverty Datum Line*), официально установленной правительством ЮАР, причем более 90% домохозяйств находились ниже этого уровня. См.: BLACK P.A. *Economic Development for the Ciskei* // SHARTON N. (Ed.). *Op. cit.* P. 20.

58 FESSHA Y.T. *Op. cit.* P. 65.

ториально-политической автономии чернокожих строительство «расово чистого» государства белого меньшинства представлялось нереалистичным. Более того, декоративная «самостоятельность» этих образований последовательно расширялась: поступая таким образом, власти стремились противопоставить насильственным формам политического действия, с 1960-х все шире используемым противниками апартеида в лице АНК и других организаций, легальные возможности политического участия черных. Именно тот факт, что африканерам отчасти удалось преуспеть в своем начинании, и обусловил сохранение в общественно-политическом дискурсе обновленной ЮАР обширного набора исторически негативных коннотаций, в которых федерализм «ассоциировался с расовой балканизацией страны – устройством, где оазисы провинций, заботящихся об интересах белых, соседствовали с нищими анклавами хоумлендов, населенных черными»⁵⁹.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, НО БЕЗ ОТДЕЛЕНИЯ

Совершенствование системы бантустанов самым непосредственным образом сказывалось и на взаимоотношениях между центром и регионами внутри ЮАР. Когда в 1910 году образовался централизованный союз четырех провинций, каждая из них, несмотря на субординационные отношения с центром, была наделена весьма обширным набором полномочий и компетенций – разговоры о протофедерализме, якобы наличествующем в молодом доминионе и раскритикованном в свое время Уэйром, происходили как раз отсюда. Но в 1950-е, по мере укоренения режима апартеида, политический статус провинциальных органов «белой» части страны деградировал, поскольку, стремясь обеспечить унифицированное применение сегрегационного законодательства, власти Претории целенаправленно низводили политический потенциал провинций к минимуму. Апофеоз этого курса пришелся на президентство Питера Виллема Боты (1984–1989), когда провинциальные советы, выполнявшие законодательные функции в регионах ЮАР, были упразднены и заменены на назначаемые центральной властью провинциальные администрации, руководимые исполнительными комитетами⁶⁰. Такая политика опиралась на Конституцию ЮАР 1983 года, отводившую прерогативам провинций лишь самое минимальное место.

В оценках специалистов, занимающихся сравнительным федерализмом, бантустаны иногда изображаются «несостоятель-

⁵⁹ NAIDOO V. *Op. cit.* P. 315–316.

⁶⁰ Ibid. P. 316.

ным и дорогостоящим экспериментом в области регионального самоопределения, в котором были задействованы сотни тысяч чиновников и десятки учреждений, причем весь этот непомерно раздутый бюрократический аппарат управлял экономически нежизнеспособными и политически сервильными территориями»⁶¹. Однако, соглашаясь с правильностью подобных суждений в принципе, не стоит забывать и о том, что политико-административный эксперимент африканеров ощутимо укреплял основы расистского режима, поскольку был своеобразной формой кооптации, причем довольно успешной, части чернокожего политического класса в его структуры. Несмотря на то, что косвенное управление, реализуемое в бантустанах, было прочно встроено в расистскую иерархию, а атрибутами власти их чернокожие руководители наделялись белым чиновничеством, назначаемые вожди, в конечном счете, оказывались довольно самостоятельными брокерами, распределяющими государственные ресурсы приданным им общинам, – и потому обзаводились прочной социальной базой. Именно это позволяет исследователям видеть в этих национально-территориальных образованиях «первое для Южной Африки знакомство с системой, напоминающей настоящий федерализм»⁶².

Разумеется, «децентрализованный деспотизм»⁶³ бантустанов ничуть не напоминал отлаженное и вышколенное чиновничество веберовского типа, но формирование такового и не являлось целью Претории; гораздо важнее было то, что стимулируемое государством продвижение африканцев на командные должности влекло за собой «балканизацию» туземной бюрократии – то есть ее распад на клики, люто враждующие между собой. На африканских территориях на протяжении всего их псевдоавтономного существования шла жестокая политическая борьба, в которой наряду с чиновниками участвовали местные политические партии, общественные организации, печатные СМИ. Помимо прочих следствий, она реорганизовывала сферу туземной политики, обесценивая деятельность АНК и прочих противников апартеида и вытесняя ее на периферию. Тем самым, культивируя хоумленды, власти ЮАР фрагментировали африканский национализм, внося рознь в племенные общности и даже в отдельные семьи⁶⁴.

Показателен в этом смысле пример Кайзера Матанзимы – одного из племянников Нельсона Манделы, который с 1964 года

61 Ibid.

62 См.: PARKER J. *Comparative Federalism and Intergovernmental Agreements: Analyzing Australia, Canada, Germany, South Africa, Switzerland and the United States*. London; New York: Routledge, 2015. Ch. 6.

63 См.: NTSEBEZA L. *Democracy Compromised: Chiefs and the Politics of the Land in South Africa*. Leiden; Boston: Brill, 2005.

64 Подробнее об этом см.: GIBBS T. *Op. cit.*

бессменно возглавлял кабинет министров бантустана Транскей, в 1976-м получившего от ЮАР номинальную независимость. Этот политик, ставший первым в Южной Африке вождем с университетской степенью, считал, что путь к эмансипации чернокожих пролегает исключительно через создание на базе южноафриканских хоумлендов союза сначала полуавтономных, потом автономных, а затем и полностью независимых черных государств, пользующихся плодами «раздельного развития» – то есть налаживающих собственную социально-политическую жизнь обособленно от белых:

«В этом разрезе политика апартеида, продвигаемая белыми националистами [с 1948 года], казалась мне очень привлекательной. Она появилась в то самое время, когда среди черных людей вызрело желание самостоятельно руководить своей судьбой»⁶⁵.

Пропагандируя «упорядоченное конституционное развитие» в качестве единственного пути к самоопределению, он добавлял:

«Я искренне надеюсь на федерацию [черных] государств, которая будет создана в нашей части Африки. Независимый Транскей, несомненно, внесет колоссальный вклад в политическое и экономическое продвижение такой федерации»⁶⁶.

Подобные настроения, кстати, разделяли многие чернокожие чиновники, трудившиеся в канцеляриях и офисах бантустанов; более того, их среднее звено, как не раз отмечали исследователи, позже без всяких проблем вписалось в управленческий аппарат демократической Южной Африки. Эти факты хорошо согласуются с мнением о том, что бескровная демократизация страны явилась результатом негласного, но действенного соглашения между двумя чернокожими элитами, тесно связанными родственными и прочими узами: системной старой, принимавшей апартеид, приспособившейся к нему и опиравшейся на население сельской глубинки, и внесистемной новой, отвергавшей апартеид, боровшейся с ним и делавшей ставку на городские массы⁶⁷.

Разумеется, наличие подобных трендов не могло не беспокоить АНК, особенно после разгрома этой организации, учиненного расистским государством в начале 1960-х. Мнения его руководителей, оказавшихся тогда либо в заключении на острове Роббен, либо в эмиграции в соседних странах, контрастно разделились: если, скажем, марксист Гован Мбеки, отец будущего второго президента демократической ЮАР, отказывал бантустанам в любой легитимности, то его более умеренный

⁶⁵ MATHANZIMA K. *Independence My Way*. Pretoria: Foreign Affairs Association, 1976. P. 40.

⁶⁶ Ibid. P. 38.

⁶⁷ Эту позицию, в частности, отстаивает Тимоти Гиббс.

оппонент Уолтер Сисулу настаивал на том, что в этих квазифедеративных образованиях, несмотря на последовательное их осуждение, надо работать, выстраивая внутри них коалиции, способные поддержать освободительное движение⁶⁸. Той же точки зрения придерживался и Нельсон Мандела, в мемуарах упоминающий о спорах, которые ему довелось вести на эту тему со своим знатым племянником из Транскея:

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

«Я говорил ему, что своей политикой правительство специально старается разбросать африканцев по этническим анклавам, поскольку оно опасается мощи африканского единства. Матанзима отвечал, что тоже желает видеть Южную Африку свободной, но полагает, что кратчайшим путем к этой цели может стать правительственная политика раздельного развития»⁶⁹.

Диаметральная разница в подходах сильно затрудняла поиск точек соприкосновения, поэтому АНК изначально и многократно осуждал бантустаны в своих политических декларациях, причем не только как практику, но и как идею. Стоит, однако, иметь в виду, что у Матанзимы в рядах борцов с апартеидом нашлись и влиятельные союзники; например, видный белый враг режима, либерал и журналист Дональд Вудс, в 1977 году фактически изгнанный расистским правительством из страны, был убежден, что внутренне присущий проекту бантустанов федерализм способен ослабить хватку политиков-африканеров, рассредоточить власть и подтолкнуть страну к долгожданым переменам⁷⁰.

Наконец, необходимо сказать и о том, что в бантустанах зарождались и крепили те политические организации чернокожего населения, которые после крушения апартеида превратились в серьезных конкурентов АНК; зулусская Партия свободы «Инката», политической базой которой изначально выступал бантустан Квазулу, служит здесь отличным примером. Народ зулу занимает особое место в южноафриканской истории, поскольку ему, в отличие от многих соседей, на рубеже XVIII и XIX веков удалось создать передовые и эффективные, по здешним меркам, формы государственности. К 1820-м в силу ряда причин, которые в этом тексте рассматриваться не будут, зулусская монархия стала государством-хищником, ориентированным на экспансию; в процессе территориального расширения, пришедшемся на 1830-е, зулусы, используя хорошо организованную и прекрасно обученную сорокатысячную ар-

68 Кстати, именно по этой причине в начале 1950-х президент АНК Альберт Лутули, поддерживая Сисулу и Манделу, настоятельно рекомендовал молодому Бутелези согласиться на предлагаемый ему южноафриканским правительством пост зулусского вождя. Подробнее см.: ТЕМКИН В. *Op. cit.* Ч. 4.

69 MANDELA N. *A Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela*. London: Abacus, 1995. P. 171.

70 См., например: WOODS D. *Asking for Trouble: Autobiography of a Banned Journalist*. New York: Atheneum, 1981.

мию, изгоняли с обжитых мест соседние народы, проводя то, что в XX веке называли «этническими чистками». В ходе ежегодных кампаний эти войска сокрушали местные вожества на севере и на юге, лишая их основ для существования.

Несмотря на непрерывные внутренние усобицы, в последующие десятилетия зулу действенно противостояли как «великому треку» голландцев, так и экспансии англичан, показав себя одним из немногих африканских сообществ, способных к самозащите от европейцев. (Так, в январе 1879 года зулусы только в одном бою уничтожили 1200 англичан, причинив британской армии самые крупные потери со времен Крымской войны⁷¹.) Англичане, включив государство зулу в состав колонии Наталь, пытались упразднить там монархию, но у них ничего не получилось: в результате этот народ, входя в эпоху апартеида, сумел не растерять свою политическую субъектность. В 1900-х волнения зулусов регулярно дестабилизировали Наталь – единственное южноафриканское владение, где англичане численно превосходили буров, но при этом уступали черным в соотношении один к десяти. Опасения, которые внушали колонистам остатки некогда величественного зулусского царства, служили мощным стимулом, подталкивавшим «белый» Наталь к вступлению в ЮАС. По совокупности указанных причин бантустан Квазулу в составе расистской Южно-Африканской Республики не мог не быть весьма специфическим образованием.

Он, собственно, и стал таковым, причем это обстоятельство имело сразу несколько следствий. Прежде всего у хоумленда зулу был выраженный имидж, противопоставлявший его другим подобным образованиям: его определяли одна персона и одна организация – вождь Мангосуту Бутелези и возглавляемая им Партия свободы «Инката». (Глава королевского дома зулу оставался фигурой по большей части церемониальной и символической.) Как уже говорилось, со времен «африканского резерва» белые магистраты были не в состоянии управлять черными подданными в одиночку: они делали это при содействии племенных вождей. Улаживая споры коренных жителей между собой, контролируя землепользование и обеспечивая взимание налогов, вожди получали небольшое вознаграждение от центральной власти. Это, как отмечает Леонард Томпсон, превращало их в промежуточные фигуры: «легально они несли ответственность перед государством, но социально зависели от поддержки своих общин»⁷². Такое положение вещей позволяло вождям, опиравшимся на столь мощный инструмент, как традиция, манипулировать не только своими чер-

71 См.: THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 124.

72 Ibid. P. 172.

ными подопечными, но и своими белыми хозяевами. С особой эффективностью этим можно было заниматься в тех регионах, где, как в стране зулусов, сохранились крепкие политические структуры. Освоивший подобное искусство опытный вождь в своей практической деятельности вполне мог сочетать приемы самоуправления с элементами разделенного правления – то есть, как бы странно это ни звучало, реализовать, пусть даже в зачаточном и убогом виде, базовый принцип федерализма.

В целом нельзя не согласиться с тем, что по большей части «клиентела, управлявшая хоумлендами, была чистым недоразумением – находясь в полной зависимости от Претории в плане денежных субсидий и физической защиты, эти правители по большей части были коррумпированными, неэффективными и авторитарными»⁷³. Но среди них встречались и яркие личности, к каковым, несомненно, относился Бутелези. Утвердившись в качестве вождя зулусского племени бутелези в 1957 году и возглавляя администрацию бантустана Квазулу с 1975-го, этот человек, опираясь на местное «культурно-освободительное» движение «Инката» (позже преобразованное в партию) и «черные» христианские церкви, внес большой вклад в поддержание квазифедералистского имиджа расистской республики. Он пытался изображать свою группировку в качестве освободительного движения и в этом плане сотрудничал с АНК, но «Инката» до недавнего времени оставалась этническим объединением, выдвигавшим интересы зулу – в том виде, в каком их трактовал Бутелези и его последователи, – в качестве первейшего приоритета. (Лишь с конца 1990-х «Инката» начала пересматривать свои приоритеты с намерением преобразовать себя в общенациональную и неэтническую партию, стоящую на консервативной платформе и критикующую АНК справа⁷⁴.) Партия традиционно опиралась на воинские доблести зулусов и пользовалась широкой популярностью в сельских областях бантустана. Не удивительно, что «Инката» с трудом вписывалась в общенациональное движение, которое сопротивлялось апартеиду, часто враждуя с другими группами. Белые власти ЮАР почти всегда относились к Бутелези терпимо: деятельность харизматичного вождя, вопреки его заявлениям об обратном, идеально вписывалась в политику «разделяй и властвуй». Парадокс же состоит в том, что после краха апартеида Партия свободы «Инката» превратилась в одного из главных поборников федерализма для обновляемой ЮАР.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

⁷³ Ibid. P. 222.

⁷⁴ Подробнее об эволюции партии «Инката» в первые десятилетия после апартеида см.: Piombo J. *Institutions, Ethnicity, and Political Mobilization in South Africa*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. Ch. 8.

ОТ КВАЗИФЕДЕРАЛИЗМА АПАРТЕИДА К КВАЗИФЕДЕРАЛИЗМУ ДЕМОКРАТИИ

Экскурсы, посвященные учреждению в 1909 году Южно-Африканского Союза, а также функционированию созданной расистами после 1948 года сети бантустанов, весьма полезны при оценке нынешнего самочувствия федеративной идеи в ЮАР. Они помогают раскрыть неожиданные грани преемственности, обнаружившейся в двух системах, между которыми, как считается, нет и не может быть ничего общего. В контексте сравнительного федерализма это весьма важное методологическое наблюдение: оно позволяет предположить, что ни один федералистский эксперимент, где бы и когда бы он ни разворачивался, не начинается с чистого листа и не реализуется в безвоздушном пространстве – в нем всегда можно обнаружить фрагменты, элементы, наслоения предыдущих моделей территориальной организации власти. Радикальный разрыв исторической преемственности, обусловленный крахом апартеида, отнюдь не означал отказа, пусть даже обновленной, Южной Африки от прежних особенностей, отличавших местную диалектику централизации и децентрализации в предшествующее столетие. Иначе говоря, у нас есть все основания поддержать специалистов, по мнению которых, «серьезнейшая научная проблема состоит в определении того, до какой степени “новой” на самом деле оказывается новая Южная Африка»⁷⁵.

Радикальный разрыв исторической преемственности, обусловленный крахом апартеида, отнюдь не означал отказа, пусть даже обновленной, Южной Африки от прежних особенностей, отличавших местную диалектику централизации и децентрализации в предшествующее столетие.

Это обстоятельство в свою очередь предопределило довольно своеобразный эволюционный путь южноафриканского федерализма. На первом этапе голландские и английские расисты, которые принялись в начале XX века объединять южноафриканские владения Великобритании, взяли курс на унитарную модель, отринув предшествующие примеры других доминионов, а именно – Австралии и Канады. Создатели ЮАС неоднократно указывали на то, что государству белых на южной оконечности Африки придется решать уникальные задачи, с которыми не

75 SAUL J.S., BOYD P. *Op. cit.* P. 3.

сталкивались иные поселенческие колонии: прежде всего им нужно будет держать в узде численно превосходящее их чернокожее население. Непосредственный участник тех событий писал патетически:

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

«Мрак, скрывающий от наших взоров будущее двух рас, черной и белой, непроницаем, а мнения о том, какой путь выведет нас к свету, столь же далеки друг от друга, как сами эти расы. Люди согласны лишь в том, [...] что для разрешения этой величайшей проблемы нам очень скоро потребуются солидарные усилия всего сообщества, воплощаемые в едином правительстве. Если мы не преуспеем в этом, Южную Африку ждет катастрофа»⁷⁶.

Такая установка, по мысли унификаторов, требовала не расцеяния и распыления власти, которое предписывается федералистской доктриной многосоставным обществам, – а наоборот, ее всемерного сосредоточения и концентрации. Устройство ЮАС воплотило в себе именно эту логику, причем предусмотренная им четкая централистская составляющая заметно поспособствовала состоявшемуся через одно поколение превращению союза в расистское государство.

Оформление системы хоумлендов, произведенное африканерами, получившими контроль над страной в середине XX века, должно было, как задумывалось, укрепить власть белого меньшинства путем методичного и последовательного дробления политического потенциала черного большинства. Собственно, так оно и получилось: бантустаны, экономически немощные и политически бессильные, влачили довольно жалкое существование – декоративное расширение их политической субъектности, доведенное до того, что некоторые из них даже обрели «независимость», выглядело чистейшей профанацией. Если это и было самоопределением – а южноафриканское правительство «представляло политику хоумлендов как меру, нацеленную на то, чтобы удовлетворить тягу черных южноафриканцев к самоуправлению»⁷⁷, – то оно оставалось, безусловно, неполноценным и крайне ограниченным. Обобщая в 1980 году ситуацию в бантустане Сискей, южноафриканский политолог Нэнси Чартон писала:

«Местное чернокожее чиновничество привязано к правительству бантустана и зависимо от него. Оно составляет еще одно звено в цепи субординации, которая исходит от правительства ЮАР и сковывает все аспекты жизни этой территории. [...] Легитимность традиционных элит подрывается тем, что они инкорпорированы в централизованную региональную структуру: вождь не может быть вождем для народа, если в нем видят креатуру правящей партии

⁷⁶ BRAND R.H. *Op. cit.* P. 48.

⁷⁷ FESSHA Y.T. *Op. cit.* P. 67.

и, в конечном счете, республиканской власти. Соответственно, и премьер-министр, накрепко соединенный с ЮАР социальными, экономическими и правовыми узами, не волен быть премьер-министром *для* народа; в нем всегда будут видеть креатуру Претории»⁷⁸.

Наконец, исключительно важным пунктом критики всегда оставалось то, что проект бантустанов «был воздвигнут отнюдь не на свободном выборе: он представлял собой одностороннюю политику расистского правительства, которая просто навязывалась черным африканцам силой»⁷⁹.

У этой истории, однако, была и другая сторона, превращающая ее в своеобразный парадокс. Дело в том, что с началом политических преобразований именно злополучная практика бантустанов выдвинула в центр общественно-политических дебатов вопрос о том, полезен ли обновляющейся ЮАР федерализм или же он ей противопоказан. При этом критики управленческих экспериментов, осуществлявшихся расистами в хоумлендах, приписывали их дефекты федеративной системе как таковой, закрывая глаза на тот факт, что если в расистской комбинации самоуправления и разделенного правления и можно было найти какие-то зачатки подлинного федерального принципа, то они всегда оставались мизерными. Что же касается сторонников федеративной системы, то их лагерь в начале 1990-х комплектовался в первую очередь за счет тех, кого апартеид в той или иной мере устраивал, причем чернокожий служилый класс бантустанов играл тут видную роль – предчувствуя скорый конец старых порядков, вся эта марионеточная бюрократия не собиралась уходить вместе с прошлым⁸⁰; настаивая на том, что на протяжении многих лет они «подрывали апартеид изнутри», чернокожие чиновники расистского государства отвоевывали себе место под солнцем посредством федералистских программ и лозунгов. Показательна в этом плане позиция, занимаемая в период транзита вождем Бутелези, о которой речь пойдет ниже.

Против демократической федерализации стремительно обновляющейся ЮАР играло и то, что коллапс государства апартеида застал административно-территориальное деление страны как будто бы в том же положении, в каком оно сложилось в 1910-м, на заре объединения. В самом начале транзита, в 1991-м, Горовиц писал:

«Управление в Южной Африке, и без того в высшей степени централизованное, в последние десятилетия централизовалось еще боль-

78 CHARTON N. *Op. cit.* P. 232–233.

79 FESSHA Y.T. *Op. cit.* P. 68.

80 См., в частности: Прокопенко Л.Я., Скубко Ю.С., Шубин Г.В. *Проблемы современного социально-экономического и политического развития ЮАР*. М.: Издатель И.Б. Белый, 2013. С. 24.

ше. Хотя в стране существуют четыре провинции, они остаются чисто административными образованиями, а провинциальные советы, которые можно было бы превратить в инструменты децентрализации, вообще упразднены»⁸¹.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

Противники федерализма, в рядах которых доминировал АНК, опирались на этот фундамент в решении двуединой задачи: им хотелось, с одной стороны, бесповоротно разгромить политические порядки отступающего белого истеблишмента, а с другой стороны, сломить сопротивление той довольно влиятельной части черных элит, которая удачно вписалась в апартеид и горячо его поддерживала. Обе цели требовали упразднения системы хоумлендов – или, говоря иначе, фиксации в конституционных установлениях нарождающегося демократического государства *не федеративной, а унитарной* его природы.

Теперь обратимся к расстановке сил в баталии «федералисты *versus* унитаристы», которая наблюдалась в начале транзита. К тому, что уже было сказано о позиции АНК, следует добавить, что отношение этой организации к федеративному устройству для ЮАР менялось с течением времени. Так, в 1920-е она, будучи довольно слабой и ориентированной на ненасилие, сама продвигала идею территориального размежевания белых и черных южноафриканцев в рамках единого государства; причем этот принцип был отвергнут лишь в 1969 году, в ходе обновления программы партии, когда перспектива самостоятельных политических институтов для расовых меньшинств была расценена как то же самое «раздельное развитие наций», только наизнанку. Что же касается ранних этапов национальной реконструкции, то энергичная поддержка, оказываемая федеративному проекту политическими организациями обороняющегося белого меньшинства, вызвала непреодолимую аллергию на него у многих чернокожих политиков⁸². В конце 1980-х «члены Африканского национального конгресса усматривали в требованиях укрепления региональной власти разновидность апартеида – в особенности из-за того, что прежде господствовавшая Национальная партия превратилась в одного из наиболее рьяных поборников федерализма с самого начала переходного периода»⁸³. Именно этой вполне точной констатацией объясняется диагноз, вынесенный в начале 1990-х Горовицем, уделившим особое внимание демократичес-

⁸¹ HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 214.

⁸² Об усилиях, предпринимаемых в этом направлении Национальной партией, системообразующей для апартеида, см.: РЮМВО J. *Op. cit.* P. 39–40.

⁸³ WESTHUIZEN J. VAN DER. *South Africa (Republic of South Africa)* // GRIFFITHS A. (Ed.). *Handbook of Federal Countries*, 2002. Montreal; Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. P. 285.

кому транзиту на Юге Африки: «Хотя в рядах белых граждан федералистские установления вызывают прилив энтузиазма, многие черные лидеры убеждены, что они противоречат идее неделимой ЮАР»⁸⁴. И у последних действительно были для таких ощущений веские основания, поскольку расистское государство по-настоящему щедро распределяло компетенции и полномочия – правда, только в тех случаях, когда речь шла о межрасовых отношениях. Выглядело такое рассредоточение власти весьма сюрреалистично; например, в 1980-е в ЮАР одновременно функционировали почти два десятка министерств здравоохранения, образования и социальной помощи: по одному на каждую из четырех «рас» на общенациональном уровне, на каждую из четырех провинций и на каждый из десяти бантустанов. Из сказанного становится понятнее, почему, приступая в 1988 году к переговорам с правительством Претории, АНК безоговорочно настаивал на модели «правления большинства в унитарном государстве»⁸⁵.

Естественно, и это было самым главным, вожди АНК опасались того, что федеральный порядок с присущим ему предоставлением широких компетенций региональным властям позволит сохранить на территории обновляемого государства изолированные очаги белого доминирования. Кстати, именно за создание в рамках федеративной ЮАР самоопределяющегося и исключительно белого *Volkstaat* начали тогда выступать ультраправые группы африканеров: в частности, за «выкраивание» из южноафриканской территории подобного анклава агитировало экстремистское Движение сопротивления африканеров (*Afrikaner Weerstandsbeweging*). Интересно, что белым политикам-федералистам, будь то умеренным или радикальным, ни за что не удалось бы добиться продвижения своих инициатив к середине 1990-х, если бы не сочувствие со стороны влиятельных чернокожих деятелей⁸⁶. Воспринимая федерализм как надежный инструмент, гарантирующий права белого меньшинства, они – прежде всего в лице Национальной партии – смогли заручиться поддержкой Партии свободы «Инката», которая со времен освободительной борьбы, как уже упоминалось, представляла себя в качестве единственного защитника народа зулу, наиболее влиятельного в ЮАР меньшинства с черным цветом кожи, составляющего 22% населения. Ее руководитель, вождь Мангосуту Бутелези, поссорившийся с АНК еще в 1979 году, теперь рассчитывал сохранить власть

⁸⁴ HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 214.

⁸⁵ См.: THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 245.

⁸⁶ О роли федералистских проектов в ходе политического торга, сопровождавшего демонтаж апартеида, подробнее см.: STEYTLER N., METTLER J. *Federal Arrangements as a Peacemaking Device during South Africa's Transition to Democracy* // Publius. 2001. Vol. 31. № 4. P. 93–106.

и после упразднения апартеида, превратив возглавляемый им бантустан Квазулу либо в суверенное государство, либо же в автономного члена рыхлого федерального союза.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

«ДУРНАЯ КРОВЬ»...

Вожди АНК опасались того, что федеральный порядок с присущим ему предоставлением широких компетенций региональным властям позволит сохранить на территории обновляемого государства изолированные очаги белого доминирования.

В новую эру «Инката» считала себя «выразителем интересов той части черного освободительного движения, которая поддерживала капитализм и рынок в противовес социализму и коммунизму АНК», а «главными темами для партии выступали федерализм, деволуция власти и официальное признание зулусской монархии»⁸⁷. На рубеже 1980-х и 1990-х «Инката» продолжала оказывать мощное давление на АНК, расчищавший себе дорогу к гегемонии. Требование рассредоточения власти оставалось постоянным элементом этой кампании. После того, как открывшееся в декабре 1991 года общенациональное совещание, приступившее к разработке временной конституции, предложило ликвидировать бантустаны и встроить их в новую территориально-административную сетку, делегации Квазулу и Бопутатсваны отказались подписывать проект. Между тем АНК, ничуть не сомневавшийся в том, что в будущем демократическом парламенте ему будет гарантировано абсолютное большинство, «непреклонно настаивал: новая Конституция должна учредить унитарное государство с минимальными ограничителями, накладываемыми на волю большинства»⁸⁸. Более того, радикальное крыло АНК, отнюдь не отказавшееся от вооруженной борьбы с врагом, пусть даже почти поверженным, спланировало операцию по насильственному свержению властей трех наиболее «коллорабационистских» бантустанов – все тех же продолжающих досаждать партизанам Бопутатсваны и Квазулу, а заодно и Сискея. Однако в начале сентября 1992 года марш на Бишо, столицу последнего из упомянутых образований, провалился: полиция Сискея расстреляла его участников, убив около тридцати человек, а руководство АНК было вынуждено объявить партийное порицание инициаторам акции⁸⁹. После этих событий партия Бутелези, угрожавшая бывшим повстанцам гражданской войной,

⁸⁷ PИОМВО J. *Op. cit.* P. 146.

⁸⁸ THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 253.

⁸⁹ SIMPSON T. *Op. cit.* P. 341–342.

заключила открытый альянс с Движением сопротивления африканеров, образовав единую организацию – Альянс свободы: непохожие друг на друга силы сплачивало желание добиться принятия федеральной конституции.

Союзники, однако, не преуспели в своем начинании. Временная Конституция ЮАР, принятая в конце 1993 года, разделив территорию страны на девять новых провинций, наделенных довольно большим кругом полномочий, не содержала заветного слова «федерализм»: подобно учредительному акту Южно-Африканского Союза 1910 года, она устанавливала унитарное государство с элементами децентрализации. Поэтому федералистов и антифедералистов ждал новый виток противостояния, на этот раз развернувшегося вокруг санкционированных Основным законом всеобщих и свободных выборов. Переход политического процесса из стадии верхушечных договоренностей в стадию демократического волеизъявления объективно ослаблял позиции условных «федералистов»: дело в том, что марионеточные правительства всех бантустанов, за исключением Квазулу, не имели сколько-нибудь прочной народной поддержки и неминуемо должны были уйти после ближайших выборов. Это подтолкнуло остающегося в одиночестве Бутелези к повышению ставок: теперь, после посрамления своих федералистских мечтаний, он настаивал на полной независимости Квазулу. Одной из сильных составляющих его позиции было то, что Мандела и его сторонники, несмотря на свои монополистические амбиции, были жизненно заинтересованы в безупречности демократического процесса – и, в частности, в вовлечении в него всех политических авторов, включая белых и черных экстремистов. Поэтому ради втягивания Партии свободы «Инката» и ее бурских союзников в электоральное состязание им были обещаны серьезные уступки: бантустану Квазулу, вместо роспуска, будущие гегемоны гарантировали слияние с провинцией Наталь (с последующим переименованием в Квазулу-Наталь), а африканерам было обещано обстоятельное обсуждение перспектив *Volkstaat* на парламентском уровне. Это были по-настоящему значительные концессии; и можно даже предположить, что разноцветная коалиция федералистов добилась бы еще большего, если бы ее не постиг внезапный крах. Примирительное предложение Манделы прозвучало в феврале 1994 года, а буквально через несколько дней Лукас Мангопе – диктатор Бопутатсваны, который добивался сохранения за своим хоумлендом «независимости», некогда предоставленной расистскими властями, – пошел на то, что шахматисты назвали бы «обострением партии»: ссылаясь на «государственный суверенитет» своих владений, он запретил АНК проводить в них предвыборную кампанию. Это спрово-

цировало сначала восстание подданных Мангопе, желавших жить в обновленной Южной Африке, потом привлечение четырехтысячного контингента боевиков-африканеров для его подавления и, наконец, полный выход из повиновения и переход на сторону народа силовых структур бантустана, изгнавших белых захватчиков вместе с их местными покровителями⁹⁰. Вскоре после этих событий забастовка государственных служащих и угрозы со стороны армии заставили отказаться от независимости и руководство Сискея.

С падением «суверенных» бантустанов и полнейшей дискредитацией белых радикалов вождь Бутелези остался один, хотя это отнюдь не заставило его отказаться от федералистской повестки. Он продолжил шантажировать переходные власти ЮАР своим неучастием в предстоящих выборах, причем имеющиеся ресурсы позволяли делать это весьма успешно. Помимо компактной территориальной базы и отмобилизованного электората, лидер партии «Инката» смог заручиться поддержкой династического правителя зулусов Гудвилла Звелитини, который официально заявил, что вся территория, находившаяся под контролем легендарного зулусского вождя Чаки в 1820-е – в момент наивысшего подъема его империи, – должна быть провозглашена независимым королевством зулу. Курс Бутелези на федерализм отчасти поддержала и уходящая Национальная партия, парламентское большинство которой под занавес работы прежней, еще расистской, легислатуры приняло закон, разрешающий новоявленным девяти провинциям иметь собственные конституции.

После долгой и запутанной игры с соперниками, в ходе которой в провинции Наталь даже объявлялось чрезвычайное положение, «Инката» в самый последний момент все же согласилась выставить своих кандидатов на первых демократических выборах. Они состоялись в конце апреля 1994 года, принеся безусловную победу унитаристам из АНК, но так и не уничтожив силы, которые считали желательным для обновляющейся ЮАР федеративное устройство – за исключением разве что радикалов-африканеров, сумевших получить лишь 2,2% голосов. Остальные голоса распределились так: АНК – 62,7%, Национальная партия – 20,4%, «Инката» – 10,5%. Кроме того, АНК не смогла победить на выборах региональных легислатур в двух провинциях из девяти: в провинции Западный Кейп голоса избирателей, при апартеиде называвшихся «цветными» и разделявших с африканерами одни и те же язык, религию и культуру, принесли победу Национальной партии, а в провинции Квазулу-Наталь «Инката» ожидаемо разгромила АНК,

90 Подробнее см.: Ibid. P. 348–349.

одолев конкурента как на общенациональном, так и на региональном уровнях⁹¹. (Кстати, в правительстве, сформированном АНК по итогам голосования, Бутелези получил портфель министра внутренних дел.) Иначе говоря, послевыборный политический ландшафт оказался вполне федералистским, а результаты всенародного волеизъявления подтвердили наличие в ЮАР неформальной и причудливой черно-белой коалиции, очень скоро сыгравшей ключевую роль в разработке нового образа правления, который был закреплен Конституцией ЮАР 1996 года – и ознаменовал переход государства пусть и к «спящему», но все-таки федерализму.

В целом же трансформационный опыт Южно-Африканской Республики, несмотря на все напрашивающиеся оговорки, можно рассматривать среди прочего и в качестве примера того, как сдающая позиции старая политическая культура наделяет новую элиту федералистским сознанием. Причем в данном случае это наследство лелеется с особым трепетом, поскольку бывшие «колонизаторы» в большинстве своем уезжать никуда не собираются. И хотя после 1996 года никаких значимых инициатив в плане создания упомянутого выше *Volkstaat* в ЮАР не наблюдалось (африканеры переключились на другие проблемы, по большей части экономические⁹²), а Национальной партии вообще больше нет, для политически активных белых (а вероятнее всего, и не только для них) важно наличие в Основном законе страны статьи 235, которая недвусмысленно провозглашает право меньшинств на территориально очерченную самобытность⁹³. Текст этой статьи гласит:

«Право на самоопределение южноафриканского народа как единого целого, провозглашенное настоящей Конституцией, не препятствует признанию в его рамках права на самоопределение любого сообщества, разделяющего общее культурное и языковое наследие, которое может быть реализовано в форме создания территориального образования в границах Южно-Африканской Республики или иным образом, установленным национальным законодательством»⁹⁴.

При этом, как подчеркивают специалисты, «было бы абсолютно некорректно видеть в любой современной попытке ак-

91 Выбирая в 1994 году депутатов общенационального парламента, 40,5% избирателей Квазулу-Наталь отдали голоса партии «Инката», в то время как АНК поддержали 39,8% (Ртомво Ж. *Op. cit.* P. 147; THOMPSON L.P. *Op. cit.* P. 264).

92 Подробнее об этом см.: DAVIES R. *Afrikaners in the New South Africa: Identity Politics in a Globalised Economy*. London; New York: I.B. Tauris, 2009.

93 О политической значимости этой конституционной статьи см.: STADEN M. VAN. *The Potential for Constitutional Devolution in South Africa* // Cato Journal. 2021. Vol. 41. № 3. P. 701–704.

94 См. официальный текст Конституции на английском языке в разделе «Documents» на сайте правительства ЮАР: www.gov.za.

туализировать конституционную гарантию самоопределения исключительно происки правых африканеров или расистов, стремящихся восстановить апартеид»⁹⁵. К статье 235 в последние годы широко апеллирует Партия Кейпа – учрежденное в 2009 году политическое объединение, официально ставящее своей задачей мирный и конституционный выход традиционно неподконтрольной АНК провинции Западный Кейп из состава республики. Как правило, южноафриканские политики снисходительно отмахиваются от этой миниатюрной группировки, указывая на ее ничтожный электоральный вес, но не надо забывать, что, помимо абсолютного числа голосующих за партию избирателей, весьма значимы и обнаруживаемые ею тенденции. Если на провинциальных выборах 2009 года это новоиспеченное объединение получило всего 2552 голоса, то на муниципальных выборах 2016-го их было 4473, а на провинциальных выборах 2019-го – уже 9331⁹⁶. Более того, репрезентативное исследование, проведенное в 2020 году в провинции Западный Кейп одной из независимых социологических служб, обнаружило, что 67,9% жителей этого региона, причем безотносительно к цвету кожи, хотели бы расширения конституционных полномочий провинциальных правительств, а 35,8% вообще предпочли бы видеть Западный Кейп суверенным государством. Согласно данным более поздних аналогичных исследований, в 2021-м и 2023 годах доля сторонников независимости составляла уже 46% и 58% соответственно, а в качестве мотива своего выбора в пользу обособления 40% опрошенных указывали на то, что за последние 25 лет ЮАР превратилась, по их мнению, в «несостоявшееся государство» (*failed state*)⁹⁷. Как пишет в этой связи Мартин ван Штаден, «каковы бы ни были намерения тех, кто включил статью 235 в действующую Конституцию ЮАР, главное теперь состоит в том, что она есть – и фактически, и юридически»⁹⁸. А если так, то не стоит забывать, что «спящие» нормы имеют обыкновение когда-нибудь просыпаться.

* * *

В ходе формирования нового южноафриканского государства, пытавшегося преодолеть наследие апартеида, неизбежно сталкивались два противодействующих вектора: с одной стороны, демократизация влекла за собой демонтаж системы тотального

95 STADEN M. VAN. *Op. cit.* P. 702.

96 Ibid. P. 697–698.

97 См. сайт Партии Кейпа: www.capeindependence.org/post/ciag-poll-aug-2023.

98 STADEN M. VAN. *Op. cit.* P. 702.

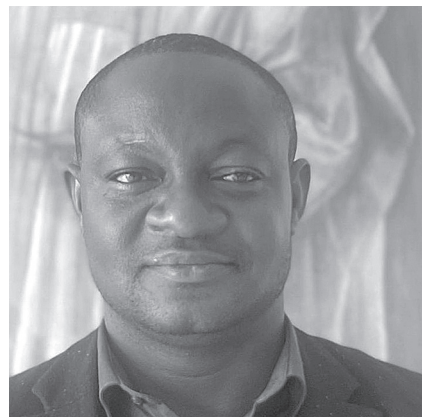

контроля, внедренной расистами, и, как следствие, децентрализацию на всех уровнях; с другой стороны, новой политической элите нужно было унифицировать политическое пространство страны, которое умышленно дробилось при апартеиде, культивировавшем псевдоавтономию хоумлендов. В процессе реконструкции вторая тенденция все явственнее одолевала первую и, в конце концов, восторжествовала полностью. Когда в 1996 году ЮАР официально стала федеративной республикой, она оказалась настолько централизованной, что федерализм выглядел едва ли не мнимой величиной. Этот сюжет, однако, должен стать предметом отдельного обстоятельного анализа. Причем, забегая вперед, можно заметить, что исследование такого рода выявит немало параллелей в бытовании двух современных федеративных моделей – южноафриканской и российской. По крайней мере в плане политической немощи регионов в их диалоге с федеральным центром страны вполне способны поспорить друг с другом.

Конфликт скотоводов и земледельцев в Северо-Центральной Нигерии: поможет ли федерализм справиться с кризисом?¹

НИКОЛАС
ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА
ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА,
ГОДВИН
ИЧИМИ

В последние десятилетия Нигерия переживает тревожную эскалацию ожесточенных столкновений между сообществами кочевых скотоводов и оседлых земледельцев. То, что когда-то было сезонной конкуренцией за пастбищные и водные ресурсы, к настоящему времени переросло в глубинное противостояние, чреватое последствиями общенационального масштаба². Распря между теми, кто выращивает скот и возделывает землю, начавшаяся внутри этнической общности фулани, повлекла за собой массовые жертвы, вынужденные миграции, продовольственные риски, масштабное уничтожение имущества. В частности, на территориях так называемого Среднего пояса противостояние затронуло штаты Бенуэ, Плато, Тараба и Насарава, превратившиеся в эпицентры смуты – здесь постоянно происходят вооруженные нападения на сельские общины, убийства из мести, уничтожение угодий³. Со временем спорадические столкновения переросли во всеобъемлющий кризис, затрагивающий вопросы идентичности, управления, легитимности. Его последствия для благополучия и безопасности граждан глубоки и обширны: помимо гибели людей и уничтожения их собственности, непрекращающееся насилие подрывает доверие общества к государственным институтам,

Николас Идрис Эрамех – руководитель отдела международной политики Нигерийского института международных отношений (Лагос, Нигерия), приглашенный исследователь Северо-Западного университета (Северо-Западная провинция, ЮАР).

- 1 Статья написана специально для «НЗ». Северо-Центральная Нигерия – одна из шести геополитических зон страны, в состав которой входят шесть штатов (Бенуэ, Кogi, Квара, Насавара, Нигер и Плато), а также федеральная территория Абуджа. Зона охватывает значительную часть Среднего пояса – обширного пространства, отделяющего нигерийский Север от нигерийского Юга. – *Примеч. ред.*
- 2 EGBUTA U. *Understanding the Herder-Farmer Conflict in Nigeria* // Accord. 2018. December 13 (www.accord.org.za/conflict-trends/understanding-the-herder-farmer-conflictinnigeria/); BASHIR M. *Desertification and Its Implications on Farmers-Herders' Conflicts in Nigeria: An Analytical Appraisal* // International Journal of Research and Innovation in Social Science. 2021. Vol. 5. № 3. P. 207–211; NDUBUISI C. *A Critical Analysis of Conflicts between Herdsmen and Farmers in Nigeria: Causes and Socioreligious and Political Effects on National Development* // HTS Theologies Studies / Theological Studies. 2016. Vol. 74. № 1. P. 1–6.
- 3 AFOLABI A.S., THOMPSON O.O., ADEMOLA E.O., NWAORGU O.G.F., ONIFADE C.A. *Public Reaction to the Federal Government's Farmer-Herder Conflicts through the RUGA Policy: Can One Continuously Do the Same and Expect Different Results?* // Africa Insight. 2020. Vol. 49. № 4. P. 89; EWON A.I.E., KIEH G.K., OLONILUA P. *Fulani Herdsmen-Farmers Conflicts and Governance in Nigeria* // African Social Science Review. 2025. Vol. 13. № 1. Article 3 (<https://digitalscholarship.tsu.edu/assr/vol13/iss1/3>).

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

Джошуа Олусегун
Боларинва – директор
исследовательских
проектов Нигерийского
института междуна-
родных отношений, член
Стратегической группы
сети Африканского сою-
за по поддержанию мира
в Африке (NET4PEACE)
(Лагос, Нигерия).

обостряет межэтнические противоречия, вынуждает целые общины покидать их исконные земли. Конфликт, который всего за три года, с 2016-го по 2018-й, погубил 3600 человек, разрушает внутреннюю безопасность Нигерии и ее системы гуманитарного реагирования⁴. Пострадавшие от него люди не имеют доступа к правосудию и страдают от психологических травм, нехватки продовольствия, неуверенности в завтрашнем дне.

Неспособность силовых структур оперативно реагировать на сигналы бедствия наряду с доступностью современного оружия способствуют все новым и новым нападениям на сельские общины⁵. Провалы в обеспечении безопасности убеждают людей в том, что государство либо недееспособно, либо же само потворствует бесчинствам, а это еще больше разгоняет циклы насилия и недоверия. По сути, кризис во взаимоотношениях скотоводов и фермеров, охвативший Нигерию, стал совокупным результатом деградации окружающей среды, дурного управления и социально-политической фрагментации. Опустынивание, провоцируемое изменением климата, заставляет скотоводов-кочевников перемещаться на юг и усиливает спрос на землю по мере того, как численность населения растет, а поддерживающее его аграрное производство расширяется. Отсутствие надлежащих механизмов медиации и безнаказанность виновных в насильственных действиях оборачиваются тем, что конфликт разгорается все сильнее. В этой связи любые серьезные усилия по урегулированию кризиса должны фокусироваться не только на экологических и экономических аспектах, но и принимать во внимание управленческие сбои и угрозы безопасности, разрушающие саму ткань нигерийской государственности. Провалы предшествующих попыток покончить с конфликтами между скотоводами и фермерами в Нигерии объясняются тем, что в ходе их реализации глубинные основания кризиса анализировались лишь мельком. Прежние планы умиротворения выдвигали во главу угла межэтнический диалог и внешнее посредничество, уделяя слишком мало внимания структурным аспектам распоряжения земельными ресурсами, а также некоторым особенностям федеративного устройства, которые невольно поощряют насилие.

Доминирование федерального правительства в разрешении земельных споров, ярким примером которого стала неоднозначная «политика *ругга*»⁶, постоянно ущемляет конституционные

⁴ Afolabi A.S. et al. *Op. cit.*

⁵ Ewon A.I.E. et al. *Op. cit.* P. 3–4.

⁶ Здесь имеется в виду официально проводимая нигерийским правительством линия на максимальное благоприятствование скотоводам-кочевникам, предполагающая резервирование для них особых зон, в пределах которых можно выращивать скот, не отгоняя его на дальние пастбища. По-английски ее можно называть двояким образом: *rugga policy* или *RUGA policy*. Если в первом варианте основу составляет слово на языке фулани, означающее человеческое поселение (*ruga* или *rugga*), то во втором случае имеет мес-

прерогативы штатов, особенно южных, не позволяя им контролировать землепользование в пределах своих границ⁷. Это породило мощное сопротивление, из-за которого единый общенациональный политический курс в отношении пастбищных земель оказался недостижимым. Кроме того, предполагаемая предвзятость, невнимание к конфликту, а также отсутствие консолидированной реакции социума на избыточное вмешательство федерального центра обусловили то, что нападения на те или иные сообщества влекут за собой ответные меры с их стороны, ибо пострадавшие общины, защищаясь, начинают создавать собственные отряды самообороны⁸. Кроме того, государственная политика проваливается еще и потому, что из конфликта, замешанного на структурных дефектах землевладения, нехватке ресурсов и климатически провоцируемой миграции, целенаправленно изымается этническая компонента: его отказываются вписывать в контекст сложных межэтнических отношений, сложившихся в стране. Но, как отмечает Аков, если нынешний кризис связывать в первую очередь с борьбой за ресурсы, в которой схлестнулись скотоводы и земледельцы, то тогда именно на нее можно будет списывать и безнаказанность в отношении правонарушителей, и незаконное присвоение земель элитами, и слабость государственной власти, и неэффективное управление аграрной отраслью⁹. Именно принципиальная узость такого видения обусловила то, что стратегии, применяемые для умиротворения, так и не смогли устранить коренные причины конфликта, провоцируя вместо этого еще большую напряженность. В результате Закон о землепользовании 1978 года, который, по идее, должен был бы упростить распределение земельных угодий, парадоксальным образом институционализировал путаницу, закрепив землю за государством, но не устранив противоречия в федеральной архитектуре Нигерии¹⁰.

Таким образом, полемика вокруг законодательства, регламентирующего выпас скота в каждом отдельно взятом штате,

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

Годвин Ичими – директор программ международного сотрудничества Нигерийского института международных отношений (Лагос, Нигерия).

то акроним, производный от словосочетания «сельские пастбищные земли» (Rural Grazing Area – RUGA). В Нигерии эта политика нередко критикуется за то, что интересы скотоводов в ней ставятся выше интересов земледельцев. См., например, редакционную статью одной из ведущих нигерийских газет: *The True Meaning of Ruga* // Vanguard. 2019. July 2 (www.vanguardngr.com/2019/07/the-true-meaning-of-ruga/amp/). – Примеч. перев.

- 7 MUHAMMED A.Y., GBADEYAN O.J., ADISA W.B., AYODELE J.O., GARBA E. *Beyond Ethnic Dimensions to Herders-Farmers Conflict: Land Governance and Resistance to RUGA Policy in Nigeria* // Journal of China University of Mining and Technology. 2024. Vol. 29. № 3. P. 433–444.
- 8 NWOZOR A., OLANREWAJU J.S., OSHEWOLO S., OLADYOIN A.M., ADEDIRE S., OKIDU O. *Herder-Farmer Conflicts: The Politicization of Violence and Evolving Security Measures in Nigeria* // African Security. 2021. Vol. 14. № 1. P. 55–79.
- 9 AKOV E.T. *The Resource-Conflict Debate Revisited: Untangling the Case of Farmer-Herdsman Clashes in the North Central Region of Nigeria* // African Security Review. 2017. Vol. 26. № 3. P. 288–307.
- 10 NWAKANMA E., BORON S.E. *Demography of Conflict and the Herders-Farmers Crisis in Nigeria* // The Nigerian Journal of Sociology and Anthropology. 2019. Vol. 17. № 2. P. 28–40.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

представляет собой фрагмент более масштабной борьбы между региональной автономией и федеральным первенством. На фоне прежних неудач приходит понимание, что федерализм, который сам долго считался одним из препятствий, таит в себе, возможно, какое-то более прочное разрешение накопившихся проблем. Преобразованный федерализм, фокусирующийся на децентрализации и позволяющий штатам самостоятельно распоряжаться землей, безопасностью и ресурсами так, как того требуют их специфические социально-политические реалии, способен обеспечить локализованные и легитимные решения. Как полагают Мухаммад и его соавторы, истинный федерализм, при котором полномочия не стянуты в центр, а распределены на справедливой основе, предлагает способ устранить недовольство, провоцирующее конфликты между скотоводами и земледельцами¹¹. Этот подход не только опирается на конституционные принципы, но и гарантирует более оперативное реагирование и подотчетность в процессе умиротворения, поскольку в нем штатам предоставляется самостоятельность, позволяющая давать собственные ответы на имеющиеся вызовы – например, принимая законы, запрещающие свободный выпас скота на общественной земле, налаживая общинный контроль над поддержанием правопорядка, реализуя региональные инициативы в сфере безопасности¹².

{ Кризис во взаимоотношениях скотоводов и фермеров, охвативший Нигерию, стал совокупным результатом деградации окружающей среды, дурного управления и социально-политической фрагментации.

Помимо уточнения упомянутых позиций, настоящая статья вносит вклад в рассмотрение федерализма как основы для разрешения общественных конфликтов. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы вскрыть факторы, которые привели к провалу ряда предшествующих инициатив, предпринятых сменяющими друг друга правительствами, а также оценить меру, в какой внедрение и применение базовых принципов федерализма могло бы превратиться в эффективное решение проблем скотоводов из штатов Бенуэ или Плато.

11 См.: MUHAMMED A.Y. ET AL. *Op. cit.*

12 OKORO J.I. *The Mystery of Policy Implementation in Nigeria* // International Journal of Leadership, Policy and Management. 2020. Vol. 2. № 4. P. 704–712; OLUWALEYE J.M. *The Challenge of the Herder-Farmer Crisis and Its Implications for Peace-Building and Sustainable Development in Nigeria* // International Journal of Public Administration and Development Alternatives. 2020. Vol. 5. № 2. P. 1–13; SAMBO U., SULE B. *Farmers versus Herders' Conflict and Its Implications on Nation-Building in Nigeria: A Contribution to the Discourse* // United International Journal for Research & Technology. 2020. Vol. 2. № 1. P. 43–48.

РАЗБИРАЯСЬ В СКОТОВОДЧЕСКО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

Конфликт между скотоводами и земледельцами в Нигерии имеет глубокие исторические корни, уходящие в доколониальную и колониальную эпохи, когда пастухи-фулани сезонно и свободно перемещались по Западной Африке в поисках пастбищ и воды. Уже в далеком прошлом эти периодические миграции обрекали их на враждебность во взаимодействии с оседлыми крестьянскими общинами¹³. Политика колонизаторов формализовала процедуры землевладения, ущемив при этом скотоводов и разрушив традиционные способы разрешения споров из-за ресурсов, чем заложила основу для нынешних конфликтов¹⁴. После возвращения Нигерии к гражданскому правлению, состоявшемуся в 1999 году, характер этих взаимодействий начал кардинально меняться, а раскол между скотоводами и крестьянами углубился; этому способствовали демографический взрыв, политическая реструктуризация и элитные манипуляции с земельными богатствами¹⁵.

Потепление климата и конкуренция за ресурсы выступают основными причинами конфликта между скотоводами и земледельцами. Подталкиваемые опустыниванием и засухой в северной части Нигерии, пастухи-фулани продолжают продвигаться на юг, прибирая сельскохозяйственные угодья и создавая дополнительную напряженность в использовании земли и воды. Климатически обусловленный ресурсный дефицит в сочетании с расширением городских пространств и деградацией окружающей среды повлек за собой ожесточенные столкновения между сельскими сообществами, выживание которых теперь зависит от более скудных, чем прежде, ресурсов. На экологические проблемы накладываются этнические и религиозные различия, особенно в Среднем поясе, где пастухи-фулани – в основном мусульмане – противостоят земледельцам, по большей части христианам¹⁶. Конфликт еще более усугубился из-за внутриэлитных махинаций и политизации идентичности: противопоставление «коренных» и «пришлых» сообществ наряду с неумелым применением Закона о землепользовании зримо использовалось для разжигания межгрупповой вражды¹⁷.

Углублению кризиса способствовали управленческие провалы, затронувшие в первую очередь администрирование и без-

13 См.: Ewon A.I.E. et al. *Op. cit.*

14 Akov E.T. *Op. cit.* P. 292.

15 Ojo O.M. *Politics of Space and Identity: Reimagining Herdsmen/Farmers' Crisis in Nigeria* // London Journal of Research in Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 22. № 9. P. 103–106.

16 Akov E.T. *Op. cit.* P. 292.

17 Ojo O.M. *Op. cit.*; Ewon A.I.E. et al. *Op. cit.*

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

опасность. Реакция на кризис, демонстрируемая нигерийским правительством, подверглась резкой критике, поскольку оно оказалось бессильным в привлечении правонарушителей к ответственности и демонстрировало предвзятость в обеспечении безопасности¹⁸. Внедряемые федеральным центром инициативы – например, политика в отношении сельских пастбищных зон (RUGA) или создание пастбищных резервов – столкнулись с общественным сопротивлением и были расценены многими как схемы, закрепляющие территориальный контроль за общинами фулани¹⁹. Органы власти иных уровней в свою очередь не обладают институциональным потенциалом и политической волей, которые позволили бы эффективно снимать разногласия или проводить в жизнь законодательство, запрещающее выпас скота на общественных землях. Все это тоже способствует воспроизводству циклов насилия и мести.

На экологические проблемы накладываются этнические и религиозные различия, особенно в Среднем поясе, где пастухи-фулани – в основном мусульмане – противостоят земледельцам, по большей части христианам.

Последствия нынешнего конфликта между скотоводами и земледельцами для национальной безопасности, экономического развития и социальной сплоченности Нигерии являются катастрофическими. Конфликт влечет за собой повышение уровня милитаризации, поскольку и пастухи, и фермеры вооружаются современным оружием. Страдает продуктивность аграрной отрасли: уничтожение угодий и поголовья оборачивается нехваткой продовольствия и вынужденными перемещениями сельского населения²⁰. Кроме того, конфликт подрывает доверие между этническими и религиозными группами, что ставит под угрозу хрупкое единство страны. По утверждению Оджо, если в обозримой перспективе не удастся внедрить всеобъемлющие управленческие и политические решения, направленные на преодоление описанных проблем, то скотоводческо-земледельческий кризис превратится в реальную угрозу интеграции страны и демократической стабильности²¹.

18 EZINWA V.C. *Examining the Federal Government's Insistence on Reopening Grazing Routes in Nigeria* // Journal of General Studies ESUT (Enugu State University of Science and Technology). 2021. Vol. 3. № 1. P. 28–41; IZEVBIGIE O. *Resolving the Farmer-Herder Crisis in Nigeria* // International Affairs Forum (www.ia-forum.org/Content/ViewInternal_Document.cfm?contenttype_id=0&ContentID=9150).

19 EWOH A.I.E. ET AL. *Op. cit.* P. 6.

20 AKOV E.T. *Op. cit.*

21 OJO O.M. *Op. cit.*

ОБЗОР ИМЕЮЩЕЙСЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Неутихающие межобщинные конфликты в Нигерии становятся предметом научного изучения, поскольку они негативно влияют на сплоченность нации, экономическое развитие и общественную безопасность. На эту тему накоплена обширная литература, в которой указанная проблематика рассматривается в исторической, политической, экономической и социальной перспективах. Многие специалисты полагают, что этнические и иные виды межобщинных споров зачастую возникают из-за несправедливо установленных границ и политики колониальной эпохи, которые способствовали размежеванию этнических общностей²². В силу именно колониального наследия конкурирующие интересы составляющих Нигерию национальностей часто оборачивались жестокой борьбой за землю, ресурсы и политическую власть. Мероприятия по государственному строительству, проведенные после обретения независимости, не смогли устранить эту напряженность, что выплеснулось в столкновения в различных регионах страны. Например, конфликты между народностями тив и джукун, а также между ифе и модакеке, которые разворачивались в Среднем поясе и на Юго-Западе соответственно, показали, что застарелые колониальные проблемы все еще могут порождать насилие²³.

В литературе подчеркивается значимость конкуренции за скудные ресурсы – в частности, за землю, которая является постоянным источником межобщинных разногласий, особенно в аграрных сообществах. Согласно Околи и Ателе, увеличение народонаселения и деградация среды интенсифицировали борьбу за землю и воду, особенно в Среднем поясе, где оседлые фермеры и кочевые скотоводы сплошь и рядом враждуют между собой²⁴. Это привело к возникновению целого ряда тяжелых конфликтов, которые нередко (и ошибочно) квалифицируются как этнические или религиозные, хотя в их основе лежит борьба за ресурсы. Рассуждая в том же русле, Тонах подчеркивает, что межобщинные споры, особенно между оседлыми народами и кочевыми группами, еще более обостряются за счет климатически провоцируемой миграции в условиях несовершенной системы землевладения²⁵. Такие проблемы особен-

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

22 См., например: SUBERU R.T. *Federalism and Ethnic Conflict in Nigeria*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001; OSAGHAЕ E.E., SUBERU R.T. *A History of Identities, Violence, and Stability in Nigeria*. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security, and Ethnicity (CRISE), 2005. Working Paper № 6.

23 UKIWO U. *Politics, Ethnicity, and the State in Nigeria* // African Journal of Political Science. 2003. Vol. 8. № 1. P. 1–21.

24 OKOLI A.C., ATLEHE G.A. *Nomads against Natives: A Political Ecology of Herder/Farmer Conflicts in Nasarawa State, Nigeria* // American International Journal of Contemporary Research. 2014. Vol. 4. № 2. P. 76–88.

25 TONAH S. *Managing Farmer-Herder Conflicts in Ghana's Volta Basin* // Ibadan Journal of Social Sciences. 2006. Vol. 4. № 1. P. 33–45.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

но остро проявляются в штатах Плато, Бенуэ и Насарава, где взаимные притязания на земли предков усугубляются бессилием посреднических усилий государства. Неспособность правительства активно устранять глубинные причины кризисов оборачивается тем, что недовольство усугубляется и расширяется, а это вновь и вновь воспроизводит циклы мести и насилия²⁶.

Другое направление научной литературы сосредоточено на роли, которую в разжигании нигерийских межобщинных конфликтов играет политика идентичности. Местные элиты зачастую манипулируют этническими, религиозными и региональными аффилиациями ради собственных политических или экономических выгод, углубляя тем самым существующие разногласия и создавая атмосферу взаимного недоверия. Так, в своем анализе Мустафа утверждает, что общинная идентичность в стране политизировалась до такой степени, что доступ к публичным ресурсам и властным должностям все чаще воспринимается сквозь призму продвижения этнической группы как целого²⁷. Именно это привело к ожесточенным спорам относительно принадлежности к «коренному населению» в таких городах, как Джос, где «пришлые» и «местные» ведут нескончаемые бои за политическое представительство и распределение ресурсов. Описывая и объясняя, как колониальные и постколониальные государственные структуры институционализировали практики эксклюзии, которые и сегодня продолжают питать социальные конфликты, нигерийские ученые нередко обращаются к концепции «граждан и подданных», сформулированной Мамдани²⁸. Картина еще более осложняется из-за распространения этнических ополчений и дружин, которые претендуют на защиту собственных общин, но на деле нагнетают напряженность и укореняют насилие²⁹.

По мнению исследователей, некачественное управление и неспособность нигерийского государства творчески и гибко работать с многообразием существенно усугубляют межобщинные конфликты. Нигерийские силовые структуры не в состоянии предотвращать нападения или ловить преступников, что культивирует ощущение безнаказанности³⁰. Когда общественность видит, что правительство не проявляет должной активнос-

26 IBEANU O. *Conceptualizing Peace* // BEST S.G. (Ed.). *Introduction to Peace and Conflict Studies in West Africa*. Oyo: Spectrum Books, 2006. P. 3–11.

27 MUSTAPHA A.R. *Institutionalizing Ethnic Representation: How Effective Is the Federal Character Commission in Nigeria?* Oxford: CRISE Working Paper, 2007. № 43.

28 См.: MAMDANI M. *When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

29 AKINYELE R.T. *Ethnic Militancy and National Stability in Nigeria: A Case Study of the Oodua People's Congress* // *African Affairs*. 2001. Vol. 100. № 401. P. 623–640.

30 ALEMIKA E.E.O., CHUKWUMA I.C. *Criminal Victimization and Fear of Crime in Lagos Metropolis, Nigeria*. Abuja: CLEEN Foundation, 2005.

ти в моменты кризисов, ее доверие к государственным органам падает. В частности, неспособность государства эффективно отреагировать на насилие в южной части штата Кадуна и в центральной части штата Бенуэ заставляет людей думать, будто власти бросили их на произвол судьбы, а это приводит к еще большему насилию и цементированию групповой самоидентификации. Более того, федерализм, предназначенный для поощрения равенства в разнообразии, порой обвиняют в том, что под его прикрытием у штатов отбирают слишком много полномочий, что ослабляет их возможности по урегулированию конфликтов. Таким образом, как солидарно полагают Осагае и Суберу, федеральная система Нигерии нуждается в значительных коррективах, которые позволили бы устранить управленческие дефекты, способствующие межобщинным конфликтам³¹.

В литературе, посвященной конфликту между скотоводами и земледельцами, описывается комплексный и обостряющийся кризис, провоцируемый экологическими, социально-экономическими и управленческими факторами. На протяжении многих лет кочевые и оседлые сообщества сосуществовали в мирном симбиозе, особенно в Среднем поясе, где навоз, производимый домашней скотиной, использовался для поддержки растениеводства, а права на выпас скота никем не попирались³². Тем не менее за последние два десятилетия эти отношения фундаментально ухудшились. Как отмечают специалисты, увеличивающаяся численность населения, расширение аграрного производства и размывание традиционных механизмов, помогающих разрешать конфликты в деревне, интенсифицировали конкуренцию за землю и воду, особенно в таких штатах, как Бенуэ, Плато и Насарава. Нарастающие масштабы и большая частота насильственных конфликтов между упомянутыми группами свидетельствуют о глубочайшем кризисе управленческих структур, действующих в сельских районах Нигерии³³.

Чаще всего в качестве главных движущих сил конфликта упоминаются экологические аспекты, связанные с изменением климата. Опустынивание и ставшие более продолжительными сезоны засухи, которые наблюдаются на севере Нигерии, негативно сказались на доступности пастбищных угодий и

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

31 OSAGHAE E.E. *Ethnicity and Its Management in Africa: The Democratization Link*. Lagos: Malthouse Press, 1994; SUBERU R.T. *Op. cit.*

32 MBAH I., ABIOYE W.O., ASIYANBI K.A. *Dynamism in the Farmer-Herder Clashes in Nigeria: An Assessment of the Environmental Causes* // Bayero Journal of Public Administration. 2023. Vol. 3. № 1. P. 69–74.

33 ADEMOLA-OYELANA A.D. *Herders-Farmers Conflict, State Government's Intervention, and Conflict Management in Nigeria: Empirical Assessment from Ogbese Community in Akure North Local Government, Ondo State* // International Journal of Management, Social Sciences, Peace and Conflict Studies. 2023. Vol. 6. № 2. P. 202; LENSHE N., JACOB P. *Nomadic Migration and Rural Violence in Nigeria: Interrogating the Conflicts between Fulani Herdsmen and Farmers in Taraba State* // Ethnic Studies Review. 2020. Vol. 43. № 1. P. 64–74; OBI D., CHINWEZE U.C., ONYEJEBU D.C. *Politics of Herdsmen Attacks and Their Socioeconomic Implications in Nigeria* // European Journal of Political Studies. 2018. Vol. 1. № 2. P. 65–73.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

вынудили скотоводов двигаться на юг. Эта миграция нередко ведет к конфликтам с земледельцами, вспыхивающим из-за посягательств пришельцев на земли и воду, которые оседлые общины считают своими. Противоречия усугубляет запутанная система землевладения и отсутствие в стране пастбищных резервов, которые были утрачены в ходе урбанизации и внедрения индустриального аграрного производства³⁴. Неспособность нынешних властей четко определить и разграничить земельные права скотоводов и земледельцев обернулась тем, что в нескольких штатах споры общин вылились во вспышки насилия. Человеческие и экономические издержки конфликта огромны. Согласно различным исследованиям, в наиболее затронутых насилием районах погибли тысячи людей, а десятки тысяч были вынуждены покинуть свои дома. В одном только штате Бенуэ с 2014-го по 2016 год были зарегистрированы более 1800 смертей³⁵. Конфликт нанес громадный ущерб продуктивности сельского хозяйства, что повлекло за собой нехватку продовольствия и потерю средств к существованию в сельских общинах. Вынужденное перемещение больших масс людей и развал структур социальной защиты с особой болезненностью сказываются на женщинах и девушках. Расколу деревенских сообществ способствуют также потравы посевов перегоняемым скотом и следующие за ними акты возмездия. Перечисленные тенденции обусловили кризис в сфере безопасности; как результат, в 2014 году Глобальный индекс терроризма обозначил пастухов-фулани в качестве одной из самых смертоносных вооруженных группировок Нигерии, уступающей по количеству пострадавших от нее людей только «Боко Харам»³⁶.

Шаги, предпринятые властями для преодоления кризиса, включали в себя принятие законодательства о запрете свободного выпаса скота, а также реализацию мер региональной безопасности, в том числе создание корпуса «Амотекун»³⁷. Хотя

34 ADEMOLA-OYELANA A.D. *Op. cit.* P. 203.

35 МВАН И., АВЮЙЕ W.O., АСИЯНБИ K.A. *Op. cit.* P. 70.

36 Ibid. Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Примеч. ред.*

37 Корпус «Амотекун» – региональное полувоенное формирование, учрежденное в 2020 году решением губернаторов шести штатов, входящих в геополитическую зону Юго-Запад. Корпус, оснащенный на деньги региональных администраций и укомплектованный местными добровольцами, был призван помогать полиции и армии в борьбе с терроризмом и бандитизмом. Федеральные власти, однако, насторожило то, что «Амотекун» должен был подчиняться не им, а регионам; в этой связи они попытались объявить структуру «неконституционной». Тем не менее намерение штатов взять обеспечение своей безопасности в собственные руки вызвало мощный резонанс по всей стране, а нигерийская пресса объявила инициативу воодушевляющим примером для других регионов; см., в частности: ODIEGWU M. *Regional Security: How Far Can Southsouth Governors Go?* // The Nation. 2020. March 18 (<https://thenationonline.net/regional-security-how-far-can-southsouth-governors-go/>); ISIGBE R. *Northern Group Wants Amotekun Replicated in Region to Curb Insecurity* // The Nigerian Observer. 2024. February 5 (<https://nigerianobservernews.com/2024/02/northern-group-wants-amotekun-replicated-in-region-to-curb-insecurity-2/>). В итоге федеральные власти были вынуждены отступить, настояв, однако, на жесткой координации действий «Амотекун» с общегосударственными институтами. Позже оперативники регионального формирования не раз обвинялись в на-

эти инициативы получили определенную общественную поддержку, их реализация оставалась организационно фрагментарной и политически спорной³⁸. Федеральные программы, подобные Национальному плану реорганизации животноводства или инициативе RUGA, столкнулись с юридическими и административными препятствиями; в итоге право собственности на землю и сопротивление местного населения обернулись их «замораживанием». Закон о землепользовании 1978 года, наделивший губернаторов штатов полномочиями по распределению земель, еще больше запутывает ситуацию, блокируя федеральное вмешательство и сталкивая уровни власти между собой. Таким образом, несмотря на наличие нескольких механизмов, предназначенных для урегулирования конфликтов, число кровавых столкновений продолжает расти, что свидетельствует о гораздо более серьезной проблеме: неадекватности арсенала мер, призванных устранить их первопричины.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

Некачественное управление и неспособность нигерийского государства творчески и гибко работать с многообразием существенно усугубляют межобщинные конфликты.

Литература, посвященная конфликту между фермерами и скотоводами в Нигерии, показывает, что нынешний кризис многогранен: в нем можно выделить экологические, социально-экономические, политические и культурные аспекты. Как подчеркивают, в частности, Огунбодэ и его соавторы, климатическое его измерение проявляется в том, что опустынивание и истощение водных ресурсов в северной части Нигерии вынуждают скотоводов мигрировать на юг, сталкиваясь с оседлыми крестьянами³⁹. Вызревающие конфликты, как правило, усугубляются высокой рождаемостью, нехваткой пастбищных угодий и слабой институциональной базой для разрешения споров. Прежние паттерны скотоводческих миграций были серьезно нарушены, поскольку местные оседлые общины энергично противодействуют кочующим скотоводам по той причине, что те портят посевы и угоняют скот. По мере того, как в нескольких штатах Нигерии начались массовые перемещения

рушения прав человека и внесудебных расправах; см.: KABIR A. *Nigeria's Regional Security Outfit Accused of Extrajudicial Measures* // HumAngle Media. 2022. November 19 (<https://humanglemedia.com/nigerias-regional-security-outfit-accused-of-extrajudicial-measures/>). – Примеч. переп.

³⁸ ADEMOLA-OYELANA A.D. *Op. cit.*

³⁹ См.: OGUNBODE T.O., AYODELE I.O.A., OYEBAMIJI V.O., FABORO O.O. *A Review of Farmers/Herders Clashes in Nigerian Environment: Consequences and the Way Forward* // Journal of African Conflicts and Peace Studies. Vol. 5. № 1. P. 1–20.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

населения, сопровождавшиеся гибелью людей, кризис превращался в общенациональный.

Эскалация конфликта также связана с неспособностью федеральных структур успокаивать местных жителей, проводя политику устойчивого землепользования. Как пишут Огунбоде и его соавторы, нигерийский федерализм никогда не умел взвешенно решать проблемы развития сельских районов и распределения в них ресурсов, что неизбежно порождало на местном уровне социальную напряженность и межэтнические трения. Дурное государственное управление оставляет зияющие пробелы в практике урегулирования конфликтов, побуждая как земледельцев, так и скотоводов защищать себя собственными силами, что в свою очередь еще больше нагнетает напряженность. Примечательно, что общенациональные инициативы в сфере развития в настоящий момент в недостаточной мере учитывают потребности общин скотоводов, остающихся на периферии государственного внимания – и тем самым обрекаемых на силовое выяснение отношений с оседлыми земледельцами⁴⁰.

Дурное государственное управление оставляет зияющие пробелы в практике урегулирования конфликтов, побуждая как земледельцев, так и скотоводов защищать себя собственными силами, что в свою очередь еще больше нагнетает напряженность.

В политическом плане современная литература осуждает избыточные надежды, связываемые с «закручиванием гаек», будь то прямое силовое вмешательство или законодательное запрещение свободного выпаса. Чаще всего, полагают специалисты, подобные инициативы оказываются контрпродуктивными: вместо того, чтобы способствовать умиротворению, они, как правило, усугубляют взаимную враждебность. Именно по этому пути развивается ситуация в штатах, где, запрещая скотоводам открытый выпас их стад, власти не предлагают им каких-то иных жизнеспособных альтернатив. Наконец, как не раз указывалось учеными, эффективное сдерживание конфликтов требует всеобъемлющего политического диалога, совершенствования сельской инфраструктуры и институционализации разрешения споров на низовом уровне. В данной

40 KWAGHAGA B. *Herdsman/Farmers Crisis: A Threat to Democratic Governance in Nigeria* // Research on Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 8. № 11. P. 100–108; POPOOLA M.A., BRIMAH A.N., SHITTU M.O. *Effects of Farmers and Herders Conflict on Entrepreneurial Practice in Southwestern Nigeria* // International Journal of Economics, Finance and Sustainable Development. 2020. Vol. 2. № 4. P. 73–83.

связи специалисты рекомендуют проводить многосторонние консультации с участием заинтересованных акторов, включая традиционных вождей, представителей гражданского общества, местных органов власти⁴¹.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Любая устойчивая модель урегулирования конфликтов в Нигерии должна базироваться на подходе, учитывающем структурные, политические и социокультурные корни нынешнего противостояния. Исходя из неоднородности этнорелигиозного состава населения, а также истории межобщинного насилия можно утверждать, что решающее значение в нигерийском случае имеет комплексный инструментарий разрешения конфликтов, в котором особое внимание будет уделяться инклюзивному управлению, справедливому распределению ресурсов и общественному диалогу. Федеративное устройство Нигерии чаще усугубляет напряженность по поводу идентичности, нежели снимает ее; это происходит из-за избыточной централизации власти и неравномерного развития штатов⁴². Наилучшей предпосылкой для умиротворения стала бы система, при которой федерализм позволяет регионам справляться с собственными проблемами такими способами, которые наиболее соответствуют их культурной и иной специфике. Здесь также стоит предусмотреть разделение ответственности в сфере безопасности, которое позволило бы региональным и муниципальным органам власти быстро и независимо устранять напряженность, не связывая себя медлительностью и предвзятостью федеральной системы.

Кроме того, модель должна предусматривать преобразование институтов, которые обеспечивают справедливость, подотчетность и доверие. Согласно оценкам Международной кризисной группы, столкновения между земледельцами и скотоводами, восстание «Боко Харам» и требования независимости со стороны отдельных регионов продолжаются из-за маргинализации, безнаказанности и несправедливости⁴³. Следовательно, эффективные модели разрешения конфликтов должны гарантировать укрепление систем правосудия и безопасности, а также рассмотрение всех случаев недовольства в кратчайшие сроки. Для этого в центре и регионах должны быть созданы

⁴¹ OGUNBODE T.O. ET AL. *Op. cit.*; KWAGHAGA B. *Op. cit.*; POPOOLA M.A., BRIMAH A.N., SHITTU M.O. *Op. cit.*

⁴² SUBERU R.T. *Op. cit.*

⁴³ INTERNATIONAL CRISIS GROUP. *Herders against Farmers: Nigeria's Expanding Deadly Conflict*. 2017. Africa Report № 252.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

органы медиации, нацеленные на опережающее снятие напряженности, налаживание диалога между спорящими сторонами, предложение работающих стратегий для различных ситуаций. Поощрение межэтнического образования, преподавание миротворческих программ и вовлечение общественности в школьные мероприятия помогут обучающимся устранить стереотипы и почувствовать себя частью единой нации⁴⁴.

В Нигерии успешность любой модели урегулирования конфликтов будет зависеть от инклюзивного диалога и долгосрочных усилий по примирению. Вместо того, чтобы навязывать решения «сверху вниз», эффективная модель должна уделять приоритетное внимание низовым миротворческим инициативам, реализуемым местными акторами, понимающими контекст и динамику конфликтов. Создаваемые на базе сельских общин диалоговые форумы, комиссии правды и примирения, а также комитеты мира могут послужить платформами для понимания и исцеления. Такой подход уже показал свой потенциал в нескольких постконфликтных ситуациях по всему миру и может быть адаптирован к потребностям Нигерии. Правительственные и неправительственные акторы должны сотрудничать ради поддержания этих усилий, подкрепляя их финансированием, политической волей и институциональным строительством. В конечном счете модель должна стать динамичной и гибкой, позволяющей адаптивно реагировать на изменения конфликтного ландшафта Нигерии и одновременно способствующей формированию культуры мира, справедливости и интеграции⁴⁵.

Федерализм как управленческая система обеспечивает устойчивую основу для управления многообразием и регулирования конфликтов в плюралистических обществах, подобных Нигерии. Структурно подгоняя друг к другу множественные этнические, религиозные и региональные идентичности в рамках единого политического образования, федерализм создает институциональные механизмы, обеспечивающие сочетание самоуправления и разделенного правления, что крайне важно для расколотого общества. Обращение Нигерии к федерализму, состоявшееся после колониального амальгамирования 1914 года, изначально было нацелено на регулирование подобного разнообразия, но на практике его внедрение блокировалось централизаторскими тенденциями, маргинализировавшими меньшинства и подавлявшими региональную автономию. Подлинный федерализм, надлежащим образом применяемый, обеспечивает сбалансированное распределение полномочий между национальными и субнациональными уровнями власти,

⁴⁴ AKINWALE A.A. *The Menace of Inadequate Infrastructure in Nigeria* // African Journal of Science, Technology, Innovation and Development. 2010. Vol. 2. № 3. P. 95–113.

⁴⁵ ALBERT I.O. *Introduction to Third-Party Intervention in Community Conflicts*. Ibadan: John Archers, 2001.

привлекая население к участию в управлении и устраняя причины межгрупповой напряженности. Но в Нигерии, где федеративные принципы торжествуют лишь на словах, стойкое доминирование центрального правительства в финансовых вопросах и в сфере безопасности ослабляет миротворческий потенциал федерализма⁴⁶.

Изучение федеральных систем, практикуемых в мире, позволяет лучше понять, как повысить эффективность обращения к федералистским устоям в разрешении межгрупповых конфликтов. Например, Канада, в случае с Квебеком, обратилась к асимметричному федерализму, предоставив франкоязычной провинции особую автономию в языковых и иммиграционных делах. Аналогичным образом консоциативный федерализм в Швейцарии обеспечивает баланс власти между языковыми и религиозными группами, поощряя разделенное правление и групповую автономию. Этнический федерализм в Эфиопии, несмотря на значительные трудности, обусловленные его авторитарным использованием, разрабатывался для того, чтобы предоставить автономию регионам, которые имеют выраженный этнический профиль. Все эти примеры показывают, что, когда субнациональным единицам гарантируются реальная власть и возможность управлять исходя из местных приоритетов, вероятность политического насилия и сепаратистской агитации снижаются. Нигерия могла бы извлечь выгоду для себя, адаптировав элементы этих систем, особенно в плане укрепления субнациональной автономии и признания легитимности различных идентичностей в рамках общей федеральной структуры. Ведь, в сущности, федерализм оказывается действенным инструментом преодоления конфликтов там, где он обеспечивает широкие возможности для политического самовыражения, экономического контроля, культурного процветания в стабильных общенациональных рамках⁴⁷.

Среди принципов, которые делают федерализм полезным в деле разрешения конфликтов, – деволюция власти, беспристрастный контроль над ресурсами, укрепление местных институций безопасности и широкое политическое представительство. В Нигерии чрезмерная централизация власти, особенно в ресурсном контроле и полицейской деятельности, ограничивает возможности правительств штатов по эффективному вмешательству в конфликтные ситуации. Предоставление штатам более широкого объема полномочий позволило бы им прини-

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

⁴⁶ NWOKO K., BRIGGS A.C., OFFOR O.G. *Federalism and National Development in Nigeria: An Assessment of Former President Goodluck Jonathan's Administration* // Web of Scholars: Multidimensional Research Journal. 2023. Vol. 2. № 11. P. 17.

⁴⁷ OMOROGHOMWAN B.O. *Herders-Farmers Crisis in North Central Nigeria: Resource Scarcity and Unregulated Cattle Movement* // Revista Română de Sociologie. 2020. Vol. 31. № 3-4. P. 173–188.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

мать решения, в большей мере учитывающие местные особенности, и сократить зависимость от федерального центра, зачастую не владеющего детальной информацией о положении на местах. Кроме того, нынешняя формула распределения государственных доходов, страдающая перекосом в пользу столицы, вызывает недовольство среди богатых ресурсами, но при этом остающихся слаборазвитыми регионов. Пересмотр нынешних нормативов, который позволил бы членам федеративного союза шире распоряжаться ресурсами и контролировать их, укрепит на местах дух сопричастности общенациональному целому и приглушит агитацию за самоопределение или сепаратизм. Работающий федерализм должен также гарантировать представительство всех основных групп в общенациональном принятии решений, поощряя диалог, переговоры, компромисс.

Когда субнациональным единицам гарантируются реальная власть и возможность управлять исходя из местных приоритетов, вероятность политического насилия и сепаратистской агитации снижаются.

Инклюзивное федеральное правление должно основываться на доверии, легитимности и отзывчивости. Вовлеченность заинтересованных сторон и акторов в политические процессы на всех уровнях управления имеет жизненно важное значение для восстановления доверия к федеральному проекту в Нигерии. Нужны гарантии того, что маргинализированные группы не только будут представлены в официальных структурах, но и непосредственно вовлечутся в формирование политики, которая их затрагивает. Федерализм должен поощрять местные управленческие инновации, сохраняя при этом национальное единство посредством общих ценностей и общих институтов. Устранение дисфункций нигерийского федерального устройства потребует смелых конституционных реформ, которые возродят дух Конституций 1954-го и 1963 годов, наделивших регионы широкой самостоятельностью и стимулировавших здоровую конкуренцию между ними. Переосмысленная федеральная структура должна быть более прозрачной, стоять на страже социальной справедливости, формировать институциональные механизмы, предотвращающие захват власти отдельными элитными группами как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Внедряя все перечисленные принципы, Нигерия сумеет превратить федерализм из теоретической схемы в практический механизм поддержания мира и обеспечения развития. Будущее национальной сплоченности в Ни-

гории во многом зависит от ее готовности преобразовать свою федерацию в федеративный союз, основанный на автономии, равенстве и инклюзивном управлении⁴⁸.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

ФЕДЕРАЛИЗМ В СВЕТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

Межобщинные конфликты постоянно угрожают миру и прогрессу в разных частях нашей планеты. Как правило, подобные проблемы возникают в контексте внутренних различий этнического, религиозного или культурного толка, которые усугубляются нехваткой ресурсов, ограниченностью политического участия и пренебрежением застарелыми проблемами. Во многих регионах коммунальное насилие дестабилизирует общество и угрожает государству. В частности, уместно сослаться на геноцид 1994 года в Руанде, вызванный давними межэтническими распрями, которые вышли из-под контроля, когда политические лидеры начали использовать их в своих корыстных интересах, а государственные институты при этом обнаружили абсолютную недееспособность. В Мьянме, как ранее и на Шри-Ланке, власти поддерживали большинство, обрушившееся на этническое меньшинство, что углубило социальный раскол.

В нигерийском контексте коммунальные конфликты приобрели особую остроту из-за этнической многосоставности страны и отсутствия эффективных механизмов разрешения конфликтов. Как уже отмечалось выше, в Нигерии напряженность в межобщинных отношениях часто обусловлена конкуренцией за землю и воду, особенно в сельской местности, где само экономическое выживание зависит от доступа к этим ресурсам. Раздуванию этнического самосознания и вытекающего из него соперничества заметно способствовали колониальное наследие произвольно прочерченных границ и постколониальные неудачи в укреплении общенациональной идентичности. Пристрастность нигерийского государства в его реакциях на межобщинное насилие нередко провоцирует циклы ответных нападений, как это происходило в столкновениях сообществ тив и джукун в штатах Бенуэ и Тараба. Более того, политические элиты иногда используют этнические разногласия, чтобы консолидировать свою власть, углубляя недоверие и ослабляя национальную сплоченность⁴⁹.

В нигерийском государстве используется федеральная система, теоретически нацеленная на учет сложных этнических,

⁴⁸ NWOKO K., BRIGGS A.C., OFFOR O.G. *Op. cit.*; OGUNBODE T.O. ET AL. *Op. cit.*

⁴⁹ IBEANU O. *Beyond Declaration: Law, Politics, and Human Rights in Africa* // *Journal of African Law*. 2005. Vol. 49. № 1. P. 33–43.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРНО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

культурных, региональных различий. Однако федералистская практика пронизана множеством противоречий, которые ставят под сомнение способность властей эффективно разрешать внутренние конфликты – в первую очередь частые столкновения скотоводов и земледельцев. В идеале федерализм должен задавать рамку, в которой полномочия и компетенции децентрализуются, а составные части федеративного союза самостоятельно занимаются местными делами и обеспечивают внутреннюю безопасность. В Нигерии, однако, федеральная структура чрезмерно централизована, а национальное правительство держит под неусыпным и безраздельным контролем такие важные секторы, как безопасность, распределение ресурсов, правоприменение. В результате с локальными проблемами, среди которых и коммунальная конкуренция за землю и воду, невозможно справиться из-за того, что штатам и муниципалитетам не хватает самостоятельности. Как утверждает Айоде, федерализм в Нигерии «на практике унитарен», что не позволяет субнациональным правительствам оперативно и легитимно реагировать на внутренние конфликты⁵⁰.

Непрекращающаяся борьба между кочевыми скотоводами-фулани и оседлыми крестьянами подтверждает неспособность нынешнего федеративного устройства справиться с противоречиями, возникающими из-за природных ресурсов. Существующая федеральная структура не склонна учитывать принципы традиционных систем землевладения, что влечет за собой неопределенность в вопросах собственности и использования сельскохозяйственных земель. Подобное отсутствие ясности усугубляет поляризацию скотоводческих и земледельческих сообществ, поскольку, смещаясь на юг из-за изменения климата, кочевники вынужденно перегоняют свой скот через родовые земли оседлых крестьян⁵¹.

Конфликт между скотоводами и земледельцами, имеющий этническо-религиозный подтекст, ставит под сомнение нейтральность нигерийской федеральной системы. Некоторые крестьянские сообщества Среднего пояса, которые в основном состоят из христиан, склонны рассматривать скотоводов-фулани, по большей части исповедующих ислам, как агрессоров, заручившихся молчаливой поддержкой федерального правительства. Такое восприятие подрывает доверие к федеральным институтам, формирует этнический фаворитизм и порождает маргинализацию. По сути, федерализм в Нигерии был превращен некоторыми элитными группами в оружие; они намеренно противопоставляют идентичности друг другу, желая

50 AYOADE J.A.A. *The Federal Character Principle and the Search for National Integration* // AMUWO K. ET AL. (Eds.). *Federalism and Political Restructuring in Nigeria*. Oyo: Spectrum Books, 2010. P. 101–120.

51 OKOLI A.C., ATELHE G.A. *Op. cit.*

сохранять политический контроль⁵². В итоге распря скотоводов и земледельцев с легкостью поддается политизации на этнической и религиозной почве, что затрудняет выстраивание консенсуса и реализацию миротворчества. Наконец, широкий оборот оружия и недостаточность судебного преследования правонарушителей укрепляют ощущение безнаказанности⁵³.

Действующие федеральные механизмы поддерживают конфликт и посредством используемых в них схем распределения ресурсов. Концентрация взимаемых налогов в руках федерального центра ставит штаты в зависимое положение и, как следствие, не позволяет им тратить деньги на урегулирование конфликтов, поддержание пастбищных резервов и даже на программы устойчивого сельского хозяйства. Штаты Среднего пояса, оказавшиеся в эпицентре нынешнего конфликта, не располагают достаточной финансовой автономией, которая позволила бы им реализовывать точечные мероприятия, направленные на удовлетворение потребностей проживающих здесь сообществ. Федеральная налогово-бюджетная система Нигерии ориентирована на обслуживание центрального правительства, оставляя региональные и местные органы в состоянии финансовой немоции⁵⁴. Эта экономическая уязвимость снижает способность земледельческих сообществ противостоять потрясениям, одновременно обостряя конкуренцию за сокращающиеся обрабатываемые земли. Предложенная федеральным правительством схема расселения скотоводов, предусматриваемая инициативой RUGA и направленная на создание специальных скотоводческих поселений, столкнулась с широким общественным противодействием, поскольку в ней увидели покушение федеральных властей на земли штатов, предпринимаемое без должных обоснований и консультаций. Это еще одно свидетельство распространенного недоверия к нынешней модели федеративного устройства.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

Выводы и рекомендации

Таким образом, трудности в применении федерализма, наблюдаемые сегодня в стране, в значительной мере обостряют противоречия между скотоводами и земледельцами. Централизация власти, отсутствие институциональной отзывчивости, этнорелигиозная политизация, финансовая зависимость и слабость

52 ADEBANWI W., OBADARE E. *The Abrogation of the People: Political Judgment and the Mediated Reconfiguration of the Nigerian Public* // African Development. 2010. Vol. 35. № 3. P. 1–24.

53 EGBEWOLE W.O., OLOJEDE I. *Federalism, Ethnicity, and Religious Crises in Nigeria: Rethinking the Nexus* // Journal of Sustainable Development in Africa. 2012. Vol. 14. № 3. P. 84–96.

54 SUBERU R.T. *Op. cit.*

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

местных управленческих структур в совокупности сводят на нет все усилия по погашению конфликта. Хотя в теории федерализм идеально подходит для работы с таким разнообразным населением, как в Нигерии, дурное применение сделало его бессильным в разрешении низовых конфликтов, подобных столкновениям между оседлыми и кочевыми сельскими сообществами. Страна отчаянно нуждается в подлинной реформе федеральной системы, которая обеспечила бы безопасность посредством децентрализации, укрепила местное управление, гарантировала справедливое распределение ресурсов, облегчила межгрупповой диалог. Пока такие преобразования не будут проведены, федеральная структура будет оставаться яблоком раздора, а не инструментом обеспечения мира и стабильности.

Хотя в теории федерализм идеально подходит для работы с таким разнообразным населением, как в Нигерии, дурное применение сделало его бессильным в разрешении низовых конфликтов, подобных столкновениям между оседлыми и кочевыми сельскими сообществами.

Единственный выход из этой ситуации, как представляется, – радикально реструктурировать федеральную систему Нигерии путем внедрения в нее децентрализации, местной автономии, повышенного внимания к безопасности на низовом уровне, технологий урегулирования конфликтов. В ходе конституционной реформы приоритетное внимание должно уделяться передаче властям штатов тех компетенций, которые касаются обеспечения безопасности: это позволит им курировать местные ополчения и дружины, способные эффективно действовать в локальных социально-политических и экологических условиях. Кроме того, они получат возможность своевременно вмешиваться в конфликтные ситуации, а также укрепят собственное чувство сопричастности с властной системой страны и ощущение своей легитимности. Наконец, требуют пересмотра законы о землевладении – в направлении учета нужд как кочевого, так и оседлого населения. Четкое и юридически обязывающее прочерчивание пастбищных маршрутов, коридоров для кочевых стад и зон для оседлого возделывания земли, произведенное с привлечением местных жителей, минимизировало бы конфликты в области использования земельных ресурсов и способствовало бы мирному сосуществованию общин. Такие реформы должны основываться на конструктивном диалоге

с местными вождями, организациями гражданского общества, религиозными лидерами и представителями скотоводов и фермеров.

Далее – требует укрепления налогово-бюджетный федерализм: данный процесс мог бы сделать штаты независимыми от финансовых ресурсов, получаемых из федерального центра, и, следовательно, позволить им разрабатывать и внедрять проекты развития и программы предотвращения конфликтов, учитывающие местную специфику. Принятие более справедливой формулы распределения доходов, побуждающей штаты наращивать внутренние бюджетные поступления и реализовывать программы развития сельского хозяйства, позволят им повысить устойчивость к миграционному давлению, вызванному изменением климата, и соперничеству за природные ресурсы. Не менее важным делом представляется институционализация механизмов правосудия и подотчетности на федеральном и субнациональном уровнях. Покончить с культурой безнаказанности могут только открытые расследования, справедливые судебные приговоры, разумные компенсации жертвам. До тех пор, пока не удастся устранить ощущение этнорелигиозной предвзятости в реакциях государства на возникающие вызовы, федеральные инициативы будут по-прежнему вызывать недоверие и отторжение.

В долгосрочной перспективе Нигерия нуждается в прогрессе в таких сферах, как образование, модернизация пастбищ, приспособление к климатическим сдвигам. Чтобы ослабить вышеописанные конфликты, федеральной власти стоит больше инвестировать в переориентацию нигерийского скотоводства со свободного и открытого выпаса скота на выращивание его в границах скотоводческих ранчо (или в какие-то иные полунтенсивные способы), выделяя средства на соответствующую переподготовку скотоводов и материальное стимулирование их готовности к переменам. Окончательный вывод настоящего исследования состоит в том, что преодоление конфликта между скотоводами и земледельцами в Нигерии требует не просто поверхностных косметических мероприятий, но сознательной перестройки всей федеральной системы. Это позволит ей откликаться на нигерийский плюрализм в справедливой, действенной, партисипаторной манере. Только тогда федеральная структура станет реальным проводником мира, развития, гармонии.

НИКОЛАС ИДРИС ЭРАМЕХ,
ДЖОШУА ОЛУСЕГУН
БОЛАРИНВА, ГОДВИН
ИЧИМИ

КОНФЛИКТ СКОТОВОДОВ И
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В СЕВЕРО-
ЦЕНТРАЛЬНОЙ НИГЕРИИ...

*Перевод с английского Андрея Захарова, доцента кафедры
теоретической политологии факультета политологии РГГУ*

МУЛУГЕТА
ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС
ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

Самоуправление в эфиопской федерации: динамика и проблемы

Мулугета Гету Сисай –
ведущий научный сотрудник
Института политических исследований
(Аддис-Абеба, Эфиопия).

Эфиопия, являясь одной из древнейших стран мира, имеет долгую и богатую историю государственного управления. На Африканском континенте эта страна выделяется благодаря своей древней истории, устойчивости централизованной власти и успешному сопротивлению европейским колонизаторам; достаточно вспомнить разгром итальянской армии войсками императора Менелика II в битве при Адуа 1 марта 1896 года – событие, на тот период положившее конец притязаниям Италии в регионе. Истоки современной эфиопской государственности отсылают к Аксумскому царству (I–V века нашей эры), которое, сделавшись крупной торговой и политической державой, приняло в IV веке христианство и распространило свою власть как в глубь Африки, так и по ту сторону Красного моря¹. Эта централизованная государственность сохранялась до XVIII века: сначала под властью династии Загве (около 900–1270), а потом Соломоновой династии, черпавших легитимность в религиозных и династических нарративах.

Формирование современного эфиопского государства проходило под началом нескольких императоров. До 1855 года – в период, получивший название «эпохи князей» (*Zemene Mesafint*²) и продлившийся с середины XVIII до середины XIX века, – центральная власть была крайне слаба, а провинции пользовались широчайшей самостоятельностью³. Однако император Теодрос II (1855–1868), задавшись целью модернизировать Эфиопию, выступил против такого положения вещей, попытался решительно урезать местную автономию и утвердить сильное центральное правительство. В ту эпоху эфиопский проект государственного строительства реализовался через территориальную экспансию и управленческую централизацию⁴. Несмотря на то, что за годы своего царствования этот монарх не сумел вопло-

1 Подробнее см.: MARCUS H.G. *A History of Ethiopia*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002.

2 Здесь и далее в скобках даются соответствующие амхарские понятия. – *Примеч. перев.*

3 AMID M.K. *Formation of New States in Federal Ethiopia* // АБЕБЕ А.К., ТАЙЕ А. (Eds.). *Reimagining Ethiopian Federalism*. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2019. P. 144; ZEWDE B. *A History of Modern Ethiopia (1855–1991)*. Oxford: James Currey, 2001. P. 11–26.

4 Подробнее см.: ТИВЕТУ Т. *The Making of Modern Ethiopia: 1896–1974*. Trenton: The Red Sea Press, 1995.

тить свои модернизаторские идеи в жизнь, процесс территориального расширения Эфиопии был завершен императором Менеликом II (1889–1913), использовавшим для этого как насилие, так и убеждение⁵. После произведенного им объединения страны различные этнокультурные группы, прежде пользовавшиеся относительной самостоятельностью, оказались под имперским контролем; в ходе этой эволюции, по сей день остающейся в центре горячих дискуссий, закладывался фундамент современной Эфиопии⁶. Запущенный тогда процесс централизации продолжался и далее, достигнув зенита в правление Временного военно-административного совета – Дерга (1974–1991).

В плане государственного строительства Эфиопия фундаментально отличается от других африканских стран. Если в большинстве из них государственность складывалась под влиянием колонизации, то эфиопское государство образовывалось в ходе постепенной инкорпорации периферийных народов в империю, уже обладавшую явной политической идентичностью и историческим ядром⁷. Другими словами, формирование современного эфиопского государства не было наложено извне, а явилось результатом продолжительной внутренней борьбы и усилий императорской власти. Такая модель государственного строительства, однако, не раз подвергалась критике: некоторые усматривали в ней источник маргинализации, эксплуатации и отчуждения отдельных сообществ⁸. Различные этнические группы выражали неудовлетворенность тем, что при конструировании государства их в должной мере не обеспечили ни местным самоуправлением, ни территориальной автономией. В конечном счете, это способствовало приходу к власти Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН) в мае 1991 года.

После недолгого правления переходного правительства под эгидой РДФЭН Эфиопия провозгласила федеративную парламентскую республику, в основание которой был заложен принцип этнического самоопределения. В 1995 году была принята новая Конституция, расширившая самоуправленческие права этнических групп. Однако, несмотря на изменения в государственном устройстве, производимые при различных режимах, вопрос о самоуправлении в Эфиопии до сих пор остается решенным не до конца. В частности, среди различных этнических общностей по-прежнему сохраняется недовольство тем,

**МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ**

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

Маркос Дебебе Белай –
научный сотрудник
Института политических
исследований (Аддис-
Абеба, Эфиопия).

⁵ ZEWDE B. *Op. cit.* P. 27–80.

⁶ Подробнее см.: DONHAM D.L. *Old Abyssinia and the New Ethiopian Empire* // DONHAM D.L., JAMES W. (Eds.). *The Southern Marches of Imperial Ethiopia: Essays in History and Social Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

⁷ См.: AALEN L. *The Politics of Ethnicity in Ethiopia: Actors, Power and Mobilisation under Ethnic Federalism*. Leiden: Hotei Publishing, 2011.

⁸ Ibid. P. 25–28.

как государство относится к их культуре, религии, языку⁹. В результате некоторые из них все громче настаивают на самоопределении¹⁰.

Аккомодация этнически разнообразного населения Эфиопии не просто исторический вызов, оставшийся в прошлом – в значительной мере эту проблему не удалось разрешить и до сегодняшнего дня. В настоящей статье будет проанализирована архитектура этнического самоуправления в Эфиопии, вписываемая в контекст эволюционного развития ее федеративной системы. Решая эту задачу, авторы будут опираться в первую очередь на метод доктринального исследования, который предполагает обращение к академической и неакадемической литературе, юридическим текстам и институциональным отчетам.

Эволюция самоуправления в Эфиопии

Территориальная организация публичной власти в Эфиопии неоднократно преобразовывалась в зависимости от задач, решаемых сменявшими друг друга политическими режимами. При этом точное число территориальных единиц не устанавливалось вплоть до становления современной Эфиопии: лишь в царствование императора Теодроса II страна была разделена на провинции (*awraja* – авраджа), каждая из которых делилась на районы (*woreda* – вореда)¹¹. Это делалось для укрепления административного контроля центрального правительства над местным населением и местными ресурсами. Аналогичного подхода придерживался и император Менелик II, который позже, в 1908 году, разделил страну на 34 региона исходя из их этнического состава и географических особенностей¹². В формальном плане государственное устройство претерпело фундаментальные изменения с принятием в 1931 году первой писаной эфиопской Конституции. Хотя Основной закон и не провозглашал Эфиопию унитарным государством, она обладала всеми признаками такового. С одной стороны, намерение управлять страной на основе конституционных норм можно

9 GUTEMA S.E. *The Right to Self-Determination: Its Scopes, Faces and Constraints of Its Enforcement under the FDRE Constitution, Ethiopia* // SSRN. 2016. February 2. P. 16–18 (<https://ssrn.com/abstract=2725846>).

10 См., например: ABDULLAH A.M. *Article 39 of the Ethiopian Constitution On Secession and Self-Determination: A Panacea to the Nationality Question in Africa?* // *Verfassung und Recht in Übersee*. 1998. Bd. 31. S. 440–455; BAYOU A.M. *Self-Administration Units or Camps? Scrutinizing the Ethiopian Sub-Federal Arrangements* // *Nations and Nationalism*. 2025. April. P. 1–11 (<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/nana.13111>); AALEN L. *Ethnic Federalism and Self-Determination for Nationalities in a Semi-Authoritarian State: The Case of Ethiopia* // *International Journal on Minority and Group Rights*. 2006. Vol. 13. № 2–3. P. 243–261.

11 Подробнее см.: BEKEN C. VAN DER. *Unity in Diversity – Federalism as a Mechanism to Accommodate Ethnic Diversity: The Case of Ethiopia*. Zürich: LIT-Verlag, 2012.

12 AMID M.K. *Op. cit.* P. 144.

считать прогрессивным шагом в истории страны; с другой стороны, Конституция 1931 года стала документом, формализовавшим более ранние управленческие практики, внедряемые в империи со времен Теодроса II. Рассматриваемая в подобной оптике, она сыграла важную роль в консолидации и упрочении императорской власти.

На заре своей конституционной истории Эфиопия столкнулась со второй попыткой оккупации, предпринятой итальянцами; их возвращение объяснялось желанием отомстить за поражение при Адуа (1896). Захватив Эфиопию в 1935 году, Италия объединила ее с другими своими колониями в регионе – Эритреей и итальянским Сомали. Весь этот территориальный массив был разбит на пять провинций: Амхара, Харар, Оромо-Сидамо, Шева, а также Тыграй и Эритрея, управляемые как единое целое¹³. Административное реструктурирование предпринималось исключительно для того, чтобы укрепить оккупационный режим и ослабить эфиопское сопротивление. Эта мера дополнялась также политической стратегией *divide et impera*, нацеленной на стимулирование раздоров и распрей среди эфиопов. Ее основным инструментом было изображение неамхарских групп в качестве жертв амхарского колониализма¹⁴.

В 1942 году, после второго разгрома Италии – на этот раз фашистской, – Эфиопия реорганизовала свое административно-территориальное устройство, учредив двенадцать провинций; реформа была задумана для укрепления центральной администрации и повышения эффективности нижестоящих уровней власти¹⁵. Как отмечают некоторые авторы, до 1974 года административные единицы Эфиопии создавались на основе их управленческой эффективности, способности взимать налоги, лояльности губернаторов и их готовности мобилизовать ополчение и поддерживать безопасность¹⁶. Необходимо также упомянуть, что в 1952 году Эритрея объединилась с Эфиопией на федеративных началах, а спустя десять лет, после того как император Хайле Селассие I распустил федерацию, была полностью интегрирована в состав империи, превратившись в ее новую провинцию¹⁷.

При этом, как уже отмечалось, невзирая на расширяющуюся маргинализацию этнических групп и провоцируемое ею

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

¹³ Ibid.

¹⁴ BAYOU A.M. *Op. cit.* P. 4.

¹⁵ AMID M.K. *Op. cit.*

¹⁶ WUBNEH M. *Ethnic Identity Politics and the Restructuring of Administrative Units in Ethiopia* // International Journal of Ethiopian Studies. 2017. Vol. 11. № 1–2. P. 106–118.

¹⁷ Подробнее об этом важном для эфиопской истории событии см.: NEGASH T. *Eritrea and Ethiopia: The Federal Experience*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1997; см. также: ЗАХАРОВ А.А. *Принуждение к союзу: федеративное поглощение Эритреи в исторической перспективе* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4(156). С. 26–47. – Примеч. перев.

недовольство, государство не вносило никаких изменений в собственную административную структуру. Наличие территориальных единиц были ориентированы на реализацию контрольных функций в интересах центральной власти, а не на разрешение проблем, порождаемых этническим разнообразием. В конечном счете, именно культурное и институциональное неравенство, на которое постоянно сетовали несколько групп, считавших себя угнетенными, побудило их развернуть освободительную борьбу на всей территории страны¹⁸.

Имперский период закончился в 1974 году со свержением императора леворадикальной организацией офицеров, назвавшей себя Временным военно-административным советом (в основном он известен по амхарскому наименованию Дерг – совет, комитет). Среди прочих своих мероприятий новый режим реорганизовал эфиопские провинции в четырнадцать регионов (*kifle hagers*), которые были разделены на 102 субрегиона (авраджа) и 556 районов (вореда)¹⁹. К несчастью, управленческие реформы, предпринятые военными, не смогли удовлетворить запросы этнических групп, касающиеся признания и самоуправления. Стремясь разрешить проблему, Дерг в начале 1980-х принялся реформировать государственное устройство на основе советского подхода к «национальному вопросу»; ради этого был создан государственный Институт по изучению национальностей Эфиопии²⁰. Этому научному учреждению предписывалось исследовать различные аспекты жизни эфиопских этнических общностей, включая их историю, культуру, язык, социальные структуры и экономическое развитие. На основе его рекомендаций военный режим создал в рамках унитарной структуры 24 административных района и пять автономных областей, не передав им, однако, никаких реальных полномочий²¹.

Реагируя на множасьщиеся проблемы, Дерг в 1987 году инициировал принятие Конституции Народной Демократической

18 AMID M.K. *Op. cit.*

19 См.: GETU K. *An Overview of Local Governance and Decentralization in Ethiopia*. 2016 (www.academia.edu/29791599/an_overview_of_local_governance_and_decentralization_in_ethiopia).

20 Преамбула официальной Прокламации об учреждении Института содержала инновационные для эфиопской национальной политики положения: «Эфиопская национально-демократическая революционная Программа, признавая право каждой национальности на самоопределение, гарантирует, что каждая национальность будет иметь свою историю и сохранит самобытность, культуру, обычаи, язык, религию и права, уважаемые в полном объеме и в равной мере в соответствии с духом социализма». Цит. по: *Proclamation № 236/1983. A Proclamation to Provide for the Establishment of the Institute for the Study of Ethiopian Nationalities* // *Negarit Gazeta*. 1983. March 23. P. 31. После свержения режима Дегра это учреждение было распущено. – *Примеч. перев.*

21 Подробнее см.: WUBNEN M. *Op. cit.* P. 118–127; VÉRTESY L., LEMANGO T.B. *Public Administration Developments in Ethiopia under Three Different Regimes* // *Hrvatska i komparativna javna uprava: časopis za teoriju i praksu javne uprave*. 2022. Vol. 22. № 3. S. 410–413; НАВТУ А. *Ethnic Federalism in Ethiopia: Background, Present Conditions and Future Prospects*. Addis Ababa: International Conference on African Development Archives, 2003.

Республики Эфиопия (НДРЭ), в положениях которой отразилось повышенное внимание режима к требованиям этнических и региональных повстанческих группировок. В отличие от предыдущего Основного закона, в ней напрямую закреплялся тезис о том, что Эфиопия является унитарным государством, состоящим из административных автономных регионов, в которых все национальности пользуются равными правами²². Однако, как и в прежние времена, режим Дерга сохранил те же критерии и основания, по которым административные единицы учреждались в имперский период. При этом, в отличие от правовых установлений режимов-предшественников, Конституция 1987 года признавала многонациональный характер Эфиопии и равенство ее национальностей – пусть даже и не обеспечивая их полноценным самоуправлением²³.

Хотя режим Дерга на словах признавал равенство всех эфиопских народов, такие декларации широко критиковались как неискренние, поскольку подход диктатуры к признанию этнических групп противоречил ее же собственной панэфиопской националистической идеологии, воплощенной в лозунге «Эфиопия превыше всего!» («Ethiopia Tikdem!»)²⁴. Как следствие, революционные движения упрекали власти в том, что называлось ими «амхарским культурным доминированием» – в частности, в превознесении амхарского языка и продвижении лозунга «Эфиопия превыше всего!»²⁵. Это недовольство вылилось в семнадцатилетнюю гражданскую войну между режимом Дерга и этническими повстанческими организациями.

В конечном счете, радикальный режим был свергнут националистическими формированиями под руководством РДФЭН, ядро которого составил Народный фронт освобождения Тыграя. Созданное ими переходное правительство руководствовалось Хартией переходного периода 1991 года – временной Конституцией, в которой излагались установки и принципы эфиопского транзита²⁶. Пришедшие к власти силовым путем лидеры Народного фронта, исповедуя марксизм-ленинизм и находясь под влиянием сталинских воззрений на национально-государственное строительство, исходили из того, что управлять многонациональным государством должна сильная соци-

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

22 См. текст Конституции НДРЭ 1987 года на английском языке: *The Constitution of the People's Democratic Republic of Ethiopia* // Review of Socialist Law. 1988. Vol. 14. № 2. P. 181–208. – Примеч. перев.

23 Подробнее см.: GUDINA M. *Ethiopia: Competing Ethnic Nationalisms and the Quest for Democracy, 1960–2000*. Maastricht; Addis Ababa: Shaker Publishing, 2003.

24 AALEN L. *The Politics of Ethnicity in Ethiopia*... P. 31–32.

25 BAYOU A.M. *Op. cit.* P. 4–5.

26 См. текст Хартии переходного периода: *Transitional Period Charter of Ethiopia* // Negarit Gazeta. 1991. July 22. P. 1–5 (<https://chilot.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/11/the-transitional-period-charter-of-ethiopia.pdf>).

алистическая партия, отстаивающая интересы всех этносов²⁷. Закономерным образом национальный вопрос занял центральное место в повестке дня нового правительства, в котором доминировал Народный фронт, сплотивший вокруг себя иные националистические фронты, недовольные политикой Дерга²⁸. По этой причине Хартия переходного периода подтверждала право «наций, национальностей и народов» на самоопределение²⁹. Как следствие, идеология РДФЭН и, соответственно, политика переходных властей исходили из того, что утверждение демократии возможно исключительно через признание этничности как определенного набора прав национальных групп, в рамках которых отдельные граждане реализуют свои индивидуальные права³⁰.

В отношении прав «наций, национальностей и народов» Хартия переходного периода 1991 года оказалась поистине новаторским документом, поскольку в ней впервые на конституционном уровне признавалась не только внутренняя сецессия (право создать собственный этнический субъект будущей эфиопской федерации), но и внешняя (право покинуть сложившееся в Эфиопии государственно-территориальное единство с последующим созданием собственного суверенного государства). Соответствующие положения содержались в статье 2 Хартии:

«Подтверждается право наций, национальностей и народов на самоопределение. С этой целью каждой нации, национальности и народу гарантируется право:

- а) сохранять свою самобытность и уважать ее, пропагандировать свою культуру и историю, использовать и развивать свой язык;
- б) управлять своими делами на собственной определенной территории и эффективно участвовать в работе центрального правительства на основе свободы, справедливого и надлежащего представительства;
- в) осуществлять свое право на самоопределение и независимость, если данная нация/национальность и народ убеждены, что вышеуказанные права отрицаются, ущемляются или отменяются»³¹.

27 Подробнее см.: AALEN L. *The Politics of Ethnicity in Ethiopia*... P. 32–40. (Развернутый анализ положений Хартии, касающихся самоопределения, см. в статье: MICHÉAU A.P. *The 1991 Transitional Charter of Ethiopia: A New Application of the Self-Determination Principle* // Case Western Reserve Journal of International Law. 1996. Vol. 28. № 2. P. 367–394. – Примеч. перев.)

28 ГУТЕМА S.E. *Op. cit.*

29 В конституционном праве Эфиопии именно этим юридическим термином обозначаются этнические субъекты, имеющие право на самоопределение. Позже та же конструкция была воспроизведена и в Конституции Эфиопии 1995 года, а также в развивающем ее конституционном законодательстве. Далее по тексту формулировка «нации, национальности и народы» будет использоваться как вполне конкретная идеологическая и конституционно-правовая категория. – Примеч. перев.

30 АВВИНК J. *Breaking and Making the State: The Dynamics of Ethnic Democracy in Ethiopia* // Journal of Contemporary African Studies. 1995. Vol. 13. № 2. P. 150–153.

31 *Transitional Period Charter of Ethiopia*. P. 2.

Одновременно с этим переходное правительство приняло Прокламацию о создании региональных органов власти, в соответствии с которой были учреждены четырнадцать регионов – с конкретным перечислением входящих в них наций, национальностей и народов³². Однако на более поздних этапах переходного периода правительство решило объединить пять южных региональных органов самоуправления в единый штат. Эта инициатива была реализована правящим РДФЭН принудительным образом, без проведения каких-либо консультаций с заинтересованными этническими группами³³. Проигнорировав как референдумы, так и опросы граждан, власти в одностороннем порядке объединили имеющиеся региональные политические партии в одну и слили пять наличных регионов в один новый – Регион наций, национальностей и народов Юга (он был упразднен в 2023 году)³⁴. Как будет показано позже, это слияние оказалось проблемным и спровоцировало долгосрочный подъем сепаратистских настроений.

Интересно, что пункт 2 статьи 3 Прокламации специально перечисляет нации, национальности и народы, имеющие право на создание национальных или региональных органов самоуправления районного (вореда) или более высокого уровня. В отличие от них, некоторые этнические группы, отличающиеся малочисленностью, не получили такого права. (В числе таковых оказались сахо, кунама, кома, северные мао, боро (шинаша), зойиссе, гобез, гидоле, арборе (ульде), гнангатом, цемай, диме, боди (мизн), нао, зельмам, минит и шеко.) В переходный период районы служили основной единицей в самоуправленческой иерархии каждой нации или региона. Именно органы соответствующего национального или регионального самоуправления определяли те административные уровни ниже районного уровня, на которых жители муниципалитетов (*kebele* – кебеле) могли принимать участие в социально-политической жизни.

Этот исторический опыт заметно повлиял на современные запросы, касающиеся самоопределения, а также на федеративную архитектуру эфиопского государства. Этнический федерализм в Эфиопии возник в качестве реакции на маргинализацию, в прежние времена выражавшуюся в подавлении национальной самобытности, а также в ущемлении национальных языков и национальных культур сменявшимися друг друга централизаторскими режимами. На сегодняшний день

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

32 См.: *Proclamation № 7/1992. A Proclamation to Provide for the Establishment of National/Regional Self-Governments* // *Negarit Gazeta*. 1992. January 14. P. 6–21.

33 AMID M.K. *Op. cit.* P. 147–148.

34 TADESSE C. *Referendum in Ethiopia's Southern Region*. Addis Ababa: Rift Vally Institute; Peace Research Facility, 2023 (<https://riftvalley.net/wp-content/uploads/2023/03/RVI-2023.03.21-Referendum-in-Ethiopia-s-Southern-Region.pdf>).

главной задачей эфиопского многонационального государства остается поддержание баланса между обеспечением реального самоуправления его составных частей и защитой национального единства и территориальной целостности – говоря иными словами: сохранение центральной власти без стирания разнообразия или насаждения доминирования³⁵. Далее мы попытаемся оценить эффективность современного федеративного устройства в согласовании этих – казалось бы, противоположных – установок друг с другом.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Хартия переходного периода легла в основу институционального дизайна ныне действующей Конституции 1995 года, провозгласившей парламентскую федерацию³⁶. В отличие от большинства федеративных систем, в которых суверенитетом наделены субъекты федерации или народ в целом³⁷, в эфиопской федерации носителями суверенитета объявляются нации, национальности и народы, а федеральная Конституция является выражением и гарантом этого суверенитета (статья 8). Пользуясь высшей властью, каждая из эфиопских этнических групп имеет безусловное право на самоопределение, включая право на отделение как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. Для наций, национальностей и народов, которые в прежние времена заявляли о маргинализации, эксплуатации и отчуждении, фиксация этого конституционного права служит гарантией того, что они впредь не будут подвергаться подобным ограничениям³⁸.

В ходе федерализации Эфиопии была предпринята попытка учесть этническое разнообразие страны, поэтому демаркацию границ штатов стремились увязать с зонами расселения этнических групп, различающихся по культуре и языку. Первоначально Федеративная Демократическая Республика Эфиопия состояла из девяти штатов и одного города федерального подчинения. Со временем эта структура расширилась до двенадцати штатов и двух городских административных территорий особого типа, что отражало растущий запрос населяющих Эфиопию общностей на самоуправление и признание самобытнос-

35 Подробнее об этом противоречии см.: MOORE M. *The Ethics of Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2001; KYMLICKA W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

36 См.: Proclamation № 1/1995. *Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia Proclamation* // Federal Negarit Gazette. 1995. August 21. P. 1–38.

37 См.: AALEN L. *Ethnic Federalism and Self-Determination for Nationalities...*

38 GUTEMA S.E. *Op. cit.* P. 5–7.

ти в рамках федерации. Шесть из двенадцати штатов (Афар, Амхара, Оромия, Тыграй, Сомали и Сидاما) населены преимущественно представителями тех этнических групп, в честь которых они названы. Пять штатов (Бенишангул-Гумуз, Гамбелла, Центральная Эфиопия, Южная Эфиопия и народов Юго-Запада Эфиопии), напротив, этнически разнообразны: ни одна из групп не составляет в них большинства. Штат народа Харари является исключением, поскольку он носит имя национальной группы, которая на данной территории составляет незначительное меньшинство. Ни в одном из штатов население не является гомогенным – напротив, каждый из них в той или иной мере многонационален³⁹. Еще более усложняет картину то, что нации, национальности и народы в рамках созданных в настоящее время двенадцати штатов имеют «безусловное право на самоопределение, в том числе и в форме отделения» (пункт 1 статьи 39 Конституции). Самоопределение вплоть до отделения в эфиопской федерации защищено не только включением упомянутого права в третью главу Конституции, требующую более сложной процедуры внесения поправок, но и гарантированием его соблюдения даже в условиях чрезвычайного положения. Так, подпункт «с» пункта 4 статьи 93 федеральной Конституции гласит, что даже при осуществлении чрезвычайных полномочий Совет министров не может приостанавливать или ограничивать право на самоопределение, включая и отделение (пункты 1–2 статьи 39).

Анализируя конституционные положения, можно выделить по меньшей мере пять взаимосвязанных признаков самоопределения. К их числу относятся: право на собственную государственность в рамках федерации (внутренняя сецессия с последующим созданием штата); административная автономия (создание институтов власти на территории, которую занимает этническое сообщество); язык и культура (сохранение и развитие языка, культуры, истории); значимое представительство в федеральном правительстве и правительствах штатов и, наконец, независимость (внешняя сецессия). Вместе с тем для осуществления или реализации полного права на самоопределение этническая общность должна сначала добиться своего признания в качестве нации, национальности или народа со стороны Палаты Федерации, в состав которой входят по крайней мере по одному представителю от всех наций, национальностей и народов. Хотя перепись населения 2007 года выявила в стране около 85 общностей такого рода, Палата Федерации официально признала только 76 из них, руководствуясь при этом преимущественно спецификой языка и культуры. Учиты-

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

39 BELAY T.S., BELAY H.S. *The Procedure for the Creation of New Regional States under the FDRE Constitution: Some Overlooked Issues* // Mizan Law Review. 2019. Vol. 13. № 1. P. 101.

вая ограниченный объем настоящей статьи, основное внимание в ней будет уделено первым трем компонентам самоопределения – с особым акцентом на территориальную автономию (государственность) и административную автономию.

Предоставляя нациям, национальностям и народам право развивать и использовать свои языки, сохранять свою культуру и увековечивать свою историю, федеральная Конституция подтверждает сущностную ценность разнообразия и пытается устранить исторически сложившуюся маргинализацию. Это право позволило многим этническим группам, особенно прежде угнетенным, заявить о своей самобытности, создать местные СМИ на родных языках и учредить национальные школы, а также сохранить устные предания и традиции. С одной стороны, федеральная Конституция обеспечивает равное признание всем языкам, хотя амхарский язык по-прежнему служит рабочим языком федерального правительства. С другой стороны, нации, национальности и народы имеют конституционное право устанавливать собственные официальные языки, использовать и развивать их в устной и письменной речи, поддерживать свою культуру и сохранять культурное наследие. Наличие такого права позволяет нациям, национальностям и народам использовать в качестве официальных местные языки, отличающиеся от официальных языков государства или отдельных штатов. Например, хотя амхарский язык является рабочим языком региона Амхара, национальная администрация оромо в этом регионе использует в качестве языка делопроизводства *Affan Oromoo*, язык этнической группы оромо.

Другим ключевым аспектом самоопределения выступает административная автономия – то есть право на создание самоуправленческих органов на различных уровнях публичной власти. Конституция подводит под это фундамент, гарантируя этносам полное самоуправление, включая право создавать собственные институты на соответствующих территориях (пункт 3 статьи 39). Это положение увязывает федеративное устройство с принципом этнонационального самоуправления, предоставляя группам возможность не только управлять собой, но и определять структуру местных органов власти. Такая гарантия подкрепляется и статьей 50, позволяющей штатам создавать законодательные, исполнительные и судебные органы, которые наилучшим образом способствуют самоуправлению. Теоретически такое положение вещей должно было бы отражать твердую приверженность децентрализации и демократическому участию.

По примеру классических федераций, подобных США, Канаде и Австралии, Конституция Эфиопии формально признает только два «этажа» государственной власти – уровень феде-

рации и уровень штатов. Местные управленческие структуры, под которыми в Эфиопии понимаются все административные органы, функционирующие ниже уровня штата, упоминаются лишь вскользь в пункте 4 статьи 50, которая гласит, что «правительственные учреждения штата создаются на уровне штата, а также на других административных уровнях по усмотрению штатов». Таким образом, штаты, будучи свободными в определении структуры местных органов, одновременно должны «наделять низшие органы власти достаточными полномочиями для обеспечения непосредственного участия народа в управлении этими органами» – и создавать тем самым органы самоуправления.

Третьим аспектом самоопределения, гарантированном нациям, национальностям и народам, выступает право на формирование отдельного штата в случае надлежащего соблюдения конституционных процедур. Проще говоря, Конституция оставляет открытым путь к обретению собственной государственности теми этносами, которые пока не имеют собственных штатов⁴⁰. Это в свою очередь обесценивает аргументы критиков Конституции, которые указывают на противоречие между признанием всех наций, национальностей и народов в качестве членов-сооснователей федерации и первоначальным созданием всего лишь нескольких штатов (сначала девяти, потом двенадцати)⁴¹. Хотя процедура учреждения новых штатов прописана не столь четко, как следовало бы, она все же в федеральной Конституции предусмотрена. Вот как создание нового штата описывается в статье 47 (пункт 3):

«Право любой нации, национальности или народа на образование собственного штата может быть реализовано в следующем порядке: а) когда требование о создании штата одобрено большинством в две трети членов Совета соответствующей нации, национальности или народа и это требование представлено в письменном виде Государственному Совету;

б) когда Государственный Совет, получивший вышеупомянутое требование, организует в течение года со дня его получения референдум, который должен быть проведен среди представителей нации, национальности или народа, выдвинувших требование;

в) когда требование о создании штата будет поддержано большинством голосов, поданных в ходе референдума;

г) когда Государственный Совет передаст свои полномочия нации, национальности или народу, выдвинувшему требование, и

д) когда новый штат, учрежденный в результате референдума, минуя подачу какой-либо иной аппликацию, непосредственно станет членом Федеративной Демократической Республики Эфиопия».

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

40 FESSHA Y.T. *The Original Sin of Ethiopian Federalism* // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16. № 3. P. 233–234.

41 BELAY T.S., BELAY H.S. *Op. cit.* P. 99–101.

Описанная конституционная процедура не предусматривает в качестве обязательных условий никаких количественных параметров типа численности населения, площади территории или экономической жизнеспособности⁴². Ключевую роль в процессе играет волеизъявление соответствующего населения, что позволяет говорить о волонтаристском подходе к переустройству федерации. В основе этого подхода – этническая идентичность. Здесь, по сути, мы имеем дело с протоколом, которому должны следовать все этносы, стремящиеся к обретению государственности. Однако на практике реализовать этот путь нелегко, поскольку органы, призванные принимать главные решения, подчас не торопятся содействовать процессу – например, затягивают санкционирование референдума, – а без этого вся инициатива может оказаться в тупике. Кроме того, аналогичные практические препятствия возникают в тех случаях, когда в Палату Федерации подается апелляция на ранее принятое решение о создании нового штата.

В институциональном плане Палате Федерации отводится важнейшая роль в реализации права на самоопределение и переходе к самоуправлению. Помимо полномочий по толкованию Конституции, Палата уполномочена принимать решения по вопросам, касающимся прав наций, национальностей и народов на самоопределение, включая право на отделение⁴³. Таким образом, если где-то возникает запрос на самоуправление, то первичной юрисдикцией обладает легислатура соответствующего штата, в то время как окончательное решение остается за Палатой Федерации. К прерогативам последней относятся также обеспечение равенства эфиопских народов, закрепленного в Конституции, поддержание и укрепление их единства на основе взаимного согласия. Палата Федерации уполномочена рассматривать заявления, поданные любой общиной, полагающей, что ее идентичность отрицается посредством ущемления самоуправления, культурных или языковых ограничений, вмешательства в политику исторической памяти. Хотя пункт 4 статьи 88 Конституции связывает самоуправление с демократическими принципами, на практике этнический мажоритаризм, авторитарные управленческие методики и слабая подотчетность ограничивают по-настоящему инклю-

⁴² ГУТЕМА S.E. *Op. cit.* P. 15; БЕЛАЙ T.S., БЕЛАЙ H.S. *Op. cit.* P. 101–106; АМИД M.K. *Op. cit.* P. 150–157.

⁴³ Подробнее см.: *Proclamation № 1261/2021. A Proclamation to Define the Powers and Functions of the House of Federation Proclamation* // Federal Negarit Gazette. 2021. August 19. P. 13559–13606. Эта Прокламация расширила ранее существовавшие прерогативы Палаты Федерации и вступила в силу после принятия Прокламации о межправительственных отношениях (*Proclamation № 1231/2021. A Proclamation Issues to Determine the System of Inter-Governmental Relations in the Federal Democratic Republic of Ethiopia* // Federal Negarit Gazette. 2021. January 11. P. 12914–12939), уточнившей взаимные права и обязанности органов публичной власти; в соответствии с ней Палата Федерации получила полномочия по разрешению споров и преодолению разногласий, возникающих в федеративных отношениях. – *Примеч. перев.*

живное управление. Доминирующие группы часто угнетают меньшинства в границах своих регионов, что противоречит конституционному обязательству, касающемуся справедливости самоуправления⁴⁴. Несмотря на то, что наличные конституционные рамки выглядят нормативно прогрессивными, их реализация остается далекой от совершенства, что подчеркивает насущную необходимость реформ, которые позволили бы уравновесить требования автономии и императивы единства, а также укрепить инклюзивность и подотчетность на всех уровнях публичной власти.

Природа эфиопской федерации, определенная Конституцией страны и проанализированная выше, остается предметом ожесточенных дискуссий с самого ее принятия. Сторонники Конституции утверждают, что этнический федерализм, предоставив этносам конституционное право на самоопределение вплоть до отделения, сохранил единство и территориальную целостность Эфиопии⁴⁵. По их мнению, если бы не переход к федерации этнического типа, страна просто распалась бы. Иначе говоря, этнический федерализм воспринимается как своего рода клей, удерживающий нации, национальности и народы Эфиопии под крышей общей федеративной государственности. Противники этнического федерализма считают его рецептом дезинтеграции, поскольку он способствует этническим конфликтам и межнациональной конкуренции⁴⁶.

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ЭФИОПСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Стремясь справиться с национальным вопросом, создатели эфиопского федерализма предложили компактно проживающим этническим группам территориальную автономию. Этническому фактору в этой системе отводится первостепенное место. Из-за его всемерного акцентирования эфиопский федерализм нередко называют «этническим»; критики, однако, предпочитают именовать его «племенным». Как полагает Йонатан Фесха, упор на этничность как на базис территориального устройства превращает эфиопскую федерацию из

⁴⁴ См. подробнее: TEFERA T., AMSALU D., AYTENEW Z. *The Ethiopian Constitution and Its Approach to the Ethnic Communities' Demand for Own States*. Addis Ababa: Ethiopian Policy Studies Institute, 2023 (<https://psi.org.et/index.php/working-papers?download=131:the-ethiopian-constitution-and-its-approach-to-the-ethnic-communities-demand-for-own-states>).

⁴⁵ Аргументы в поддержку этой позиции см. в работах: CHOUDHRY S., HUME N. *Federalism, Devolution and Secession: From Classical to Post-Conflict Federalism* // GINSBURG T., DIXON R. (Eds.). *Constitutional Law*. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 356–384; AHADU E., ABEBE D. *Does Ethnic Federalism Imperative for Ethiopia? A Critical Analysis* // International Journal of Social Science Research and Review. 2019. Vol. 2. № 4. P. 22–29.

⁴⁶ См., в частности: AHADU E., ABEBE D. *Op. cit.* P. 29–30.

мононациональной в мультинациональную⁴⁷. Право на полное самоуправление, гарантированное Конституцией нациям, национальностям и народам, предстает чем-то вроде компенсации этническим общностям за угнетение, которому они подвергались в период формирования нынешнего государства⁴⁸. Действующая Конституция требует от штатов обеспечивать подлинное самоуправление и децентрализацию власти и на местном уровне тоже, вследствие чего региональные конституции содержат более или менее единообразные положения, касающиеся местного самоуправления. Вместе с тем нации, национальности и народы в эфиопской федерации играют двоякую роль: они одновременно и учредители федерации, и ее потенциальные разрушители, поскольку из-за их системного возвеличивания союз оказывается весьма хрупким. Дополнительную неустойчивость этой конструкции добавляет и конституционная обязанность федеральных властей особо помогать малочисленным этносам, которые страдают от социально-экономической уязвимости.

Право на полное самоуправление, гарантированное Конституцией нациям, национальностям и народам, предстает чем-то вроде компенсации этническим общностям за угнетение, которому они подвергались в период формирования нынешнего государства.

Административная иерархия внутри штатов, выстроенная на основании федеральной Конституции, помимо наличия самих региональных органов власти, предполагает, во-первых, наделение широкими полномочиями органов местного самоуправления, а во-вторых, предоставление местному населению гарантий участия в нем⁴⁹. Поскольку Конституция не описывает статус территориальных единиц ниже уровня штатов сколько-нибудь подробно, субъекты эфиопской федерации имеют право по своему усмотрению устанавливать институциональную структуру, полномочия и обязанности субрегиональных и местных органов власти⁵⁰. Тем не менее существование мест-

⁴⁷ FESSHA Y.T. *Op. cit.* P. 235–236.

⁴⁸ Соответствующей критике эфиопская федеративная система подвергается с самого ее учреждения. См., например: АВВИНК J. *Op. cit.* P. 153–157, 160–161; БЕЛАЙ Т.С., БЕЛАЙ Н.С. *Op. cit.* P. 120; БАЮУ А.М. *Op. cit.* P. 9.

⁴⁹ БАЮУ А.М. *Op. cit.* P. 5–6.

⁵⁰ Подробнее об организации местного самоуправления в Эфиопии см.: АЙЕЛЕ З.А. (Ed.). *Local Government in Ethiopia: Responses to Urban-Rural Challenges*. Addis Ababa: Centre for Federalism and Governance Studies; Addis Ababa University, 2021; БЕКЕН С. VAN DER. *Sub-National Constitutional Autonomy and Institutional Innovation in Ethiopia* // *Ethiopian Journal of Federal Studies*. 2015. Vol. 2. № 2. P. 17–44.

ного самоуправления опирается на хотя бы косвенное конституционное признание. Раз штаты имеют право разрабатывать, принимать и менять собственные конституции, они могут также конструировать системы местного самоуправления, отвечающие их региональным особенностям⁵¹. Подобная свобода действий исключительно важна, так как регионы отличаются друг от друга территориальными размерами, этническим составом, экономическими и социальными условиями, что делает унифицирующие подходы неуместными.

Несмотря на незначительные региональные вариации, в большинстве штатов единицами местного самоуправления служат зоны (обычные или национальные), районы (обычные или специальные), муниципалитеты и городские администрации. Во всех штатах, за исключением Штата народа Харари, за региональным уровнем публичной власти следует зона, а потом идут районы (вореды). В состав районов обычно входят несколько муниципалитетов (кебеле), которые являются самым нижним юридически признанным уровнем местного самоуправления⁵². В дополнение к этим трем типам местных администраций и параллельно с ними существуют города, которые подразделяются на различные классы. Одни города напрямую подчиняются своему штату, другие – зоне, третьи – району. Управленческая иерархия, выстроенная в эфиопской федеративной системе, отчасти напоминает советскую модель, где территории дробились на единицы в зависимости от наличия у них того или иного этнического «хозяина»⁵³.

Более детальный анализ всех этих практик вкупе с региональными конституциями позволяет выделить два типа местных органов власти, функционирующих в современной Эфиопии, – национальные (этнические) и обычные, – каждый из которых служит различным целям. Местные органы власти, учрежденные по национальному признаку, позволяют этническим меньшинствам, проживающим внутри субъектов федерации, реализовать конкретную разновидность самоуправления, закрепленную в пункте 3 статьи 39 Конституции. Управляемые ими территориальные единицы («национальные зоны» или «специальные районы», причем первые обычно крупнее вторых) охватывают территории компактного проживания тех или иных этнических групп и учреждаются во всех штатах, за исключением Оромии, народа Харари и Сомали⁵⁴. Специальные районы обладают более широкими административными

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

51 AYELE Z.A. *The Politics of Sub-National Constitutions and Local Government in Ethiopia* // Perspectives on Federalism. 2014. Vol. 6. № 2. P. 91.

52 См.: *Local Government in Ethiopia: Responses to Urban-Rural Challenges*. P. 1–6.

53 BAYOU A.M. *Op. cit.*

54 AYELE Z.A. *Op. cit.* P. 95–97.

полномочиями, чем обычные районы; при этом они, подобно обычным и национальным зонам, вертикально подотчетны штатам. В отличие от них, стандартные органы местного самоуправления создаются штатами в соответствии с пунктом 4 статьи 50 и включают зоны, районы и муниципалитеты⁵⁵.

Управленческая иерархия, выстроенная в эфиопской федеративной системе, отчасти напоминает советскую модель, где территории дробились на единицы в зависимости от наличия у них того или иного этнического «хозяина».

Однако реальная практика самоуправления складывается порой довольно противоречиво. Хотя в пункте 4 статьи 50 Конституции подчеркивается необходимость передачи полномочий нижестоящим административным единицам и поощрения прямого участия населения в принятии решений на низовом уровне, многие местные органы власти по-прежнему остаются институционально слабыми, не обеспеченными ресурсами и политически зависимыми от местных правящих элит. Такая практика подрывает предполагаемое демократическое участие и ограничивает автономию на низовом уровне.

ТЯГА К СОБСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Хотя федеративная система, позволяющая нациям, национальностям и народам страны создавать собственные органы управления, была официально введена в 1995 году, в полном объеме она не внедрялась до 2019 года. Вплоть до этого момента считалось, что разрешить какой-нибудь этнической группе создать новый штат – все равно что открыть ящик Пандоры. Именно поэтому за два с половиной десятилетия пребывания РДФЭН у руля федерации ни одно обращение этнических групп, касающееся учреждения новых штатов, не было удовлетворено⁵⁶. Устремления этносов, однако, никуда не делись: они не раз выражали желания, а то и требования, реализовать свое конституционное право на учреждение собственных штатов⁵⁷. К числу таких общностей относились, например, народности

⁵⁵ *Local Government in Ethiopia: Responses to Urban-Rural Challenges*. P. 2.

⁵⁶ TEFERA T., AMSALU D., AYITENEW Z., ABERA M., TEKLU A. *Grassroots Approach to Understanding the Growing Demand for Statehood in SNNPR, Ethiopia. (A Short Research Report)*. Addis Ababa: Policy Studies Institute, 2020. P. 20–21.

⁵⁷ TEFERA T., AMSALU D., AYITENEW Z. *The Ethiopian Constitution...* P. 8–13.

сидама и уолайта. В борьбе за самоопределение Совету национальной зоны Сидама удалось продвинуться довольно далеко: он не только одобрил исходящий от местных жителей запрос на создание отдельного штата, но и заручился поддержкой со стороны Совета национальностей упраздненного в 2023 году Штата наций, национальностей и народов Юга, к которому относились места компактного расселения сидама⁵⁸. Примерно в тот же период предводители народности берта, отчаявшись в собственной способности взять под полный контроль правительство «своего» штата Бенишангул-Гумуз, тоже выступили за отделение и создание самостоятельного штата. Несмотря на это, РДФЭН отклонил обе петиции, усмотрев в них не выражение народной воли, а корыстные проекты местных нотаблей⁵⁹.

Однако после смены руководства РДФЭН и последующего создания в 2019 году Партии процветания⁶⁰ новые лидеры скорректировали позицию федеральных властей, начав пусть осторожно, но все же реагировать на требования о создании новых штатов. С 2018 года, откликаясь на смену генеральной линии партии, тринадцать этнических общностей, ранее входивших в Штат наций, национальностей и народов Юга, обратились с просьбами об образовании в составе федерации новых штатов, подав соответствующие петиции в Совет. В качестве причин, побуждающих их выступать с подобными демаршами, этнические сообщества ссылались на недофинансирование базовой инфраструктуры, нехватку надлежащего представительства в органах власти, дурное управление, демонстрируемое федеральными, региональными и местными органами⁶¹.

К тому моменту, однако, федеральное правительство, несмотря на свою возросшую отзывчивость в отношении низовых запросов, еще не было готово пойти навстречу сообществам, желавшим обзавестись новыми штатами, и весьма сдержанно относилось к удовлетворению прошений, касавшихся собственной государственности, что выражалось в волоките с организацией референдумов и буквоедском соблюдении конституцион-

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

58 Подробнее см.: AALEN L. *Institutionalizing the Politics of Ethnicity: Actors, Power and Mobilization in Southern Ethiopia under Ethnic Federalism*. PhD Thesis in Political Science. Oslo, 2008.

59 См.: АДЕГЕНЕ А.К. *Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia: A Comparative Study of the Somali and Benishangul-Gumuz Regions*. PhD Thesis in Political Science. Leiden, 2009.

60 Партия процветания была учреждена 1 декабря 2019 года в результате слияния трех партий – членов РДФЭН: Демократической партии Амхара, Демократической партии Оромо и Южноэфиопского народно-демократического движения. В нее вошли также малые народно-освободительные движения, за исключением Народного фронта освобождения Тыграй – единственной организации подобного рода, отказавшейся присоединиться к новой партии и спровоцировавшей тем самым войну в Тыграе в 2020 году. После проведения выборов в Палату представителей в 2021-м и по настоящее время Партия процветания располагает конституционным большинством в нижней палате парламента, имея 410 из 547 мест. – *Примеч. перев.*

61 См. критический обзор этих движений и перспектив обретения ими государственности: KURSNA K. *A Special Statehood Request in Ethiopia's Southwest* // Ethiopia Insight. 2021. August 6 (www.ethiopia-insight.com/2021/08/06/eiep-a-special-statehood-request-in-ethiopias-southwest/).

ных процедур. Но такая тактика работала не во всех случаях. Например, политики национальной зоны сидама, столкнувшись с затягиванием голосования, пригрозили провозгласить государственность в одностороннем порядке. Их ультиматум вызвал ожесточенные столкновения между федеральными силами безопасности и активистами народа сидама, а также беспорядки на этнической почве, из-за которых погибли невинные люди и был нанесен значительный материальный ущерб. В конечном счете, требование о создании штата Сидама было удовлетворено в июне 2020 года – после того, как на территории прошел референдум. В результате эфиопская федерация обзавелась новым, десятым, членом⁶².

Сидамский прецедент породил опасения относительно того, что теперь обзавестись собственной государственностью захотят слишком многие; творцы Конституции изначально не предполагали ничего подобного, и поэтому федеральные и региональные власти взяли небольшую паузу, занявшись, вместо создания новых штатов, поисками альтернативных решений⁶³. Например, власти бывшего Штата наций, национальностей и народов Юга, отложив в сторону прямое следование конституционной процедуре, учредили не предусмотренный Конституцией комитет, которому было поручено изучить требования об учреждении новых штатов. В июле 2019 года его рабочая группа предложила три альтернативных варианта: (1) сохранить Штат наций, национальностей и народов Юга в прежнем виде; (2) разделить его на территории сидама и остальные районы; (3) заморозить принятие новых заявок на создание штатов.

Ко всеобщему удивлению, в подготовленном группой докладе утверждалось, что большая часть местного населения по-прежнему предпочитает жить в Штате наций, национальностей и народов Юга. Так или иначе, но изыскания комитета не получили поддержки со стороны южных этносов. По этой причине федеральное и региональное правительства предпочли четвертую опцию, разделив бывший Штат наций, национальностей и народов Юга на четыре новых субъекта, включая штат Сидама. Вместо того, чтобы рассматривать множество прошений о создании все новых и новых штатов, власти предложили этническим сообществам консолидироваться и формировать коллективные запросы. Хотя многие усмотрели в таком решении вполне приемлемый компромисс, некоторые этнические группы отказались его принять и продолжили сопротивлять-

62 Подробнее об исторических предпосылках, особенностях референдума и процедуры создания штата Сидама см.: ИСМАГИЛОВА Р.Н. *Эфиопия: победа Сидама в вековой борьбе за самоопределение* // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 2(55). С. 47–65. – *Примеч. перев.*

63 TADESSE C. *Op. cit.* P. 2.

ся. В итоге им удалось добиться учреждения еще двух штатов: Штата народов Юго-Запада Эфиопии и штата Южная Эфиопия, ставших одиннадцатым и двенадцатым субъектами эфиопской федерации. Наконец, оставшиеся без собственной государственности субрегиональные единицы, расположенные в упраздняемом Штате наций, национальностей и народов Юга, приняли правительственное предложение о реорганизации и согласились объединиться в один регион – штат Центральная Эфиопия. Тем самым бывший Штат наций, национальностей и народов Юга окончательно прекратил свое существование⁶⁴.

Здесь уместно отметить, что за недавним образованием новых административно-территориальных единиц стоит все тот же старый подход, сложившийся в переходный период реорганизации эфиопской государственности. Эта методика столкнулась с сильной оппозицией со стороны этносов, ранее включенных в состав Штата наций, национальностей и народов Юга, – а именно, уолайта и гураге. В конечном счете, представители уолайта, хотя и не целиком, согласились с решением объявить административной столицей штата Соддо, их главный город, – и удовлетворились этим. Однако со сторонниками государственности гураге все оказалось сложнее: по их мнению, включение их зоны проживания в качестве кластера в территорию более крупного штата мешает им развивать культуру и сохранять язык и тем самым попирает федеральные конституционные гарантии благополучия этносов. Как полагают активисты гураге, создание собственного штата позволило бы им не только затормозить наметившийся упадок, но и восстановить законность⁶⁵. Основываясь на этих аргументах, в августе 2022 года гураге представили в Палату Федерации официальный отказ от предложенного им вхождения в штат Центральная Эфиопия.

Вопрос стал еще более запутанным после того, как четыре района, населенные гураге – Мареко, Кебена, Мескан и Мисрак-Мескан, – вместе с примкнувшим к ним муниципалитетом Бутаджира, напротив, решили отойти от консолидированной линии своего этноса и вместе с другими административными единицами предпочли влиться в состав проектируемого штата Центральная Эфиопия. Направив коллективное обращение в Палату Федерации, они тем самым отвергли намерение Совета своей национальной зоны добиваться для гураге отдельной государственности. А это в свою очередь поставило перед серьезной дилеммой Палату Федерации: ей теперь нужно было

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

⁶⁴ Ibid. P. 3–4.

⁶⁵ Подробнее о проблеме самоуправления гураге см.: *Strike for Statehood in the Gurage Part of SNNPR* // Borkena. 2022. August 10 (<https://borkena.com/2022/08/10/gurage-ethiopia-strike-for-statehood-in-the-gurage-part-of-snnpr/>).

либо одобрить слияние упомянутых административных единиц с предлагаемым штатом Центральная Эфиопия, выведя их тем самым из зоны гураге, либо же поддержать решение Совета зоны и отклонить ходатайство «раскольников». В итоге было принято решение о присоединении всей зоны гураге к новоиспеченному штату Центральная Эфиопия.

Тем не менее недавние сдвиги, продемонстрированные властями относительно учреждения новых штатов, едва ли смогут приглушить тягу этнических групп к расширению самоуправления. Помимо уолайта и гураге, которые так или иначе сопротивлялись кластерным решениям, по всей эфиопской федерации продолжают выдвигаться все новые требования, связанные с расширением политической субъектности национальных общностей. И, если в Конституцию в ближайшее время не будут внесены поправки, заявок на создание новых штатов будет скорее всего еще больше.

Можно даже утверждать, что события в бывшем Штате наций, национальностей и народов Юга служат своеобразным индикатором, выявляющим истинных победителей и проигравших в этом процессе: где-то преуспевают элиты, а где-то народ. Настало время оценить, насколько эффективно гипотетические преимущества обретаемого самоуправления устраняют глубинные причины рассмотренных в настоящей статье требований. Так, одно из недавних исследований показало, что мотивы, подталкивающие этносы к большей саомостоятельности, у разных групп расходятся: если одних возмущает то, что географическая удаленность от региональных административных центров не позволяет им полноценно пользоваться социальными услугами, то другим хочется вкусить настоящей политической автономии⁶⁶. Вместе с тем исследователям еще только предстоит выяснить, действительно ли новые механизмы расширяют возможности регионов в распоряжении собственными ресурсами и эффективном предоставлении услуг. Примечательно, что в ходе деконструкции Штата наций, национальностей и народов Юга многие этнические группы повысили свой статус: одни сменили специальные районы на специальные зоны, а другие, не имея прежде никаких самоуправленческих органов вовсе, теперь обзавелись либо собственными районами, либо зонами. Однако неподтвержденные пока сообщения, поступающие из регионов, свидетельствуют о разрыве между ожидавшимися выгодами и реальными приобретениями – особенно в тех случаях, когда речь заходит об улучшении жизни рядовых граждан.

66 См. подробнее: TEFERA T., AMSALU D., AYTENEW Z. *The Ethiopian Constitution...* P. 8–13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

Отнюдь не бесспорная приверженность государственных органов конституционной системе, а также их склонность действовать в соответствии с духом, но не буквой Конституции часто оборачиваются задержками в принятии решений, затрагивающих создание новых эфиопских штатов. Такой подход порождает недоверие; более того, в некоторых случаях он уже спровоцировал конфликты, в которых гибли люди и уничтожалось имущество. В этой связи мы рекомендуем всегда проводить реальные и всесторонние обсуждения требований о самоуправлении на различных уровнях, подводя под них фундамент в виде аргументированного мнения народа и его представителей.

Рассматривая действующую Конституцию в юридической плоскости, можно отметить, что она, как представляется, писалась с желанием притушить межнациональные противоречия; однако тщательный анализ возможных последствий, вытекающих из применения конституционных норм на практике, не входил, похоже, в замыслы ее создателей. Конституция наделяет все нации, национальности и народы безусловным правом на самоуправление, включая внутреннее и внешнее самоопределение, но при этом не устанавливает четкие и объективные критерии обоснованности соответствующих претензий, равно как и пределов их воплощения в жизнь. Этот вопрос нуждается в полноценном, всестороннем и открытом обсуждении, поскольку любое затрагивание национальной проблематики влечет за собой серьезные последствия для стабильности всей федерации. Кроме того, внедрение автономии территориальной отнюдь не подразумевает автоматической административной автономии, поскольку поддержание последней зависит от наличия значительных человеческих и материальных ресурсов, а также от пересмотра вертикальных отношений между местными и региональными органами власти.

Не менее принципиально и то, чтобы реакция центра на требования о самостоятельном управлении и администрировании была последовательной: очень важно не допускать мыслей о дискриминационном отношении к эфиопским гражданам. Например, одним из ключевых вызовов, с которыми государство столкнулось в ходе преобразования бывшего Штата наций, национальностей и народов Юга, стало стойкое ощущение двойных стандартов, сложившееся после образования штата Сидاما. Прочие этносы посчитали, что к ним применяются иные требования, препятствующие реализации конституционных гарантий самоуправления. Но подобное восприятие опасно, и, поскольку оно рискует подорвать доверие внутри

**МУЛУГЕТА ГЕТУ СИСАЙ,
МАРКОС ДЕБЕБЕ БЕЛАЙ**

САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ЭФИОПСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

федерации и поставить под угрозу ее сплоченность, ему нужно противостоять. Вместе с тем некоторые ученые и практики критикуют бесконтрольность и безусловность применительно к праву на самоопределение и самоуправление наций, национальностей и народов. В их логике, отсутствие четких процедурных правил, институциональных ограничителей и инклюзивных управленческих структур, присущее нынешней парадигме, чревато центробежными тенденциями, политизацией этнической идентичности и подрывом общенационального политического единства.

Перевод с английского Вадима Королькова, ассистента кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Хосе «Пепе» Мухика: «Я посвятил себя изменению мира, ни черта не изменил, но мне было весело»

13 мая 2025 года в своем деревенском доме, расположенном в пятнадцати километрах от Монтевидео, умер Хосе «Пепе»¹ Мухика – президент Уругвая в 2010–2014 годах. Во время прощания гроб с его телом был накрыт двумя флагами: государственным уругвайским и Движения национального освобождения – Тупамарос (Movimiento de liberación nacional – Tupamaros), леворадикальной партизанской организации, членом которой Мухика был в 1964–1985 годах. На похоронах присутствовали все ныне живу-

1 В испанском языке Пепе – уменьшительное от Хосе. Мухику называли «El Pere», с определенным артиклем.

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

щие экс-президенты Уругвая, представлявшие традиционные правые партии Колорадо (Partido Colorado) и Национальную (Partido Nacional): Хулио Мария Сангинетти (1985–1990, 1995–2000), Луис Альберто Лакалье (1990–1995) и Луис Лакалье Поу (2020–2025).

Уйдя с президентского поста, в последние десять лет жизни Мухика пользовался огромным престижем и влиянием в стране, на континенте и в мире. «Он был человеком левых взглядов, не имевшим себе равных», – так написала о нем испанская «El País»². С его уходом латиноамериканские левые потеряли символического лидера, человека, служившего для них безупречным моральным и этическим камертоном. Причем он был таковым не только для левых: Мухика – тот крайне редкий в мировой истории и политике случай, когда президентом страны стал человек, на протяжении всей жизни сохранявший свою человеческую особость, намного превосходившую все политические роли, которые ему выпало играть.

Что привлекало к Мухике людей: скромность, аскетизм, жизнь в безупречном соответствии с теми принципами, которые он проповедовал? О нем в минувшее десятилетие было написано множество книг и статей. В последний год перед смертью, уже страдая от рака пищевода и осознавая приближение смерти, с которой он неутомимо боролся, Мухика дал огромное количество интервью. Что он хотел сказать, что желал оставить после себя? В первую очередь – фантастическую любовь и волю к жизни. Отвечая в октябре 2024 года

на вопрос корреспондентов испанской газеты, Мухика говорил:

«Смерть непростая дама – она не прощает, она всегда рядом. Но, если бы не существовало смерти, жизнь не была бы таким наслаждением, было бы скучно. Смерть превращает жизнь в приключение. Единственное чудо, которое существует в мире для каждого из нас, – это то, что мы родились. Было 40 миллионов шансов на то, что родится кто-то другой, но выпало тебе. Но, поскольку жизнь – это ежедневная рутина, мы ее не ценим. На самом деле это самое ценное, что в нас есть: отвага быть живым [la aventura de estar vivo]»³.

Мухика хорошо знал, о чем говорил. Смерть действительно сторожила его на протяжении всей жизни и, наконец, достигла в неполные девяносто лет, хотя он и просил жизнь дать ему возможность «еще немного полаять»⁴. В 1964 году в 29 лет Мухика вступил в Движение Тупамарос, возникшее в Уругвае под влиянием кубинской революции. В конце 1960-х Тупамарос начали городскую партизанскую войну с правительством президента Пачеко Ареко (1967–1972), бойцами которой стали, как и в соседней Аргентине, молодые выходцы из среднего класса. В 1970 году, во время столкновения с полицией Мухика получил шесть пуль и, несомненно, умер бы, если бы в военном госпитале, куда его привезли, хирург не оказался сочувствующим Тупамарос. (Через 54 года в одно из старых пулевых отверстий ему поставили медицинский зонд.)

Четыре раза Мухика попадал в тюрьму, дважды бежал, в том числе в сентяб-

2 CAVELIER C.H. *Con perdón de “el Pepe”* // El País. 2025. 22 de julio (<https://elpais.com/americacolombia/2025-05-22/con-perdon-de-el-pepe.html>).

3 RIVAS MOLINA F., CAMPANELLA G.D. *José “Pepe” Mujica: “Le pido a la vida que me permita seguir ladrando un poco”* // El País. 2025. 17 de noviembre (<https://elpais.com/americacolombia/2024-11-17/jose-pepe-mujica-le-pido-a-la-vida-que-me-permita-seguir-ladrando-un-poco.html>).

4 Ibid.

ре 1971 года из тюрьмы строгого режима «Пунта-Каретас» вместе с сотней бойцов Тупамарос и членов других леворадикальных организаций. В общей сложности Мухика провел в заключении почти пятнадцать лет, а самое длительное его пребывание за решеткой продлилось тринадцать (1972–1985). Мухика был одним из восьми членов руководства Движения Тупамарос, которых военно-гражданская диктатура Уругвая (1973–1985) официально объявила заложниками: они подлежали незамедлительной казни в случае возобновления организацией вооруженной борьбы.

Уругвайский журналист Маурисио Рабуфетти в книге «Хосе Мухика: мирная революция» описывает годы, проведенные Мухикой в тюрьме, как время постоянных мучений:

«Его подвергали систематическим и жестоким пыткам, как физическим, так и психологическим. Его били и унижали. Он получал половинную норму еды и воды. У него возникли проблемы с кишечником и почками. Его лишали каких-либо контактов с людьми на длительные периоды времени. Он потерял зубы. Его тело и психика были на грани выносимого»⁵.

Став президентом Уругвая, Мухика никогда не стремился привлечь своих тюремщиков и истязателей к ответственности.

«Я семь лет был заперт в маленькой камере. Без единой книги, без чего-либо, что можно было почитать. Один–два раза в месяц меня на полчаса выводили в тюремный двор погулять. И так семь лет. Следующие пять лет мне давали читать только научные тексты по физике или химии. Я почти

сошел с ума. Но если я буду взыскивать за все, за что я должен взыскать... Упаси меня Бог».

Мухика до конца жизни держался этой позиции, которая в бытность его президентом вовлекала его в острые дискуссии с организациями жертв диктатуры.

«Я не трачу себя на сведение счетов. Нельзя жить воспоминаниями, и есть вещи, которые невозможно изменить, они такие, какие есть. Есть раны, для которых нет лечения, и надо научиться продолжать жить с ними. Я знаю, что есть люди, которые со мной не согласны, но я выбираю более умную и менее сентиментальную позицию. Поэтому я не использовал свою власть президента для того, чтобы осудить военных. Правосудие работало и принимало верные решения. Кому-то хотелось бы большего, но мы не изменим прошлого, а меня больше волнует будущее. Нельзя, чтобы прошлое стало препятствием для будущего»⁶.

Еще более жесткую позицию в этом вопросе занимал близкий друг Мухики – один из основателей Движения Тупамарос Элеутерио Фернандес Уидобро, который провел тринадцать лет в тех же тюрьмах, а затем, с 2011 года до дня своей смерти в августе 2016-го, был министром обороны Уругвая. В ответ на требования правозащитных организаций добиться от военных сведений, касающихся людей, пропавших в годы диктатуры (в Уругвае таковых 197 человек), Уидобро ответил: «Если Служба мира и правосудия»⁷ разрешит мне пытать их, я смогу получить эту информацию»⁸.

5 RABUFFETTI M. *José Mujica: La revolución tranquila*. Montevideo: Aguilar, 2014.

6 RIVAS MOLINA F., CAMPANELLA G.D. *Op. cit.*

7 Servicio Paz y Justicia – латиноамериканская неправительственная правозащитная организация.

8 Fernández Huidobro, *el guerrillero que llegó a comandar las Fuerzas Armadas* // Subrayado. 2016. 5 de agosto (www.subrayado.com.uy/fernandez-huidobro-el-guerrillero-que-llego-comandar-las-fuerzas-armadas-n58613).

Отношение к прошлому и расчет с ним – больной и тяжелый политический и психологический вопрос для всех стран Южного конуса, переживших в 1970–1980-е правоавторитарные военно-гражданские диктатуры. И решался он на протяжении последних четырех десятилетий по-разному. Наиболее последовательным и всеохватывающим расследование преступлений против человечности, наказание их организаторов и исполнителей были в Аргентине в 2003–2015 годах; нынешнее правительство президента Хавьера Милея пытается пересмотреть эти итоги. Аналогичный процесс, хотя и с существенно меньшими результатами в части наказания преступников, имел место в Чили. Единственной и неудачной попыткой такого рода было создание в Бразилии в 2011 году Национальной комиссии правды (Comissão Nacional da Verdade), инициированное президентом Дилмой Русеф (2011–2016), которая в юности, как и Мухика, была партизанкой и прошла через тюрьму и пытки.

В Уругвае первое демократическое правительство президента Сангинетти приняло в 1986 году Закон об истечении срока действия государственных претензий (Ley de Caducidad de la Pretensión Punitiva del Estado), который освободил от ответственности и боевиков леворадикальных организаций, и тех, кто их преследовал в годы диктатуры. Два референдума об отмене этого закона (1989, 2009), проведенные по инициативе объединенных в Широкий Фронт (Frente Amplio) левых партий, были ими проиграны: «за» проголосовали 42% и 47%, «против» – 56% и 53%.

На этом фоне позиция президента Мухики и его «партизанского министра

обороны», как называли Фернандеса Уидобро, выглядит политически обусловленной. Но не вызывает сомнений, что для обоих это была и личная этическая позиция, в основе которой в первом случае лежало осознанное нежелание тратить время своей жизни на осуществление возмездия, а во втором – еще и своеобразные принципы чести, «честной игры» на войне, которых Фернандес Уидобро придерживался еще во время партизанских действий 1968–1972 годов. Эта позиция не может не вызывать уважения даже у тех, кто, как и автор настоящей статьи, убежден в том, что без расчета с прошлым, без осуждения – юридического и морального – прошлых преступлений не может быть устойчивого и необратимого демократического развития.

Когда в марте 1985 года Мухика вышел на свободу, его первым желанием было купить небольшое хозяйство в деревне, вдали от города. Они с женой⁹ сели на велосипеды и нашли подходящую ферму, куда переехали в январе 1986-го. Там Мухика занялся разведением цветов. С тех пор супруги оттуда не выезжали, даже после того, как Мухика стал президентом страны.

«Государство выделило мне особняк в четыре или пять этажей, где, чтобы выпить чаю, нужно было предпринять целую экспедицию. Поэтому я решил остаться здесь»¹⁰.

В этом решении не было ни малейшей позы, оно основывалось на той принципиальной антипотребительской позиции, которой Мухика придерживался все жизнь и с которой его избрали президентом.

⁹ Лусия Тополански – депутат (2000–2005) и сенатор (2020–2022) Генеральной Ассамблеи, вице-президент Уругвая (2017–2020).

¹⁰ RIVAS MOLINA F., CAMPANELLA G.D. *Op. cit.*

«Проблема в том, что мы живем в эпоху потребления, мы думаем, что успех в жизни заключается в покупке новых вещей в рассрочку. Тем самым мы строим общество самоэксплуатации. Ты оканчиваешь школу или университет, получаешь работу и ищешь еще и еще одну, потому что тебе нужно больше денег. У тебя есть время работать, но нет времени жить. Мир очень далек от умеренности, обеспечивающей свободное время для жизни. В моей стране нас три миллиона, но мы импортируем 27 миллионов пар обуви [в год]. Это безумие – ведь мы не сороконожки! Разве мы родились только для работы? Ты свободен, когда делаешь со своей жизнью, что хочешь, а иногда и не делаешь ничего. Потому что культура – дитя безделья»¹¹.

Жадность, по мнению Мухики, разрушает не только человеческую жизнь, но и среду обитания, природу, которую он так любил и умел понимать. «В глубине души я крестьянин. Я привык говорить с тем, что у меня внутри, и это меня спасло, когда я был в одиночном заключении». Безудержное потребление, с его точки зрения, доказало свою несостоятельность и в качестве мотора развития в современном мире. Его результат – впуская потраченные жизни одних, голод и безработица других, ухудшение климата.

В соответствии этим взглядам Мухика стремился выстраивать свою президентскую политику. Ее основными направлениями были образование, безопасность, защита окружающей среды и сокращение бедности и нищеты. Мухика продолжал в основном социально-экономический курс своего предшественника – левоцентристского президента Табаре Васкеса (2005–2010). Между 2004-м и

2013 годами доля социальных расходов в бюджете Уругвая выросла с 60,9% до 75,5%, уровень безработицы сократился с 13% до 7%, а минимальная заработная плата увеличилась на 250%. Были приняты несколько законов, расширявших права трудящихся, укреплявших роль профсоюзов, усиливших социальную защиту, устанавливавших гарантии на случай безработицы или нетрудоспособности¹².

В годы президентства Мухики осуществлялся план по строительству социального жилья для бездомных «Вместе» («Juntos»). Он финансировался за счет пожертвований частных предпринимателей, продажи государственной собственности и, что немаловажно, путем ежемесячного отчисления 87% президентской зарплаты самого Мухики, который в общей сложности перевел на это строительство более полумиллиона долларов.

«Если борешься за равенство, нужно быть достаточно щепетильным, чтобы вынуть что-то из собственного кармана и поделиться с теми, кому повезло меньше».

В 2008 году Уругвай стал первой страной Южной Америки, разрешившей однополые гражданские союзы и позволившей им усыновлять детей. Мухика продолжил эту политику, подписав в мае 2013-го принятый палатой депутатов и сенатом Генеральной Ассамблеи закон, легализующий однополые браки. Социальная, экологическая и правозащитная политика левоцентристских лидеров Уругвая – Хосе Мухики, Табаре Васкеса, который вернулся на второй президентский срок в 2015–2020 годах, и занявшего прези-

11 Ibid. Мухика использует здесь слово *boludez*, которое на жаргоне *lurfardo*, распространенном в Монтевидео и Буэнос-Айресе, может означать в зависимости от контекста глупость, дерзость, безделье.

12 VENTURA C. *En el país de las conquistas sindicales // Mémoire des luttes. La sélection du Monde diplomatique en español*. 2015. 5 octobre (www.medelu.org/En-el-pais-de-las-conquistas).

дентский пост в 2025-м Яманду Орси начиная с середины прошлого десятилетия все больше и больше расходилась с нараставшими на континенте консервативными праворадикальными тенденциями.

Левые в Уругвае на протяжении всего сорокалетнего демократического периода, находясь и в оппозиции (1985–2004), и у власти (с 2005-го по настоящее время с перерывом на 2020–2025 годы), были силой стабильности. Ни разу их правление не приводило к ухудшению социально-экономического положения, сколько-нибудь сопоставимому с тем, которое регулярно наблюдалось в соседней Аргентине¹³. Уругвай неизменно оставался одной из самых благополучных стран Латинской Америки, занимавшая высшие места по уровню душевого ВВП¹⁴. Более того, именно в этот период уругвайским левым удалось невероятное – они смогли поколебать существовавшую полтора века двухпартийную систему и нарушить политическую гегемонию правых партий.

Возникший еще в 1971 году Широкий Фронт вбирает в себя в настоящее время политический спектр от центра до левых радикалов: христианских демократов, социалистов, коммунистов, ультралевых. При этом его важнейшей силой выступает Движение народного участия (*Movimiento de Participación Popular*), созданное в 1989 году членами Тупамарос, перешедшими к политической борьбе мирными средствами. Подобная эволюция военно-политических

леворадикальных организаций – или вернее того, что от них осталось после поражений, нанесенных диктатурами, – происходила во многих странах Латинской Америки – в Колумбии¹⁵, Венесуэле, Аргентине, Бразилии. Но лишь в Уругвае эти силы смогли объединить вокруг себя – под социал-демократическими лозунгами – широкое политическое движение, ставшее системной политической силой и неоднократно побеждавшее на выборах. С 1994 года в это движение активно включается Мухика, который в 1995-м становится членом палаты депутатов от Широкого Фронта. Выступая в 2013-м уже в качестве президента Уругвая на Генеральной Ассамблее ООН, Мухика подчеркнул органическую преемственность между двумя этапами своей жизни:

«Моя личная история – это история молодого человека (потому что когда-то я был молодым), который, как и другие, хотел изменить свое время, свой мир и жил мечтой о свободном бесклассовом обществе. Мои ошибки отчасти порождены моим временем. Конечно, я признаю их, но бывают моменты, когда я вспоминаю о них с ностальгией. Сколько же сил у нас было, чтобы верить в такую утопию! Однако я не оглядываюсь назад, потому что настоящее сегодня родилось из плодородного пепла вчерашнего дня»¹⁶.

Расположенный на северном берегу залива Ла-Плата, Уругвай в географическом и этнографическом отношении выглядит как продолжение Аргентины.

13 Некоторым исключением стал период 2020–2021 годов, что было вызвано пандемией COVID-19.

14 В 2024 году по уровню ВВП на душу населения (в текущих международных ценах), составлявшему 36 418 долларов США, Уругвай находился на втором месте в Латинской Америке, пропустив вперед только Панаму. См.: GRUPO BANCO MUNDIAL. *Datos. 2025. PIB per cápita, PPA (\$ a precios internacionales actuales) – Latin America & Caribbean* (<https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=ZJ>).

15 В Колумбии, где военных диктатур не было, истреблением левых, перешедших от вооруженной борьбы к политической деятельности, занимались *paramilitares*, то есть те же военные, но в штатском.

16 *Discurso completo de José Mujica presidente de Uruguay el LXVIII Período de Sesiones de la Asamblea General de la ONU iniciado el 24/09/2013* (www.javiercolomo.com/index_archivos/Mujica_UNU.pdf).

В ясную погоду с набережных Буэнос-Айреса можно видеть очертания уругвайского берега реки и иногда даже Монтевидео. После войны за независимость Уругвай в течение нескольких лет был провинцией Аргентины и только в 1828 году обособился от нее, получив свое современное официальное название – «Восточная Республика Уругвай» (*República Oriental de Uruguay*). При этом политическое и социальное развитие Уругвая радикальным образом отличало его не только от соседних Аргентины и Бразилии, но и практически от всех латиноамериканских стран. В начале XX века Уругвай, по словам Мухики, в плане социальных отношений, государственного устройства и системы образования стал одной из передовых стран тогдашнего мира.

«Можно даже сказать, что социал-демократия изобретена в Уругвае. В течение почти пятидесяти лет мир считал нас своего рода Швейцарией. На самом деле мы были бастардами Британской империи; когда она рухнула, мы познали горький вкус пагубных торговых отношений и застряли в тоске по прошлому»¹⁷.

Экономический кризис 1960-х на десятилетие разбалансировал социальную и политическую систему страны и, в конечном счете, привел к государственному перевороту 27 июня 1973 года, ставшему результатом, с одной стороны, военных действий, начатых в 1968-м Тупамарос, а с другой, стремления любой ценой не допустить повторения в Уругвае чилийского опыта – победы Широкого Фронта на следующих президентских выборах. На двенадцать лет в стране установилась военно-гражданская диктатура: страна-исключение не

избежала континентальных закономерностей 1970–1980-х.

Однако после возвращения Уругвая к демократии его исключительность вновь восстановилась; она выглядит особенно контрастно на фоне Аргентины, где худшие континентальные закономерности всегда проявляются в самом трагическом, гротескном и безнадежном виде. Речь идет в первую очередь об удивительной для Латинской Америки укорененности в Уругвае республиканских принципов – институциональной устойчивости и последовательно соблюдаемого разделения властей. Уругвай до сих пор избегал популизма – как левого, так и правого. В нем нет проблемы бывших президентов, которую Фелипе Гонсалес, экс-премьер Испании, назвал проблемой «китайской вазы»: всем мешает, но выбросить жалко¹⁸.

Одно из объяснений этой исключительности лежит, казалось бы, на поверхности: Уругвай – маленькая страна с населением всего в 3,5 миллиона человек. Однако небольшая численность, как показывает печальный опыт таких стран, как Сальвадор (6,4 миллиона), Никарагуа (6,2 миллиона) или Парагвай (6,8 миллиона), сама по себе не гарантирует устойчивости демократических институтов. Более глубокое отличие, как подчеркивает аргентинская исследовательница Сандра Чорощуча, коренится в уругвайской политической культуре:

«Тот, с кем политик сталкивается на выборах, воспринимается здесь как противник, а не враг. С противником можно не соглашаться, спорить, ожесточенно бороться во время избирательной кампании, но с ним также можно вести диалог, в принципе разделяя общее политическое пространство. С политическим противником можно

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Аргентина-2025: криптожульничество и китайская ваза* // Неприкосновенный запас. 2025. № 2(160). С. 198–212.

вместе написать книгу, как это сделали Мухика и экс-президент Хулио Мария Сангинетти, представитель правой партии Колорадо. Оба они, находясь в жесткой оппозиции друг к другу, занимали в последние годы парламентские скамьи и, одновременно завершая свою работу в Конгрессе, обнялись в зале его заседаний»¹⁹.

Подобного совершенно невозможно представить себе ни в Бразилии, ни – особенно – в Аргентине Хавьера Милея, где площадные ругательства и грубые оскорбления стали в последние годы главным способом общения не только с политическими противниками, но и с бывшими союзниками. В уругвайском политическом пространстве нет ненависти, и в этом несомненная заслуга всех партий и лидеров, но в первую очередь Хосе Мухики. В 2020 году, оставляя свое место в сенате, он сказал:

«Ненависть, как и любовь, сжигает. Но огонь любви созидателен, а огонь ненависти разрушителен. У меня много недостатков, я страстен, но уже много десятилетий как я не выращиваю ненависть в своем саду, потому что выучил тяжелый урок, преподанный мне жизнью: ненависть в конечном счете делает нас глупыми, заставляет терять объективность»²⁰.

Так жил и умер Хосе Мухика, до конца сохранивший удивительное человеческое самостояние, признанное и оцененное – что еще более удивительно – половиной его соотечественников²¹. Он не уставал повторять, что «успех в жизни – это не победа, а умение вставать и начинать все заново каждый раз, когда падаешь»²². И жизнью своей он все время подтверждал этот принцип: выйдя из тюрьмы в 40 лет, в 75 был избран президентом.

«Я посвятил себя изменению мира, ни черта не изменил, но мне было весело. Я приобрел много друзей и союзников в этом безумном предприятии по изменению мира к лучшему. И я наполнил свою жизнь смыслом. Я умру счастливым не потому, что умираю, а потому, что оставляю после себя группу единомышленников, которая намного превосходит меня. Ничего больше. Моя жизнь не была потрачена впустую, потому что я не просто потреблял. Я провел ее в мечтах и борьбе. Мне крепко доставалось. Неважно, я не собираюсь требовать расплаты. Мы с Лусией потратили нашу юность на это жизненное приключение»²³.

19 CHOROSZCZUCHA S. *Enseñanzas del otro lado del río* // La Nación. 2025. 16 de mayo (www.lanacion.com.ar/opinion/ensenanzas-del-otro-lado-del-rio-nid16052025/). Книга Мухики и Сангинетти – «El Horizonte. Conversaciones sin ruido entre Sanguinetti y Mujica» (2022).

20 LOPEZ A.I. *Del “presidente más pobre del mundo” a “la muerte hace de la vida una aventura”: el ideario de José Mujica en 10 frases* // El País. 2025. 14 de mayo (<https://elpais.com/america/2025-05-13/del-presidente-mas-pobre-del-mundo-a-la-muerte-hace-de-la-vida-una-aventura-el-ideario-de-jose-mujica-en-10-frases.html>).

21 В ноябре 2009 года во втором туре президентских выборов Мухика получил 54,6% голосов.

22 LOPEZ A.I. *Op. cit.*

23 RIVAS MOLINA F., CAMPANELLA G.D. *Op. cit.*

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Обзор российских интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Темы периодических изданий, вошедших в этот выпуск, соединяют в себе классическую постановку проблем (в литературоведении, истории, эстетике) и актуальные критические вопросы. «Логос» удивляет двумя художественно-литературными номерами о пересечениях экономики с литературой и о декадансе. «Ab Imperio» обращается к проблеме позициональности в историческом познании, а авторы «Художественного журнала» обсуждают сотрудничество художников и искусственного интеллекта (ИИ), с тревогой вглядываясь в нейросетевое будущее.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗОНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

«Логос» в последние годы как будто вспомнил, что с самого своего основания был

ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ

литературно-философским журналом, и периодически представляет читателю номера, посвященные в основном художественной литературе. Вот и 2025 год он открыл выпуск «Литература и экономика» (2025. № 1), речь в котором – о русскоязычной литературе от Гоголя до Платонова, а в фокусе дискуссии – одновременно и экономика художественных миров литературы, и экономика литературного производства. Такой временный промежуток неудивителен – для романной традиции XIX века характерно, что экономические резоны играют в ней большую роль (с. 3).

Открывает номер захватывающее исследование Андрея Белых, посвященное главному бизнесмену и авантюристу русской литературы Павлу Чичикову. Автор просчитывает, насколько выверенным и выгодным был придуманный героем гоголевских «Мертвых душ» бизнес-план: выкупить умерших крестьян, смерть которых еще не документирована переписью, заложить их и взять кредит. По расчетам Белых, проект был неплох и мог принести приличную прибыль. Подвели Чичикова чересчур агрессивный маркетинг и затягивание с отъездом. В результате, как сказали бы сегодня, дело стало слишком медийным.

Есть, однако, в аванюре Чичикова, помимо расчета, и что-то жуткое – манипуляция чем-то, что связано с умершими, и их капитализация. На это обращает внимание Александр Погребняк. Он сопоставляет «Мертвые души» с «Гробовщиком» Пушкина в марксистской рамке: оба писателя до Маркса поставили вопрос о жизни и смерти в контексте законов капиталистической экономики. В этих произведениях экономика предстает интерфейсом между жизнью и смертью. Для гробовщика Адриана Прохорова и Чичикова живые и мертвые не отличаются друг от друга в качестве источников стоимости.

Михаил Макеев продолжает обсуждение основ капиталистического производства на материале «Кому на Руси жить хорошо» Николая Некрасова. Он обращается к сюжету Ермила Гирина, который берет у народа займы на покупку мельницы. Деньги Ермил возвращает, но остается лишний рубль, который, однако, никого не тревожит – нет запроса на сведение баланса. Этот остаток в интерпретации Макеева – свидетельство принципиально иного понимания денег русским народом. Для него они не универсальный эквивалент. Цена вещи здесь определяется не суммой денег, а вложенными в ее создание трудом, любовью и страданием.

«Гирин знает, что вернуть ту “гривну медную” нельзя без того, чтобы не остаться в долгу у того, кто ее дал займы. Потому что заимодавец получил нечто такое, что не меряется барским аршином и номинальной стоимостью денег, – труд и беду, а вместе с ними – надежду на справедливость» (с. 103).

В такой экономике деньги не субстанциализируются: они неотделимы от актов их передачи и от сопряженной с этими актами моральной ситуации. По сути, они являются своего рода моральным инструментом.

Исследование альтернатив капиталистическому порядку в литературе продолжает

Александр Никулин. Он переносит читателя в XX век и в другую страну – в СССР. Предметом его анализа стало «Ювенильное море» (1932) Андрея Платонова и, в частности, воплощенные в этом произведении идеи становления и развития экономики социализма. Писатель исходя из реальности многоукладной экономики и разницы поколений критически оценивает ортодоксальный советский образ прогрессистского перехода от единоличных хозяйств к крупным совхозам и предприятиям (с. 145).

Елена Тюрина и Алексей Зименков переносят обсуждение из миров художественных в наш бранный мир. В фокусе их внимания – экономическая сторона литературного производства Владимира Маяковского, который нигде не состоял на службе и не имел оклада. На основе анализа его издательских гонораров авторы показывают, из чего складывалась маркетинговая стратегия поэта и его личный бренд. Маяковский, вынужденный оплачивать многие расходы Лили и Осипа Бриков, матери и сестер, зарабатывал не только писанием и изданием стихов, но и плакатами, рекламой, киносценариями, пьесами, выступлениями.

«Маяковский хорошо понимал важность медийного присутствия, активно сотрудничал со многими печатными изданиями. Он, как современные лидеры мнений – инфлюенсеры, – создавал почти ежедневный контент в прессе, которая на тот момент заменяла соцсети с миллионными подписчиками. Добивался того, чтобы его имя постоянно звучало, побуждая покупать его книги, приходить на его вечера» (с. 135).

Литература не только воплощала экономические идеи или подчинялась экономическим соображениям писателей, но и отражала экономику своей эпохи. Юлия Вымятина обращается к необычной теме – соотношению образов пирата в литературе XIX–XX веков с реальными пиратами и экономической подоплекой их существования. Вопреки романтизированным и героизиро-

ванным образам пираты занимались своим делом просто в силу негибкости рынка труда (с. 173) и политики государства, причем под угрозой смертной казни. Их жизнь вовсе не была вольницей, а напротив, подчинялась жестким кодексам поведения, направленным на снижение рисков для коллектива корабля в открытом море.

«Создавая себе зловещую репутацию и вкладываясь в устрашающие атрибуты, пираты посылали сигнал о серьезности своих намерений и тем самым снижали транзакционные издержки своего предприятия. Наилучшим исходом для пиратской команды было такое нападение, при котором жертва безропотно отдавала все свои ценности и не пыталась сопротивляться или тянуть время – это позволяло сэкономить силы, сохранить в целостности человеческие ресурсы и корабль» (с. 181).

Кроме того, в этом номере читатель найдет большой обзор коллектива авторов, посвященный новому, формирующемуся сегодня пятому поколению исследований революций. Разобрав особенности первых четырех поколений, авторы относят к чертам пятого рассмотрение революции как комплекса отношений между целями, индивидами и структурами, а также как процесса, а не события, размывание границ между революциями и иными формами революционных событий, опору на количественный анализ, глобальные базы данных и макроподходы (с. 218–219). В заключение авторы формулируют возможные задачи и направления дальнейшего развития исследований революции.

НЕЙРОСЕТИ: СОТРУДНИЧАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Авторы «Художественного журнала» (2024. № 127) обсуждают влияние бурного развития искусственного интеллекта, вычислительных мощностей и больших дан-

ных на художественную жизнь и искусство. Масштабы этого влияния столь же неясны, сколь неясна и радикальность трансформаций, которые несет с собой стремительное развитие нейросетей и накопление огромных массивов данных о поведении пользователей.

«[Неясность вкупе с переменами] словно вышиба[ют] былую твердую почву из-под ног человека, воспитанного в метафизическом духе: он словно проваливается в текучую воду (или таки мировой эфир?). Чрезмерное количество и качество степеней свободы воспринимается как пустота, в которой не на что опереться. Конечно, подобные настроения были привычны для цифровой среды как таковой, но ИИ резко усилил и проявил эту жидкую суть современного мира, сделав ее ощутимой и насыщенной для каждого. [...] В плане психологии наше отношение к ИИ сейчас сродни ранним языческим религиям, наделявшим природные явления одновременно субъектностью и мифичностью. Предстоит еще долгий путь избавления от подобного завороченного поклонения» (с. 95).

В этих условиях важно освободиться от расхожих мифов об ИИ. Тотализирующие нарративы о тотальной автоматизации и вытеснении людей машинами из множества профессий, о смерти человеческого твор-

чества на фоне комбинаторного творчества ИИ и прочие алармистские сюжеты с их грандиозными обещаниями и угрозами порядком надоели и постепенно отходят на второй план. Вдобавок они опираются на непроясненные предпосылки, сформулированные при помощи старых категорий. Так, в расхожем дискурсе о замене человека машиной в плоскости автоматизации труда слабо отрефлексированной предпосылкой является тезис о том, что искусственный интеллект подражает мозгу человека или копирует его работу. Этому тезису посвящена статья Катрин Малабу: в центре ее внимания – эпигенетическая природа мозга и технология нейроморфных чипов. Разбирая особенности устройства одного и другого, она заключает:

«Нам не хватает обновленного понятия мимесиса, которое адекватно характеризовало бы имитирующую способность искусственных эпигенетических систем. Если мы рассмотрим последние достижения в робототехнике, например те, что были сделаны в Японии Хироши Исигуро, мы не сможем сказать, что эти роботы – просто “копии”» (с. 44).

Возможно, сам вопрос о подражании не является продуктивным и следует выбрать более прагматичный путь изучения отношений, которые выстраиваются при внедрении нейросетей. Речь идет о более эмпирически обоснованных и конкретных исследованиях реальных перемен и обещаний ИИ-индустрии. В центре внимания тогда оказывается проблематика сотрудничества человека и ИИ в производстве, трансформация трудовой деятельности, социальных связей и институтов при внедрении в них нейросетей и анализа больших данных.

Еще один расхожий дискурс, от которого, по-видимому, стоит избавляться, обсуждение искусственного интеллекта как некоего таинственного субъекта, который таится за спиной своих конкретных реализаций,

к чему-то стремится и имеет какие-то неявные намерения (обычно управление всем). В этом номере «ХЖ» такой подход можно встретить в статье Станислава Шурипы, например: «цель цифрового разума та же, что и у демона Лапласа: тотальный контроль» (с. 77), «машины учатся править миром» (с. 82). Мы многое упустили и не поймем в культурной и социальной жизни ИИ, если будем проецировать на него свои страхи и вычитать из него то, как люди используют ИИ в своих делах. Впрочем, противоположная стратегия – лишение ИИ агентности – тоже тупиковая. Подробнее об этом – в тексте Вадима Эпштейна.

В пользу рассмотрения нейросетей как очередного дополнения *киборганической* природы человека говорит тот факт, что человек всегда был существом техническим, которое преобразовывало себя и мир при помощи техники. Это упускается из виду под давлением образа человека как природного существа, для которого все искусственное, техническое – это внешние дополнения, зачастую мешающие подлинному бытию. К примеру, Вадим Эпштейн пишет, что теперь «вместо самого мира мы общаемся с его более удобоваримой моделью» (с. 89), созданной ИИ. Оппозиция природного/подлинного и искусственного/неподлинного стара как мир и выросла в здравый смысл, но от нее стоит избавляться, поскольку она не только не верна, но и глубоко идеологизирована.

Власть этой оппозиции сильна на территории искусства. Дейв Бич отмечает, что образ художника как свободно творящего духа, или *гения*, стал возможен благодаря делегированию производства средств художественного производства промышленности, в результате чего появилась возможность покинуть ремесленную мастерскую (с. 15). Идеология гения стала возможна благодаря забвению этой индустриализации ремесла. Авангард (прежде всего дадаисты и футуристы), напротив, вскрывает

этот исток и включает машину в художественный процесс.

«Авангардные методы антихудожественны, потому что предполагают отказ от специфически художественных навыков – рисунка, живописи, резьбы, композиции и т.д. – и заменяют их механическими или автоматическими процессами, которые с технической точки зрения оказываются небрежными, поверхностными (*perfunctory*)» (с. 20).

Бич дает обзор способов авангардной механизации творчества и включения машины в произведения и включает его отсылкой к Беньямину:

«Если технологии воспроизведения позволяют каждому быть автором или каждому быть художником, то в модерности растворяется не только аура художественного объекта, но и аура художника. Вместо того, чтобы защищать ремесленное производство отдельного художника (которое скрывает ауру художника за видением художественного производства как неотчуждаемого труда), авангард начала XX века предложил освободить производство искусства от его древней “эксклюзивности”, взяв для этого на вооружение механические техники. В этом смысле, как мне кажется, художник как категория упраздняется и переделывается в робота» (с. 21).

Это превращение важно еще и в том отношении, что робот – это товар, а значит, репрезентирует труд как товар. Художник – уже не свободно творящий в горизонте вечности дух, а трудящийся и конечный индивид. С такой точки зрения вопрос о нейросетях и больших данных – это вопрос о разделении труда и об интересах тех, кто обладает властью это разделение менять путем автоматизации. Вопрос, который беспокоит многих в этом контексте, – возможно ли отделить труд от человечества? Согласно Бичу, одна из трудностей в размышлениях об этом состоит в том, что гений и машина – это оппозиция и, оставаясь в рамках романтизма, мы вынуждены

реанимировать гения, на роль которого теперь претендует каждый человек, освобожденный от труда машиной. Не тупиковый ли это путь?

Еще один важный момент. Благодаря Марксу мы понимаем, что есть труд живой и он противостоит труду *мертвому*, то есть институтам, машинам, инфраструктуре, информации, товарам, в которых кристаллизуется и которые выступают для него ресурсами и ограничениями. То есть труд – по обе стороны линии противостояния, а потому технологии неотделимы от социальных форм, которые они принимают. Бич приводит цитату из «Капитала» Карла Маркса:

«Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлинит рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; поскольку сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение поработает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера» (с. 27).

Интересно, что высвобождение труда может протекать как замена одного труда на другой, как в случае письма. Борис Гройс в своей статье пишет, что «пишущие авторы – последние ремесленники индустриального мира – наблюдают, как их труд тонет в океане текстов, производимых машинами» (с. 33). Однако нейросеть не может генерировать тексты по своему усмотрению – ей нужен оператор, который составит промпт. Гройс обнаруживает здесь удивительную вещь:

«Каким-то парадоксальным образом практика промптинга возвращает нас к классической фигуре автора, которую поставил под сомнение дискурс деконструкции. В самом деле, читая традиционный текст,

написанный человеком, мы не могли реконструировать авторскую интенцию, породившую этот текст: читатель не мог заглянуть в мозг автора, увидеть там первоначальную интенцию и сравнить ее с текстом, который эта интенция породила. Однако тексты, написанные машиной, такую возможность дают. Надо лишь посмотреть на первоначальный промпт и сравнить его с интерпретацией, сгенерированной искусственным интеллектом» (с. 34).

Нейросеть «понимает» промпт на основе усвоенного ею массива исторически накопленных человеком текстов, который со временем меняется. Гройс заключает в этой связи:

«Если я как пишущий автор напишу промпт, а искусственный интеллект на его основе сгенерирует текст или изображение, я сразу увижу, как мой текст понимается и интерпретируется в данный исторический момент – и не отдельным индивидом или группой людей, а всей цивилизацией, в которой я живу. ИИ есть не что иное, как воплощенный чаттгайт. Задавая промпт этой чаттгайт-машине, я получаю возможность анализировать и «диагностировать» момент истории, современником которого являюсь» (с. 35).

В этом Гройс видит достоинство нейросети: она дает доступ к огромному культурному наследию, недоступному нам в нашей конечности: промпт оказывается формой диалога между автором и чаттгайтом, причем единственно возможной. Схожий тезис, следуя мысли Венкатеша Рао, высказывает Вадим Эпштейн:

«[Суть ИИ –] сверхдоступный опыт столетий, этакая мудрость на аутсорсинге. Индивидуальный человеческий опыт не только линеен и медлителен в накоплении, своя память также оказывается слишком крошечной, разреженной, иногда точечной, разбросанной по пространству-времени и малоинформативной (в мировом масштабе), когда дело доходит до ее использования.

То ли дело ИИ с его моментальным доступом и способностью охвата всего корпуса мировых знаний» (с. 89).

В такой картине, продолжает Эпштейн, ИИ не столько генерирующий контент аппарат, сколько аппарат наблюдения, «этакый информационный телескоп Узбба».

«Разумность здесь – скрытое свойство данных, как, возможно, и самой материи, а не атрибуты аппаратов по их переработке. Иными словами, мы добываем природный разум (natural intelligence), а не создаем искусственный. Условный IQ нужно при-суждать не моделям, а наборам данных; моделями же его можно измерять. [...] Нейросети изначально создавались как системы эффективного извлечения знаний из сырых данных» (с. 96).

Без данных, таким образом, нейросети – ничто. Это ставит вопрос о том, насколько датафикация всего входит в конфликт с природой культуры. Дмитрий Галкин отмечает:

«Мир данных и прикованный к нему цепью слуга – искусственный интеллект – это мир голой жизни как физического потока компьютерных сигналов, лишенный нарративной жизненной силы, питающей мир культуры. Мир без рассказа, в лучшем случае – способный на потребительский сторителлинг. Мир данных также лишен эротизма – желания, драйва, влечения, наслаждения, несмотря на процветающую в нем порнографию» (с. 55).

Однако если мы уходим от языка замены и занимаемся связями, которые будут об-разовываться по мере инструментализации ИИ, то никакой радикальной трансформации не происходит. Нейросети и большие данные становятся очередным шагом в переструктурировании киборганической природы человека и искусства, которую осознали и сделали предметом художественных экспериментов авангардисты.

«Идея сделать весь мир со-творцом, со-художником неотделима от искусства и популярной культуры XX века. Мы находим ее влияние и в джазовой импровизации, и в театральном процессе по методам Мейерхольда, и в шумовой или индустриальной музыке, и в хэппенинге, и много где еще. Конечно, здесь просто нельзя не упомянуть Джона Кейджа и егоopus 4”³³. История с использованием искусственного интеллекта как подобного рода генератора – это лишь одна из страниц большого пути генеративного модернизма» (с. 56).

Галкин считает, что их поиск инстанции, которой можно было бы делегировать творческий процесс как со-творцу (дождю, ветру, облакам, другим видам, компьютеру...), привел искусство к ИИ. Он прослеживает, как этот путь вел искусство через кибернетику и теорию автопоэзиса, порождая художественные проекты Джона Кейджа, Леджарена Хиллера, Гордона Паса, Уильяма Лейтема, Карла Симса и других. Это искусство голой жизни разума, как выражается Галкин, лишено аффектов, искренности и нарратива, которые так востребованы, по мнению автора, в эпоху метамодернизма. Значит ли это, что данная линия развития искусства не станет магистральной? Галкин не дает ответа и предлагает наблюдать и запасаться нарративами.

Дмитрий Булатов наблюдает уже давно и в своей статье делится замеченным. Среди художественных проектов, задействующих ИИ, он обнаружил два подхода к работе с ИИ и алгоритмами. В первом, следующем традиционной эстетике при помощи новых медиа, в центре находится изображение, создаваемое художником-автором. Здесь работает «вера в контроль автора над алгоритмическим процессом и его значением, что подразумевает господство над зрителем и процессами его восприятия и интерпретации» (с. 100). Здесь искусство – это система антропоцентричной репрезентации, разделяющая людей и вещи, репрезен-

тацию и репрезентируемое, изображение и технические средства его производства.

Второй подход, продолжая обсуждавшиеся выше авангардистские практики, предполагает сотрудничество человека-художника и нечеловеческих акторов (природных явлений и сил, биологических видов) в процессе творчества. Здесь человек уже не контролирует и доминирует, но прислушивается и взаимодействует. Примеры – художественные работы Элвина Люсье, Гордона Паска, Анны Ридлер, Дмитрия Морозова. Особый упор Булатов делает на кибернетических машинах, способных на самокорректирующееся поведение. Нынешние нейросети продолжают историю сотворчества художников и кибернетических машин.

«Вместо того, чтобы избегать новых технологий в искусстве, нам нужно продолжать двигаться по пути отказа от тотального антропоцентризма, присущего эпохе Просвещения, и переизобрести «культуру протезирования» (как ее называл Маршалл Маклюэн). Эта культура могла бы исследовать модели взаимодействия между человеком и нечеловеческим, развивая идеи совместной эволюции в противовес исключению и эксплуатации одного другим» (с. 107).

Принципами такого искусства, по Булатову, могут быть коэволюция – вместо антропоцентризма, комплексность – вместо мистификации и космогония – вместо эсхатологии. Сотрудничество с нейросетями сразу ставит стандартные для подобной ситуации вопросы. Насколько ИИ надежный партнер и работник? Какова его эмоциональная жизнь? Что он чувствует и что вообще у него на уме? Об этом размышляет в своей статье Татьяна Сохарева.

Людмила Воропай считает, что это вторжение ИИ на территорию искусства в качестве актора ставит вопрос об актуальности классического понимания искусства как целерациональной деятельности

человеческого субъекта (с. 124). Воропай отмечает, что аналогичные нынешним темы замены художника машиной, размывания понятия произведения искусства и неразличимости копии и оригинала уже обсуждались в случае раннего медиа-арта. В итоге это искусство было интегрировано в арт-систему. Исследовательница полагает, что та же судьба ждет и искусство, созданное при помощи нейросетей и машинного обучения, поскольку ничего принципиально и концептуально нового их использование в искусство не привносит.

«Нейросети очень быстро станут восприниматься (собственно, уже стали) просто как очередной технический инструмент, своего рода автоматизированный Фотопшоп, Иллюстратор или любой другой программный продукт Adobe & Co» (с. 132).

Правда, постепенный переход нейросетей на синтетические данные приведет к «эстетической и стилистической гомогенизации визуального производства в масштабах всей массовой культуры», но это угрожает дизайну и медиа-производству, в гораздо меньшей степени – современному искусству, поскольку его продуктом давно уже не является визуальный объект. Надо только помнить:

«Искусство, как мы его все еще знаем, остается, по определению, формой самовыражения человеческого субъекта. А за художественным продуктом, даже созданным посредством *non-human agency*, пока по-прежнему стоят вполне себе человеческие цели, задачи и интересы» (с. 134).

КАКОВО ЭТО БЫТЬ ДРУГИМ

В фокусе внимания «*Ab Imperio*» (2024. № 4) – несистемность человеческого разнообразия, в котором несоизмеримые категории различия непредсказуемым образом комбинируются и накладываются

друг на друга, образуя социальные группы, свойства которых выбиваются из какой-либо общей логики.

«Класс komponуется с религией, образованием, уровнем достатка, полом, возрастом, социальным положением, политическими взглядами и т.д., создавая сложные социальные роли. Более того, конкретная пропорция сочетания этих несопоставимых принципов категоризации разнообразия и полученные комбинации уникальны для конкретных исторических обстоятельств – места, времени и типа социального взаимодействия» (с. 14).

Это обстоятельство является проблемой для работы историков. С одной стороны, они должны сопротивляться упрощению наблюдаемой многогранности прошлого, которое навязывается однозначностью аналитического языка, форматом национальной истории, склонной к редукции многообразия, и, более всего, методологическим национализмом. В целом нормативные структуралистские категории неспособны схватить несистемное многообразие и ситуативность значения принадлежности к той или иной группе. С другой стороны, язык самих исторических источников, ситуативный и семантически изменчивый, тоже не решает проблему выявления нюансов.

«Эту проблему можно решить только путем критического осмысления позиционности историков: что именно в прошлом вызывает их интерес, как эта тема обсуждается сегодня, как ее рассматривали в свое время разные участники событий и как согласовать эти многочисленные перспективы – из прошлого и современные – в связанном историческом повествовании» (с. 15).

Старый идеал реконструкции истории «как она была на самом деле» окончательно отступает перед задачей, ставшей для современной истории центральной. Эта задача – учет многочисленных частных перспектив, вовлеченных в производство исторического знания:

«Впечатления и приоритеты современного историка, мировоззрение и интересы исторических действующих лиц, создававших имеющиеся источники, меняющаяся семантика их языка и общий исторический контекст, определявший эту семантику» (с. 15–16).

Реконструировать это несистематическое многообразие – отмечают редакторы номера – можно только путем «сравнения взаимопротиворечащих нарративов, каждый из которых передает систематический и даже жестко однозначный взгляд на реальность» (с. 16).

В материалах этого номера «Ab Imperio» реконструируются разные аспекты исторической позиционности – «от контекстуализации производства исторического языка разнообразия до его операционализации – разными историческими акторами и далее, до решения проблемы собственной позиционности современными исследователями» (с. 16).

Рубрика «История», посвященная реконструкции позиционности исторических деятелей и историков, открывается статьей Хабиба Сачмалы о причинах возрождения Ирана в 1730-е. Заслуга в этом традиционно приписывается военному гению Надир-шаха, однако историк показывает, что все обстояло иначе. В 1720-е значительная часть территории Ирана была поделена между Российской и Османской империями, и если последняя успешно оккупировала свою часть страны, то первая не смогла продвинуться дальше нескольких опорных пунктов на побережье Каспия. После смерти Петра его преемники сочли проект занятия части Ирана бесперспективным и вывели экспедиционный корпус, обставив это как жест доброй воли. Это позволило им подставить Османскую империю, делегитимировав их оккупацию, и получить союзника в этом регионе.

Интереснейший кейс позиционности разбирают Дэвид Чиони Мур и Тарин Вэлли.

В центре их исследования – две группы американцев, путешествовавших по СССР в 1932 году и оставивших диаметрально противоположные отзывы. Первая группа сформировалась вокруг темнокожего поэта Лэнгстона Хьюза, приглашенного советскими властями в путешествие по стране, в том числе в закрытую для иностранцев Среднюю Азию. По итогам поездки он выступил с публичной поддержкой СССР, во многом потому что воспринимал увиденное через расовую призму и по контрасту с американским Югом. Для Хьюза, как афроамериканца, были важны меры по преодолению расизма, предпринимавшиеся советскими властями, поэтому он был готов закрыть глаза на увиденные недостатки. Вторая группа состояла из двух молодых состоятельных белых девушек Альвы Кристенсен и Мэри де Гив. Они смогли самостоятельно въехать в СССР на своем автомобиле, добраться до Москвы и затем через Украину – на Южный Кавказ, после чего пересекли Каспий на грузовом судне и в Ашхабаде встретились с Хьюзом. В течение путешествия они отправляли в американскую прессу критические отчеты о дорожных впечатлениях, в том числе о голоде на Украине и Нижней Волге. Привилегированный статус путешественниц предопределял их критичность, однако голос женщин в патриархальном американском обществе был едва различим – и их сообщения остались без внимания.

Реконструируя позиции героев своего исследования, Мур и Вэлли восстанавливают их субъектность. Эпистемологически непродуктивно выяснять степень достоверности их свидетельств, сравнивая их расу, пол, сексуальную ориентацию, благосостояние, классовое положение и политические взгляды.

«Тексты Хьюза и Кристенсен / де Гив не противоречат друг другу, а служат важными историческими источниками, рассказывающими как о Советском Союзе, так и о Соединенных Штатах в 1932 году. Каждое

свидетельство имеет собственные слепые зоны, которые почти так же информативны, как и сообщаемые фактические детали, и которые можно полностью оценить и интерпретировать только посредством всесторонней реконструкции позициональности авторов» (с. 21).

Большой блок номера посвящен понятию *инородцы*: «Переосмысливая “инородцев” для “Новой имперской истории Северной Евразии”». Имея уничижительный оттенок в период своего хождения в XIX и начале XX века, это понятие тем не менее исходно имело аналитическую функцию.

«Первоначальной целью нового термина была концептуализация феномена различий и многообразия в рамках единой – рационализированной и стандартизированной – социальной и правовой структуры Российской империи. Конкретнее, “инородцы” определялись как особое сословие, одно из многих составлявших основу российской социальной структуры наряду с дворянством, купечеством, духовенством, казачеством и т.п. Именно в этом смысле этот термин использовался и нормализовывался “Уставом об управлении инородцев” 1822 года, подготовленным под эгидой М.М. Сперанского для коренных народов Сибири. Этот документ предусматривал интеграцию сибирских инородцев в имперскую государственность при общем сохранении и даже защите их образа жизни» (с. 17).

Правовой статус «инородца» наделял определенной степенью защиты и привилегий, недоступных рядовым российским подданным аналогичного социального положения (в рубрике «Архив» публикуется «Устав об управлении инородцами» 1822 года, правда, в переводе на английский, и «Положение об инородцах Приамурского края» 1913 года). Эта юридическая категория употреблялась вплоть до конца существования Российской империи и стала одной из основ раннесоветской политики коренизации в рамках режима

«империи позитивной дискриминации» 1920-х. Подробнее об эволюции этого понятия – в статье Ильи Герасимова. В свою очередь Сергей Глебов делает акцент на том, для чего юридическая категория «инородцы» использовалось властями на разных территориях и какие привилегии (от освобождения от воинской повинности до экономической защиты) предоставляла тем, кто наделялся этим статусом.

ПАДАТЬ И НАСЛАЖДАТЬСЯ

Следующий номер «*Логоса*» (2025. № 2) продолжает обсуждение художественной литературы. Первый блок посвящен *декадансу* как сложному феномену, в котором соединяются поглощенность собой и раскрепощение, балансирование на грани имморализма, эстетизация, растерянность, заикленность на прошлом и невозможность мыслей о будущем. «Французское *décadence*, английское *decadence*, немецкое *Dekadenz* происходят от позднелатинского *decadentia* и говорят об упадке, разложении и распаде» (с. 36). Поэтому под декадансом имеют в виду и особое настроение или мировоззрение, и собственно социально-политический упадок (которого, правда, на рубеже XIX–XX веков как раз не было). В обоих случаях общественная жизнь уступает место жизни приватной, а с ней – акценту на персональной судьбе. Сергей Фокин в своей статье, ссылаясь на Ницше, пишет:

«Декаданс не может быть просто осужден, заклеен и отброшен. Декаданс может быть только пережит и изжит – в активном, индивидуальном и политически перспективном опыте, когда субъект, экспериментируя с различными фигурами самости, по своей воле и по здравому суждению обрекает себя на несообразное своему времени существование» (с. 106).

Если заострить, то, как замечает Иван Микиртумов, «природа декадентства как социальной позиции романтическая, а место его приложения – социальная эстетика и общественные вкусы» (с. 148).

Дискуссия начинается издалека – как водится, с культуры и политической жизни Древней Греции и Древнего Рима. Дмитрий Панченко, опираясь на произведения Менандра и Петрония, анализирует случаи политической деградации, аналогичные ситуациям, в которых в Европе возник декаданс, и показывает, почему в древнем мире возникали или не возникали его аналоги. Если в Афинах IV века до нашей эры возникло движение к гуманизму, а не к декадансу, то в Риме с начала II века (правления Луция Корнелия Суллы) до нашей эры все сложилось обратным образом. Отчасти потому, что «декадентство может стать масштабным явлением лишь в обществе, которое само свое существование воспринимает как гарантированное» (с. 18).

Но все это пока аналоги и сходства. Все же декаданс – явление модерна, как показывает в своей статье Сергей Лишаев. Пользуясь меререологическим подходом, он связывает декаданс с утратой чувства целого (общества, мира, бога), которое становится

проблематичным и неочевидным (с. 43), уступает место частному и временному. Эта мысль продолжает идею Ницше, что в декадансе «жизнь не живет более в целом, [...] фраза живет за счет целого, целое перестает быть таковым», цитируемую упомянутым выше Сергеем Фокиным в его статье (с. 112). Тогда, рассуждает Лишаев, индивид становится точкой отсчета и мерилom. Целое теперь дано как распадающееся, деградирующее или же незавершенное и меняющееся под действием прогресса.

«И правые и левые говорят о декадансе, но то, что для одних упадок, для других – подъем, и наоборот. Но, если для людей левого поворота современность, взятая в целом, это период развития, прогресса (упадок здесь воспринимается как локальное и преходящее явление), то для людей правого поворота декадансом представляется сама современность как историческая эпоха, в которой лишь местами, время от времени можно найти моменты подъема и роста» (с. 51).

Декаданс может быть рассмотрен и феноменологически – как констелляция чувств, или, по Рансьеру, распределение чувственного, являющееся условием возможности действия, в том числе политического. В этой оптике Ольга Давыдова анализирует фильм «Человек из мрамора» Анджея Вайды, принадлежащий кинематографу морального беспокойства. «Концептуальная связка “растерянность – связь с прошлым – распад границ” [...] и есть определяющая точка схождения между понятием декаданса и кинематографом морального беспокойства» (с. 280).

Один из символов декаданса – после Эдгара По, Бодлера, Вагнера и Ницше – Марсель Пруст. Однако с ним не все так просто. Если Бодлер и Ницше проживали декаданс как экзистенциальный опыт, то Пруст позднее, в эпоху *fin de siècle*, следовал за декадансом уже как за модной литературной тенденцией и настроением

(с. 111), но по мере становления замысла «В поисках потерянного времени» смог преодолеть его. Об этом – в статье Сергея Фокина. Его историко-литературное исследование биографии Пруста продолжает философская рефлексия Ивана Микиртумова, посвященная связи между сплетней как литературным приемом в романах Пруста и удовольствием читателя.

Какова архитектура декаданса как настроения? Какие эмоции соединяются в нем? Попытку ответить на эти вопросы предпринимает Александр Погребняк, обращаясь к культурной и политической жизни Вены периода *fin de siècle*, для которой декаданс стал реакцией на кризис либерализма. Отталкиваясь от книги Карла Шорске, он выявляет в этой реакции взаимосвязь удовольствия, тревоги и вины. Однако Погребняк идет дальше и настаивает, что этот комплекс чувств – «историческое априори субъекта современности» (с. 57), в том числе и нынешней цифровой цивилизации. В схожем направлении движется и Анастасия Мерзенина, исследующая цифровую коммуникацию в оптике семиокапитализма Франко Берарди.

Дарья Фарафонова переносит дискуссию на территорию русской культуры. Незадолго до декаданса в ней появился феномен, будто предшествовавший ему. Это обломовщина с ее созерцательной бездеятельностью и острым противопоставлением бытия действию: лень (или потенциальность) как экзистенциально-творческий проект.

«В “Обломове” повествовательный фокус сосредоточен не на том, что *происходит*, но на том, что *есть*. Действие смещается на периферию смысла не только в плане действия как движущей силы повествования, но и в связи с исходной (и все более им самим осознаваемой) установкой персонажа, который открыто сопоставляется с Платоном – философом созерцания *par excellence*» (с. 244).

Эта оппозиция, заимствуемая Дарьей Фарафоновой у Аристотеля и Агамбена, неслучайна для контекста эпохи декаданса. На рубеже XIX и XX веков время вдруг истекло и пришла пора действовать: европейская культура пересобиравалась вокруг неотложной необходимости действовать, а не просто быть. Обломов оказался эталоном сопротивления этому императиву, отличающимся, однако, от созерцательного бездействия декаданса.

Исследование русской культуры продолжают Олег Глебов и Павел Деменчук. Отталкиваясь от заявления Сергея Курехина о том, что для русской музыки характерен элемент безумия, они пытаются определить этот элемент и приходят к тезису, что *совмещение* современной академической формы и традиционного музыкального содержания в русской классической музыке (анализируются творчество Глинки и Чайковского) видится из западной рациональной парадигмы как декаданс.

Удивительно, насколько декадентское мировоззрение, в центре которого упадок, разъединенность и руины чего угодно, было продуктивным, живым и при этом – по причине своей цельности – совершенно не декадентским. Через эстетизацию разрушения оно позволяло справляться с ускоряющимися переменами во всех аспектах жизни, потерей ощущения мира как дома. По сравнению с теми временами инфляция нового и упадок с руинированием никуда не делись, перемены ускорились, заслонив горизонт будущего, но мы потеряли способность выстраивать цельные мировоззрения, получать удовольствие от ухода старого, ставшего непрерывным и оттого незаметным. Даже обещанная когда-то меланхолия, пожалуй, не работает. В этой ситуации нам самим остается только сохранять сдержанный оптимизм, делая то, что должно. Возврат декаданса едва ли уместен, поскольку сегодня явно не время для пассивной созерцательности.

София
ВЕРЕТЕННИКОВА

Искусственного интеллекта не существует?

*Конец индивидуума. Путешествие философа
в страну искусственного интеллекта*

ГАСПАР КЁНИГ

М.: Individuum, 2023. – 352 с. – 3000 экз.

София Алексеевна
Веретенникова
(р. 2002) – политолог,
специалист по полити-
ческому маркетингу.

В мае 2023 года в Соединенных Штатах началась первая за пятнадцать лет забастовка Гильдии сценаристов. Причиной стачки в сфере, довольно редко подверженной трудовым конфликтам, стал страх изготовителей сценарных текстов остаться без работы из-за массового привлечения в их профессию искусственного интеллекта (ИИ). *ChatGPT*, релиз которого состоялся годом ранее, был тогда предметом горячих дискуссий, а перспектива замещения большого числа профессий ИИ сильно заботила людей интеллектуального труда. Периодические издания всего мира пестрели алармистскими заголовками. Пугали также и отчеты крупных аналитических центров, констатировавших, что экспансия ИИ изменит рынок труда, а крупные компании берут курс на сокращение персонала. В следующем году примеру писательского профсоюза последовала и американская Гильдия актеров, которая объявила бойкот компаниям-производителям компьютерных видеоигр, подписавшим между собой соглашение об интерак-

НОВЫЕ
КНИГИ

тивных медиа (Interactive Media Agreement). На сей раз возмущенные труженики требовали запретить использование ИИ при создании видеоигр. Перспективы воспроизведения искусственным интеллектом голоса того или иного артиста, а также создания его цифровой копии – причем не только без его согласия, но и без денежной компенсации – повергали членов профсоюза в ужас. Неудивительно, что новые веяния вызывали немалое возмущение и в научном сообществе. Одним из тех, кто достаточно громко высказался по этому поводу, стал молодой французский философ Гаспар Кёниг – личность загадочная и симптоматичная одновременно.

Автор рецензируемой книги родился в городе Нейи-сюр-Сен (это, кстати, родина Николя Саркози), в семье атеистов. Его мать была независимым журналистом – и именно ее фамилию позже взял себе сын. Отец Гаспара тоже зарабатывал на жизнь литературой: он долгое время трудился в журнале «Magazine Littéraire», а в 2004 году даже стал его главным редактором. По окончании престижного парижского лицея Генриха IV Кёниг поступил в Высшую нормальную школу в Лионе. Будучи студентом, он издал свой первый роман, за который в 2005 году в возрасте 23 лет получил ежегодную литературную премию Жана Фрестье¹. В свои сорок с небольшим он является автором полутора десятков произведений: среди них есть, в частности, книга о Мишеле Монтене, работая над которой, автор посетил все локации, так или иначе связанные с именем великого философа². При этом сферы, где он броско проявил себя, не ограничиваются исключительно литературой – например, безбожник Кёниг принял православие, чтобы жениться на своей избраннице-румынке. Среди прочего он стал основателем аналитического центра «GenerationLibre»³ и учредителем партии «Simple», выступающей против засилья бюрократии. Была и неудачная попытка баллотироваться в президенты. Кёниг ведет активную социальную жизнь, обходясь без социальных сетей. На сайте его аналитического центра страница, где должна представляться информация о нем, неизменно выдает «ошибку 404». Его же собственный сайт-визитка ограничивает личную информацию перечнем опубликованных книг⁴. Интересно, что «Конец индивидуума» – единственная работа Кёнига, посвященная ИИ.

В 1981-м, за год до рождения Кёнига, Совет Европы принял конвенцию, посвященную защите прав и свобод граждан при автоматической обработке их персональных данных⁵. Уже тог-

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА

ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Путешествие философа в страну искусственного интеллекта

¹ Подробнее о премии см.: www.fondationdefrance.org/fr/annuaire-des-fondations/prix-jean-freustie.

² См.: KOENIG G. *Notre vagabonde liberte. A cheval sur les traces de Montaigne*. Paris: Humensis, 2021.

³ См.: www.generationlibre.eu/en.

⁴ См.: www.gaspardkoenig.com.

⁵ Конвенция Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, Страсбург, 28 января 1981 года (<https://rm.coe.int/1680078c46>).

да для многих было очевидно, что технологии развиваются настолько быстро, что государства не успевают гарантировать своим гражданам-пользователям безопасность личных данных, которыми те щедро делятся. Детство и юность будущего писателя проходили под знаком нарастающего недоверия или даже враждебности к таинственному ИИ, что, вероятно, стало одной из причин, побудивших его к погружению в тему. На страницах книги автор подтверждает это, указывая на личный мотив предпринятых изысканий: «Я либерал и защищаю идею автономного индивида, свободного в своих решениях и ответственного за свои действия, то есть такого индивида, который должен применять свободу воли в той или иной ее форме» (с. 21). По мнению Кёнига, люди весьма поверхностно оценивают проблемы, связанные с массовым распространением ИИ: они опасаются потерять работу – вместо того, чтобы бояться потерять себя.

Встретившись с Ювалем Харари и зарядившись некоторыми его идеями, французский писатель за пару месяцев взял интервью у 125 профильных специалистов, объехав ради этого всю планету. В конечном счете, как сообщает он в книге, его осенило: возможно, стоит более тщательно присмотреться к китайскому подходу – тем более, что люди из Поднебесной показались французскому философу более открытыми и честными, чем их западные визави. В частности, Кёниг был поражен искренностью Чжу Мина – бывшего директора Центрального банка КНР, а в прошлом второго человека в МВФ – и одновременно разочарован лицемерием американских ИТ-гуру, которые, восхваляя новые технологии на публике, ограничивают своих детей в их использовании дома. Он также утверждает, что открытость и демократичность американской технологической элиты не более чем иллюзия, поскольку на деле этикет Кремниевой долины ничем не уступает этикету европейских королевских дворов (с. 16), а получить интервью у многих ее обитателей практически невозможно. Встреча с Аврелией Жан – инженером из Кремниевой долины – стала для французского философа настоящим культурным шоком:

«Для меня травмой было уже то, что на экране компьютера Аврелии я увидел не папки с файлами, а черное окно, заполненное каббалистическими знаками... Мы же профаны, подобные детям, которые, если надо выполнить какие-то арифметические операции, вынуждены прибавлять и вычитать куски пирога, – нам нужна определенная репрезентация» (с. 14).

Не менее удручающим для Кёнига стало признание его собеседницы в том, что большая часть предпринимателей и инвесторов, вкладывающихся в ИИ, не имеют ни малейшего по-

нения о социально-политическом влиянии создаваемых ими технологий (с. 18). Однако сказанное вовсе не означает, что западные ИТ-светилы совсем не читают классическую литературу. Увидев в кабинете Лесли Келблинг, специалистки по робототехнике и профессора Массачусетского технологического института, стопки книг по аналитической философии, автор заключает: «Вполне возможно, что неприятие европейцами аналитической философии в какой-то мере позволяет объяснить их инстинктивное недоверие к ИИ» (с. 21).

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Люди весьма поверхностно оценивают проблемы, связанные с массовым распространением ИИ: они опасаются потерять работу – вместо того, чтобы бояться потерять себя.

Для самого Кёнига ИИ есть не просто промышленная технология, а большой философский проект, нацеленный на понимание мира. Вместе с тем, добавляет он, оценивая этот факт, полезно иметь в виду важную деталь: ИИ не наделен интеллектом, это алгоритм, а отсюда следует, что наша картина мира настраивается в соответствии с заданными кем-то параметрами. Осознание абсолютной неразумности ИИ, как полагает Кёниг, исключительно важно, оно позволило бы людям не задаваться бессмысленными вопросами и не питать глупых страхов из-за того, что технологии вот-вот отнимут у человека работу. В начале книги он называет ИИ «иллюзией», добавляя, что тот лишь делает вид, будто действительно что-то умеет. Например, чтобы научить его узнавать кота, потребуются миллионы изображений разных котов, маркированных людьми, и отнюдь не факт, что в итоге робот сумеет распознать пятнистого кота, изображения которого ему никогда не попадались (с. 37). При таком раскладе об «интеллектуальности» беспокоящего всех новшества говорить не приходится. Человеку же достаточно увидеть кота один-единственный раз, чтобы потом узнавать его всю оставшуюся жизнь. Причем тонкости когнитивных процессов, происходящих в человеческом мозге, по-прежнему остаются нераскрытыми. Не зная, как наш разум проводит анализ, мы вынуждены заставлять алгоритм симулировать мышление, не воспроизводя самого процесса (с. 44).

Да, существуют «умные» модели, которые успешно показывают себя на практике – например, они способны точнее, чем человек, ставить медицинский диагноз. Однако не будем забывать, что для разработки программы, обеспечивающей такой эффект, потребуются пятнадцать тысяч специалистов-медиков,

которым надо будет промаркировать больше миллиона изображений, чтобы «скормить» их алгоритму и научить его распознавать заболевание. Нужно ли удивляться, что пятнадцать тысяч медиков, потрудившихся сообща, оказываются лучше своих пятнадцати коллег, работающих поодиночке (с. 42)? Перспектива автоматизации большинства человеческих профессий сталкивается с парадоксом, который Кёниг назвал в честь венгерского экономиста и философа Карла Полаanyi. Его смысл в том, что непонимание человеком собственных когнитивных процессов задает четкие границы автоматизации: «Как инженеры могут запрограммировать компьютер, который моделировал бы процесс, неизвестный им самим во всех подробностях?» (с. 107). Иначе говоря, полная автоматизация в ближайшем будущем невозможна. Тем не менее по мере развития ИИ будет возникать все больше новых профессий, а старые профессии все чаще будут исчезать.

Десакрализация феномена ИИ не только поможет человеку решить свои экзистенциальные проблемы, но и заставит его пересмотреть отношение к роботам и голосовым ассистентам. Давно пора, заявляет автор, перестать видеть в них людей и, следовательно, прекратить вежливо с ними общаться:

«Разве мы говорим “пожалуйста” стиральной машине, автомобилю или программе обработки текста? [...] Нужно считать роботов тем, что они действительно собой представляют, чтобы не принимать людей за то, чем они не являются, то есть избегать превращения вежливости в автоматический, стандартный, постоянный рефлекс, ведь вся ценность вежливости – в ее искренности» (с. 60).

Здесь, как представляется, мы имеем дело с одним из тех тезисов Кёнига, с которыми трудно согласиться. Чего, собственно, опасается французский философ? Ему кажется, что «машинная вежливость» приучит его сопереживать роботу, как это случается у детей, играющих с «Союзом». Его ужасает, что бездушная машина, обтянутая силиконом и пластиком, способна вызвать у человека эмпатию, и потому он призывает людей не церемониться с голосовыми ассистентами. Однако контраргументы в данном случае напрашиваются сами собой. Во-первых, как будут чувствовать себя люди, чьим обобщенным голосом общается с нами ассистент, если все вокруг вдруг перестанут соблюдать элементарные нормы и действительно начнут относиться к ИИ, как к холодильнику или микроволновке? Не стоит ли вновь напомнить, что за одним алгоритмом могут стоять тысячи людей, маркирующих для него изображения и тексты или делящих с ним один голос? Во-вторых, не покалечит ли человеческую психику нужда постоянно диверсифицировать поведение в отношении реальных людей и ассистентов-по-

мощников, созданных на основе ИИ, – при условии, что и те и другие умеют общаться человеческим голосом и воспроизводить порой одни и те же коммуникационные паттерны? Ведь конструкторы-разработчики нарочито стараются создавать роботов по образу человека или животного – с ногами, руками, глазами, ртом. Одно дело, когда ИИ начинают использовать в качестве субститута собеседника, друга, возлюбленного – такое, конечно же, никак не полезно. Но совсем другое дело, когда мы говорим голосовому помощнику «спасибо» просто потому, что вежливость ценна сама по себе.

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

**Опасность ИИ состоит в том, что он предлагает
частный комфорт и индивидуальный подход
в обмен на принятие нами предлагаемых машиной
универсальных правил и норм.**

А вот в чем с Кёнигом трудно не согласиться, так это в том, что нам срочно нужно разобраться в механизмах влияния на наши жизни всевозможных «бытовых» алгоритмов, подобных поисковым системам, видеохостингам, социальным сетям и так далее. По мнению философа, опасность ИИ состоит в том, что он предлагает частный комфорт и индивидуальный подход в обмен на принятие нами предлагаемых машиной универсальных правил и норм. Иначе говоря, ИИ предоставляет возможность получить, казалось бы, полностью персонализированные и адаптированные под нас решения – однако на сами критерии этой персонализации мы повлиять не в состоянии. В итоге в сознании человека сохраняется иллюзия выбора, но в реальности права на выбор нет: за него выбирает машина. Например, согласно одному из специалистов, с которым автору удалось пообщаться, задача американских поисковых систем заключается в том, чтобы «поднять» не ту информацию, которую человек хотел бы просмотреть, а ту, которую он «на самом деле» ищет (с. 263). В этом случае работает логика, определяемая автором словом *nudge* (англ. – подталкивание), призванная обеспечивать наше благосостояние посредством выдвижения «удобных» вариантов, которых мы сами скорее всего и не выбрали бы.

Этот феномен подробно описывается в главе «Принцип турникета». Его смысл заключается в том, что, подобно турникетам на выставке «Rain Room» в Шардже, активируемым опционально, рекомендации поисковых систем ни к чему пользователя не обязывают. Системы лишь предлагают, и если человек заинтересуется, то он делает выбор в пользу ИИ. Иногда, следуя таким

курсом, он со временем полностью делегирует право выбора машине, не подвергая полученных ею результатов критическому анализу – просто потому, что так удобно. Но это означает полнейший крах либерального ценностного свода, в рамках которого качество жизни любого человека является результатом прежде всего его собственных волевых решений. Особенную опасность *nudge* представляет для детей, которые проводят в интернете по несколько часов в день. Но, чем дольше человек общается с ИИ, тем лучше алгоритмы узнают его интересы и тем более удачные рекомендации они ему выдают – привязывая к себе. Учитывая сказанное, мы начинаем понимать, почему Стив Джобс не позволял своим детям бесконтрольно пользоваться гаджетами.

Гаспар Кёниг представляет читателю восемь последствий развития ИИ, которые ставят под угрозу либеральные ценности. В книге они именуются так: искусство без художника; наука без причинности; экономика без рынка; правосудие без виновных; общество без предрассудков; права без демократии; философия без субъекта; теология без бога. Перечисленными недугами, однако, дело не ограничивается, поскольку ИИ беспрестанно наращивает свою экспансию, ставя все новые проблемы. Характерно, к примеру, следующее авторское наблюдение, включенное в главу «Геополитика ИИ»:

«Когда [социальная сеть] применяет свои собственные критерии определения приемлемого контента, она становится главным регулятором свободы слова, попирая тем самым американскую Первую поправку или французский закон 1881 года» (с. 209).

Столь же показателен и запутанный вопрос о том, можно ли наделять ИИ правосубъектностью в тех случаях, когда из-за него нарушается закон:

«Значит ли, что создатель программы ИИ станет ответственным с того самого момента, когда ее пользователь перестает отвечать за свои действия? Нет, если считать, что алгоритм работает с определенной долей автономии. Как обвинить программиста в решении, не запрограммированном им напрямую, если происходило машинное обучение, условия для возможности которого он, однако же, создал?» (с. 192).

Наконец, серьезно усложняет ситуацию и всемирная конкуренция за подчинение ИИ. Скажем, пока европейцы тщетно бьются за свое право на индивидуальную автономию, китайские фирмы наращивают производство комфортных *nudge*-сервисов и экспортируют их за пределы своей страны, захватывая тем самым всю планету. Или, пока либералов заботит сохранность их персональных данных и ужасает перспектива

обращения человечества в однородную массу, живущую по рекомендациям ИИ (ибо лень лишний раз напрягать свой мозг), американские цифровые гиганты монополизируют информационное пространство – и большинству уже трудно представить свою жизнь без календаря, почты, «облака» и возможности редактировать документы прямо в нем, а не таскаться на работу с кучей съемных накопителей в рюкзаке.

Между тем разница между китайским и американским подходами лишь в том, чьи конкретно данные будут предлагаться программе и по чьим идеологическим параметрам будет настраиваться *nudge*: ведь «даже если допустить, что алгоритм был создан в совершенно нейтральном режиме и тренировался на бесспорных выборках, он не может не воспроизводить и не закреплять предубеждения самого американского [или китайского. – С. В.] общества» (с. 197). Причина, по которой это раздражает французского философа, вполне понятна. Сегодня на рынке ИИ всерьез конкурируют только две державы и среди них нет ни одной европейской⁶ – следовательно, за постулаты классического либерализма и заступиться, собственно, некому.

Так или иначе, убежден Кёниг, мир катится к цифровому коммунизму; но если Китай идет к этой цели осознанно, то США, издавна тонущие в протестантском морализаторстве, сейчас вынужденно делают выбор в пользу утилитаризма лишь для того, чтобы оставаться конкурентноспособными. (Соединенные Штаты, по язвительному замечанию автора, на ходу меняют христианство на буддизм, больше соответствующий логике *nudge*.) Страны ЕС, к авторскому сожалению, на этот процесс повлиять не в силах. Возможно, и в нынешней России у французского философа тоже найдутся сторонники, недовольные двойственной американско-китайской монополией в сфере ИИ, но это не изменит того факта, что отечественным разработкам до лидерских позиций еще очень и очень далеко. Впрочем, замечу от себя, прежде, чем меряться ИИ-потенциалом, неплохо было бы ответить на вопрос: способен ли вообще современный человек, будь то в США, КНР или РФ, во всей полноте оценить столь дорогое для Кёнига право свободного распоряжения своими персональными данными? И если да, то почему он до сих пор продолжает активно и добровольно делиться ими на безвозмездной основе, причем в каждой из трех упомянутых локаций?

Размышляя над этим, уместно будет напомнить, что история информатики и выросшего из нее искусственного ин-

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

6 Подробнее о геополитическом измерении ИИ см.: NDZENDZE B., MARWALA T. *Artificial Intelligence and International Relations Theories*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. [См. также рецензию на эту книгу, опубликованную в «НЗ»: Фролова Ю. *Искусственный интеллект и международные отношения* // Неприкосновенный запас. 2024. № 3. С. 228–232. – Примеч. ред.]

теллекта начинаются где-то под занавес первой половины XX века. Их породила Вторая мировая война, в ходе которой вычислительную технику начали применять для шифрования военной информации. Гаспару Кёнигу было двадцать лет, когда Джону Маккарти, придумавшему термин «искусственный интеллект», исполнилось 75; сама дисциплина официально возникла в 1956 году, то есть всего за четверть века до рождения французского философа. В свою очередь Алан Тьюринг умер за 28 лет до рождения автора, а Клоду Шеннону в день появления Гаспара на свет уже исполнилось 66 лет. Подобная ретроспекция помогает осознать, что ученые-первопроходцы, относительно недавно приступившие к разработке цифровых технологий, нисколько не заботились ни о праве человека на тайну частной жизни, ни об этических нормах информационных обменов. После войны, не желая потерять накопленные знания, специалисты начали трансформировать военные изобретения в гражданские наработки. Да, этот процесс привел к неожиданным последствиям и потребовал реформ, однако кричать «караул!» было не слишком уместно, ибо тогдашняя ситуация весьма походила на нынешнюю в принципиальном отношении: ИИ с самого начала рассматривался как *инструментально-прикладной ресурс*.

В этом аспекте его можно сравнить с ядерной бомбой, военно-морским флотом или космическим кораблем. Если его развитие экономически (и стратегически) целесообразно, то оно будет продолжаться. А раз так, то требование законодательно запретить использование того, чем человек делится самостоятельно и добровольно, представляется абсурдным. Да, просвещать людей относительно последствий применения тех или иных технологий столь же необходимо, как и учить правильно пользоваться бытовыми электроприборами. Но если в итоге люди сознательно разбрасывают свои персональные данные направо и налево, то это скорее проблема не социума, а индивида – тем более, что либеральный этос наряду с личными правами предполагает и наличие персональной ответственности за собственную жизнь.

В последней главе книги Кёниг рекомендует на международном уровне принять закон, который дал бы право пользователям различных онлайн-платформ самостоятельно и напрямую управлять своими персональными данными, решая, к какой информации о своем поведении открывать доступ в сети, а к какой – нет. По замыслу философа, полезной была бы тарификация использования персональных данных, которую каждый пользователь мог бы настраивать в индивидуальном порядке: одни смогут получать плату за предоставление своих данных для свободного анализа, а другие, наоборот, сами будут платить

за их сокрытие (с. 321, 327). Кроме того, полагает он, за пользователем стоило бы зарезервировать и возможность в критический момент взять на себя принятие морально значимого решения: например, в опасной ситуации дать команду автомобилю, пилотируемому роботом, спасти водителя или же, напротив, пешехода. Разумеется, решения будут приниматься разные, но человек тогда сможет лично отвечать за свой выбор, а алгоритмы не придется признавать юридическими лицами, чтобы не вешать правовую ответственность на их разработчиков.

Возможно, доля истины в этих рассуждениях и есть, но лично мне подобная законодательная инициатива кажется абсурдной. Во-первых, если индивид хочет отвечать за свою жизнь целиком и полностью, не передоверяя ее алгоритму, то нужно ли пользоваться автомобилем, который находится под контролем робота? Не выглядит ли это как попытка здорового прикинуться больным? Во-вторых, желание принудить веб-платформы принимать политику конфиденциальности, исходящую от пользователей, а не наоборот, выглядит хотя и заманчиво, но не вполне справедливо. И если так уж хочется побороться за свои права, то, возможно, стоит приложить какие-то усилия и разработать собственную веб-платформу, а то и целую онлайн-экосистему наподобие «Google»? Тогда можно будет гарантировать, что европейцы уйдут от «новых феодалов» и перестанут ощущать себя «цифровыми крепостными» (с. 325). В этой связи Кёниг безусловно прав, отмечая, что «сегодня экран нашего компьютера напоминает дом без двери, превратившийся в проходной двор: как создавать какое-либо частное пространство, как принимать какое-нибудь осмысленное решение в этой постоянной толчее, где на нас все смотрят?» (с. 326). Похоже, гиперперсонализация поисковой выдачи вскружила (технически оснащённому) человечеству голову: люди забыли, что интернет есть такое же публичное место, как столовая, электричка или театр.

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Если индивид хочет отвечать за свою жизнь целиком и полностью, не передоверяя ее алгоритму, то нужно ли пользоваться автомобилем, который находится под контролем робота?

Подобно тому, как продавщица цветочного магазина знает предпочтения своих постоянных покупателей, поисковая выдача фиксирует и запоминает наши запросы. В этой связи рекомендуемая автором блокировка *nudge* похожа на отказ от продуктового магазина в шаговой доступности, который, конечно, удобен, но смущает тем, что продавцы запомнят ваши

вкусы, проанализируют ваши предпочтения и закупают только то, что лично вам нравится. Такая линия поведения не в ладу со здравым смыслом. Конечно, действовать в социальных сетях нужно с умом, поскольку это все равно что ходить по улице у всех на виду. Но даже если твоя страна в чем-то неконкурентоспособна, то это едва ли повод перекраивать все международное законодательство под себя. Вероятно, вместо этого, стоило бы попытаться понять, как укрепить свои позиции в нынешнем «дивном новом мире», где «онлайн» превратился из статуса в социальной сети в самый настоящий образ жизни. И пусть одни называют это цифровым эскапизмом, другие – величайшим триумфом человеческого гения, а третьи, подобно автору книги, впадают в ужас от возможных последствий новшеств, факт остается фактом: граница между виртуальной и реальной жизнью давно стерлась. Если раньше мы, просыпаясь, выглядывали в окно, чтобы узнать, что происходит в мире, то теперь просто включаем компьютер и ждем, пока запустится «Windows». И, хотя все алгоритмы заточены под наши персональные интересы и потребности, конфиденциальность гарантируется нам не на наших, а на чужих условиях.

Но может ли быть иначе? Время, когда интернет провозглашался «пространством свободы», а вседозволенность на его просторах была обыденностью, прошло и больше не вернется. А Гаспару Кёнигу, таинственному и вдумчивому философу, отдельное спасибо за то, что ярко и вызывающе напомнил нам об этом – а также о том, что явление ИИ скорее всего переоценено.

Вперед к самой политике: феноменология в условиях нового кризиса

НИКОЛАЙ
НАХШУНОВ

The Routledge Handbook of Political Phenomenology

STEFFEN HERRMANN, GERHARD THONHAUSER, SOPHIE LOIDOLT,
TOBIAS MATZNER, NILS BARATELLA (Eds.)
New York; Oxon: Routledge, 2024. – 488 p.

Философия может утратить свой смысл, если она от-
казывается судить о настоящем.

МОРИС МЕРЛО-ПОНТИ. *Знаки*

Феноменология в строгости своей методологии, на которую указывал ее основоположник Эдмунд Гуссерль, и амбициозности (а стремление обратить философскую рефлексию «к самим вещам» является по-настоящему амбициозным и даже революционным) не уступает другим философским направлениям, в частности – политической философии. Ведь политика также редуцируема к вещам, существующим и действующим в мире, к управлению ими и организации их во множественные нормативные порядки. В этой связи возникает вопрос о междисциплинарной специфичности: что феноменология может сказать о политике такого, чего не могут выразить политические теории и философии? С оговоркой на текущее положение дел в публичной сфере этот вопрос может звучать несколько иначе: что особенного феноменология может сказать о политике в условиях, когда пространство для философского высказывания постоянно сужается под давлением политического доктринерства и глобального интеллектуального кризиса?

Как одну из попыток ответа можно рассматривать вышедший в 2024 году «Сборник Раутледжа по политической феноменологии». Его составители – молодые австрийские и немецкие феноменологи Стеффен Херрманн (Хагенский заочный университет), Герхард Тонхаузер (Технический университет Дармштадта), Софи Лойдолт (Технический университет Дармштадта), Тобиас Матцнер (Падерборнский университет) и Нильс Барателла (Университет прикладных наук Дюссельдорфа). Стоит отметить, что это далеко не первая попытка осмыслить политику

Николай Нахшунов
(р. 1998) – политический философ, редактор журнала «Новое литературное обозрение».

с феноменологических позиций. Ей предшествовали сборники «Феноменология политического»¹, «Политическая феноменология: эссе в память о Пити Юнг»², «Феноменология и примат политического: эссе в честь Жака Таминьо»³, «Политическая феноменология: опыт, онтология, эпистема»⁴ и монография «Политическая логика опыта: выражение в феноменологии»⁵.

Все предшествующие издания были важными и пионерскими попытками ухватить *политическое* как самостоятельный феномен, однако они были единичными, локальными и разрозненными, тогда как сборник Раутледжа своим появлением заявил о существовании целого, хотя и гетерогенного, движения в современной философской академии. Тому, что публикация состоялась, составители, как они сами отмечают в разделе «Благодарности» (р. х), обязаны конференциям в Ольденбурге, Падерборне и Дармштадте. А результаты этой работы обсуждались с широким размахом в рамках серии онлайн-лекций «Критическая и политическая феноменология в дискуссии» и следующей за ней «Политическая феноменология в дискуссии: эко-феноменология», которую организовали составители сборника Стеффен Херрманн, Софи Лойдолт, Герхард Тонхаузер вместе с профессором Хагенского заочного университета Томасом Бедорфом и директором Архива Гуссерля в Кёльнском университете Тимо Брейером.

Что особенного феноменология может сказать о политике в условиях, когда пространство для философского высказывания постоянно сужается под давлением политического доктринерства и глобального интеллектуального кризиса?

Сборник Раутледжа по политической феноменологии состоит из шести частей: «Основатели феноменологии», «Экзистенциальная феноменология», «Феноменология социального и политического мира», «Феноменология инаковости», «Феноменология в дискуссии» и «Современные разработки» – и подразделен на 35 глав, написанных ведущими феноменологами наших дней, среди которых Софи Лойдолт, Дэн Захави, Никола

1 THOMPSON K., EMBREE L. (Eds.). *Phenomenology of the Political*. Dordrecht: Springer, 2000.

2 JUNG H.Y., EMBREE L. (Eds.). *Political Phenomenology: Essays in Memory of Petee Jung*. Cham: Springer, 2016.

3 FÔTI V.M., KONTOS P. (Eds.). *Phenomenology and the Primacy of the Political: Essays in Honor of Jacques Taminiaux*. Cham: Springer, 2017.

4 BEDORF T., HERRMANN S. (Eds.). *Political Phenomenology: Experience, Ontology, Episteme*. New York; Oxon: Routledge, 2020.

5 DEROO N. *The Political Logic of Experience Expression in Phenomenology*. New York: Fordham University Press, 2022.

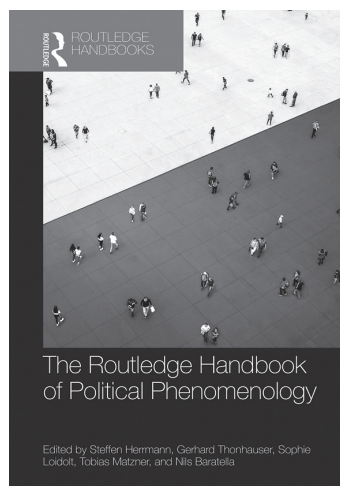
де Уоррен, Сара Хайнэмаа, Алиа Аль-Саджи, Ланей М. Родимейер, Лиза Гюнтер и многие другие. Большинство глав посвящено классической феноменологии Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти, Левинаса и критическим авторам, значительно расширившим феноменологическую традицию и подготовившим почву для ее политического развития: Ханне Арендт, Симоне де Бовуар, Францу Фанону, Чан Дык Тхао. Ценность других глав состоит в том, что они смело (с точки зрения классической «строгой науки») обращаются к наиболее острым понятиям политического дискурса, таким как гендер, раса, квир, деколонизация и другие, и включают их в феноменологическую проблематику конституирования установок, опыта и нормативностей.

Уже в первой части авторы ставят под вопрос нахождение феноменологии вне политики. Ее отцы-основатели (главы этой части посвящены Эдмунду Гуссерлю, Максу Шелеру, Мартину Хайдеггеру и более широкому «Контексту» – так названа общая глава, посвященная представителям ранней феноменологии: Адольфу Райнаху, Эдит Штайн, Дитриху фон Гильдебранду и Аурелу Колнаи) подчеркивали свою неангажированность и аполитичность, но в то же время являлись подданными и гражданами государств, претерпевавших значительные изменения, трансформации и кризисы на протяжении всей первой половины XX века – Германии и Австро-Венгрии, – а значит, не могли не реагировать на политические события. Многие из них намеренно обходили политические темы; другие – например, Макс Шелер и Мартин Хайдеггер – включались в политические дебаты с научных позиций. Но рефлексия всех в равной степени была затронута переживанием потери знакомого и некогда всеобъемлющего порядка, острого чувства неопределенности и насилия, постепенно наводняющего эпоху.

Если первое поколение феноменологов стремилось отделить себя от политики, то второе – с которым связывают французскую экзистенциальную феноменологию, – напротив, столкнулось с гиперполитизацией. Тому есть несколько причин: французские интеллектуалы (1) активно участвовали в Движении Сопротивления; (2) многие из них боролись с французским колониализмом и не понаслышке знали о его ужасах; (3) поддерживали движения против классового, гендерного и расового угнетений и (4) – как идейно левые – занимались ревизией марксизма, необходимой в условиях сталинского террора и разворачивающейся «холодной войны» (р. 67). Все это привело к тому, что французская феноменология из рецепции Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера превратилась в самостоятельное направление, причем критическое по отношению и к гегельянству, и к хайдеггерианству, и к классической феноменологии. Акцент во второй части книги сделан на круг журнала «Новые

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ

ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

времена»: Жан-Поля Сартра, Симону де Бовуар, Мориса Мерло-Понти и Чана Дык Тхао, а также идейно близкого к нему Франца Фанона.

Третья часть объединяет очень разных мыслителей – Альфреда Шюца, Гюнтера Андерса, Ханну Арендт и Яна Паточку. Такая подборка связана с тем, что все эти авторы на основе идеи жизненного мира, принадлежащей позднему Гуссерлю, и хайдеггеровского анализа бытия-вместе выводят феноменологию социального и политического мира. В центре их размышлений оказываются человеческая ситуация (*human condition*), интерсубъективность и посттоталитарное состояние общества, требующего для преодоления и исправления коллективных усилий.

Эти усилия по преодолению мышления тотальности (и тотальности мышления) раскрываются в четвертой части. Отправной точкой здесь служит фигура Другого. Однако если в классической феноменологии Другой (Другое Я) является инструментальной категорией для описания опыта собственного Я, то феноменология инаковости (р. 215) предназначает Другому центральное место. Начало этой традиции положил Эммануэль Левинас, о нем – в первой главе части. Однако левинасовский трансцендентальный Другой поставил перед феноменологией новые вопросы: каково соотношение трансценденции и эмпирии в феномене инаковости, как выстраивать отношения с другими и что делать с Другим/Чужим, находящимся внутри меня самого? Разные ответы на эти вопросы даются в главах о Поле Рикёре, Люс Иригарей, Жаке Деррида, Бернхарде Вальденфельсе и общей контекстной главе о повлиявших на становление феноменологии инаковости Мартине Бубере, Габриэле Марселе, Франце Розенцвейге, Жаке Лакане и Юлии Кристевой. Особое внимание уделяется влиянию на феноменологию психоанализа, в парадигме которого Другой не просто некто, отличающийся от Я, но нечто, где пересекаются наши желания, аффекты и фантазии. Такое продуктивное заимствование позволяет феноменологии децентрировать и раскрыть субъект по отношению к миру, а вместе с ним и политические порядки, их динамику и границы.

Пятая часть во многом отвечает на критику, адресованную феноменологии со стороны критических теорий и политической философии. Авторы вошедших в нее глав демонстрируют, как, несмотря на фундаментальные разногласия, внимание к аргументам друг друга способствует диалогу между разными философскими и теоретическими традициями, пусть напряженному и непростому. Обвинения феноменологии в идеализме, солипсизме, эссенциализме и других «-измах» хотя и воспринимались критически самими феноменологами, но направляли

развитие дисциплины и ее адаптацию в условиях постоянно усложняющихся представлений о мире. Так, без неомарксизма и Франкфуртской школы немыслима критическая феноменология и феноменологический анализ идеологических структур, без квир-теории – квир-феноменология гендера, ориентаций и нормативности, а феноменологическое значение постфункционализма только предстоит открыть.

Заключительная шестая часть посвящена феноменологической рецепции ключевых понятий современной политической мысли: феминизма и гендера, расы, интерсекциональности, белого невежества (*white ignorance*), деколонизации (и деколонизации феноменологии), инвалидности, аффектам и эмоциям, технологиям и цифровому миру, экологии и окружающей среде. Необходимость феноменологического прояснения связана с обострением так называемых «культурных войн», которые ведутся за захват смыслов и их присвоение, ростом популистских и неонацистских движений, экологическим и климатическим кризисом (р. 6). Феноменологическое эпохэ, заключение в скобки естественного, непротиворечивого и нормативного содержания этих понятий, оказываются актуальным и действенным средством по предотвращению интеллектуальной инфляции.

В целом тому, как организован сборник, присуща кризисная ориентация⁶. Спустя почти 90 лет после публикации первых глав гуссерлевского «Кризиса европейских наук» (1936) феноменология пережила не один кризис: изначальные представления о чистом сознании корректировались войнами, колонизацией, тоталитарными режимами, геноцидами, радикализмом и терроризмом. *Ego cogito* предстает обусловленным культурными, историческими и политическими обстоятельствами, а жизненный мир – ограниченным квазитрансцендентальными нормами и правилами, которые «не являются априорными в том смысле, что они абсолютно предшествуют опыту и действуют одинаково вне зависимости от контекста, но [при этом] играют конститутивную роль в формировании значения и характера нашего опыта»⁷. Но, помимо критической рефлексии, кризисы аккумулируют позитивные изменения, что с точки зрения феноменологии значит преодоление онтологических различий между субъектами и культивирование особого ответственного бытия, чувствительного к общей intersубъективной уязвимости.

Такой поворот в сторону политической ответственности не случаен. С одной стороны, сегодня у феноменологии не

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ

ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

6 Кризису также посвящена двухгодичная конференция Немецкого общества феноменологических исследований, прошедшая 24–27 июля 2025 года в Техническом университете Дармштадта. Ее тема: «Кризис и критика».

7 GUENTHER L. *Critical Phenomenology* // WEISS G., MURPHY A.V., SALAMON G. (Eds.). *50 Concepts for a Critical Phenomenology*. Evanston: Northwestern University Press, 2019. P. 12.

остаётся шанса сохранить теоретическое высокомерие, она становится и теорией и практикой, как уже заявили матери-основательницы критической феноменологии⁸ – направления, соседствующего с политической. С другой, сторонники политической феноменологии признают влияние на их проект идей Ханны Арендт (р. х). Возможно, к удивлению некоторых, Арендт называла себя феноменологом, «но не в понимании Гегеля или Гуссерля»⁹. Рассмотренная ею политизация жизненного мира, преимущественно в «Vita Activa», позволила ухватить общий жизненный мир как множественность разных других, на что, например, обращает внимание Лойдолт в своей книге «Феноменология множественности: Ханна Арендт о политической intersубъективности»¹⁰.

Помимо критической рефлексии, кризисы аккумулируют позитивные изменения, что с точки зрения феноменологии значит преодоление онтологических различий между субъектами и культивирование особого ответственного бытия, чувствительного к общей intersубъективной уязвимости.

Но проект политической феноменологии – это не отвращение арендтианской мысли и не очередная феноменологическая деноминация. Это указание на то, что феноменология всегда была политической и не мыслилась в отрыве от политической ситуации, несмотря на аполитичность, декларируемую многими феноменологами. Здесь достаточно вспомнить «Чёрные тетради» Хайдеггера или – как позитивную альтернативу – обращение к политической проблематике у позднего Деррида.

Авторы сборника, современные феноменологи, не только признают влияние политики на мышление, но и пытаются определить, что в политической феноменологии непосредственно политического. Ответ на этот вопрос, что характерно для научных и политических манифестов, имеет рамочный характер и дается уже во вступлении:

«Политическое в политической феноменологии можно понимать как область субъекта, как процесс критического вопрошания или занятия политической позиции. [...] Можно выделить три соответствующие контрпозиции, на которые наши авторы нацелены или которые критикуют:

⁸ Ibid. P. 15–16.

⁹ YOUNG-BRUEHL E. *Hannah Arendt. For Love of the World*. New Haven: Yale University Press, 1982. P. 405.

¹⁰ LOIDOLT S. *Phenomenology of Plurality: Hannah Arendt on Political Intersubjectivity*. New York; Oxon: Routledge, 2018.

(1) Политическая феноменология как теория политического содержания, структур и процедур обычно направлена против политического нормативизма. Феноменологи критикуют такие теории за то, что они стремятся анализировать политические нормы, такие как свобода, равенство или солидарность, на основе теории, не прибегая к жизненному опыту субъектов. Политическая феноменология, напротив, пытается предложить насыщенные нормативные концепции, полученные из опытов сообщества, (не)справедливости, свободы, солидарности и т.д.

(2) Политическая феноменология как критическое вопрошание направлено против всех форм политического фундаментализма. Такой фундаментализм обычно встречается в политических порядках, которые претендуют на осуществление естественного или историко-телеологического порядка вещей. В форме тоталитаризма он стремится закрыть и уничтожить все возможные альтернативы своему собственному идеологическому нарративу. Смягченный вариант этой позиции сегодня встречается в авторитаризме и популизме, где голос народа и неопровержимая сила традиции провозглашаются источниками однозначных ответов на все политические проблемы. Во всех случаях политический фундаментализм характеризуется отрицанием множественности. Многие версии политической феноменологии, напротив, указывают именно на то, как плюрализм, инаковость и контингентность являются экзистенциальными или даже онтологическими факторами, которые сводятся к тому, чтобы удерживать “место власти” пустым и открытым. [...]

(3) Наконец, политическая феноменология как форма приверженности конкретной концепции политического порядка противоречит представлениям о политическом функционализме. Политический функционализм понимает политику исключительно с точки зрения координации и контроля. В результате демократические процессы формирования власти рассматриваются в первую очередь как инструментальные процессы достижения результата. Несколько направлений политической феноменологии утверждают, что это не только может привести к циничному виду *realpolitik*, но и игнорирует тот факт, что политическое действие принадлежит к основным и внутренне значимым диспозициям человеческой жизни» (р. 4–5).

Эти тезисы пересекаются с размышлениями российских феноменологов на страницах сборника «Что такое феноменология»¹¹, который был составлен по итогам одноименной серии лекций. Помимо растерянности, с которой сталкивается феноменология в России после 2022 года, философы утверждают:

«[Нужно] бороться против привычного и знакомого – не для того, чтобы показать, что ты посторонний в собственной стране, но чтобы продемонстрировать, насколько ваша собственная страна для

11 *Что такое феноменология* / Науч. ред. Н. АРТЕМЕНКО. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024.

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ
ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

вас посторонняя и насколько всё, что вас окружает и производит впечатление приемлемого пейзажа, на деле есть результат целого ряда сражений, конфликтов, форм господства, постулатов и т.д.»¹².

Эти слова Мишеля Фуко – совсем нефеноменологического автора, но очень верные с точки зрения политической феноменологии – приводятся Георгием Чернавиным в его ответе на вопрос «Что же такое феноменология?». И если пейзаж на деле «есть результат целого ряда сражений, конфликтов, форм господства, постулатов и так далее», то есть является контингентным по своей сути, значит – феноменология по-прежнему может помыслить *иной* мир и сделать его мыслимым для многих разных других.

12 Чернавин Г. *Что же такое феноменология // Что такое феноменология*. С. 281.

Рецензии

Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента

ЛЕОНИД ФИШМАН

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. – 272 с. – 600 экз.

«Призрак бродит по миру, призрак ресентимента» – этой переиначенной Марксовой фразой начинается новая книга Леонида Фишмана, политолога и профессора РАН. Отсылка к «Манифесту Коммунистической партии» сразу же задает тон радикальному переосмыслению классического взгляда на ресентимент, сформулированного Фридрихом Ницше и Максом Шелером. Автор обращает внимание на апроприацию термина в качестве своеобразного стигматизирующего клейма, производимую самыми разнообразными политическими силами – правыми и левыми, демократами и республиканцами, глобалистами и националистами, фундаменталистами и либертарианцами.

Подобная вездесущность ресентимента заставляет автора задуматься: а существует ли он вообще как объективный факт общественной жизни? Тем более, что вынесенная в заглавие формула «неравенство равных» противоречит ницшеанскому подходу, в рамках которого ресентимент был чувством бессильной злобы, ненависти к более могучему и более успешному субъекту, ведущим к «переодеванию» нужды в добродетель и последующей переоценке ценностей. Такой комплекс эмоций, по утверждению немецкого философа, характерен для «морали рабов» и абсолютно чужд аристократии. Автор, однако, уже в самом начале книги подвергает сомнению концепцию ницшеанского аристократа, противопоставляемого объекту своей зависти и чуждого ресентименту по определению.

Деконструкции этого образа посвящены первые три главы книги. Главный вывод состоит в том, что ресентимент если и не зародился среди аристократии, то впервые проявил себя именно как ее «умонастроение» – хотя бы потому, что только аристократия первой смогла изложить свои ощущения на бумаге. Среди главных катализаторов ресентимента у дворян автор называет систему майората и институт бастардов: они не позволяли формально равным сыновьям представителей «благородного сословия» одинаковым образом наследовать социальный статус и богатства предков. Свой тезис Фишман подтверждает обширными культурологическими экскурсами, в которых задействованы новеллы Гофмана, скандинавские легенды, романы Теккерея, трагедии Шекспира, стихи Пушкина, памфлеты Вольтера. Он повсюду обнаруживает сходные художественные

образы, воплощающие зависть одних аристократов к другим.

Дифференциация дворян, по мнению автора, неизбежно приводит к зарождению ресентимента внутри этой прослойки, проявляющегося, например, во взаимной неприязни дворянства шпаги и дворянства мантии. Особую роль в этих процессах играет монарший двор, поскольку «именно там во всей полноте разворачиваются взаимодействия, пронизанные неравенством, попираемым слабым сильным, менее знатных более знатными», маскируемое при этом утонченным этикетом и формальным равенством (с. 47). Вытекающий отсюда тезис, который вступает в прямое противоречие с выкладками Ницше и Шелера, можно считать отправной точкой для всей дальнейшей логики книги:

«Ресентимент скорее проявляется в обществах и социальных группах, состоящих из людей, примерно равных если не во всех, то во многих отношениях, но неравных фактически» (с. 60).

Конечно, читая такое, хочется упрекнуть автора в евроцентризме, ибо его культурный анализ касается исключительно европейских сюжетов – тем более, что именно отсюда проистекают все последующие рассуждения. Кроме того, апелляция к концепции «бунта кшатриев» Рене Генона, используемая, чтобы окончательно уличить аристократов в склонности к ресентименту, кажется несколько нарочитой. Тем не менее Фишман вполне убедительно показывает предвзятость классиков во взгляде на старый порядок, а проповедуемую ими дуалистическую природу ресентимента он едко признает «романтической эмпатией к деклассируемой аристократии» (с. 114).

В последующих главах автор анализирует историю теоретического осмысления ресентимента, связывая ее с национальными особенностями и историческими контекстами, постепенно приближаясь при этом к со-

временности. Последовательно рассматривая Францию, Германию и Великобританию, он в каждом случае обнаруживает национальные особенности ресентимента (а иногда и местные способы борьбы с ним). Во Франции на первое место выходит взаимная зависть, с одной стороны, буржуазии, ущемленной в правах, но стремительно богатейшей, а с другой стороны, старого, но в основном измельчавшего дворянства, у которого не получается конвертировать прежние привилегии в новое богатство. В Германии, где отход от старого порядка оказался более мягким, ресентимент проявлялся в чувстве ущербности при сопоставлении себя с другими нациями: ведь немцы – формально такие же европейцы, но у них нет ни колоний, ни единого национального государства. Наконец, Великобритания предстает победительницей ресентимента – прежде всего за счет самовосприятия себя как величайшей «империи, над которой никогда не заходит солнце», – что ощутимо сглаживало социальное неравенство, недовольство правами старой аристократии, межнациональные конфликты.

Ресентимент, трактуемый подобным образом, обнаруживается в рядах не самых обездоленных, а скорее «недостаточно возвысившихся» классов, будь то немецкий барон, французский магнат или шотландский лендлорд. Но где же здесь, однако, «мораль рабов», о которой столь пламенно писал Ницше? Автор избавляется от этого противоречия, вводя в оборот понятие «взгляда, обнаруживающего ресентимент», под которым понимаются «экстраполяции самосознания деклассируемой аристократии [...] на другие социальные группы» (с. 96). Столь явная авторская непочтительность к классическому термину могла бы, в принципе, завершить книгу на середине, но Фишман предусмотрительно сделал оговорку, призывающую использовать новоизобретенное понятие осторожно. В подкрепление своей позиции он ссылается на

примеры из общественно-политических дискуссий современной России, в которых и условные «либералы», и условные «патриоты», перебрасываясь обвинениями, обоюдно принимают расширять понятие ресентимента – не замечая, что он начинает проступать в них самих, почти как в нищающем нищенском аристократе, не умеющем угнаться за переменами.

Переходя к современности, автор опять обнаруживает «неравенство равных» – на этот раз как сущностную основу либеральной демократии, при которой непропорциональная влияние одних людей зиждется на идее всеобщей «одинаковости» избирателя. На это накладываются расовые, культурные, образовательные, классовые и гендерные различия (последним в книге уделен целый раздел). Политика мультикультурализма и толерантности в подобных условиях лишь маскирует, по мнению автора, реальное неравенство, не пытаясь его преодолеть и порождая двойные стандарты. Таким образом, «либерально-демократическая парадигма [...] создает предпосылку для формирования характерного для ресентимента чувства безальтернативности – ввиду того, что она провозглашает конец истории» (с. 136).

Последним гвоздем в гроб нищенских интеллектуальных построений становится утверждение о нормальности ресентимента – или даже о его общественной полезности в качестве стабилизирующего фактора. При этом в книге критикуется как правый, так и левый взгляд на ресентимент. Первый провозглашается «риторикой реакции... для которой любое недовольство, ведущее к переоценке ценностей, [...] является не чем иным, как плодом зависти аутсайдеров к успешным людям» (с. 194). С левых же позиций ресентимент видится препятствием для продвижения вперед, поскольку его носители акцентируют внимание на прошлых травмах и перенаправляют ненависть с несправедливой системы, взятой в целом, на

свое место в ней. Автор весьма точно подмечает двойные стандарты левого дискурса, в рамках которого культура виктимности жертв Холокоста или рабства предстает морально правильной и социально важной, но попытка Трампа сыграть на подобных чувствах в отношении других социальных групп обличается как ресентимент.

Для Фишмана нынешний президент США оказался идеальным наглядным пособием, которое не раз используется на страницах книги. Трамп изображается и как старый правый, который обвиняет левые массы в переоценке ценностей, и как революционер, стремящийся изменить нынешний баланс политических сил, и как идеолог, возглавляющий войну против доминирования левых в культуре. Одновременно он выступает в роли популиста, играющего на зависти и страхах социальных слоев, обиженных действующей системой. Во всех этих ипостасях американский президент либо обвиняет в причастности к дискурсу ресентимента других, либо же обвиняется в том же грехе сам.

Из всего сказанного напрашивается простой вывод: навешивание подобных ярлыков, принижающих уровень дискурса оппонента, является манипуляцией, которая призвана представить позицию противника как морально ущербную – будь то посредством обвинения в популизме, выдвигаемого в отношении демократического процесса борьбы за голоса, или через нападки на противника как на фашиста, которые в наши дни граничат с полной бессмыслицей. Подобные упреки говорят больше о самих обвинителях, нежели об обвиняемых.

Отсюда, собственно, и главный вопрос, задаваемый автором: «А судьи кто?». Где та социальная позиция, с которой можно изобличать ресентимент, если идеальный аристократ не более чем романтическая мечта немецких классиков? В подобном выхолащивании понятий автор усматривает

«кризис западной парадигмы политического мейнстрима, в результате которого теряют актуальность классические понятийные дихотомии» (с. 217). В описанном контексте появляется некая социальная норма, определенная конкретным дискурсом, которая фиксируется как «конец истории» и любое отклонение от которой воспринимается как недопустимая аномалия, требующая коррекции в соответствии с социальным идеалом. Этот идеал варьирует у различных политических сил, но обвинения в ресентименте, используемые как оправдание для игнорирования любых отклонений, присущи любой из них.

Иными словами, тот самый взгляд, который обнаруживает и обвиняет, есть лишь попытка поставить себя в положение «господина», придерживающегося «нормальности». Однако это ведет к взаимным обвинениям, а также к тому, что ресентимент проникает во все сферы общества: ведь «все начинают сравнивать всех со всеми, и никто не является олицетворением нормы» (с. 232). В таком контексте ресентимент превращается в «духовную скрепу» общества, поскольку сама норма есть серая реальность, которой никто не доволен и которую все стремятся преобразовать. Тем не менее она объективно существует, в отличие от любых дискурсов, которые тяготеют к фантазиям.

В последней главе, завершив представление описанных выше ярких аргументов и радикальных трактовок, автор делает лирическое отступление, которое можно считать завершающей иллюстрацией ко всему повествованию. Фишман обращается к ставшему классическим для российской политической мысли источнику примеров – романам Достоевского. Он напоминает, что произведения русского писателя были охарактеризованы Шелером как «пронизанные ресентиментом».

Ярким примером человека, подверженного этому чувству, выступает Смердяков

из «Братьев Карамазовых»: ощущение ущербности, связанное с двусмысленным положением бастарда, а также нигилистические воззрения, выливающиеся в речи о «ненависти к России», обнажают раздирающие его внутренние конфликты. Достоевский мастерски выписывает присущие Смердякову пороки, делая героя крайне отталкивающим. Своеобразным противовесом ему выступает еще менее симпатичный Карамазов-отец, который, способствуя унижению Смердякова, остается крайне далеким от «нормативного идеала» нищееанского аристократа. Тем не менее именно глава семейства становится тем, кто обнаруживает ресентимент и осуждает предательскую переоценку ценностей.

Затрагивая некоторые популярные трактовки романа, автор усматривает в них отрицание самой возможности предательства или некомпетентности со стороны элит: «изменников на престоле не бывает» (с. 242). Любые ошибки государственного строительства в такой логике предстают лишь частью необходимых государственных мероприятий. В этом дискурсе любое недовольство верхами воспринимается как маркер «черни», которая не в состоянии проникнуться «высокими государственными интересами» (с. 243). Такого рода недовольный «из народа, к престолу не близкий – однозначно предатель и не может рассчитывать на снисхождение», тогда как «барин в очередной раз оправдал себя» (с. 242). Впрочем, произведение Достоевского намного многогранное, образ Смердякова не столь однозначен, а в христианском мировоззрении нет места мифическому аристократу.

«Поэтому если Достоевский и выполнял идеологический заказ на дискредитацию неугодного русскому барину антипатриотического “либерализма”, то получилось это не слишком убедительно, с неустраняемым ощущением, что “что-то здесь не так”» (с. 250).

Начавшись как скромный исторический экскурс, описывающий эволюцию термина «ресентимент» и попутно уличающий классиков философской мысли в ангажированности, книга постепенно переключилась на дискурс-анализ современного политического мейнстрима. Посвященная этому часть повествования полна противоречивых утверждений, неоднозначных формулировок и половинчатых выводов, что вполне точно отражает состояние, в котором пребывает сегодня доминирующая парадигма. В результате автор оказывается в одном шаге от того, чтобы признать сам базовый концепт пустым понятием – манипулятивным инструментом в руках недобросовестного дискуссионщика. Иначе говоря, вопрос об объективности ресентимента как социального феномена, вынесенный в аннотацию книги, повисает в воздухе. Ответить на него предстоит самому читателю. Представляется, однако, что прочитавшие рецензируемый труд люди, столкнувшись в публичном поле с обвинениями того или иного лица в склонности к ресентименту, едва ли смогут отнестись к этому сколько-нибудь серьезно.

АНТОН КУТЕЕВ

***Россия, которую мы потеряли.
Досоветское прошлое
и антисоветский дискурс***

ПАВЕЛ ХАЗАНОВ

М.: Новое литературное обозрение,
2025. – 248 с.

Профессор Ратгерского университета (США), специалист по культуре позднего СССР и постсоветской России Павел Хазанов рассматривает в своей книге использование исторического прошлого в актуальных прикладных интересах (до противоположности разнообразных) на материале одного

из наиболее ярких подобных случаев – восприятия дореволюционной России представителями власти и их противниками (как с либеральной, так и с почвеннической, и с монархической стороны), а также носителями массового сознания позднесоветских и постсоветских лет.

Использование, что интересно, оказывается (грубо) упрощающим и, в конечном счете, искажающим независимо от любой степени умственной и душевной тонкости использующих. А связанному с этим обольщению и самообольщению отдали дань, как показывает автор, не одни только циничные политики, идеологи и одиозные конформисты, не только представители «консервативного проекта современной России» (с. 17), но и такие стремившиеся к максимальной честности натуры, как, например, Анна Ахматова, Григорий Померанц, Юрий Лотман, Натан Эйдельман, Булат Окуджава (читателю, чьи симпатии всегда были на стороне этих культурных фигур, части книги, связанные с ними, интересны особенно, поскольку позволяют прорефлексировать неочевидное). Выбирая из прошлого нужные для себя элементы, они, как показывает автор, вполне разделяли некоторые основные

даже не представления, а модели умственного поведения со своими противниками и оппонентами – носителями, казалось бы, ценностей, совершенно противоположных (представления которых об утраченной прекрасной России прошлого здесь тоже анализируются). Да, элементы из прошлого для нужной им картины эти последние отбирали другие, но тем, что делало такой отбор возможным, обе стороны были очень родственны друг другу.

Идеализация «России, которую мы потеряли» (кто такие в каждом из случаев «мы» – отдельный интересный вопрос, Хазанов разбирается и с ним тоже) – вместе с антисоветским дискурсом, неотъемлемую часть которого она составляла, – сделалась, показывает автор, одной из важнейших идеологических и, шире того, настроенческих доминант первых постсоветских лет. Тех самых, когда газета «Коммерсантъ» обзавелась «ером» в конце своего названия, подчеркивая преемственность, которой никогда не имела; когда храм Христа Спасителя построили заново, а статус «исторического блокбастера», содержащего некое знание о прошлом, получил «Сибирский цирюльник». С домысливанием советских лет эта идеализация, многое от них унаследовавшая и, казалось бы, вполне им противоположная, несомненно, составляет один континуум. Устройство этого континуума, формы преемственности, ее причины и прослеживает автор.

Среди стимулов, побудивших Хазанова написать книгу, было и стремление разобраться в смысловой динамике российских 1990-х как собственного авторского несбывшегося, как непржитой им самим истории его ровесников, оставшихся в России. Как сообщает автор в предисловии, в 1990-е он десятилетним ребенком уехал с родителями «в Сан-Франциско и

с тех пор мало бывал в России» (с. 7); он даже отчасти забыл русский язык, а затем учил его «заново, уже в аспирантуре» (с. 7). Благодаря «доисследовательской» биографии, сложившейся таким образом, автор приобрел точку зрения, очень выигрышную именно в исследовательском смысле: она обеспечила ему, с одной стороны, принадлежность к русской культуре¹, с другой – возможность взгляда извне на российскую гуманитарную сферу и жизнь вообще, свободу от здешних очарований, иллюзий, инерций восприятия. Лишенный пиетета перед российскими авторитетными (чтобы не сказать культовыми) фигурами, Хазанов с жесткой ясностью видит и с корректной прямоотой формулирует то, чего изнутри обыкновенно не разглядеть; по крайней мере разглядывать не очень стараются.

Только такая свобода и дистанция позволили ему увидеть, например, Григория Померанца и Юрия Лотмана («вероятно, главного советского ученого-гуманитария своего поколения», с. 61) как некритичных наследников очень старой, еще к XIX веку восходящей модели мировидения «имперской интеллигенции». Следствием такой (невольной?) некритичности стали, утверждает автор, значительные зоны слепоты у этих блестящих гуманитариев. Так, Померанца автор упрекает в слишком глубоком и послушном следовании досоветской и внесоветской интеллектуальной традиции: «Свои мысли он выражает, постоянно прибегая к цитатам из Цветаевой, Тютчева. Хомякова, Сергея Булгакова, Бердяева и других. Некоторые его эссе – кальки с работ досоветских мыслителей» (с. 51). Конечно, столь смелые утверждения нуждаются в аргументации, но Хазанов, увы, в данном случае обходится без нее и продолжает:

1 В отличие от американской академической аудитории, для которой писалась книга, Хазанов прекрасно представляет себе и фильмы Михалкова, и «рекламу 1990-х о сборе денег на постройку храма Христа Спасителя» вкупе с «шутками Пелевина на эту тему» (с. 7), и еще много разного.

«[Померанц] никак не может расстаться с дорогими ему иллюзиями – что монолитная интеллигенция противостоит монолитному режиму, что существует разделение между теми, кто обладает духом интеллигенции, и теми, кто его лишен, что культурность есть необходимое условие непрерывной передачи традиционных истин относительно того, какова “подлинная культура”, кто ее “истинные хозяева” и враги» (с. 60)².

Такое построение сложных теоретических конструкций на базе дорогих сердцу либеральной московской интеллигенции иллюзий никоим образом не единично, а наоборот, как раз типично. Нечто подобное произошло с Юрием Лотманом, увидевшим в декабристах прежде всего положительных культурных героев, носителей образцов правильного поведения, оставив без серьезного внимания и революционную составляющую движения, и то, что они потерпели поражение, то есть их, как это выражается автор, политическую неэффективность:

«В известном эссе “Декабрист в повседневной жизни” Лотман утверждает, что благодаря семиотической передаче своей модели культурности декабристы изменили русское общество, хотя восстание 14 декабря 1825 года и закончилось провалом. Это им удалось потому, что они создали целостный облик высокоморального гражданина и затем посредством семиотики распространили эту “школу гражданственности” на социальную группу, далеко выходящую за пределы Северного и Южного обществ» (с. 61).

«Урок декабризма для Лотмана примерно тот же, что урок Пражской весны для Померанца: ему не слишком интересны ни политическая платформа декабризма, ни рассуждения декабристов о социальной реальности, ни их способность сформировать политический коллектив. Гораздо важнее способность дворян-революционеров

транслировать свою интеллигентность более широкому кругу людей и ослеплять их своей культурной утонченностью и неопределенным чувством “гражданственности”. Это расценивается как одно из достижений 1820-х, равнозначное поэзии Пушкина» (с. 62–63).

Таким образом, лотмановская концепция оказывается составной частью характерного для интеллигенции позднесоветских десятилетий, весьма властного над умами нарратива о декабристах – и, как считает Хазанов, имеет, в конечном счете, мифическую природу.

Используя тот же миф, показывает Хазанов в третьей главе, окликая «широкую аудиторию, сложившуюся в результате политики советского просвещения» (с. 89), и Александр Галич в «Петербургском романсе» 1968 года: «Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь / В тот назначенный час?!». А в результате «неодекабристская протестная риторика отозвалась далеко за пределами диссидентского круга» (с. 89) – именно потому, что в ней видели, узнавали *свое*. В этом мифе власть и ее противники, будучи носителями одного и того же культурного сознания, удивительным образом, как демонстрирует автор в той же главе, совпадали друг с другом:

«Если говорить о гуманизме в целом и декабризме в частности, между режимом и внешне противостоящим ему дискурсом либеральной оппозиции существовала зона неразличения, которую можно выявить в таких артефактах, как популярные книги о декабристах Эйдельмана и Лотмана» (с. 98, курсив автора).

Хазанов дает понять, что слепота «знаменитого основателя Тартуской семиотической школы» (с. 61) не была такой уж невольной. «Лотман намеренно не останав-

2 Отдельный вопрос, соответствовало ли это реальности того самого XIX века, который Померанц, выходя, напрямую продолжал. Понятно, что нет: продолжал он не реальность, но устойчивую, априорную идеологию, уже «вшитую», как выразился автор, «в досоветский интеллигентский дискурсивный Субъект» (с. 61).

ливался на том, что ему хорошо известно: на существовании альтернативного коллективного проекта имперской интеллигенции, то есть социалистического проекта» (с. 64), утверждавшегося образованными, но уж точно свободными от безупречных манер разночинцами.

«Лотман отвергает социалистический проект разночинцев как чуждый культурности, и Базаров, конечно, как нельзя лучше подходит на роль пугала. Само собой, Лотман знает, что среди разночинцев немало людей, внесших в русскую культуру куда больший вклад, чем декабристы на сибирском базаре. Возможно, Лотману кажется, что нет необходимости рассказывать эту историю, поскольку ее присвоила советская власть» (с. 64).

В рамках сходным образом устроенных прекраснотушных установок, продолжает Хазанов в следующей главе, люди 1960–1970-х видели в Василии Шульгине, доживавшем свой век во Владимире, крайне правом монархисте с фашистскими взглядами, милого интеллигентного дедушку, своего брата-интеллигента. И действительно, манеры его были безупречны. На закате дней Шульгин позиционировал себя как интеллигента – и ему легко поверили!

«В 1910-е Шульгина, черносотенца, служившего самодержавному царю, никто бы не считал интеллигентом. Но позднесоветский либеральный дискурс запутался в своих политических противниках» (с. 29).

Совершенно ту же природу, покажет автор далее, имеет идеализация Столыпина в постсоветские десятилетия; автор даже изобретает для этой системы взглядов – а это именно система, к личности главного героя не сводящаяся, – специальный термин: «столыпинизм», анализу которого посвящены пятая и шестая главы книги.

А вот даже не о сходстве – глубоком родстве – сходного. У Ахматовой, которую уж никак не упрекнуть в просоветских на-

строениях, в ее высказываниях о Пушкине автор усматривает минимальное (структурное) расхождение с позицией миллионов «рядовых сталинистов»: «может показаться, что расстояние между позицией Ахматовой и рядовых сталинистов огромно» (с. 45), но все как раз наоборот. И Анна Андреевна, и ее антиподы, утверждает Хазанов, присваивают Пушкина, приписывают ему собственные ценности: для Ахматовой он «единственный в своем роде поэт, властелин тысячелетнего царства культуры, гордо возвышающийся над всеми и увенчивающий своих наследников; [...] отчетливо элитарное общественное предназначение, воплощение аристократии в самом прямом смысле слова, добродетельный правитель, противостоящий лжеэлите, наделенной политической властью» (с. 45, курсив автора), а для «рядовых сталинистов» – «почти что крестьянский мальчишка-революционер в лаптях, и поэтому он “наш”» (с. 45). Роли разные, но механизм присвоения, вписывания в собственные схемы тот же самый.

В конечном счете, Хазанов утверждает, что ныне действующий консервативный проект, в противоположности которого либерализму трудно сомневаться, тесно переплетен с либерализмом (и с проектом интеллигентским, которому от автора достается немало жестких суждений) корнями, уходящими глубоко в советское время.

«Ощущение собственной интеллигентности, с которой либералам было так удобно идентифицироваться, само по себе отсылало к воображаемой потерянной эпохе расцвета дореволюционной интеллигенции» (с. 27–28).

«[Р]иторика либеральной интеллигенции», признает автор, сама по себе «еще не перетекала в упрощенческую антиисторическую ностальгию» (с. 28), хотя элементы таковой, как он показывает, в ней были. Идеологему «Россия, которую мы потеряли» породила, несомненно, не либеральная

интеллигенция, процесс перехода риторики в ностальгию довершили уже «противники либералов» (с. 28), но, опираясь «на анти-историзм, уже тогда присутствовавший в риторике либеральной интеллигенции»

«Они переиначили логику либералов на консервативный лад, превратив либеральное понятие об интеллигентности в *анти*-освободительную идеологию, звучавшую все же вполне убедительно и для либеральной точки зрения» (с. 28).

Так либералы оказались в невольном союзе со своими противниками.

Рассматривая идеологическую динамику позднесоветских и постсоветских времен, автор добирается – не ставя себе этого целью специально – до проблем куда более принципиальных; а у его исследования, таким образом, оказывается не только историко-культурный, историко-идеологический, но и антропологический пласт. Анализируя историю домысливаний царской России, приписывания ей значений в последующие эпохи, Хазанов тем самым рассматривает и действие тех механизмов, которые гораздо глубже, а потому и гораздо коварнее намеренного обмана и самообмана. Книга эта отчасти о том, как человек вообще, даже будучи вооружен самыми конструктивными установками и самыми достойными принципами, даже обладая основательными знаниями, из лучших побуждений поддается соблазну подгонять изучаемую реальность под собственные ожидания, потребности, привычки, ценности, цели.

Хазанов рассматривает проблему немигнущей неполной прорефлексированности (возможно, и принципиально неполной доступности для рефлексии) оснований собственных суждений человека – даже очень квалифицированных. О неквалифицированных и говорить нечего.

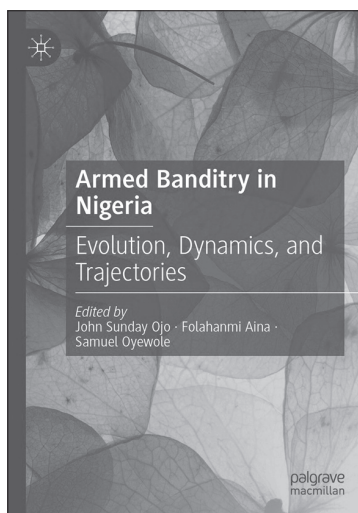
Ольга Балла-Гертман

БАНДИТЫ НИГЕРИИ

Armed Banditry in Nigeria: Evolution, Dynamics, and Trajectories

JOHN SUNDAY OJO, FOLAHANMI AINA,
SAMUEL OYEWOLE (Eds.)

Cham: Palgrave Macmillan, 2024. – 311 p.

По-видимому, многие из тех, кто читает сейчас эти строки, получали когда-то так называемые «нигерийские письма» – спам-послания, авторы которых, представляясь бизнесменами, вдовами, проповедниками, чиновниками, на хорошем английском языке предлагали получателю присоединиться к тому или иному коммерческому проекту, сулящему баснословную отдачу. Чтобы вступить в дело, требовалось немного, а именно: направить авторам компактный набор личных данных, включая номер банковской карты, куда будет поступать прибыль. Честно говоря, я с трудом представляю себя человека, готового «кликнуть» на подобную рекламу, но, судя по тому, с какой регулярностью лет десять–пятнадцать назад приходили такие послания, бизнес по-настоящему процветал: во всезнающей Википедии даже появился материал на эту тему, а в самой Нигерии оформился специальный правоведческий термин

«четыре-один-девять», отсылавший к статье 419 Уголовного кодекса страны, в которой описывалось мошенническое выманивание денег без применения насилия.

«Нигерийские письма», однако, не являются детищем интернета, как можно было бы подумать; этой забаве не 25, а целых пятьдесят лет, и сначала их рассылали в почтовых конвертах с красивыми африканскими марками. Местные ученые, пытавшиеся объяснить происхождение этого феномена, связывают его с войной в Биафре 1967–1970 годов: по мысли одного из них, «это жульничество родилось как тактика выживания в голодное послевоенное время», тесно соседствуя с другой порожденной военными лишениями формой присвоения чужого имущества – вооруженным грабежом³. По прошествии времени грабеж отступил в тень, а «послания-419», ставшие к тому моменту электронными, напротив, вышли на первый план. Такая ситуация сохранялась довольно долго – до тех пор, пока в минувшие полтора десятилетия наблюдатели вдруг не зафиксировали попятного движения: Нигерия стремительно превратилась в страну, где не подчиняющиеся государству люди с оружием опять, как в годы гражданской войны, стали огромной общенациональной проблемой.

Рецензируемый сборник статей посвящен именно этой беде. Его авторы – в подготовке книги участвовали два десятка нигерийских специалистов – попытались осветить три тематических среза, каждому из которых посвящена отдельная часть сборника: причины и природа нынешнего нигерийского бандитизма, последствия этого явления, способы борьбы с ним. Как и положено, анализ начинается с генезиса, который предстает многофакторным и комплексным. Вместе с тем в ряду при-

чин, которые вновь актуализировали нигерийский вооруженный бандитизм как разновидность преступной деятельности, есть одна доминирующая: это потепление климата, наиболее пагубным образом отражающееся именно на африканских государствах. Там, где и без того было жарко, сейчас становится еще жарче, и это угрожает не только хозяйственным практикам, но и политическим порядкам. Нигерия в полной мере подтверждает предположения специалистов о том, что максимальный урон изменение климата на планете наносит не богатым, а бедным регионам⁴.

На африканском континенте действие этого губительного механизма раскрывается прежде всего через конфликты между скотоводческими (кочевыми) и земледельческими (оседлыми) сообществами, обострившиеся из-за усугубляющейся нехватки пресной воды. Как отмечают Джон Сандэй Ойо (Университет Портсмута), Фолаханми Айна (Университет Лондона) и Сэмюел Ойеволе (Университет Ойе-Экити, Нигерия) в вводной главе «Природа вооруженного бандитизма в Нигерии» (р. 3–13), в зоне Сахеля, в частности, «оскудение ресурсов, которое усугубляется глобальным потеплением, делает уязвимыми кочевые хозяйствующие группы, которые, оказываясь не в состоянии мигрировать в места, где ресурсы в изобилии, вынужденно вступают в конкуренцию с местным оседлым населением, порой оборачивающуюся жесткими столкновениями между скотоводами-пришельцами и земледельцами-хозяевами». Борьба ведется прежде всего за воду, в которой жизненно нуждаются как те, как возделывает землю, так и те, кто пасет скот.

Водные ресурсы между тем стремительно иссякают, о чем выразительно говорят цифры, которые приводят Олуволе Ойевале

3 DALY S.F.C. *A History of the Republic of Biafra: Law, Crime, and the Nigerian Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 11.

4 См., например: Уоллес-Уэллс Д. *Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления*. М.: Индивидуум, 2020. С. 61–186.

(Институт исследований безопасности, Дакар, Сенегал), Тосин Осасона (Центр изучения альтернатив публичной политики, Лагос, Нигерия) и Йекин Шамсудин (Университет Гвельфа, Канада) в главе «Изменение климата и вооруженный бандинизм на северо-западе Нигерии: синергия нестабильности» (р. 15–42). Согласно подсчетам специалистов, к 2050 году из-за климатической волатильности реки Сахеля обмелеют на 20–40%, а количество выпадающих в регионе осадков уже сейчас на 25% меньше, чем тридцать лет назад. Это, в свою очередь, интенсивно сокращает площади обрабатываемых земель и пастбищных угодий нигерийского северо-запада, за полвека уменьшившиеся на 35%. Естественно, такая ситуация с неизбежностью чревата насилием, что ярко проявляется в штатах Нигерии, находящихся в зоне Сахеля или примыкающих к ней (Замфара, Кебби, Кацина, Сокото, Нигер, Джигава, Йобе, Борно): здесь на протяжении двух последних десятилетий кочевники-фулани сражаются за выживание, причем буквально, с земледельцами-фулани. Конфликты кочевых и оседлых общностей являются столь же древними, как и сама человеческая цивилизация, но прежние модусы климатического равновесия позволяли разрешать их мирным путем⁵. В настоящее время, однако, обращение к силовому инструментарию превратилось из исключения в правило.

Ключевыми акторами этого противостояния выступают отряды самообороны и ударные группы, на ранних этапах, в 2011–2012 годах, созданные земледельцами и скотоводами для сдерживания друг друга. Причудливая эволюция этих «народных милиций» очень скоро привела к тому, что они начали обрывать свои связи с породившими их общинами, превращаясь в самостоятельных «силовых предпринимателей»: деревенские ополчения, как пишут

авторы упомянутой выше главы, «выжрались в чисто криминальные группировки, единственной целью которых становился грабеж как земледельцев, так и скотоводов без всякого разбора». В итоге к настоящему моменту конфессиональная или этническая принадлежность жертв не играет в целеполагании многих из этих банд почти никакой роли: скажем, вооруженные банды фулани (или хауса) могут разорять мирные общины и своих соплеменников тоже, не испытывая ни малейшего смущения.

По мере того, как на северо-западе оскудение осадков, сокращение пастбищ и пашни, а также мощное демографическое давление экономически обесценивают сельскохозяйственный труд как таковой, вооруженный грабеж превращается для мужчин из глубинки чуть ли не в единственный способ прокормить себя и свои семьи. Подчиняясь «невидимой руке рынка», они массово выбирают этот путь, покидая свои делянки или пастбища, уходя в леса и становясь классическими разбойниками. Совокупная численность подобных банд, действующих на северо-востоке страны, точно неизвестна, но, согласно подсчетам, приводимым в книге, в регионе около 120 больших и малых бандитских лагерей, обитатели которых имеют в распоряжении 60 тысяч единиц автоматического оружия (по большей части это «любимец» Африки – знаменитый АК-47). Некоторые полагают, что численность бандитов только в штате Замфара – одной из семи административных единиц, составляющих нигерийский северо-запад, – достигает 30 тысяч человек. Количество жителей всего рассматриваемого региона, погибших от огнестрельного оружия в 2013–2021 годах, превысило 50 тысяч. Так спорадические конфликты низкой интенсивности, вспыхивавшие по поводу доступа к природным ресурсам, всего за пятнадцать лет превра-

5 См.: Гришина Н.В. *Некоторые аспекты животноводства в странах Африки* // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 1(66). С. 66–79.

тились в масштабный и общенациональный кризис безопасности, угрожающий самому существованию государственности.

Действительно, в настоящее время Федеративная Республика Нигерия столкнулась с «альтернативным государством», настойчиво утверждающим свою монополию на насилие в тех частях страны, где федеральные власти практически отсутствуют. В таких северных штатах, как Замфара, Кацина или Сокото, безраздельно господствующие в отдаленных сельских районах вооруженные бандиты, сформировав собственную администрацию, контролируют экономическую деятельность и взимают налоги. В некоторых частях штата Замфара, например, местные крестьяне с 2021 года вынуждены официально подписывать соглашения с бандами, «покупая» у них мирную жизнь. Выставляемые счета впечатляют: в регионе, где большая часть населения существует за чертой бедности, безопасность одной деревни может обходиться в 10 тысяч долларов США, причем срок оказания «услуги» не фиксируется и может произвольно изменяться «исполнителем». Отказы выплачивать транши, предусмотренные такими соглашениями, влекут за собой нападения десятков, а то и сотен вооруженных мотоциклистов на населенные пункты, сопровождаемые убийствами или похищениями людей.

Рассказывая обо всем этом в одной из глав второй части книги – «Изгнанные и забытые: как вооруженный бандитизм провоцирует гуманитарный кризис на северо-западе Нигерии» (р. 77–100), – Фолахани Айна и Джон Сандэй Ойо отмечают, что в силу подобного положения вещей Нигерия обзавелась огромным числом внутренне перемещенных лиц: согласно данным Международной организации по миграции, на весну 2023 года число таковых в севе-

ро-восточной зоне превышало 600 тысяч человек, причем 60 тысяч из них бежали в соседнюю Республику Нигер.

В интерпретации авторов сборника современная Нигерия предстает хрупким государством, неспособным выполнять свои базовые функции: прежде всего – обеспечивать безопасность граждан. Как отмечают Эл Чуквума Околи (Федеральный университет Лафии, Нигерия) и Элиас Чуквуэмека Нгву (Нигерийский университет в Нсукке, Нигерия) в главе «Царство террора в Нигерии, обличаемое и скрываемое: вооруженный бандитизм и государственная расслабленность» (р. 101–120), засилье бандитизма на северо-западе страны нужно рассматривать в более широком контексте, включающем также восстание исламистской группировки «Боко Харам»⁶ на северо-востоке, сепаратистское брожение на юго-востоке (на территории бывшей Би-афры) и партизанскую активность в дельте реки Нигер. Одним из вернейших показателей хрупкости государства выступает разнообразие террористических вызовов, с которыми оно сталкивается. При этом вооруженные банды северо-запада вносят значительный вклад в то, что Нигерия многие годы остается страной повышенных рисков в сфере безопасности: так, согласно данным Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index), «гигант Африки» в 2024 году занимал шестое место в ряду стран, максимально страдавших от террористических атак, уступая лишь Буркина-Фасо, Пакистану, Сирии, Мали и Нигеру⁷.

Государство же в свою очередь не в состоянии поправить ситуацию: с одной стороны, оно фактически потворствует бандитам, разрешая платить выкуп за похищенных и заключая с ними тактические сделки, а с другой стороны, у него просто недостаточно силовых ресурсов, поскольку,

⁶ Организация запрещена в Российской Федерации.

⁷ См.: INSTITUTE FOR ECONOMICS & PEACE. *Global Terrorism Index 2025: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney, 2025. P. 20 (<http://visionofhumanity.org/resources>).

как сообщается в той же главе, правоохранительные органы вопиюще недоукомплектованы. Некоторые цифры, приводимые в книге, сражают наповал: например, в северо-западном штате Кацина, где вооруженные банды скотоводов-фулани наиболее активны, в 2021 году на восемь миллионов жителей приходились всего три тысячи полицейских, что рождает закономерный вопрос: можно ли вообще ожидать эффективной работы от полиции, в которой один сотрудник отвечает за 260 тысяч (!) граждан? На уровне федерации в целом соотношение более благоприятно, но это не отменяет другого удивительного факта: оказывается, 20% личного состава нигерийской полиции перманентно задействованы в охране политиков, бизнесменов и прочих знаменитостей – в основном, естественно, на коммерческой основе.

Если верить авторам рецензируемого сборника, нигерийское государство на фоне всего этого кошмара демонстрирует состояние, близкое к безмятежности. Несмотря на то, что термин «экстремисты-фулани» как минимум с 2015 года превратился в официальное понятие, используемое, в частности, создателями только что упомянутого Глобального индекса терроризма, власти Федеративной Республики Нигерия нарочито не спешили увязывать преступления подобных группировок с террористической деятельностью: лишь в 2022 году, после десятилетия бесчинств и безобразий, буквально перевернувших северо-запад страны, бандиты из этого региона были официально приравнены к террористам.

Как указывает Чарльз Экпо (Университет Ибадана, Нигерия) в главе «Вооруженный бандитизм, нигерийское государство и политика правовой квалификации терроризма» (р. 121–146), нигерийское гражданское общество критикует правительство не только за недопустимую медлительность,

но и за лицемерный отказ использовать в отношении бандитов-фулани этнические маркеры. В официальном дискурсе их этническая принадлежность неизменно и старательно затушевывается (как любил повторять президент Мохаммаду Бухари, руководивший страной в 2015–2023 годах, «преступники есть преступники») – хотя в отношении, скажем, движения «Коренной народ Биафры» («Indigenous People of Biafra»), объявленного нигерийскими властями террористическим в 2017 году, подобной сдержанности совсем не наблюдалось: до самого его возвращения в правовое поле, произведенного судом в 2023-м, его однозначно ассоциировали с общностью игбо – и ни с кем другим.

Двойные стандарты официоза, как и полагается, рождают концепции заговора. Их сторонники подозревают, что за возмутительным промедлением федеральных властей, долгое время отказывавшихся называть вещи своими именами и официально объявить бандитов-фулани «террористами-фулани», скрывались резоны этнорелигиозного свойства:

«Поскольку разбойники [северо-запада], подобно [бывшему] президенту страны и верхушке нигерийских силовых структур, по большей части сами являются фулани и мусульманами, бандитское дело, похоже, вызывает у них как симпатию, так и эмпатию»⁸.

Оценивая это любопытное рассуждение, обратим внимание на три обстоятельства. Во-первых, написавший это нигерийский ученый, даже не поддерживая такой гипотезы лично – по его мнению, государство все-таки просто разленилось, – считает ее выдвижение вполне оправданным, а это весьма лестно характеризует свободу высказываний в современной Нигерии. Во-вторых, высокопоставленные нигерийские

8 Ср. оригинал: «the government is sympathetic and empathetic to the bandits' cause».

чиновники, прежде всего в штатах северо-запада, своими поступками и заявлениями нередко подкрепляя это «политически некорректное» предположение. Ничуть не стесняясь, эти люди или публично говорят, что северо-западный бандитизм есть своего рода бизнес, в котором нет ни грана политики, или настаивают на том, что виновность бывших скотоводов, взявших в руки автоматы и гранатометы, произрастает из нанесенных им социальных обид, а потому с бандитами надо не воевать, а договариваться – и, желательно, массово их амнистировать. Последнее, как подчеркивается в книге, торпедирует всю государственную стратегию борьбы с бандитизмом. Наконец, в-третьих, можно предположить, что от полноценного обличения экстремистов из числа фулани Абуджу удерживает еще и то, что две мусульманские общности нигерийского Севера, которые ныне ссорятся друг с другом, раньше интерпретировались как чуть ли не единый народ. Вот пример типовой дефиниции, воспроизводимой в одной из нигерийских онлайн-газет:

«Хауса и фулани являются двумя этническими группами, которые в прежние времена были разными, но теперь слились друг с другом до такой степени, что превратились в неделимое этническое целое»⁹.

Действительно, в нигерийской этнической статистике их, как правило, даже не отделяют друг от друга и суммируют. Кстати, именно этот конгломерат выступал основой обобщающего термина «нигерийский Север» – им принято обозначать ту часть местного социума, которая более полувека назад сокрушила самопровозглашенную Республику Биафра. Поскольку элиты северян находятся у власти по сей день, нынешняя распря в рядах единоплеменников ожидаемо оказалась для них крайне болезненной, и потому они, на-

сколько возможно, стараются не акцентировать ее.

Что же свергло Нигерию в несчастья, описанные выше, и что делать со всем этим? Казим Ойеделе Ламиди (Университет Обафеми Овалово, Иле-Ифе, Нигерия), открывающий третью, заключительную, часть книги главой «Нигерийское государство и война против вооруженного бандитизма» (р. 221–250), сводит причины в один простой список, выделяя в нем хрупкость государства и слабость его институтов, в особенности силовых структур; наличие обширных и не контролируемых властями агентствами малозаселенных пространств; проницаемость государственных границ и беспрепятственное просачивание через них оружия; несостоятельное политическое лидерство, чудовищную коррупцию, массовую безработицу и повальную бедность.

Готовность столь самокритично взглянуть на собственную страну заслуживает уважения – нигерийские авторы, кстати, со своей Нигерией совсем не церемонятся, и для российского читателя это скорее всего будет открытием. Но в глаза между тем сразу бросается другое: ведь подобная комплексная дескрипция приложима, вероятно, к большинству африканских государств! И что же означает сказанное? Похоже, Нигерию можно рассматривать в качестве модельного кейса, отражающего судьбу не одной, пусть и огромной, страны, но целого множества стран. Причем эта судьба, как представляется из дня сегодняшнего, отнюдь не такова, какой она виделась несколько десятилетий назад, когда африканские страны в массовом порядке получали независимость.

Но, если обновление по западным лекалам не задалось почти нигде, означает ли это, что путь в модерность для великого «черного континента» закрыт навсегда?

⁹ Цит. по: Omotolani. *Fulani and Hausa: What's the Difference?* // Pulse Nigeria. 2022. July 18 (www.pulse.ng/articles/lifestyle/food-and-travel/fulani-and-hausa-whats-the-difference-2024073111402608439).

Нет, не означает, ибо пресловутый «крот истории» продолжает рыть – просто в результате его работы появится, по-видимому, *другая* модернность, далеко не во всем похожая на оптимистичные образы, которыми мы по привычке продолжаем оперировать и сегодня¹⁰. Никто, впрочем, и не обещал, что новый мировой порядок, громко приветствуемый ныне многими, окажется чем-то таким, что нам понравится. Следовательно, хотим мы того или нет, но бандиты нигерийского северо-запада вполне могут выступить суровым провозвестием нарождающегося прямо сию минуту не очень

светлого завтра, ибо где-нибудь полвека назад, при *старом* порядке, их вообще не было в природе – как, собственно, и многих других малосимпатичных вещей, ворвавшихся в жизнь буквально у нас на глазах. Невольно задумаешься: уж лучше бы, ей-богу, старые добрые «нигерийские письма»... Вкупе, разумеется, с тем понятным миром, по просторам которого их рассылали африканские жулики.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, доцент кафедры
теоретической политологии факультета
политологии РГГУ

10 О том, что Африка будет входить в модернность по-особому, см., в частности: Бондаренко Д.М. *Постколониальные нации в историко-культурном контексте*. М.: Издательский дом ЯСК, 2022.

Summary

The 162nd *NZ* issue consists of two thematic sections and some standalone publications that can be grouped around a few key themes.

The first selection of materials, titled “THE POLITICS OF THERAPY AND THE THERAPY OF POLITICS”, broadly explores the problem of normality and of deviation from it (i.e. “illness”) as a political, social, and cultural issue. It opens with an article by Sergei Finogin, which provides a brief overview of the history and current state of therapy, primarily as a psychological counseling practice. Therapy has long been popular in the West and is now gaining (or has perhaps already gained) a foothold in Russia. The trend has progressed so far that Finogin describes it as a “therapeutic turn”. He notes:

“Academic and counseling psychology, along with various versions of pop psychology, have been present in Russia for decades, but the therapeutic way of thinking – the «therapeutic emotional style» – has only recently become dominant”.

Another contributor to this thematic block, Dmitry Frolov, focuses on the social, cultural, and even, in a sense, political role of therapy in the West compared to Russia. Frolov analyses the “distinctly Russian approach” to therapy, and how it is reshaping society, its language, and more.

The selection concludes with an article by Evgenia Panova – a brief comparative study of the political views of two early 20th-century German biologists,

Jakob Johann von Uexküll (who could also technically be called a “Russian biologist”) and Hans Adolf Eduard Driesch. Both were representatives of a biologised version of *Lebensphilosophie* (“philosophy of life”), yet they held opposing views despite their mutual acquaintance and even long-lasting friendship. Von Uexküll was a far-right thinker with Nazi sympathies, while Driesch was an “organic democrat”.

The political dimensions of biology, chemistry, and other natural sciences – alongside the humanities – constitute one of the key themes in the CULTURE OF POLITICS section, which follows the first block of materials. This section features an excerpt from the Russian translation of the book “*Saga des intellectuels français*” by the French philosopher and intellectual historian François Dosse, focusing on the role of public intellectuals in the country’s socio-political life.

The published chapter recounts the activities of French communists in the immediate aftermath of World War II, when, under directives from Stalin’s Soviet leadership, they established total control not only over their own ranks but also over scientists, writers, and artists affiliated with the party. Dosse depicts sinister (and at times darkly comical) episodes, such as French communist scientists promoting the theories of Trofim Lysenko, or Pablo Picasso – commissioned by the French Communist Party – painting a portrait of Stalin in the style of socialist realism. The excerpt is accompanied by a foreword by the book’s translator, Yana Yanpolskaya.

The full text of François Dosse's "Saga des intellectuels français" is being prepared for publication by the "Novoe Literaturnoe Obozrenie" publishing house.

The theme of "totalitarianism and culture" is also explored in the latest installment of the CULTURE OF MODERNITY REVISITED section. In his article, "Alien Resource: Totalitarianism – The Occupational Novel of the 1930s – Imitation", Igor Smirnov examines the relationship between Soviet socialist realist "occupational novels" and reality. The author argues that this relationship was complex, evolving from mere imitation to replication – and even to transformation of certain elements of Stalinist life. Smirnov concludes that the imitation of reality became so hollow that it ultimately endangered reality itself.

Meanwhile, in the POLITICS OF CULTURE section, Maria Rakhmaninova's piece, "Demiurgy of Close Worlds: An Apologia for the Poetic as Political", reflects on the interplay between the poetic and the political. She contends that a certain kind of poetic language serves as "the most essential of all genuine guarantees for a truly alternative political existence".

The second thematic block of issue 162 of NZ examines the trajectories of federalism in Africa through three historical case studies: Nigeria, which gained independence amid the dissolution of the British Empire; South Africa, assembled from territories under British control; and Ethiopia, the only African state never colonised (barring a brief Italian occupation). Their divergent paths to achieving (or maintaining) independence and their subsequent development resulted in distinct

applications of federalist ideas and practices in each country.

Andrei Zakharov provides a detailed analysis of how federalism – one among many governance approaches under British rule – was first used to establish apartheid, then repurposed to dismantle it ("«Bad Blood», or the Surprising Genealogy of Federalism in South Africa"). Researchers from Lagos' Nigerian Institute of International Affairs – Nicholas Idris Erameh, Joshua Olusegun Bolarinwa, and Godwin Ichimi – examine whether federalist approaches could resolve farmer–herder conflicts in North-Central Nigeria, that stem from these competing communities being forced into shared territories as a result of arbitrary administrative borders drawn by British colonial authorities departing the region. The block concludes with a study by Addis Ababa's Policy Studies Institute researchers Mulugeta Getu Sisay and Markos Debebe Belay on Ethiopia's unique federalism; it is unlike the other cases discussed above, as modern Ethiopia inherits the legacy of a once powerful African empire that never experienced colonial interruption.

Issue 162 of NZ also features its regular sections: Alexey Levinson's SOCIOLOGICAL LYRICISM ("Putin-Stalin"), Tatyana Vorozheykina's THE REVERSE OF THE METHOD ("José «Pepe» Mujica: «I Dedicated Myself to Changing the World and I Didn't Change a Damn Thing, but I Had Fun»"), as well as Alexander Pisarev's RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW. The issue concludes with reviews in the NEW BOOKS section, including Nikolai Nakhshunov's detailed critique of "The Routledge Handbook of Political Phenomenology".

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com** **eurozine**

**Оформить подписку
на журнал можно
в следующих агентствах:**

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

**Приобрести журнал
вы можете в следующих
магазинах:**

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнезниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический
пер., 1-6 (территория ЦСИ
Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51